УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5
С60

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-19-00186д, не подлежит продаже

Монография утверждена к печати Ученым советом Института российской истории РАН

Рецензенты: А. И. Аксенов, доктор исторических наук; А. С. Туманова, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор

Соловьев К.А.

С60 Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества / К. А. Соловьев. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 351 с.

ISBN 978-5-8243-2256-9

Монография посвящена функционированию политической системы Российской империи в 1881–1905 гг., прежде всего механизмам законотворчества. Исследование проведено на основе широкого круга источников, значительная часть которых не опубликована. В центре внимания автора – государственные учреждения, политические институты, законотворческие практики и круг людей, в котором вращались представители высшей бюрократии изучаемого периода. Особое внимание уделено неформализованным практикам подготовки и принятия решений (влиянию различных групп интересов, прессы, экспертных сообществ, корпоративным интересам бюрократии и др.). Все это позволяет выявить важнейшие характеристики политической повседневности изучаемого периода, во многом объясняющие ход политической истории России начала XX столетия. Монография рассчитана на историков, студентов гуманитарных специальностей, а также на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-8243-2256-9

© Соловьев К. А., 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4
Глава первая. Понятия 19
Самодержавие 20
Закон 45
Реформа 56
Глава вторая. Институты 69
Царь 69
Бюрократическая машина 100
Государственный совет 136
Труды и дни Государственной канцелярии 166
Комитет министров и прочие комитеты. Безвластное правительство 180
Министерства. Централизованная анархия 205
Комиссии. Искусство договариваться 232
Сенат. Хранитель законов 238
Глава третья. Практики 245
Законотворческий процесс 245
Законодательная экспертиза 271
Пресса и власть 280
Бюрократия и общественность. «Мы» и «они» 296
Заключение 331
Именной указатель 344

ВВЕДЕНИЕ

Март 1881 г. стал своеобразным рубежом российской истории. Это ощущали современники, это отмечают исследователи. Дипломат И.Я. Коростовец записал, «что теперь все, даже молодые, чувствуют, что со смертью государя [Александра II] они переступили какую-то грань, что теперь всякого ожидает что-то неведомое, новое...»[1] Многие в чиновничьей среде устали от предыдущего царствования, мечтали о ясности и определенности[2]. Их приводила в отчаяние «слякоть» прошлых лет. Дипломат Ф.Р. Остен-Сакен отметил в дневнике 2 марта 1881 г.: «Первый день нового царствования... Какие желания? Только одно: правды. Минувшее царствование представляется отвратительным сном. Его можно отметить только двумя словами: ложь и беспорядок»[3]. 29 апреля 1881 г. князь В.М. Голицын записал в дневнике: «Обнародован Манифест, где главная тема есть сохранение самодержавной власти. Это разрушает все конституционные грезы, так сильно смущавшие наши умы в это последнее время, внеся призраки Земских соборов...»[4] Как бы современники ни

---

[1] *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 63.

[2] В конце 1870-х гг. К.Ф. Головин спрашивал А.Д. Градовского, почему при Николае I не было попыток к насильственному перевороту, а при Александре II крамола все разрасталась. Градовский на это отвечал: «При Николае Павловиче был поставлен высокий барьер, и все знали, что он не опустится, и перескочить через него нельзя. Ну, и сидели смирно. А теперь барьер то опускается, то поднимается опять, и никто хорошенько не знает, что дозволено, что нет: оттого-то и пробуют через барьер перескакивать...» (*Головин К.Ф.* Мои воспоминания: В 2 т. СПб., 1908. Т. 1. С. 375).

[3] *Остен-Сакен Ф.Р.* Дневник // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1073. Л. 7. К.Ф. Головин подчеркивает в своих воспоминаниях, как удивительно поправело русское общество в начале 1880-х гг.: «Странно было слышать, как чурались всякой мысли о представительстве люди, прежде громко мечтавшие о близкой конституции» (*Головин К.Ф.* Мои воспоминания: В 2 т. М., 1910. Т. 2. С. 52).

[4] Однако, по мнению Голицына, не все было сказано в Манифесте: «Следовало сказать что-нибудь о дворянстве, на которое теперь сыплются отовсюду обвинения, следовало опровергнуть слухи о передаче земли [крестьянам]» (*Голицын В.М.* Дневник за 1881 г. // ОР РГБ. Ф. 75. К. 11. Д. 5). И все же Голицын не ставил под сомнение значение данного акта, к которому на тот момент относился сугубо положительно: «Разрешен спор об отставке Лориса, Милютина и Абазы вследствие Манифеста, круто повернувшего нас на путь самодержавия. Теперь положен предел всем толкам о представитель-

относились к предыдущему правлению, его неожиданное и драматичное окончание стало для них прыжком в неизвестность. Едва ли кто-нибудь с уверенностью мог сказать, что ожидало Россию за этим поворотом. Оставалось лишь предполагать, прогнозировать и предупреждать власти предержащие о новых перспективах и нараставших угрозах. 18 марта 1881 г. Б.Н. Чичерин писал К.П. Победоносцеву, что перед Россией открывались три пути: диктатура, если найдется фигура, равная М.Н. Муравьеву, которая при необходимости будет опираться на «темные силы»; законодательное (или, может быть, законосовещательное) представительство со всеми вытекавшими отсюда сложностями и одновременно возможностями или же обычная петербургская «размазня». Это означало бы «продолжать... нынешний порядок, при который каждый министр тянет на свою сторону и все сходятся только в одном – чтобы взапуски друг перед другом либеральничать и кувыркаться перед петербургской швалью... Это несомненно тот путь, который прямо ведет нас к погибели»[1].

стве и об уступках обществу (как будто у нас есть общество в политическом смысле)» (Там же. Л. 5 об. – 6). Поразительно, как эволюционировали политические взгляды князя В.М Голицына к началу XX столетия (См.: *Хайлова Н.Б.* Дневник князя В.М. Голицына: новые страницы истории общественной мысли России // В ритме времени: Фронтовик. Учитель. Историк. Памяти доктора исторических наук Б.С. Итенберга: Сб. статей и материалов. М., 2018. С. 114–176).

[1] К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары: В 2 т. Минск, 2003. Т. 1. С. 118–119. Летом 1881 г. граф А.А. Бобринский предвещал скорую катастрофу, обусловленную не столько социальными проблемами, сколько нераспорядительностью правительства, отсутствием ясного вектора развития страны. 28 июля 1881 г. он писал графу П.П. Шувалову: «Я не хочу спорить о том: нужно ли в России представительство или нет, но во всяком случае не нужно безначалия, а мы погружены по шею в самую полную анархию, не французскую или немецкую анархию, но настоящее славянское безначалие, анархия в особенности правителей, анархия крестьянской толпы среди гнилого болота общинного пользования, анархия, прославляемая газетами во всевозможных видах и выражениях. Если для прекращения этого безначалия нужно народное представительство – то я за представительство. Если можно положить конец анархии без представительства – то я против представительства. Но тогда нужна ясная воля и несколько государственных людей, которые бы сообща приводили ее в исполнение. Потому что в провинции, иначе говоря в России, нет ни одного служащего, от станового и мирового судьи до генерал-губернатора, который бы ясно знал, что высшее правительство желает или не желает» (Письмо А.А. Бобринского П.П. Шувалову 28.07.1881 // РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3356. Л. 1 об. – 2). В 1885 г. императору представлялись санкт-петербургский предводитель дворянства граф А.А. Бобринский и саратовский предводитель П.А. Кривский. Последний сказал государю, что после издания Манифеста 29 апреля 1881 г. в стране наступило относительное успокоение, т. к. упрочилось убеждение: самодержавный строй не будет поколеблен. Предводители возвращались вместе в карете. Воспользовавшись случаем, Бобринский обратился к старшему коллеге: «Скажите, неужели то, что вы сказали государю, есть ваше убеждение?» «Ваш вопрос, граф, меня изумляет, – отвечал саратовский предводитель, – если

1881 год так и не стал тем решительным поворотом, который ожидался в обществе. Однако он принес действительно новое: прежде всего это был отказ от животрепещущей политической повестки. Большие проекты государственного строительства отставлялись в сторону[1]. В то же самое время колесо правительственного аппарата совершало рутинные обороты в уверенности, что так будет всегда. В 1992 г. Ф. Фукуяма провозгласил «конец истории»[2]. Схожим образом ситуация виделась и многим российским бюрократам конца XIX столетия. В непрерывном течении бюрократического законотворчества усматривалось естественное состояние государственной жизни пореформенной России. Но человечество пока не знает

бы это не было мое убеждение, разве я бы сказал государю... Я не торгую своими убеждениями» (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894 / публ., предисл. и коммент. Н.В. Черниковой. М., 2018. С. 158–159). Этот эпизод позволяет охарактеризовать политические симпатии Бобринского, будущего лидера правых в Думе и Государственном совете.

[1] Журналист И.И. Колышко приписывал поворот в политической жизни России трио К.П. Победоносцева, Д.А. Толстого и И.Д. Делянова. «1-е марта 1881 г. застало их почти дряхлыми. Тем не менее, у них хватил сил и энергии, чтобы свалить Лорис-Меликова, опиравшегося на великого князя Константина Николаевича, а снизу – на либеральное русское общество и чиновничество. Этот триумвират с ношей не менее 200 лет на плечах повторил подвиг спартанцев на историческом мосту, преградил путь вливавшейся струе либерализма» (*Колышко И.И.* Великий распад. Воспоминания / сост., вступ. ст., подг. текста и коммент. И.В. Лукоянова. СПб., 2009. С. 58). Стоит ли говорить, что Колышко ошибается? В 1881 г. ни Толстой, ни Делянов не обладали большим административным весом. Важнее другое: подчеркиваемое публицистом стремление к политическим реформам, к которым относились благосклонно в самых «высших сферах» и с большой симпатией в обществе и бюрократических кругах. Это большой силы течение, которое должно было привести к новой организации власти, временно (а кому-то могло показаться, что и навсегда) было приостановлено.

[2] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. М., 2010. С. 80–97. Тема «конец истории» неоднократно обыгрывалась в карикатурах директора императорских театров И.А. Всеволжского. Так, он изобразил десять министров царствования Александра III в виде корневильских колоколов, тем самым отсылая публику к популярной оперетте Робера Планкеттта «Les cloches de Corneville» («Корневильские колокола»). В ней, в частности, рассказывалось о Корневильском замке, чьи колокола прежде звучали на всю округу. Ныне они замолкли, а сам замок погрузился в колдовской сон. Видимо, ему Всеволжский уподоблял саму Россию (*Ипполитов А.В.* Тузы, дамы, валеты: Двор и театр в карикатурах Всеволжского из собрания В.П. Погожева. М., 2016. С. 40–41). К этой же теме Всеволжский вернулся в карикатуре «Ночной столик Спящей Красавицы». Директор императорских театров изобразил министра внутренних дел Д.А. Толстого в виде бутылки с морфием, министра народного просвещения И.Д. Делянова – колпачка для гашения свечи, издателя «Московских ведомостей» М.Н. Каткова – колокольчика для вызова прислуги. Все они располагались на книге Ш.Л. Монтескье «О духе законов». Закладкой в ней «служил» обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев. Очевидно, под «спящей красавицей» подразумевался сам царь (Там же. С. 42–43).

perpetum mobile. Как писал в июле 1881 г. П.А. Валуев, «государственный механизм держится и полудействует силой инерции и импульсом старой заводки административных часов»[1]. В какой-то момент этого завода должно было не хватить.

Стоит ли говорить, что подлинный переворот произошел 20 лет спустя. В сущности, тогда, в 1904–1905 гг., была реанимирована повестка 1881 г. Чиновники и земцы прибегали к тем же самым славянофильским риторическим оборотам, за которыми с очевидностью просматривались контуры нового государственного устройства.

У изучаемой политической эпохи – вполне определенные начало и конец: 1881 и 1905 гг. Немногое меняется в связи с кончиной Александра III в 1894 г. Видимо, это единственный случай в истории русского XIX века, когда смена государя не стала поворотной вехой для страны. Плавное вхождение в новое царствование явно диссонировало с общественными ожиданиями. Отсюда и земские адреса с намеками на политическую реформу, отсюда и слова императора о «бессмысленных мечтаниях» января 1895 г. Отсюда и ожидаемый конец, который многие предвидели задолго до 1905 г. В 1896 г. в Главное управление по делам печати пришла брошюра чиновника особых поручений И.Ф. Романова (более известного как публициста Рцы) «Дело императора Александра III как логическое развитие идеи 1613 года». Главноуправляющий Е.М. Феоктистов был поражен. Он не сомневался, что автор душевнобольной и мог написать такое только в горячке. Он даже выписал строки из этой книги (которую, естественно, запретил публиковать) себе в дневник[2]: «Будучи ничем в действительности, этот призрак, этот фантом целое столетие сбивает с толку русскую мысль, беспощадно гнетет русскую жизнь. Этот бес, это проклятие на делах наших называется – рутиною. Ее область – все то, что объемлется понятием “казны”. Ее храм – петербургская канцелярия. Ее символ или знамя – табель о рангах. Ее жрец – мертвый чиновник. Ее психология – упразднение личной совести. Ее орудие – лесть и обман. Ее прошлое – “1-е Марта”. Ее будущее – опять “1-е Марта”, всегда “1-е Марта”, ибо не может быть, чтобы через десять или сто лет роковое стечение обстоятельств не повторило во всех подробностях психологии 1-го Марта...»[3].

---

[1] *Валуев П.А.* Дневник, 1877–1884. Пг., 1919. С. 170.

[2] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9122. Л. 71 об. – 72.

[3] *Рцы (Романов И.Ф.)* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: Нагота рая: Историко-философское эссе. Парадоксы и афоризмы. Религиозная публицистика. Политические и экономические статьи. Путевые очерки / изд. подг. А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров. СПб., 2016. С. 282. По мысли публициста, абсолютизм непременно ведет к революциям: «“L’état c’est moi”, – говорил Людовик XIV, а в отдалении уже слышались раскаты “Марсе-

Конечно, любой хронологический период – условность. Его границы всегда будут «размытыми» – с обеих сторон. Преобразования 1880-х гг. логически вытекают из мероприятий предыдущего десятилетия. Иными словами, «контрреформы» 1880-х гг. во многом были естественным продолжением эпохи Великих реформ, в особенности последней декады царствования Александра II[1]. В то же самое время многие инициативы столыпинского кабинета начали разрабатываться еще на рубеже XIX–XX вв., задолго до созыва Государственной думы. Некоторые из них задумывались в Министерстве внутренних дел, которым руководил несомненный «реакционер» В.К. Плеве.

И все же относительная цельность изучаемого периода позволяет рассмотреть его в статике, выделить характерные черты законотворческого процесса за последнюю четверть века, предшествовавшую Первой русской революции, а следовательно, отметить важнейшие черты политического режима этого времени. В данном случае в центре внимания – большие циклы политического развития: особенности политической системы, политического поведения, политической культуры и т. д.

Эти сюжеты могут быть исследованы лишь в рамках подходов новой политической истории, когда изучается не политика, а «политическое», т. е. не акты государственной власти, а ее структурные особенности. О необходимости новых приемов изучения политической истории говорится давно – начиная с 1970-х гг. Одним из первых, кто поставил об этом вопрос, был французский историк, один из видных представителей третьего поколения школы «Анналов» Ж. Ле Гофф[2]. Его как медиевиста интересовали образы, символика власти, механизмы ее репрезентации[3]. В итоге эти темы получили «прописку» в историографии. В действительности же тем, которые могли заинтересовать специалистов в области новой политической истории, существенно больше: это политическая мифология, антропология,

---

льезы". "Мой даже климат", – говорил император Николай I, не догадываясь, что на обороте этого, так чуждого русской действительности, абсолютизма было начертано кровавое "1-е Марта", а еще ранее "Севастополь"». Подобно прочим мыслителям славянофильского толка, И.Ф. Романов видел спасение в возрождении подлинного самодержавия (Там же. С. 250).

[1] К.А. Скальковский остроумно назвал царствование Александра III эпохой «реформ реформ» (*Скальковский К.А.* Сатирические очерки и воспоминания. СПб., 1902. С. 253).

[2] *Трубникова Н.В.* Французская историческая школа «Анналов». М., 2017. С. 259.

[3] *Ле Гофф Ж.* Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // Thesis. 1994. Вып. 10. С. 177–190.

«сценарии» власти[1], политическая культура[2], социальная история политического[3], его интеллектуальная история[4] и тот подход, который представляется особенно актуальным в данном конкретном случае – *политическая повседневность*[5].

Политическая история продолжает оставаться привлекательной для значительной части исторического сообщества. Порой это создает у авторов ложное ощущение благополучия, которое, помимо всего прочего, находит подтверждение в факте наличия устойчивых традиций историописания политических сюжетов. Они сложились еще в XIX столетии и несущественно менялись с этого времени. В то время как социальная история стала новой, экономическая история стала новой, политическая история новой так и не стала.

Интерес к политической истории в значительной мере обусловлен структурой источниковой базы, которая в огромной степени сложилась усилиями органов власти и так или иначе освещает их функционирование. Вольно или невольно авторы следуют за своими источниками, воспроизводя их акценты, умозаключения, терминологию. Такого рода зависимость чаще всего почитается за добродетель. По умолчанию подразумевается, что текст о власти тождественен самой власти[6]. Вместе с тем канон организации делопроизводственного материала зачастую был весьма далек от подлинного хода обсуждения и принятия законопроектов. Иными словами, реальные практики законотворчества и администрирования в полной мере не описывались делопроизводственными материалами.

Еще в большей степени это относится к любой хронике политической жизни. В новое и новейшее время с ее задачами справляется пресса. Она обращает внимание читателя на то, что ей представляется

---

[1] *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. / пер. с англ. И.А. Пильщикова. М., 2004. Т. 2.

[2] *Кром М.М.* Новая политическая история: темы, подходы, проблемы // Новая политическая история: Сб. научных работ. СПб., 2004. С. 11–14.

[3] *Трубникова Н.В.* Указ. соч. С. 263–264.

[4] См.: *Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка / пер. с фр. А. Зайцевой; науч. ред., ред. перевода, предисл. В. Каплуна. М., 2007.

[5] См.: The new political history // Kritika. Vol. 5. № 1 (Winter, 2004); *Соловьев К.А.* Что такое политическая повседневность // Историк и его время: Сб. статей К 70-летию профессора В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2011. С. 192–203.

[6] См.: *Блоин Ф., Розенберг У.* Споры вокруг архивов, споры вокруг источников / пер. с англ. Е. Канищевой // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? М., 2013. С. 135–136, 139–140. В том числе и в связи с этим следует понимать слова П. Бурдье об опасности, «которой мы подвергаемся всякий раз, когда думаем посредством государства, считая, что мы сами так думаем» (Цит. по: *Волков В.В.* Государство, или Цена порядка. СПб., 2018. С. 12).

важным, существенным, чаще всего игнорируя законотворческую рутину, повседневность политического процесса. В этом случае происходит «мобилизация» сведений об исключительных обстоятельствах из жизни правительства, которая создает безусловно искаженное представление о норме. Политический процесс сводится к борьбе за власть, непримиримому противостоянию действующего правительства и оппозиции.

Искаженная картина политической жизни «выпрямляется» благодаря подходам «политической повседневности». В данном случае в центре внимания оказываются алгоритмы политического поведения. Их изучение подразумевает принятие ряда методологических посылок.

1. Политическая повседневность разворачивается в пространстве, а не во времени. Речь идет об устойчивых структурах, которые меняются чрезвычайно медленно. Они редко испытывают дисбалансировку и сравнительно быстро восстанавливаются. Их анализ подразумевает анализ статических состояний (организационной структуры), а не динамики.

2. Памятен афоризм М. Блока о «людоедстве» историка, гоняющегося за «человечиной». Представляется, что проблемный анализ политической истории требует от исследователя своего рода «диеты»[1]. Акцент надо делать на институтах, а не персоналиях. Именно институты формируют правила игры, создают жесткие рамки для индивидуальной деятельности.

3. Пользуясь терминологией М. Фуко, в Европе эпохи модерна ключевая власть – не репрессивная, а дисциплинарная[2]. Органы государственного управления – лишь «верхушка айсберга». Носителем подлинной власти оказываются обыватели, которые знают, что есть норма, и так или иначе приводят все вокруг в соответствие с ней. Такая власть безлична и сама себя властью чаще всего не считает[3]. Иными словами, власть – это не решение, а процедура; не воля, а практика.

---

[1] В действительности классики школы «Анналов» как раз критиковали традиционную политическую историю за «событийность и анекдотизм», «субъективизм и индивидуализм» (*Трубникова Н.В.* Указ. соч. С. 259–260). «Это “историзирующая” история, которая не дорого стоит, поверхностная, выпускающая добычу, чтобы поймать ее тень. Вместо этого на первый план следует выдвинуть историю глубинных исторических процессов, экономическую, социальную и ментальную историю» (*Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 180).

[2] См.: *Орлова Г.А.* Изобретая документ: бумажная траектория российской канцелярии // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? М., 2013. С. 45–46.

[3] *Фуко М.* «Нужно защищать общество». Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 гг. / пер. с фр. Е.А. Самарской. СПб., 2005. С. 38, 48–59;

4. Из политической истории следует изъять «большие дни», примечательные для хронистов и журналистов, заменив их серыми буднями. Политическая повседневность бессобытийна и даже может показаться неисторичной. При этом следует иметь в виду, что столь впечатляющая «политическая публичность» сродни театральности[1]. Она знает строгие законы, хорошо известные зрителю, которому не стоит даже задумываться о том, что происходит за кулисами. Он пользуется понятиями, санкционированными государством, мыслит категориями, вольно или невольно формирующимися государственной властью. По словам П. Бурдье, «следствием государства является то, что оно заставляет думать, будто нет никакой проблемы государства»[2]. Важным элементом политической театрализации становится вера в безусловную значимость свершаемого представления[3]. Подходы политической повседневности подразумевают ее преодоление.

Он же. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб., 2007. С. 59–77. «Нужно видеть, что право, как я думаю, не столько устанавливает законность, сколько приводит в действие различные процедуры подчинения. Таким образом, для меня вопрос заключался в том, чтобы обойти, избежать центральной для права проблемы верховной власти и повиновения ей индивидов и вместо нее выдвинуть проблему господства и подчинения. В этой связи требовались некоторые методологические предосторожности, чтобы обойти проторенный путь юридического анализа, свернуть с него. Первое из упомянутых методологических правил состояло в том, чтобы не ограничиваться анализом упорядоченных и законных форм центральной власти, ее общих механизмов и совокупных последствий» (Там же. С. 46). Еще более отчетливо эта мысль прозвучала в беседе с Ж. Делезом: «Повсюду, где есть власть, она осуществляется. И собственно говоря, никто не является ее обладателем, но тем не менее она осуществляется всегда в определенном направлении, когда одни находятся по одну сторону, а другие – по другую, и мы не знаем, у кого она есть, но мы знаем, у кого ее нет» (*Он же*. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: В 3 ч. / пер. с фр. С.Ч. Офертаса, под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М., 2002. Ч. 1. С. 76). Наконец, «власть... это нечто гораздо более сложное, гораздо более плотное и рассеянное, чем какая-либо совокупность законов или какой-то государственный аппарат» (Там же. С. 238). См. также: *Хабермас Ю*. Философский дискурс о модерне: Двенадцать лекций / пер. с нем. М.М. Беляева, К.В. Костина, Е.Л. Петренко, И.В. Розанова, Г.М. Северской; науч. ред. и автор послесл. Е.Л. Петренко. М., 2008. С. 283–284; *Эрибон Д*. Мишель Фуко / пер. с фр. Е.Э. Бабаевой; предисл. и науч. ред. С.Л. Фокина. М., 2008. С. 258–259; *Дьяков А.В*. Мишель Фуко и его время. СПб., 2010. С. 487–490.

[1] *Бурдье П*. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнаревой; предисл. А. Бикбова. М., 2016. С. 129.

[2] Там же. С. 143.

[3] Там же. С. 155.

5. Политическая повседневность существует вне ценностных ориентиров. Она не идеологична, а технологична, а значит, и аполитична.

Лишь отказавшись от привычных алгоритмов описания политических процессов, можно выйти на проблему функционирования политической системы. Очевидно, она имела место и в прошлом: скажем, в Римской империи или в средневековой Европе[1]. Историки даже не сомневаются в этом, активно используя термин, не поясняя его значение. Иными словами, он вполне укоренился в исторической науке, не став при этом в полном смысле этого слова научным понятием.

Впрочем, и в политической науке единодушия в связи с этим не наблюдается. Под политической системой может подразумеваться совокупность взаимодействий, посредством которых ценности авторитетным образом привносятся в общество (Д. Истон)[2], или же разнообразные формы политического поведения государственных и негосударственных структур (Г. Алмонд)[3]. Эти определения «заточены» под изучение современности. Историк вынужден адоптировать их под свои нужды, конечно же, использовав наработки общественных наук. Прежде всего они подразумевают особую исследовательскую оптику: автор ставит своей целью не воссоздание привычного калейдоскопа событий, а внимательное изучение институтов, элит и политической культуры. Исследователь стоит перед необходимостью выявить «правила игры», характерные для того или иного общества. Их не нужно декларировать в законодательстве; более того, они даже могут противоречить ему и в то же самое время значить существенно больше любой официально установленной правовой нормы. В особенности это свойственно авторитарным режимам, когда не всегда удается проследить процедуру принятия решений государственной важности.

Институты – это и есть правила игры. Это базовое утверждение сторонников неоинституционального подхода – в первую очередь Д. Норта[4]. В центре его изучения – формальные и даже в боль-

---

[1] *Сергеев И.* Римская империя в III н. э. Харьков, 1999. С. 146.

[2] Категории политической науки / А.Ю. Мельвиль, Т.А. Алексеева, К.П. Боришполец и др. М., 2002. С. 131.

[3] Там же. С. 135.

[4] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М., 1997. С. 17–18; *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М., 2011. С. 59.

шей степени неформальные практики, которые упорядочивают общество, способствуют его складыванию[1].

Провозглашая «новую политическую историю», Ж. Ле Гофф вовсе не открыл направление исследований. Он лишь констатировал нарождавшийся поворот в изучении политического прошлого, который был очевиден и в области истории России XIX – начала XX в. Прежде всего это относилось к работам, посвященным чиновничеству империи, т. е. корпорации управленцев с характерной для нее системой ценностей, алгоритмами поведения. Причем в данном случае бюрократия представлялась не послушным инструментом классового господства, а самодостаточным объектом исследования. Так, именно она с ее особыми мировоззрением, социальным опытом, укладом жизни стала главным героем работ П.А. Зайончковского. В центре его исследований – законодательный процесс в самодержавной России, который рассматривался «изнутри» политической системы: это составление проектов преобразований, их конкуренция, обсуждение, принятие (или отклонение) верховной властью[2]. Российская бюрократия стала объектом фундаментальных исследований Л.Ф. Писарьковой[3], Л.Е. Шепелева[4]. Бюрократическая империя XIX в. – один из излюбленных сюжетов зарубежной русистики. М. Раев попытался охарактеризовать бюрократический уклад Российской империи[5], Г. Торке – его эволюцию[6], Р. Уортман исследовал правовой этос российского чиновничества[7], Д. Ливен – бюрократическую элиту страны[8], А. Рибер – чиновничьи «партии»[9], В. Мосс – социокультурную

---

[1] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. С. 19.

[2] *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970; *Он же.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

[3] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. М., 2007.

[4] *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России XVIII – начала XX в. СПб., 1999; *Он же.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007.

[5] *Raeff M.* The bureaucratic phenomena of imperial Russia, 1700–1905 // American historic review. 1979. Vol. 84. № 2. P. 399–411.

[6] *Torke H.-J.* Continuity and change in the relations between bureaucracy and society in Russia, 1613–1861 // Canadian Slavic studies. 1971. Vol. 5. № 4. P. 457–476.

[7] *Уортман Р.С.* Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России / пер. с англ. М.Д. Долбилова при участии Ф.Л. Севастьянова. М., 2004. С. 343–391.

[8] *Lieven D.* Bureaucratic Authoritarism in Late Imperial Russia: The Personality, career and opinions of P.N. Durnovo // The Historical Journal. 1983. Vol. 26. № 2. P. 394–395, 396–397, 399; *Idem.* Russia's rulers under the old regime. New Haven. L., 1990. P. 207–255.

[9] *Рибер А.Дж.* Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России, 1856–1874. М., 1992. С. 44–72.

природу высшей бюрократии[1], Т. Фоллоуз – взаимоотношения земства и бюрократии[2]. Аналогичная проблема поднималась в монографии Х. Вилан, посвященной Государственному совету в царствование Александра III. Автор характеризует политический режим в России конца XIX в. как «бюрократический абсолютизм»[3]. Социальный портрет чиновничества МВД начала XX в. был предложен Д.К. Роуни[4]. Бюрократия – главный актор на политической сцене Российской империи, однако не единственный. Она была неразрывными нитями связана со своим постоянным оппонентом из «общества». Она была активно вовлечена в коммерческие предприятия своего времени. А главное: она подчинялась правилам игры, которые устанавливали жесткие рамки ее деятельности – правовые, институциональные, поведенческие.

Отчасти эта проблема исследуется в рамках школы истории государственных учреждений. Она восходит к трудам авторов XIX столетия, преимущественно представлявших традиции правовой мысли этого времени[5]. В советской исторической науке многое в этом направлении сделал Н.П. Ерошкин, который изучал систему взаимосвязей внутри государственного аппарата Российской империи, процедуры законотворчества[6]. Впоследствии были исследованы отдельные механизмы принятия решений (например, институт всеподданнейшего доклада)[7]. Близкие сюжеты представляют немалый

---

[1] *Mosse W.E.* Russian Bureaucracy at the End of the Ancien Regime: The Imperial State Council, 1897–1915 // Slavic Review. December 1980. Vol. 39. № 4. P. 617–618.

[2] *Fallows T.* The zemstvo and the bureaucracy // The zemstvo in Russia. Cambridge, 1982. P. 177–242.

[3] *Whelan H.W.* Alexander III and the State Council. Bureaucracy and counter-Reform in Late Imperial Russia. New Brunswick, 1982. P. 198.

[4] *Rowney D.K.* Organizational change and social adaptation: The pre-revolutionary Ministry of internal affairs // Russian officialdom. The bureaucratization of Russian society from the Seventeenth to the Twentieth century. Chapel Hill, 1980. P. 283–315.

[5] *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. СПб., 1875; *Алексеев А.С.* Русское государственное право. М., 1892; *Он же.* Русское государственное право. Пособие к лекциям. М., 1905; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право: В 2 т. СПб., 1909; Обзор деятельности Государственного совета в царствование Александра III, 1881–1894. СПб., 1895; Государственный совет, 1801–1901. СПб., 1901; *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1–3; Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 4; *Щеглов В.Г.* Государственный совет в первый век его образования и деятельности (30 марта 1801–1901). Ярославль, 1903; История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг.: В 5 т. СПб., 1911.

[6] *Ерошкин Н.П.* Российское самодержавие. М., 2006. С. 64–282; *Он же.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 2008.

[7] *Раскин Д.И.* Исторические реалии российской государственности XVIII – начала XX века. Российская империя как «регулярное государство». Lewiston; Queenston;

интерес и для зарубежной историографии. Так, Дж. Йени изучал систематизацию управления в империи в XVIII–XX вв., целью которой было формирование некоего подобия правового государства с очевидной русской спецификой (в чем как раз крылись серьезные внутренние противоречия)[1]. К вопросу об особенностях политико-правовой системы России в эпоху Великих реформ непосредственно подошел Д. Орловский. Он пришел к выводу, что управленческий кризис лишь нарастал со второй половины XIX в. Министерства (в частности, МВД) и их руководители были перегружены работой и, в сущности, не справлялись с ней. У них не было людских, организационных и информационных ресурсов, чтобы эффективно решать вопросы оперативного управления страной. О стратегическом планировании не получалось даже задуматься[2].

В высшей степени интересным представляется исследование А.В. Ремнева, посвященное Комитету министров. Автор рассматривает данное учреждение как важный элемент политической системы Российской империи, в которой все органы власти напоминали сообщающиеся сосуды, бывшие в тесной зависимости друг от друга. Таким образом, исследование Комитета министров становится поводом для обстоятельного разговора об организации управления в бюрократической империи и шире: о политической системе России. Автор вполне солидаризируется с той точкой зрения, что самодержавие – правовая иллюзия, не реализовавшаяся на практике в XIX столетии[3]. А.В. Ремнев бесспорно прав: Комитет министров нельзя изучить в отрыве от прочих учреждений страны. Различные высшие правительственные органы власти составляли одни и те же лица, которые, меняя зал заседания, отстаивали те же принципы и

Lampeter, 2000. С. 46–133; *Долбилов М.Д.* Рождение императорских решений: монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. 2006. № 9 (127). С. 5–48; *Он же.* «Угадывать волю Вашу»: роль советника в принятии императорских решений в России XIX века // Петр Андреевич Зайончковский. Сб. статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 403–428; *Собко Е.М.* Государственный совет в эпоху Александра III. М., 2007; *Шилов Д.Н.* Министр и министерство: Практика и стили работы руководителей ведомства // Английская набережная, 4. СПб., 2004. С. 311–332.

[1] *Yaney G.L.* The systematization of Russian government: Social evolution in the domestic administration of imperial Russia, 1711–1905. Urbana, 1973.

[2] *Orlovsky D.T.* The limits of Reform. The ministry of internal affairs in Imperial Russia, 1802–1881. Massachusetts. L., 1981. P. 197–205.

[3] *Ремнев А.В.* Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2010. С. 6.

интересы[1]. Распределение полномочий среди центральных учреждений ни в коей мере не напоминало разделение властей. Речь должна идти о размежевании процедур, особых правилах игры на каждой из «площадок», предоставленных высшей бюрократии. Они весьма интересны, будучи взятыми в совокупности, проанализированными как нечто целое. Именно так на них смотрел любой чиновник изучаемой эпохи. Он пользовался всеми имевшимися в его распоряжении процедурами, надеясь на скорейшее достижение искомого результата. Этот подход уместен при изучении отнюдь не только российской политической жизни XIX – начала XX в. Не случайно П. Бурдье подчеркивал: «Историку, который говорит: “Я занимаюсь историей Государственного совета (т. е. Conseil d’État во Франции. – *К. С.*)”, стоило бы сказать: “Я занимаюсь историей бюрократического поля...”»[2] Иными словами, современное исследование государственных институтов преимущественно подразумевает изучение бытовавших практик принятия решений.

Этот взгляд на проблему подразумевает и особые принципы отбора источниковой базы. Конечно, исследование законотворчества подразумевает обращение к нормативным актам и делопроизводственным материалам. Это материалы камер-фурьерских журналов (РГИА. Ф. 516), канцелярии министра внутренних дел (РГИА. Ф. 1282), Государственной канцелярии (РГИА. Ф. 1162), Совета министров (РГИА. Ф. 1275), журналы заседаний Особых совещаний Совета министров (РГИА. Ф. 1544), перлюстрированные письма, журналы заседаний Кахановской комиссии, отложившиеся в том числе в фонде В.К. Плеве (ГА РФ. Ф. 586), записки государственных и общественных деятелей. Значительная по своему объему коллекция журналов Государственного совета отложилась в фонде Н.И. Стояновского (ОР РГБ. Ф. 290).

Чрезвычайно информативны записки А.А. Половцова Александру III (ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 1–9). Государственный секретарь должен был регулярно подавать царю экстракты материалов заседаний Государственного совета. Половцов, будучи очень амбициозным человеком, выходил за рамки должностных обязанностей. В сущности, помимо своего личного дневника (также представляющего немалый интерес для историка)[3], он вел своего рода дневник

---

[1] *Ремнев А.В.* Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 489.

[2] *Бурдье П.* О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). С. 212.

[3] См.: *Голечкова О.Ю.* Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX – начале XX в. М., 2015. С. 25–30.

государственной жизни Российской империи. О нем по идее должен был знать лишь один читатель – Александр III. Половцов сообщал императору о ходе заседаний Государственного совета, принятых там решениях, настроениях, высказываниях членов высшего законосовещательного учреждения империи. Едва ли стоит доказывать, что речь идет о важнейшем источнике по политической истории России. Представленных Половцовым сведений нет в официальном делопроизводстве. Далеко не все можно найти в дневниках государственного секретаря. Иными словами, в этих донесениях собрана уникальная информация. Не случайно сам А.А. Половцов придавал большое значение этим материалам – результату его многолетнего труда[1]. Можно только сожалеть, что преемники Половцова в должности государственного секретаря не продолжили его дела. Их донесения императору носят сугубо формальный характер и мало что добавляют к журналам Государственного совета.

Однако там, где «молчит» официальное делопроизводство, многое могут сказать источники личного происхождения: дневники А.А. Бобринского, А.В. Богданович, А.А. Будберга, П.А. Валуева, А.А. Киреева, великого князя Константина Константиновича, А.Н. Куропаткина, А.Н. Львова, Д.А. Милютина, Ф.Р. Остена-Сакена, Е.А. Перетца, А.А. Половцова, Е.А. Святополк-Мирской, П.Н. Симанского, А.С. Суворина, Л.А. Тихомирова, А.В. Тырковой, Е.М. Феоктистова, И.А. Шестакова; письма императоров, государственных (П.А. Валуева, С.Ю. Витте, С.Н. Гербеля, А.В. Головнина, А.С. Ермолова, А.Н. Куломзина, Н.А. Любимова, П.Б. Мансурова, Н.В. Муравьева, А.Д. Оболенского, М.Н. Островского, А.Д. Пазухина, В.К. Плеве, К.П. Победоносцева, А.А. Половцова, Д.А. Толстого, Е.М. Феоктистова и др.) и общественных (В.Я. Богучарского, П.А. Гейдена, И.В. Гессена, К.Ф. Головина, Н.Н. Львова, В.П. Мещерского, А.А. Нарышкина, А.В. Олсуфьева, Д.И. Пихно, Ф.Д. Самарина, А.А. Стаховича, М.В. Челнокова, С.Ф. Шарапова, И.И. Янжула и др.) деятелей, а также, пусть не во всем точные, но чрезвычайно информативные воспоминания П.Л. Барка, А.В. Бельгарда, Н.А. Вельяминова, С.Ю. Витте, И.В. Гессена, В.М. Голицына, В.И. Гурко, В.И. Ковалевского, И.И. Колышко, С.Е. Крыжановского, А.Н. Куломзина, В.Б. Лопухина, Д.Н. Любимова, С.П. Мельгунова, П.П. Менделеева, И.В. Мещанинова, В.Д. Набокова, Н.Н. Покровского, А.С. Путилова, А.В. Руманова, А.А. Савельева, М.И. Семевского, С.И. Тимашева, И.И. Толстого, О.Н. Трубецкой, И.И. Тхоржевского, Е.М. Феокти-

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909 / сост., коммент., вступ. ст. О.Ю. Голечковой. СПб., 2014. С. 405.

стова, Д.И. Шаховского, С.Д. Шереметева, Д.Н. Шипова, И.И. Янжула и др.

При работе над монографией были использованы материалы архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального государственного архива Москвы (ЦГА Москвы), Архива Российской Академии наук (РАН), Рукописного отдела Института русской литературы (РО ИРЛИ), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Архивно-рукописного отдела Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина (АРО ГЦТМ), Отдела рукописных фондов Государственного музея Л.Н. Толстого (ОРФ ГТМ), Бахметевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета Нью-Йорка (США) [Bakhmeteff archive (BAR)].

Ограниченность публичного пространства российской политики обусловливает и дефицит источниковой базы. Официальное делопроизводство обычно немногословно, когда речь заходит о публичном обсуждении законопроектов, о закулисных договоренностях, ему предшествовавших. Источники личного происхождения далеко не всегда позволяют компенсировать этот недостаток. Тем ценнее тот материал, который дает ключ к пониманию политической системы Российской империи рубежа XIX и XX столетий.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОНЯТИЯ

Разговор о законотворчестве, законодательной процедуре часто сводится к проблеме технологии принятия решений. Несомненно, это важный сюжет, недостаточно изученный в историографии и заслуживающий самого пристального внимания. Однако технология – это путь к достижению цели. Говоря о ней, все же нужно представлять, в чем заключается сама цель: в данном конкретном случае – что такое власть, издающая закон, что такое сам закон, ради чего он принимается? Иными словами, необходимо определить ключевые понятия, которыми пользовались государственные мужи конца XIX – начала XX в. Изучение категориального аппарата, бывшего в их распоряжении, – конечно же, отдельная и непростая научная проблема. К сожалению, подходы такого направления, как «история понятий»[1], лишь только приживаются в отечественной историографии[2]. Перспективы его значительны. В данном же случае для изучения законотворческих практик особый интерес вызывают три понятия, от которых так или иначе отталкивался законодатель в своей деятельности: самодержавие, закон, реформа.

---

[1] *Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / под ред. Х.Э. Бедекера. М., 2010. С. 21–33; Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. / пер. с нем. К.А. Левинсона; сост. Ю.П. Зарецкий, К.А. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М., 2014. Т. 1. С. 23–44. По словам ведущего представителя Кембриджской школы истории понятий К. Скиннера, «объяснение политического поведения зависит от изучения политических идей и принципов и... оно окажется недостаточным без обращения к ним» (*Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: В 2 т. / пер. с англ. А.А. Олейникова. М., 2018. Т. 1: Эпоха Ренессанса. С. 11). Кроме того, он отмечал недопонимание «роли нормативного словаря, которым пользуется любое общество для описания и оценки своей политической жизни» (Там же. С. 12).

[2] «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. / под ред. А.И. Миллера, Д.А. Сдвижкова, И. Ширле. М., 2012; *Вымятнина Ю.В.* Деньги, или Золотая антилопа. СПб., 2016; *Магун А.В.* Демократия, или Демон и гегемон. СПб., 2016; *Марей А.В.* Авторитет. Подчинение без насилия. СПб., 2017; *Миллер А.И.* Нация, или Могущество мифа. СПб., 2016; *Марасинова Е.Н.* «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: Очерки истории общественного сознания. М., 2017. С. 13–41; *Волков В.В.* Государство, или Цена порядка. СПб., 2018.

Самодержавие[1]

В юбилейный год революции нередко вспоминали афористичное и во многом точное высказывание Д.С. Мережковского: «Всякая государственность – застывшая революция; всякая революция – расплавленная государственность»[2]. Но какая революция застыла в Российском государстве XIX в.? И столь уж застывшей материей кажется государство того времени?

«Нужно было дождаться XIX века, чтобы узнать, что же такое эксплуатация; быть может, мы еще не знаем, что такое власть. Не хватит ни Маркса, ни Фрейда, чтобы помочь нам познать эту столь загадочную вещь, одновременно и видимую, и невидимую, присутствующую и скрытую, инвестированную повсюду, которую мы называем властью. Ни теория государства, ни традиционный анализ государственных аппаратов не исчерпывают поля действия и осуществления власти. Перед нами великое неизвестное: кто осуществляет власть? И где она осуществляется?»[3] Продолжая мысль М. Фуко, можно задаться вопросом: стоит ли полагать историю власти тождественной истории государства? Будет ли власть верховного правителя в обязательном порядке государствообразующей? В современной гуманитаристике все громче звучит мысль, которая до сих пор не вполне устоялась в историографии: привычное к настоящему времени государство – явление прежде всего Нового времени[4]. В значительной мере оно стало

---

[1] Текст данного параграфа впервые в сокращенном виде был опубликован в: *Соловьев К.А.* Идея самодержавия (конец XIX – начало XX вв.) // Философия. 2018. Т. 2. № 2. До и после революции. С. 48–69.

[2] *Мережковский Д.С.* «Больная Россия»: Избранное. Л., 1991. С. 127–128. Эта мысль Мережковского получила в его работе следующее продолжение: «Законное насилие для нас почти неощутимо, потому что слишком привычно. Нельзя не дышать, дышим и законодательствуем; дышим и насилуем; проливаем кровь. Это ежедневное, ежечасное, ежесекундное кровопролитие так же безболезненно, как правильное движение крови в жилах. Это по капельке сочащаяся или только испаряющаяся кровь бесцветна, как воздух, безвкусна, как вода. Но стоит ринуться толпе к Бастилии уже не с детской “Марсельезой” – и привычное становится необычайным; вкус крови – острым, лакомым или отвратительным; утверждение: “убить всегда можно” – недоумением: когда можно и когда нельзя?» (Там же. С. 128). См.: *Колоницкий Б.И.* Семнадцать очерков по истории Российской революции. М., 2017. С. 75.

[3] *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: В 3 ч. М., 2002. Ч. 1. С. 75.

[4] К. Скиннер отмечал, что к концу XVI в. «понятие государства приобретает узнаваемые нововременные черты. Произошел решительный сдвиг от идеи “правителя, поддерживающего свое состояние (his state)” – то есть попросту подтверждающего свое положение, – к идее конкретного правового и конституционного порядка, то есть государственного порядка, который правитель должен поддерживать. Вследствие это-

логическим развитием эволюционировавшей династической власти Средних веков. Такое государство стало явственным воплощением дискурса рационализма XVII в.[1] Согласно этому наблюдению, европейское государство первоначально сложилось как полицейское[2] и имело в своем основании управленческую модель абсолютной монархии[3]. Французский мыслитель и социолог П. Бурдье предлагает и более широкий контекст становления государства. Его формирование совпало с развитием картезианской философии[4].

Конечно, такое понимание данного феномена весьма далеко ушло от юридического позитивизма, фактически подменяющего анализ явления перечислением его функций[5]. Тем не менее определений государства может быть очень много. Это не совокупность государ-

---

го преобразования основанием для правления становится власть государства, а не правителя» (*Скиннер К.* Указ. соч. С. 8).

[1] Конечно, сторонники такой точки зрения подчеркивают, что речь идет о поступательном процессе, который начался еще в период Высокого Средневековья и в значительной мере объяснялся столкновением светской и папской власти (*Кревельд М.* Расцвет и упадок государства / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. М., 2006. С. 81–156). См. также: *Ямпольский М.Б.* Физиология символического. Кн. 1: Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., 2004. С. 68.

[2] Следует лишний раз подчеркнуть, что в западноевропейской мысли XVII в. под полицией подразумевалось прежде всего искусство управления, а не органы правопорядка. «Утопия полицейского государства» предполагала «порядок во всем, что можно увидеть» (*Фуко М.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер с фр. Н.В. Суслова, А.В. Шестакова, В.Ю. Быстрова. СПб., 2011. С. 414, 422–423).

[3] *Шмитт К.* Понятие политического / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца, А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбелева. СПб., 2016. С. 176. В частности, К. Шмитт писал: «Абсолютистское государство, принимающее свои формы начиная с XVI в., возникло именно из краха средневекового, плюралистического, феодально-сословного правового государства и его юрисдикции и опиралось на военных и чиновничество. Поэтому в существенной мере это государство исполнительной власти и правительства» (*Шмитт К.* Государство: Право и политика / пер. с нем. и автор вступ. ст. О.В. Кильдюшова. М., 2013. С. 118). Шмитт предлагал разводить патримониальную монархию, когда король является вождем лично преданной ему свиты, и чиновную, характерную для государства Нового времени, когда правитель стоит во главе корпорации бюрократов (*Он же.* Государство и политическая форма / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М., 2010. С. 158–159). Причем в условиях все более рационализировавшейся публичной сферы монархия утрачивала свое безусловное значение, обращаясь лишь в символ власти, от которого рано или поздно можно избавиться (Там же. С. 161).

[4] *Бурдье П.* О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). С. 142, 403.

[5] Там же. С. 55.

ственных учреждений, а «результат договора»[1], «завоевания»[2], своего рода «живой организм»[3], «господство той или иной силы»[4], «монополия на насилие» (М. Вебер)[5], «коллективная иллюзия или фикция» (П. Бурдье)[6] и т. д.

---

[1] *Еллинек Г.* Общее учение о государстве / пер. с нем. И.Ю. Козлихина. СПб., 2004. С. 210–224; *Кокошкин Ф.Ф.* Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. М., 2010. С. 76–78.

[2] Там же. С. 93–94.

[3] *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. С. 65–74; *Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 84–86; *Жувенвиль Б. де.* Власть. Естественная история ее возрастания / пер с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2010. С. 87–98.

[4] *Кокошкин Ф.Ф.* Избранное. С. 90–92.

[5] В данном случае важна авторская формулировка: «Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области... претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия (*Вебер М.* Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайденко; пер. с нем. П.П. Гайденко, М.И. Левина, А.Ф. Филиппова. М., 1990. С. 646). В сущности, схожую (хотя отнюдь не тождественную) интерпретацию государства предложил М. Фуко: «Второй момент политической теории суверенитета связан изначально с тем, что она выделяет множественность властей, которые не являются властями в политическом смысле слова, а представляют просто способности, возможности, силы, она может их конституировать в качестве властей в политическом смысле слова только при условии, что между возможностями и властями будет установлено прочное и основополагающее единство, единство власти. Неважно, будет ли это единство воплощено в образе монарха или государства; важно, что в нем берут начало различные формы, аспекты, механизмы и институты власти. Множественность властей, толкуемых в качестве политических властей, может быть установлена и может функционировать только исходя из единства власти, основанной на теории суверенитета» (*Фуко М.* «Нужно защищать общество». Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. С. 60–61). Иными словами, государство возникает тогда, когда возникает подлинное единство политической власти. Но власть бывает не только политической, и в центре внимание Фуко – отнюдь не «физическое насилие». Соответственно, проблему власти он не сводит к государственности: «Я не думаю, что совокупность властей, которая осуществляется внутри общества... сводится целиком к системе государства. Государство с его судебными, военными и другими главными органами представляет собой лишь гарантию, несущую опору целой сети властей, идущих по иным каналам, отличным от его главных путей» (*Он же.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: В 3 ч. Ч. 1. С. 183. См. также: *Сенеляр М.* Контекст курса // *Фуко М.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. С. 499–500).

Вполне характерно, что американская исследовательница Н.Ш. Коллман рассматривает процесс государственного строительства в России в 1500-х – 1800-х гг. в тесной связи с постепенной монополизацией правительственной властью права на насилие и упорядочением его применения (*Коллман Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени / пер. с англ. И.И. Прудовского. М., 2016. С. 522–523).

[6] «Государство и есть эта хорошо обоснованная иллюзия, место, которое существует, по сути, именно потому что его считают существующим» (*Бурдье П.* О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). С. 62).

По мнению Бурдье, государство менялось вместе с представлениями о нем[1]. Филантропические идеи конца XIX в. стали фундаментом для социального государства XX столетия и одновременно с тем вызовом для правящей элиты. В любом случае это был следующий шаг после того, как государство заявило о себе устами абсолютного монарха, а потом безжалостно свергло его с престола[2]. Однако королевское наследие, а именно культ власти, практически его обожествление, осталось.

Впрочем, у современных исследователей европейского абсолютизма не вызывает сомнения факт, что в основе его лежит не столько несовершенная технология управления, сколько хорошо известная по источникам мифология власти, явленная в виде придворных церемоний, символических актов. В практической сфере у абсолютного монарха власть была далеко не абсолютной. Так, Н. Элиас полагает, что в период раннего Нового времени генезис государства был тесно увязан с мучительным поиском баланса монаршего абсолютизма с общественными интересами[3]. Действительно, вера в то, что государство – следствие достигнутого равновесия социальных или политических сил, была весьма популярна среди мыслителей XVII–XVIII вв.[4] Даже принимая эту точку зрения, следует иметь в виду, что такой баланс был динамичным и неустойчивым.

Монархический абсолютизм Нового времени взламывал привычную политическую рамку династической власти, так или иначе защищавшей сословные интересы традиционалистски устроенного

---

[1] И одновременно с тем – вместе с военными вызовами, всякий раз предполагавшими реорганизацию армии (*Жувенвиль Б. де.* Указ. соч. С. 205–214).

[2] См.: *Манов Ф.* В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства / пер. с англ. А. Яковлева. М., 2014. С. 7–10, 39–40; *Хархордин О.В.* Основные понятия российской политики. М., 2011. С. 15–21. При этом с возникновением и укреплением государственных институтов меняются и функции права. По замечанию М. Фуко, с XVI–XVII вв. оно служит скорее не государству, а ограничению его всесилию (*Фуко М.* Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб., 2010. С. 21–23). Неслучайно, что в XVIII – начале XIX в. правовое государство – это прежде всего противоположность полицейскому (Там же. С. 217–219).

[3] *Элиас Н.* Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с: Введением: Социология и история / пер. с нем. А.П. Кухтенкова, К.А. Левинсона, А.М. Перлова, Е.А. Прудниковой. М., 2002. С. 193–195. См.: *Блюш Ф.* Людовик XIV / пер. с фр. Л.Д. Тарасенковой, О.Д. Тарасенкова. М., 1998. С. 150. Характерно, что М. Фуко писал об «административной», а не абсолютной монархии, что, может быть, точнее определяет характер политических режимов Европы XVII–XVIII вв. (*Фуко М.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. С. 152).

[4] *Шмитт К.* Понятие политического. С. 136–143.

общества. В сущности, он становился революцией в понимании того, что такое верховная власть[1]. Он угрожал привычному правопорядку, вызывая защитную и вполне естественную реакцию его сторонников. Антитезой абсолютизму мог стать парламентаризм, который должен выполнять роль гаранта прав общества, сталкивавшегося с агрессивным и амбициозным правительством[2]. Характерно, что М. Вебер противопоставлял парламентаризм бюрократической рационализации, естественным развитием которой должен был стать тотальный контроль над человеком[3].

Борьба разворачивалась в том числе и в символическом поле. Образ власти, в древности, в Средневековье, в Новое время, – сюжет, популярный среди современных историков. Очевидно, что этот образ возникает не случайно в сознании властителей и подданных. За ним стоит мифология власти, объясняющая обывателю, почему одни могут осуществлять господство над другими. В «конденсированном» виде эта мифология транслируется обществу в виде самых разных торжественных церемоний: парадов, приемов, коронаций и т. д. Для медиевиста описание придворных обрядов – важный источник по

---

[1] По словам английского историка Р. Маккенни, в Западной Европе XVI в. шло «становление государственности как абстрактной идеи, а не образования, отождествляемого с конкретным правителем». Результатом этого интеллектуального процесса, занявшего по меньшей мере целое столетие, стали идеи, сформулированные в работах Ж. Бодена (*Маккенни Р.* XVI век. Европа. Экспансия и конфликт / пер. с англ. С.Б. Володиной. М., 2004. С. 111). См. также: *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: В 2 т. М., 2018. Т. 2: Эпоха Реформации. С. 521–524, 534.

Аналогичный процесс в Московской Руси XV–XVI вв. исследует М.М. Кром. В сущности, он пишет о трех взаимосвязанных процессах: институциональной перестройке правительственной организации, появлении зачатков управленческого «класса» и поиске нового обоснования великокняжеской (а затем царской) власти (*Кром М.М.* Рождение государства. Московская Русь XV–XVI вв. М., 2018. С. 121–134, 191–217. См. также: *Он же*. Государство раннего нового времени: общеевропейская модель и региональные отличия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–16).

[2] Как писал К. Шмитт, «идея современного парламентаризма, требование контроля и вера в общественное мнение и публичность возникли в процессе борьбы с тайной политикой абсолютных князей; чувство свободы и справедливости было возмущено практикой arcana, которая решала судьбы народов тайными постановлениями» (*Шмитт К.* Понятие политического. С. 145). См. также: *Скиннер К.* Указ. соч. С. 462–463.

[3] В связи с этим М. Вебер писал, «что в мире скоро не останется никого, кроме таких людей порядка, – так этот процесс уже начался, и главный вопрос, стало быть, не в том, как мы еще можем поддержать его или ускорить, а в том, что мы можем противопоставить этой механизации, чтобы оградить остаток человечности от дробления души, от этого повсеместного господства бюрократических идеалов» (Цит. по: *Каубе Ю.* Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох / пер. с нем. К.Г. Тимофеевой; под науч. ред. И.В. Кушнаревой и И.М. Чубарова. М., 2016. С. 338).

политической истории[1]. Уже давно эта проблема увлекла и специалистов по истории России Нового времени[2]. Интерес к этому вопросу оправдан. Прежде исследователи просто не замечали его. И все же проблематика мифологии власти открывает куда более широкие перспективы перед историками. Источников, имеющихся в их распоряжении применительно к российским сюжетам XIX – начала XX в., – существенно больше: это не только материалы парадов и торжественных выходов.

Любая церемония происходит в соответствии со строгим каноном, который по определению консервативен и не может динамично меняться вместе со временем. Кроме того, возникает вопрос, на который трудно найти однозначный ответ: насколько сценарий торжественных процессий был отрефлексирован его авторами и участниками? Они слепо следовали сложившейся традиции или же (вольно или невольно) участвовали в коллективной политической декларации?

Вместе с тем есть церемонии совсем иного рода. Ими обставляется принятие нормативных актов, что, несомненно, сказывается на их содержании. Обычный путь документа – от законопроекта к закону – это череда торжественных заседаний сановных лиц, посвященных в тайну осуществления власти. Такая церемония соответствует мифологии правящего режима – в России XIX столетия самодержавного.

Любая политическая система предполагает сложную комбинацию социальных отношений. Ее нельзя свести к однозначно читаемому ярлыку: абсолютизм, олигархия, демократия и т. д. Как уже отмечалось выше, «старый режим» в Европе раннего Нового времени привычно ассоциировать с абсолютной монархией, которая на практике оказывалась менее абсолютной, нежели казалась. Она была основана на многочисленных конвенциях, которые ее ограничивали с разных сторон. Такой абсолютизм – в большей степени идея, нежели прак-

---

[1] *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 25–90; Власть и образ: очерки потестарной имагологии. СПб., 2010; См. также: *Элиас Н.* Указ. соч. С. 100–145; *Берк П.* Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева. М., 2015. С. 136–139. Эта система образов тем более значима, что «тот, кто правит чиновниками и служащими, сам, по своему социологическому типу, чиновником быть не может» (*Каубе Ю.* Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох. С. 424). Иными словами, смысловым ядром бюрократического государства должен быть миф о небюрократической власти, строящейся, например, на харизматическом основании или же оправданной Божественным провидением.

[2] См.: *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М., 2002; *Он же.* Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция? Россия, 1861–1917. СПб., 1992. С. 18–30.

тика, миф, а не реальность[1]. Вместе с тем это миф чрезвычайной важности. Он способствовал легитимации политической системы. Проблема в том, что эти мифы прочно укоренились в историографии и порой определяют современное понимание процессов столетней давности.

То, что российское самодержавие – это не самовластие царя, признавали еще его критики конца XIX – начала XX в. 8 апреля 1900 г. В.И. Вернадский записал в дневнике: «Главный враг в России – чиновник во всех видах и формах. В его руках государственная власть, на его пользу идет выжимание соков из народной среды. Фактически из-за него исчезла самодержавная власть, и монархия является тенью в русской государственной жизни»[2]. Эта точка зрения была популярна в общественных кругах. В марте 1904 г. князь Д.И. Шаховской на страницах журнала «Освобождение» утверждал: «Мы признаем, что в современном русском самодержавии монархический принцип имеет если не злейшего врага, то опаснейшего союзника, что русское самодержавие, делая монархический режим игрушкой в руках бюрократической олигархии, превращая его в тормоз свободного развития России, дискредитирует и подкапывает самую идею монархии. С самодержавием следовало бы бороться даже во имя монархии, не говоря о других принципиальных и практических основаниях»[3].

---

[1] *Хешнелл Н.* Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего нового времени / пер. с англ. А.А. Паламарчук, Л.Л. Царук, Ю.А. Малахова; отв. ред. С.Е. Федоров. М., 2003. С. 239–240. Подобный ход мысли был характерен для многих консервативных мыслителей, которые часто были несклонны отождествлять явления с самоназванием. 24 ноября 1909 г. Д.А. Хомяков писал К.Н. Пасхалову: «“Самодержавие” и “абсолютизм” по существу своему так же отличны одно от другого, как в общественной жизни “культурный выразитель своего народа” и “интеллигент”: первый во власти самодержавия, а второй абсолютный император» (Письмо Д.А. Хомякова К.Н. Пасхалову 24.11.1909 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 402. Л. 5).

Вместе с тем государственная «мифология» не менее значима, нежели управленческая практика. Согласно наблюдению М. Фуко, государство – это не только средства, но, может быть, в первую очередь цель, которая как раз и обусловливает мифологическое оформление политического пространства (*Фуко М.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. С. 375).

[2] *Вернадский В.И.* Дневник за 1900 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 32. Л. 22 об. В январе 1900 г. Б.Н. Чичерин говорил П.С. Шереметеву: «Какое у нас самодержавие! Хорошее самодержавие, конечно. Имеет значение, но не такое, как у нас: это игрушка в руках лгунов» (Сообщение П.С. Шереметева о своем разговоре с Б.Н. Чичериным 15 января 1900 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 5 об. – 6).

[3] Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. / сост. Д.Б. Павлов. М., 2001. С. 69.

Впрочем, с этим соглашались и апологеты самодержавия, для которых было важным подчеркнуть: в России не было традиционного западноевропейского абсолютизма[1]. Вокруг этой идеи выстраивалась политическая конструкция позднего славянофильства, в значительной мере посвятившего себя оправданию самодержавия. Нет смысла воспроизводить эту концепцию в деталях[2]. Стоит особо остановиться лишь на характерных ее особенностях. В сущности, неославянофилы предложили политическую утопию[3]. Их понимание власти было неправовым или, можно сказать, «надправовым». Это обусловливает не отрицание права, а исключительно недоверие к нему. Как писал Д.Н. Шипов, государство и все его институты сами по себе – вынужденное зло, вызванное несовершенством человеческой природы. Генетически связанное с государством право – важнейший факт общественно-политической жизни, но, как и государство, его нельзя абсолютизировать. Все это лишь очень несовершенные средства для достижения высоких целей[4]. По мнению неославянофилов, преимущество России перед Западной Европой в том числе заключалось в адекватном понимании общественного значения права. В западноевропейских странах привыкли его фетишизировать: «Различие наше с Западом, представляется мне, заключается, главным образом, в том, что там область права признается как нечто абсолютно существующее, как нечто отдельное и даже противоположное области нравственности, а у нас народный православный дух не придает области права такого самостоятельного значения, а ищет в нем и желает в нем видеть выражение и осуществление нравственного закона, основы учения Христа»[5].

---

[1] Хотя, как уже было сказано, западноевропейский абсолютизм отнюдь не такой, как его привыкли понимать в славянофильской среде. Л.А. Тихомиров определял самодержавие «как монархию истинную, составляющую верховенство народной веры и духа в лице монарха». Его он противопоставлял «монархии деспотической» и монархии абсолютной, «в которой монарх по существу имеет только все власти управления, но не имеет верховной власти, остающейся у народа, хотя без употребления, но в полной потенциальной силе своей» (*Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 100).

[2] См.: *Соловьев К.А.* Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности, 1899–1905. М., 2009. С. 63–88.

[3] О понятии «неославянофильство» см.: *Соловьев К.А.* Указ. соч. С. 249–251.

[4] *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом / предисл., подгот. текста и коммент. С.В. Шелохаева. М., 2007. С. 165–166.

[5] Переписка Д.Н. Шипова с М.В. и Е.К. Челноковыми (1897–1914) // *Шелохаев С.В.* Д.Н. Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010. С. 208.

Фетишизация права представлялась славянофильствующим мыслителям явным недоразумением. В неославянофильских построениях по умолчанию подразумевалось, что право основывалось на государственной силе. Самодержавная же власть базировалась прежде всего на религиозно-этических ценностях, признававшихся всем обществом. «Правовой порядок – ложь, неудержимо понижающая этические идеалы народов и государств. Да, правовой порядок есть не что иное, как узаконенный эгоизм, кощунственно возведенный в этическое начало, и этому началу мы должны противопоставить наше христианское начало, твердо его отстаивая, твердо проводя его в нашу общественную жизнь», – писал Киреев в своей работе «Россия в начале XX столетия»[1]. Примечательно, что в своем понимании права неославянофилы следовали позитивистскому канону и критиковали его практически с тех же позиций, что и сторонники возрождения естественного права[2].

---

[1] *Киреев А.А.* Россия в начале XX столетия. СПб., 1903. С. 41. В 1905 г. Н.А. Хомяков писал в связи с этим: «В основу государственного строя должно быть поставлено начало “нравственное”, а не начало “правовое”... народное представительство должно вытекать не из права каждого гражданина на долю власти, а из обязанности каждого заботиться о нуждах общих» (*Хомяков Н.А.* Политические письма // Русское дело. 1905. № 40. 5 ноября).

Однако далеко не все представители консервативной мысли столь пренебрежительно относились к правовым институтам. Вряд ли можно считать удивительным, что подобную позицию не разделял К.П. Победоносцев, который на всех витках своей интеллектуальной биографии оставался «законником». По оценке правоведов, он тяготел к основным положениям исторической школы права (*Нольде А.Э.* Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 8. С. 97).

[2] Согласно теории возрождения естественного права (П.И. Новгородцев, В.М. Гессен, с некоторыми оговорками Е.Н. Трубецкой), юридические нормы, регулирующие жизнь людей, сродни нравственным принципам. Они предзаданы, т. к. охраняют те естественные права человека, которые не вызывают сомнения в данном обществе. «Естественное право вообще не заключает в себе никаких раз навсегда данных, неизменных юридических норм: оно не есть кодекс вечных заповедей, а совокупность нравственных и вместе с тем правовых требований, различных для каждой нации и эпохи» (*Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права // Труды по философии права. СПб., 2001. С. 326). Государственному авторитету необходимо лишь придать определенную форму и так очевидным правилам поведения. Согласно этой теории, право как целостная система не устанавливается законодателем, а является проявлением правосознания общества. Однако это правосознание нужно еще выявить и сформулировать. А «каждый из органов, претендующих на выражение общественного мнения (в т. ч. правосознания. – *К. С.*)... всегда... исходит не из того, каково есть общественное мнение, а из того, каким оно должно быть. Говоря от имени народа или общества, всегда мысленно построяют эти понятия, причем основаниями для этого построения являются, с одной стороны, известные принципы и цели, а с другой стороны, предположение о том сочувствии, которое эти принципы и цели могут встретить в общественных кругах»

И все же различие между ними имелось, и довольно существенное. Для сторонников возрождения естественного права общественные идеалы – историческая величина, постоянно меняющаяся во времени. Для неославянофилов – это абсолютные ценности, восходящие к христианскому вероучению[1]. Следовательно, общественная нравственность – это не то, что формируется само собой, а то, что следует специально прививать и воспитывать. Это необходимо иметь в виду при определении формы правления, которая должна стать благодетельной для состояния умов и души подданных императора. Если власть – вынужденное зло, она, несомненно, развращает своих носителей. Соответственно, чем больше людей обладают ею, тем больше отравы она несет. Демократия – это прямой путь к развращению уже всего народа, который будет озабочен лишь частными интересами, материальными благами, позабыв о нравственном долге и обязанностях. «Принцип народоправства положит в основу государственного строя личную волю, личные права граждан, тогда как необходимое условие государственной жизни... должно заключаться в подчинении личной воли иным, высшим идеалам»[2].

Этого можно достигнуть, подчинив всю власть одному лицу, которое стояло бы выше всех классовых интересов. Естественно, им должен быть наследственный монарх, само наличие которого снимало вопрос о какой-либо политической борьбе. В отличие от избранного президента, министра, депутата царь не зависит от лоббистских групп, отбирающих по своему вкусу политиков и гарантирующих им победу на выборах. Подлинный государь представляет интересы всех. По словам К.Н. Пасхалова, «самодержавие есть сосредоточение

(*Новгородцев П.И.* Введение в философию права. СПб., 2000. С. 120). Такая природа правосознания предполагает, что в его основании лежит высший идеал: в сущности, навязанный обществу он априорен и не подлежит обсуждению. Следовательно, в случае господства в интеллектуальной сфере либеральных идей гражданские и политические права человека не могут быть упразднены даже на всенародном референдуме. См.: *Туманова А.С.* Теория прав человека как интегральное направление либеральной правовой мысли России конца XIX – начала XX в. // Общественная мысли России: истоки, эволюция, основные направления: Материалы международной научной конференции. М., 2017. С. 640–669; *Tumanova A.S.* The liberal doctrine of human rights in Late Imperial Russia: A history of the struggle for the rule of law // Cahiers du monde Russe. 2016. 57/4. P. 791–818.

[1] См.: *Бадалян Д.А.* «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половине 1880-х гг. СПб., 2016. С. 256.

[2] *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. С. 168. См. также: *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 151–153.

народной воли в одном лице»[1]. Конечно, история знает случаи злоупотребления монархами своей неограниченной властью. По мнению Д.Н. Шипова, это слабый аргумент против самодержавия. Его подлинный носитель всегда настроен на диалог с народом. В противном случае он перестает быть самодержцем, а становится лишь абсолютным монархом на западноевропейский лад[2]. Эта мысль оттеняет всю умозрительность данной интеллектуальной конструкции. Прибегая к таким интеллектуальным приемам, неославянофилы сами подчеркивали предельную уязвимость собственных позиций.

Впрочем, нравственное значение самодержавия можно было обосновывать и иначе. Д.А. Хомяков, сын отца-основателя славянофильства и сам видный теоретик рубежа веков, видел оправдание самодержавия в подлинной свободе, которую обретал человек. «Самодержавная форма правления возможна только у того народа, который почитает наиценнейшими не могущество, не утонченность политической системы, не принцип “обогащения”, а свободу быта и веры, свободы жизни, для достижения которой государство – только орудие... Раз же оно сделалось целью, то, конечно, поработит себе человека и отвлечет его от той свободы, которая дорога человеку неизвращенному и которая есть прирожденная его потребность»[3]. Иными словами, русский народ, предпочтя самодержавие, сделал свой выбор в пользу

---

[1] Записка К.Н. Пасхалова // ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 2. Л. 86 об. Следует иметь в виду, что К.Н. Пасхалов многие годы служил в Министерстве финансов, в 1882 г. стал сотрудником Крестьянского поземельного банка. Правда, по словам сослуживца Ф.Ф. Воропонова, он никак не подходил к «чиновничьему шаблону» и имел свой взгляд на дело (*Воропонов Ф.Ф.* Крестьянский банк и его начало. Из личных воспоминаний // Вестник Европы. 1905. № 12. С. 542).

[2] *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. С. 169. 1 июня 1907 г. П.Б. Мансуров писал Ф.Д. Самарину: «Я полагаю, что монархический принцип не выдержал бы никакой критики, если бы он требовал выдающихся способностей у монархов. Монархия, как я понимаю, имеет целью поставить во главе народа личную совесть и при том в таких условиях, которые наиболее облегчали бы ей свободное проявление, т. е. при наименьших побуждениях подчиняться частным эгоистическим мотивам» (Письмо П.Б. Мансурова Ф.Д. Самарину // ОР РГБ. Ф. 265. К. 193. Д. 12. Л. 158 об. – 159).

[3] *Хомяков Д.А.* Самодержавие: Опыт схематического построения этого понятия // Православие, самодержавие, народность. М., 1993. С. 136–137. См. также: *Цимбаев Н.И.* Историософия на развалинах империи. М., 2007. С. 314, 316. Надо иметь в виду, что сочинения Д.А. Хомякова вызвали резкое неприятие Николая II. По сведениям чиновника МИД А.К. Бентковского, «сын Хомякова написал брошюру о самодержавии и желал получить разрешение на ее напечатание. Брошюра была препровождена государю великим князем Сергеем Александровичем. Его Величество нашел брошюру безобразной и спросил о ней мнение Плеве. Говорят, Хомякову предложили написать брошюру за границей. Он отказывается...» (*Бентковский А.К.* Дневники // ОР РГБ. Ф. 218. К. 558. Д. 1. Л. 3).

подлинной свободы – прежде всего от политики и связанных с ней тягостных забот. Они возложены на плечи царя, который принял на себя этот огромный труд[1].

Однако даже при таком понимании вопроса славянофилы подчеркивали ошибочность отождествления самодержавия с бюрократией. Последняя нещадно критиковалась. Более того, регулярно ставился вопрос о ее замене «государственно-земским» аппаратом, расширении функций органов местного самоуправления (т. е. земств). Довольно известный публицист конца XIX – начала XX в. С.Ф. Шарапов призывал решительно сократить сферу компетенции центральных правительственных учреждений, которые могли успешно работать при поддержке всероссийского представительного учреждения[2]. Эту роль мог бы сыграть реформированный Государственный совет, в который следовало приглашать выборных представителей от земских областей[3]. «Все же внутреннее управление должно идти в областях посредством излюбленных земских людей на точном основании самодержавно царем даваемых законов при действительной и серьез-

---

[1] В 1905 г. в «Кружке москвичей» аналогичным образом интерпретировали отношение к политике и политическим правам, господствовавшим в России. Члены кружка исходили из факта своеобразия исторического опыта России, предопределявшего особую политическую и социальную организацию страны. Согласно этим представлениям, русскому народу не был свойственен типичный для Западной Европы индивидуализм, который подталкивал население к борьбе за свои политические права. В России общественные и частные интересы гармонично уживались. Соборная природа русской культуры способствовала единству всех при сохранении личного достоинства каждого. В силу этого русский народ был свободен от политических страстей. Он тяготился государственной властью, поэтому неограниченные полномочия передал самодержавному монарху, в полной мере выражавшему его волю. Однако реализации идеала самодержавия препятствовало отсутствие прямого общения между царем и народом. Его восстановление было обусловлено государственной необходимостью, а не следованием западноевропейскому идеалу правового государства. Поэтому «следует исходить не из понятия о политических правах народа, а из понятия о его обязанностях. Задача состоит не в создании народного представительства... а в выработке организации, которая дала бы власти возможность привлекать к совместной с правительством работе лучших людей из среды самого населения» (Печатные материалы «Кружка москвичей» // ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 11. Л. 3 об.).

[2] Там же. Л. 8 об.; *Шарапов С.Ф.* Самодержавие и самоуправление. М., 1903. С. 24, 55. С.Ф. Шарапов, в частности, говорил, что «русское историческое самодержавие может иметь в земском деле, т. е. во внутреннем управлении, основное и органами только правильно поставленное и вполне самостоятельное народное самоуправление (местное)» (Речь С.Ф. Шарапова 10 апреля 1905 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 112. Л. 152).

[3] Проект С.Ф. Шарапова // ОПИ ГИМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 28.

ной ответственности местных выборных людей перед верховной властью и государством»[1].

Высокую оценку земства и «земских людей» порой разделяли и в правительственных кабинетах, где нередко сидели сторонники славянофильства. В августе 1899 г. товарищ министра внутренних дел князь А.Д. Оболенский написал письмо министру финансов С.Ю. Витте с критикой его недавней «антиземской» записки. По мнению Оболенского, «самодержавие не есть лишь вершина бюрократической пирамиды, он (самодержец. – *К. С.*) есть глава всего народа, солидарный с этим народом, в котором бюрократия лишь один из элементов...» Оставшись наедине с чиновничеством, царь перестает быть царем, превращаясь лишь в очередного, правда, высокопоставленного администратора. Ради сохранения самодержавия следовало бы укреплять земство, которое может быть единственным серьезным противовесом бюрократии[2]. Самодержавие – не европейский абсолютизм или же азиатский деспотизм. С точки зрения Оболенского, это в первую очередь доказали реформы Александра II. Абсолютный монарх не мог пойти на столь широкие социальные и правовые преобразования, не смог бы гарантировать существование независимого суда, а главное, освободить крестьян от крепостной зависимости. «Никогда не было такого положения и быть его не может, чтобы интересы самодержавия могли в чем-либо противоречить благу народному, чтобы русский самодержец не служил этому благу»[3].

---

[1] Проект С.Ф. Шарапова // ОПИ ГИМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 8 об.

[2] Письмо А.Д. Оболенского С.Ю. Витте // ОР РГБ. Ф. 440. К. 2. Д. 7. Л. 2. См.: *Цимбаев Н.И.* Историософия на развалинах империи. С. 372.

[3] Записка о самодержавии А.Д. Оболенского // РГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок. № 45. Л. 1. В том числе Д.А. Хомяков разводил понятия «самодержавие» и «абсолютизм», которые предполагали принципиально отличные модели политического устройства. Самодержавие подразумевало патриархальную власть правителя, схожую с властью отца семейства и имеющую мало общего с безусловным подчинением рабов своему господину, т. е. деспотизмом. «Самодержавие есть “эволюция” начала “семейного главенства”, т. е. той формы власти, при которой она является выразительницей в одном лице волевой функции органически-собирательной человеческой единицы, сначала семьи, потом рода-племени, потом народа. Самодержавие есть олицетворенная воля народа, следовательно, часть его духовного организма и потому служебная сила, зависящая, как в отдельном индивидууме воля, от совокупности всех психических сил единоличного индивидуума, – в одном случае, собирательно органической единицы – в другом. Призвание самодержавия состоит в том, чтобы творить “не волю свою”, а выражая собой народ с его духовными требованиями и с его особенностями, вести народ по путям, “народом самим излюбленным”, а не “предначертывать ему измышленные” пути» (*Хомяков Д.А.* Самодержавие // Православие. Самодержавие. Народность. М., 2005. С. 212). Следовательно, перед самодержцем стояла задача выявить общую волю, а не навязать государству свою. Действия монарха долж-

Схожую мысль проводил граф П.С. Шереметев в беседе с министром внутренних дел В.К. Плеве 2 мая 1903 г., видимо, даже находя понимание со стороны последнего: «Самодержавие нам необходимо, но основанное на местном самоуправлении. Поэтому для меня зем-

---

ны соответствовать народному миропониманию. Поэтому он не может произвольно вмешиваться в частную жизнь человека, изменять религиозный канон или, например, переносить столицу из одного города в другой. Самодержец неотделим от своих подданных, его воля – прямое проявление народного духа, поэтому сам народ не может себя противопоставлять царской власти, противоборствовать ей. «Власть, вполне народная, свободна и ограниченна одновременно. Свободна в исполнении всего, клонящегося к достижению народного блага “согласно с народным об этом благе понятием”; ограничена же тем, что сама вращается в сфере народных понятий, точно так, как всякий человек ограничен своей собственной личностью. В нем единовременно соединяются свобода и несвобода» (Там же. 274).

Абсолютизм же основывается на культе силы. Он прямой «антипод народовластия», т. к. строится на подавлении всякой частной или общественной инициативы. Традиции такого «хронического диктаторства» были заложены еще в Римской империи, которая стала прообразом для всех последующих западноевропейских государств. «Императорство есть в своей сущности – обращение временной власти в постоянную. Это власть полководца, власть которого, действительно, есть власть «по преимуществу»; и для своего проявления она требует полного безволия подчиненного ей материала» (Там же. С. 216).

Однако в действительности абсолютная власть монарха неизбежно подменяется ничем не ограниченным произволом бюрократии, которая «заслоняет» собой правителя, создает чрезвычайно сложный механизм управления, в котором может разобраться лишь опытный чиновник. Его порочность – не в злонамеренности, а в незнании народных нужд и чаяний. Бюрократия исходит из абстрактных представлений о благе, которые часто лишены конкретного содержания.

В период петровских реформ и в России произошла подмена самодержавия абсолютизмом. Самодержавие сохранилось лишь в умах народных масс, чья культура основывалась на традиционных православных ценностях. «Власть ради власти, автократия ради самой себя, самодовлеющее – вот чем Петр и его преемники, а за ними их современные апологеты, стремились заменить живое народное понятие об органическом строе государства, в котором Царь – глава, народ – члены, требующие для правильного действия своего взаимодействия и органической связи, при наличности которых свобода власти не исключает зависимости ее от общих всему народному организму начал; при ней же свобода власти – не произвол, а зависимость народа – не рабство» (Там же. С. 220–221).

Схожую, в сущности, славянофильскую модель воспроизводит в своих сочинениях и Л.А. Тихомиров (*Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 356).

Примечательно, что схожая логика была характерна и для западноевропейских мыслителей, анализировавших собственные политические и правовые реалии. В частности, Б. Констан, обосновывая значение монархии Луи Филиппа, писал о «нейтральности» королевской власти, занимавшей надпартийную позицию (*Шмитт К.* Государство и политическая форма. М., 2010. С. 163–164).

ство есть основа самодержавия. Если же угнетать земство, вообще местных людей, то мы неизбежно придем к конституции в России»[1].

Таким образом, политическая конструкция неославянофильства имела очевидный оппозиционный «заряд». Ее сторонники рано или поздно, так или иначе выходили на тему государственной реформы. Причем в большинстве случаев их не устраивали частные преобразования – они настаивали на институциональных реформах. Главным своим врагом они считали высшую бюрократию. По мнению генерала А.А. Киреева, чиновник – несомненный противник всех исторических устоев России и, более того, самодержавия. Рецепты совершенствования государственного строя могли быть самые разные. Так, Киреев предлагал запретить всеподданнейшие доклады министров императору, когда высокопоставленные чиновники могли добиваться от царя принятия любого решения[2]; он призывал смягчить цензурный контроль над печатью[3]; расширить полномочия земства[4]; привлекать «сведущих людей» к разработке правительственных решений[5]. Главное же его требование – созыв Земского собора, законосовещательного учреждения[6].

Эти предложения не были результатом консенсуса славянофильских мыслителей. Каждый из них был особой величиной со своими взглядами и убеждениями. Это можно сказать и о Ф.Д. Самарине, племяннике Ю.Ф. Самарина. Ф.Д. Самарин полагал киреевский проект предельно наивным. Он не верил в спасительность Земского собора, не доверял русскому обществу. Самарин полагал, что максимальная концентрация реальной власти в руках бюрократии – естественное

---

[1] Записка П.С. Шереметева // РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 465. Л. 3. П.С. Шереметев писал Ф.Д. Самарину 17 января 1906 г., уже после издания Манифеста 17 октября 1905 г.: «Подчиняясь царской воле, мы все же продолжаем считать, что для России, по нашему убеждению, лучшая форма – это самодержавие, но, разумеется, не в смысле искаженного бюрократией, как это тянулось с тех пор особенно, что мы управляемся министерствами, сими “обломками” конституции Сперанского, а истинного самодержавия, проявляющегося в живом общении с выборными от народа». (Письмо П.С. Шереметева Ф.Д. Самарину 17.01.1906 // ОР РГБ. Ф. 265. К. 208. Д. 23. Л. 7).

[2] *Киреев А.А.* Россия в начале XX столетия. С. 30.

[3] Там же. С. 33.

[4] Там же. С. 37–40.

[5] Там же. С. 34.

[6] Там же. С. 35. 6 июня 1902 г. публицист «Нового времени» С.Н. Сыромятников писал В.К. Плеве: «Когда Вы успокоите общество, Вам придется обратиться к опросу земли о ее нуждах, то есть к той или другой форме Земского собора. Не забудьте, что Земский собор есть единственная идея, примиряющая Россию с самодержавием. Это наша святыня, и будет преступно обращать ее в оперетку» (Письмо С.Н. Сыромятникова В.К. Плеве 06.06.1902 // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1136. Л. 2).

явление для любого современного государства. Более того, «сущностью самодержавия вовсе не требуется отождествление самодержца с правительством. Напротив, нет ничего вреднее и опаснее для идеи самодержавия как подобное отождествление. Поэтому вмешательство самодержца в текущие дела, я говорю о вмешательстве по личному почину и ради проведения личных взглядов или ради прикрытия авторитетом самой верховной власти распоряжений министерских, должно быть явлением чрезвычайным, исключительным, в интересах самой власти. Следовательно, безответственность должностных лиц вовсе нельзя считать непременной принадлежностью бюрократического порядка управления...»[1]

Впрочем, Самарин не ограничился только критикой: он предложил и свой проект выхода из настоящего кризиса. Он признавал, что общество недовольно властью и это ставит под сомнение перспективы существующего режима: «Действительно, как бы ни была сильна и тверда верховная власть, она может оказаться неспособной управлять страной и пасть жертвой внутреннего бессилия, если тот общественный класс, который служит ей орудием, без которого она не может обойтись, ибо через него она правит, если этот класс относится к ней враждебно или хотя бы отрицательно и все лучшие свои надежды связывает с переменой режима»[2].

Нормализация отношений общества и власти, по мнению Самарина, требовала реформ, причем весьма значительных. Следовало упразднить предварительную цензуру[3], ввести ежегодные отчеты министров, которые были бы достоянием гласности[4]; бюрократию нужно было поставить под контроль особых административных судов; необходимо было упорядочить работу приглашавшихся экспертов, «сведущих людей». Лучше всего было бы использовать английский опыт «производства местного опроса и исследования особыми комиссиями смешанного состава или особыми лицами, специально на то уполномоченными от верховной власти, с тем, чтобы эти комиссии или лица имели право опрашивать, кого они найдут нужным, собирать те сведения, которые они признают полезными, и чтобы они были обязаны на основании всего виденного и слышанного выработать предположения о желательных законодательных мерах»[5]. «Нам

---

[1] Письмо Ф.Д. Самарина А.А. Кирееву // ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 11.

[2] Там же. Л. 23.

[3] Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. 1905. 4 апреля. Харьков. С. 29.

[4] Там же. С. 28.

[5] Там же. С. 29–30.

говорят: что же, по вашему, преобразовать и как? Мы отвечаем: нет такого преобразования, которое одно обещало бы полное излечение. Требуется целый ряд мер. Нужно преобразование Государственного совета, Сената, министерств, местного управления. Нужно освободить государя от массы мелких дел, которые теперь до него не доходят. Нужно дать возможность частным лицам привлекать к ответственности должностных лиц и т. д.»[1]

Иными словами, Ф.Д. Самарин, консерватор, человек весьма умеренных взглядов, критик идеи созыва Земского собора, тем не менее выступал за институциональные преобразования, которые фактически должны были ограничить самодержавную власть. Д.Н. Шипов шел существенно дальше. Он полагал, что подлинное самодержавие, соответствовавшее всем славянофильским требованиям, было в Англии. Именно там политический строй основывался не на писаной конституции, а на традиции, совести правителя, а также многовековом единении короля и народа. «И я считал вероятным и возможным, что если идея русского самодержавия сохранится непоколебимой в своей основе, то при постепенном развитии нашей государственной жизни эта идея могла бы получить в более или менее близком будущем выражение и осуществление в формах и порядке, аналогичных государственному строю в Англии»[2].

Мифологический образ самодержавной власти жил свой жизнью, явно расходясь с политической и административной реальностью. Это побуждало некоторых сожалеть об утраченном идеале и мечтать о возрождении подлинного самодержавия, фактически замененного всевластием бюрократии. Это был удел не только общественных

---

[1] Машинописи материалов и адресов императору московского дворянства и московского земства // ОР РГБ. Ф. 265. К. 116. Д. 31–33. Л. 3 об.

[2] *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. С. 288. Схожую мысль защищал А.С. Суворин: «Английская конституция – родное учреждение. Она не существует в виде “хартии” или особого основного закона, организующего власти и основания публичного права. Она образовалась постепенно и вошла в нравы страны... Постоянно повторялось с настойчивостью... что ничего нового не давалось, а это все старые права, которыми английский народ постоянно пользовался» [*Суворин А.С.* Русско-японская война и русская конституция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. С. 219]. На сей счет в консервативной среде не могло быть согласия. В отличие от Шипова или Суворина К.Н. Леонтьев полагал конституционную монархию не монархией вовсе: «Конституционная монархия не есть монархия действительная; в конституционном государстве властвует демократическая полиархия, слегка ограниченная исполнительной и большей частью только отрицательной силой “Князя” (Государя)». Более того, конституционная монархия, по мнению Леонтьева, – переходная и исторически кратковременная форма правления, предшествующая установлению «эгалитарной республики» (*Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2008. Т. 8. Кн. 2. С. 7–8).

деятелей славянофильского направления, но и высокопоставленных чиновников, вполне сочувствовавших подобным идеям. Остается вопрос, насколько славянофильский язык разговора о самодержавии подразумевал искренность людей, его использовавших. Не чаще ли он маскировал подлинные их устремления? Решительный поворот многих чиновников к конституционализму в период Первой русской революции скорее позволяет ответить на этот вопрос положительно. Впрочем, это чувствовалось задолго до 1905 г. Так, в 1886 г. правитель канцелярии МВД А.Д. Пазухин жаловался издателю газеты «Новое время» А.С. Суворину: «Людей, верующих в самодержавие, очень немного в России»[1]. В нем сомневались даже искренние его сторонники. Например, по словам Н.А. Любимова, в марте 1887 г. даже Катков склонялся к представительной форме правления[2].

И все же славянофильская доктрина была весьма влиятельной. Славянофильских взглядов придерживались министр внутренних дел граф Н.П. Игнатьев и правитель его канцелярии Д.И. Воейков[3]. Близок к славянофильскому идеалу был и А.Д. Пазухин, ближайший сотрудник министра внутренних дел графа Д.А. Толстого[4]. Славянофильским духом дышала известная записка министра внутренних

---

[1] [*Суворин А.С.*] Дневник Алексея Сергеевича Суворина / текстологическая расшифровка Н.А. Роскиной; подг. текста и предисл. Д. Рейфилда, О.Е. Макаровой. L.; М., 2000. С. 64.

[2] Там же. С. 306.

[3] *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг. М., 1984. С. 449–472. В.С. Кривенко вспоминал о Д.И. Воейкове: «По рассеянности, по откровенным разговорам, по экзальтированности и по самой внешности, по режущим глаза дефектам костюма он напоминал какого-нибудь ученого-чудака, а не петербургского влиятельного чиновника, оберегающего прежде всего свой престиж, дипломатически отмалчивающегося. Дмитрий Иванович то громогласно развивал планы о сближении правительства с общественным представительством, то дружески шептался, и притом на виду у других, со знаменитым жандармом Судейкиным» (*Кривенко В.С.* В Министерстве двора. Воспоминания / вступ. ст., подг. текста С.И. Григорьева, С.В. Куликова, Д.Н. Шилова; примеч. С.В. Куликова. СПб., 2006. С. 220).

[4] А.Д. Пазухин придерживался скорее славянофильских идеалов. По словам К.Ф. Головина, «это был человека крупного ума, только ума чересчур прямолинейного и потому склонного к иллюзиям. Он был искренне убежден, что порядок управления Россией был почти что идеальный при царе Алексее Михайловиче, что к тогдашним нравам, к тогдашним понятиям нам следовало бы вернуться... А.Д. Пазухин при всей его искренности, при всем его ораторском таланте, одно отличало от славянофилов. У тех, из-за поклонения Москве XVII века, сквозит любовь к России более древней, где свободно гуляли новгородские ушкуйники и столь же свободно удельные князья, чисто по средневековому, воевали и грабили друг друга. У Пазухина симпатии последнего рода отсутствовали вполне. Он искренне любил московского чиновника, приказного, дьяка, “служилого человека”, этого очень мало симпатичного субъекта» (*Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. 2. С. 100–101).

дел И.Л. Горемыкина, составленная его товарищем князем А.Д. Оболенским. В.К. Плеве подумывал о созыве некоего аналога Земского собора. Наконец, славянофильская концепция власти стала теоретическим обоснованием проекта Указа 12 декабря 1904 г., подготовленного по инициативе министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского[1]. Ею воспользовались, когда определялся статус так и не созванной «булыгинской думы». В период Первой русской революции проекты возвращения самодержавия к его славянофильским, земским корням готовили многие высокопоставленные бюрократы: например, член Государственного совета А.Н. Куломзин[2], чиновник особых поручений МВД П.Б. Мансуров[3]. В 1905 г. многие государственные деятели вступили в политические объединения, которые открыто призывали к политическим реформам в славянофильском духе: начальник земского отдела МВД В.И. Гурко, начальник канцелярии МВД Д.Н. Любимов, директор канцелярии МВД по делам дворянства Н.Л. Мордвинов, директор департамента личного состава МВД А.И. Буксгевден, бывший товарищ министра внутренних дел А.С. Стишинский и др.[4]

И все же среди высшей бюрократии многие категорически не принимали славянофильскую риторику. Видный государственный деятель и проницательный мыслитель П.А. Валуев ее часто критиковал: «Дикая допетровская стихия взяла верх. Разложение императорской России предвещает ее распадение... Замечательна слепота, с которой державные власти относятся к славянофильскому движению, а вероломство этих славяноманов мне внушает такое отвращение, что если они истинная Россия, то я перестаю быть русским»[5]. 29 января 1886 г. главноуправляющий по делам печати Е.М. Феоктистов записал в дневнике: «Славянофильство – доктрина достаточно смутная, а управлять государством на основании доктрин нельзя. Аксаков

---

[1] Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: В 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX вв. / отв. ред. В.В. Шелохаев. С. 244–255.

[2] Записка А.Н. Куломзина Э.В. Фришу // РГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок. № 45. Л. 1.

[3] Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 256–257.

[4] Там же. С. 335–337.

[5] *Валуев П.А.* Дневник, 1877–1884. Пг., 1919. С. 186. В связи с этим П.А. Валуев говорил: «Петр Великий прорубил окно в Европу; но многие из наших влиятельных деятелей постарались к этому окну приделать железные ставни и закрывают их, чтобы европейский свет не проник к нам, в Россию. Я старался держать ставни открытыми» (*Либрович С.Ф.* На книжном посту: Воспоминания. Записки. Документы. М., 2005. С. 240).

чуть не причинил великий вред, убедив в 1882 г. пустоголового графа Н.П. Игнатьева созвать Земский собор...»[1]

---

[1] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. № 9120. Л. 4 об. См.: *Тесля А.А.* «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб., 2015. С. 581–584. Вместе с тем скептическое отношение к славянофильским формулам отнюдь не свидетельствует об охранительном настрое того или иного государственного служащего. Так, критиком славянофильства был сенатор, а впоследствии государственный секретарь А.А. Половцов. Однако он же был сторонником проведения политической реформы. Свои взгляды он изложил в записке 1876 г.

По его мнению, рецепт спасения не следовало искать в славянофильских статьях И.С. Аксакова, как это впоследствии делал министр внутренних дел Н.П. Игнатьев. Не нужно было копировать западноевропейский конституционный опыт. Следовало использовать те правовые и политические практики, которые уже сложились в России к концу 1870-х гг. По мнению Половцова, конституционное устройство – это естественное состояние политического организма. Его нельзя безболезненно перенести с одной почвы на другую. Так, английский конституционный режим – результат многовековой британской истории. Точно так же должно быть и в России: ее правовой уклад должен логически вытекать из предыдущего опыта (*Половцов А.А.* Дневник // ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 83).

Половцов специально подчеркивал: он не ставил под сомнение незыблемость самодержавия. Пространства России, весь исторический опыт страны подразумевали именно самодержавное правление. Но во второй половине XIX в. об этой форме правления оставалось лишь вспоминать. В действительности в России установилась диктатура министров, от которых император полностью зависел (Там же. Л. 85).

С точки зрения Половцова, прежде всего, следовало обеспечить постепенный переход власти от чиновников к «нечиновникам», общественным деятелям. Бюрократ – в большинстве случаев человек зависимый, не способный к самостоятельным суждениям (Там же. Л. 87). Фундаментом же будущих преобразований должно стать земство (Там же. Л. 73). Его представителям следовало дать право законодательной инициативы. Кроме того, они должны получить право контролировать бюджет. Наконец, и правительственным агентам следовало так или иначе отвечать перед ними (Там же. Л. 74). По оценке Половцова, к концу 1870-х гг. первые две функции принадлежали Государственному совету. Третья (правда, в высшей степени условно) – I департаменту Сената (Там же. Л. 75). Все это позволяло Половцову считать Государственный совет не законосовещательным, а законодательным учреждением (Там же. Л. 82). Тем важнее правильно организовать его работу, разумно отбирать его членов. В нынешнем его виде Государственный совет не мог вполне справиться со своими обязанностями. Его состав был в значительной мере случайным. Полноценные прения фактически не позволялись. При таких обстоятельствах планомерное обсуждение законопроектов было практически исключено, что предопределяло низкое качество нормативной базы в стране (Там же. Л. 83).

Законодательная инициатива должна была быть предоставлена земским собраниям и городским думам, чьи представители смогли бы отстаивать инициативы органов местного самоуправления непосредственно на заседаниях Государственного совета. «Правительство узнало бы таким путем народные потребности из самого верного и прямого источника, призванные депутаты сообщили бы те местные, специальные сведения, недостаточность коих часто бывает ощутительна в центральном правительстве, а самый порядок обсуждения не представлял бы встречающихся в многолюдных выборных собраниях неудобств, порождаемых самолюбивым увлечением, разгаром стра-

Среди чиновников было немало тех, кто отрицал сам факт наличия самодержавия. Среди них был и П.А. Валуев: «В обиходе административных дел государь самодержавен только по имени, что есть только вспышки, проблески самодержавия... что при усложнившимся механизме управления важнейшие государственные вопросы ускользают и должны по необходимости ускользать от непосредственного направления государя... Наше правление – министерская олигархия»[1].

Валуев в своей оценке не был одинок. В марте 1874 г. будущий государственный секретарь А.А. Половцов записал в дневнике: «Самодержавное правление самодержавно только то имени, ограничен-

---

стей всякого рода» (Записка А.А. Половцова // ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 649. Л. 25). На этом поприще могли бы проявить себя многие земцы. Это стало бы началом их государственной карьеры. Эффективность такого «карьерного лифта» была бы полезна и обществу, и власти. Наконец, обсуждение законопроектов в присутствии экспертов со стороны органов местного самоуправление способствовало оздоровлению всей политической жизни страны. «Законодательные прения за крайне редкими исключениями не могут и не должны составлять тайны, они, напротив, выясняют законодательные взгляды и способствуют к правильному применению законов. Такого рода гласность имела бы еще выгодную сторону, она сделала бы невозможным для самого правительства присутствие в Совете бездарных членов. Правительство было бы поневоле поставлено в необходимость избирать себе дельных, полезных советников, а не людей, повышаемых фаворитизмом или числом пережитых десятилетий» (Там же. Л. 27).

Кроме того, следовало расширить полномочия Государственного совета. Он утверждал бы доклады министров. Это освобождало бы императора от обязанности быть единственным экспертом при оценке деятельности своих ближайших сотрудников (*Половцов А.А.* Дневник // ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 85–86). Обновленный Государственный совет, по мысли Половцова, получил бы право учреждать особые комиссии для разработки законопроектов. Это избавило бы высшее законосовещательное (а по Половцову – законодательное) учреждение от доминирования министров, с которыми «рядовые» члены Государственного совета, в силу своей неосведомленности и дефицита технических средств, не могли конкурировать. Такие подготовительные комиссии получили бы право запрашивать ведомства интересовавшие их сведения (Записка А.А. Половцова // ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 649. Л. 27 об). Председателем Государственного совета не должен был быть великий князь, как это повелось еще с царствования Александра II. Практика показала, что это стесняло свободу суждений сановников (Там же. Л. 29).

Впоследствии, в 1882 г., Половцов доказывал великому князю Михаилу Николаевичу, что «нужно хранить императора как драгоценнейший политический символ, как Далай-ламу, но рядом с этим необходимо создать действительную силу». В сущности, ставился вопрос о создании объединенного правительства, которое как раз мог возглавить дядя царя (*Половцов А.А.* Дневник // ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1 Д. 20. Л. 62 об.).

[1] [*Валуев П.А.*] Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел / ред., библиографический очерк, коммент. П.А. Зайончковского; текст подготовлен М.Г. Вандалковской и К.М. Платоновой: В 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 100. Вполне очевидно, что в этом случае Валуев, вопреки славянофильским интеллектуальным конструкциям, отождествлял самодержавие с абсолютизмом.

ность средств одного человека делают для него всемогущество невозможным; государь зависим от других, от лиц его окружающих, от господствующих мнений, от других правительств, от сложившихся в человечестве сил, то прямо, то косвенно высказывающих свое влияние»[1]. Прошло десять лет. В 1883 г., буквально в дни коронации Александра III, Половцов записал: «Самодержавие, о котором так много толкуют, есть только внешняя форма, усиленное выражение того внутреннего содержания, которое отсутствует. В тихое, нормальное время дела плетутся, но не дай Бог грозу, не знаешь, что произойдет»[2]. Впрочем, такой порядок вещей скорее устраивал Половцова. В мае 1885 г. он объяснял императрице Марии Федоровне: «Государь должен вмешиваться во второстепенные вопросы повседневной жизни? Я думаю, что верховной власти следует в этом вопросе подражать божественному проведению, которое, установив совершенный порядок, не может вмешиваться в жизнь отдельных существ, не подрывая своего престижа»[3].

О взглядах высокопоставленных сановников порой ходили разные слухи. В 1891 г. министр финансов И.А. Вышнеградский рассказывал издателю «Московских ведомостей» В.А. Грингмуту, что среди чиновников существовала партия конституционалистов и что во главе ее стоял сам министр императорского двора граф И.И. Воронцов-Дашков[4].

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник // ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 68. Примерно то же самое писал правовед, сенатор, общественный деятель А.Ф. Кони в письме С.Ф. Морошкину 27 января 1888 г.: «Ты знаешь, что для настоящего состояния русского общества я признаю самодержавие лучшей формой правления, но самодержавие, в котором всевластие связано с возможным всезнанием, а не самовластие разных проскочивших в министры хамов, которые плотной стеной окружают упрямого и ограниченного монарха» (*Кони А.Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 99–100).

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. / предисл. Л.Г. Захаровой, биографический очерк, коммент. П.А. Зайончковского. М., 2005. Т. 1. С. 108.

[3] Там же. С. 356.

[4] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9122. Л. 44. По этому поводу Е.М. Феоктистов отметил: «И.А. Вышнеградский – слишком умный человек, чтобы верить всему тому, что он рассказывает Грингмуту. У него много озлобленных врагов – это не подлежит сомнению, но враги эти – люди легкомысленные и пустые, которые напускают мерзкие сплетни о нем, наушничают государю...» (Там же. Л. 44 об.). В действительности слухи о «конституционализме» Воронцова-Дашкова были сильно преувеличены, но все же имели под собой некоторые (хотя и весьма шаткие) основания. Весной 1881 г. он сочувствовал преобразованиям, инициированным М.Т. Лорис-Меликовым, готов был выступить с запиской к императору в поддержку реформ, а политический курс, ассоциировавшийся с именем К.П. Победоносцева, полагал «реакционно-чиновничьим» (*Дубенцов Б.Б.* М.Т. Лорис-Меликов и «охранители» в

И все же «верующие в самодержавие» были: это прежде всего сами императоры. Впрочем, их понимание собственной власти явно расходилось со славянофильским. Хорошо известно, что Людовик XIV никогда не произносил часто приписываемые ему слова: «Государство – это я»[1]. Русские цари конца XIX – начала XX в. могли это сделать за него. Согласно запискам Н.А. Любимова, 20 апреля 1881 г. Александр III сказал Н.М. Баранову: «Конституция! Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?»[2] Памятны слова Николая II о «бессмысленных мечтаниях», сказанные 17 января 1895 г. перед делегацией земств и городов. Сам император отнесся к этому выступлению с чрезвычайной серьезностью. На следующий день он говорил министру внутренних дел И.Н. Дурново: «Ночь накануне

1880 –1881 гг. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди: Сб. статей в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 67–68).

[1] *Блюш Ф.* Людовик XIV. С. 719.

[2] [*Суворин А.С.*] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. L.; М., 2000. С. 304. В январе 1880 г. на совещании министров с участием великого князя Константина Николаевича цесаревич Александр Александрович (будущий Александр III) говорил о своем отношении к конституционному устройству: «Конституция... не может принести нам пользы. Выберут в депутаты пустых болтунов-адвокатов, которые будут только ораторствовать, а пользы для дела не будет никакой. И в западных государствах от конституции беда. Я расспрашивал в Дании тамошних министров, и они все жалуются на то, что благодаря парламентским болтунам нельзя осуществить ни одной действительно полезной меры. По моему мнению, нам нужно теперь заниматься не конституционными попытками, а чем-нибудь совершенно иным» (*Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883) / сост. и науч. ред. А.А. Белых. М., 2018. С. 71–72). Эти слова были созвучны тому, что говорил К.П. Победоносцев на заседании Совета министров 8 марта 1881 г. по поводу проекта реформы Государственного совета, инициированной М.Т. Лорис-Меликовым («конституции» Лорис-Меликова) (Там же. С. 156–157). Неприятие только лишь возможной «всероссийской говорильни» крепко сидело в голове императора. В мае 1882 г. при назначении министром внутренних дел графа Д.А. Толстого император сказал: «Мне бы стоило подписать Конституции, чтобы сделаться популярным, но я и не думаю этого делать» (*Половцов А.А.* Дневник // ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 20. Л. 79). В 1889 г. в связи с введением в Японии конституции Александр III написал: «Несчастные, наивные дураки» ([*Ламздорф В.Н.*] Дневник В.Н. Ламздорфа, 1886–1890. М.; Л., 1926. С. 159).

Монархи цеплялись за ускользавшее самодержавие. При этом есть некоторые основания полагать, что они вполне реалистично оценивали «законотворческую механику», действовавшую в России. Так, в октябре 1885 г. поэт и вместе с тем государственный служащий А.Н. Майков поведал князю В.П. Мещерскому слух, будто бы пущенный министром народного просвещения И.Д. Деляновым. На докладе, где излагалась инструкция по проведению государственных экзаменов по правоведению, против слов «Самодержавие есть источник всякой власти в России» Александр III отметил слово «есть» и подписал вместо него: «было». Это поразило Майкова. Он увидел в том свидетельство, что сам царь изверился в собственном самодержавии (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 202–203).

того дня, когда мне следовало отвечать на адрес, я провел почти без сна. Намерение мое было непоколебимо, но нервное возбуждение не давало мне покоя. Теперь же я спокоен и не сомневаюсь, что оказал услугу России»[1]. В 1902 г., объясняя барону В.Б. Фредериксу свое решение изъять имущества у дядя – великого князя Павла Александровича, Николай II прямо заявил: «По моему мнению, император может делать то, что пожелает»[2].

---

[1] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9122. Л. 67 об. В своем дневнике Николай II записал: «Был в страшных эмоциях перед тем, чтобы войти в Николаевскую залу к депутациям от дворянств, земств и городских обществ, которым я сказал речь» [Дневники императора Николая II (1894–1918) / отв. ред. С.В. Мироненко, авторы предисл. С.В. Мироненко, З.И. Перегудова, Д.А. Андреев, В.М. Хрусталев; рук. колл. подготовки текста дневников к изданию З.И. Перегудова. М., 2011. Т. 1. С. 182). См. также: «Слышались голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями». Варианты речи Николая II 17 января 1895 г. / публ. И.С. Розенталя // Исторический архив. 1999. № 4. С. 213–219).

[2] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 398. Конечно, и среди искренних сторонников самодержавия были и те, кто далеко не во всем соглашался с основами славянофильского учения. Одним из наиболее известных из них был К.П. Победоносцев. Его влияние на политическую жизнь России конца XIX – начала XX вв. то росло, то падало. И все же в 1881–1905 гг., т. е. почти четверть века, он оставался на самой вершине «олимпа» государственной жизни империи. Однако его представления о власти, государстве, самодержавии столь своеобразные, что сложно считать их определяющими для бюрократической элиты того времени. Победоносцев был фаталистом. Он не верил в перспективы самодержавного строя. Предсказывал неизбежную победу революции. Его отстаивание самодержавия – это тщетная (по мнению самого Победоносцева) попытка приостановить безудержный исторический процесс (*Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 219). Впрочем, некоторые высказывания Победоносцева были вполне славянофильскими по духу. 6 декабря 1904 г. при обсуждении реформаторского проекта князя П.Д. Святополк-Мирского он предпочел говорить о самодержавии в мистическом духе: «Царь-де папа, он должен руководствоваться не политическими, но религиозными соображениями. Если он откажется от самодержавия, то он обезглавит церковь. Русский народ впадет в варварство и грех. Отказ от самодержавия явился бы таким образом грехом от Божьего закона. Царь принимает свои права Божьей милостью от своих предков. Как он может решиться на преступление, отказавшись от того, что ему дало Божьим соизволением. Как он оправдается перед своими потомками в том, что он отказался из-за преходящих затруднений от Божьего вечного установления. На царе лежит обязанность защищать православие и веру и оставить своим потомкам свое Божье право в неуменьшенном преступными внушениями объеме» (Письмо из Санкт-Петербурга Д.Н. Шипову о совещании 6 декабря 1904 г. // ОР РГБ. Ф. 440. К. 3. Д. 14. Л. 2; См. также: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 99–100, 181).

Критически о славянофильском учении отзывался К.Н. Леонтьев: «Славянофилы всегда представлялись мне людьми с самым обыкновенным европейским умеренно-либеральным образом мыслей. И государь Николай Павлович был прав, подозревая постоянно, что под широким парчовым кафтаном их величавых “вещаний” незаметно для них самих скрыты узкие и скверные панталоны обыкновенной европейской бур-

Славянофильское учение, сравнительно популярное и в обществе[1], и в чиновничьей среде, не описывало реальное самодержавие, а конструировало его идеальный образ, во многом противоположный политической практике. Принимая такое самодержавие, обществен-

---

жуазности» (*Леонтьев К.Н.* Славянофильство теории и славянофильство жизни // Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2007. Т. 8. Кн. 1. С. 465–466). Представления же Леонтьева о власти вопиющим образом расходятся со славянофильскими построениями: «Пора же, наконец, сознаться громко, что и вся Россия, и сама Царская власть возрастали одновременно и в тесной связи с возрастанием неравенства в русском обществе, с утверждением крепостного права и с развитием того самого "наследственного чиновничества", которое так не нравится столбовому, 600-летнему – Н.П. Аксакову» (Там же. С. 467). Такого рода высказывания – нарочитый эпатаж, нацеленный против взглядов, популярных в обществе. Сами славянофилы хорошо чувствовали ту дистанцию, которая отделяла их от идей Леонтьева: для него ключевое значение имели не этические принципы, а эстетическая составляющая образа будущего. Характерно резкое неприятие идей Леонтьева И.С. Аксаковым [*Фетисенко О.Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 158–161]. С.Ф. Шарапов писал: «Г. Леонтьев не наш. Слишком многое отделяет его верования от наших, его мировоззрение от того, которое мы привыкли называть "славянофильским"» (*Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 8. Кн. 2. С. 807. См. также: *Фетисенко О.Л.* Указ. соч. С. 86–88).

В то же самое время, высоко оценивая графа Д.А. Толстого в качестве министра внутренних дел, Леонтьев, в частности, писал: «Не будучи ничуть славянофилом в теории, на практике он оказался истинным славянофилом – в смысле не племенном, а культурно-государственном...» (*Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 8. Кн. 2. С. 50). Иными словами, в устах Леонтьева аттестация сановника как славянофила служила своего рода похвалой.

При этом консервативные критики славянофильства отнюдь не во всем друг с другом соглашались. Напротив, Леонтьев относился к К.П. Победоносцеву без всякой симпатии: «Он, как мороз препятствует дальнейшему гниению; но расти при нем ничто не будет. Он не только не творец, он даже не реакционер, не восстановитель, не реставратор, – он только консерватор, в самом тесном смысле слова; мороз, я говорю, сторож, безвоздушная гробница, старая "невинная" девушка и больше ничего» (Пророки византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / сост., вступ. ст., коммент. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 196).

[1] В рамках славянофильства сформировался политический «метаязык», устраивавший адептов самых разных взглядов – и охранителей, и сторонников институциональных реформ. Иными словами, славянофильство становилось своего рода интеллектуальной «площадкой» для «благонамеренного» диалога о будущности русской политики. В связи с этим славянофильские понятия и концепции получали широкое хождение и становились «кирпичиками» для построения различных теорий, в том числе и катковского направления [См.: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 227–228; *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1900-х годов. М., 2016. С. 18]. Кроме того, наиболее заметные представители неославянофильства (А.А. Киреев, Л.А. Тихомиров, С.Ф. Шарапов и др.) видели в М.Н. Каткове своего прямого предшественника (Там же. С. 52).

ный деятель или же государственный служащий, в сущности, выступали критиками сложившегося порядка и становились чаще всего молчаливыми сторонниками широких (в том числе, политических) реформ. Иными словами, широко признанная в обществе версия самодержавия подразумевала демонтаж самодержавия как такового.

Закон

«Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих», – так гласила 47-я статья Основных законов, как будто незыблемо установившая верховенство закона в государственной жизни страны[1]. Эта мысль проводилась и в иных нормативных актах империи. Так, в Учреждении Государственного совета от 15 апреля 1842 г. утверждалось: «В решениях Государственного совета по делам частным никакие уважения не должны иметь места, кроме закона: один он должен быть всегда существенным основанием всех суждений и заключений»[2]. Проблема была в том, что эта формула не отвечала на элементарный вопрос: что такое закон. Большинство правоведов полагало, что закон в России – это воля государя. У этой точки зрения был весьма авторитетный оппонент – известный юрист Н.М. Коркунов. Он доказывал, что для того чтобы проект стал законом, императорского решения недостаточно. Подлинный закон должен был пройти еще обсуждение в Государственном совете. Все правовые нормы, утверждаемые императором без обсуждения в законосовещательных учреждениях, следовало отнести к указам. Причем, ссылаясь на ст. 55 Основных законов, утверждал, что даже допускалось издание «дополнений к существующим законам и без высочайшей подписи». Ведь статья 54 требовала подписи государя только новых законов. Иными словами, отдельные поправки и дополнения к действовавшему законодательству вовсе не нуждались в автографе императора. Согласно наблюдениям Коркунова, практика вполне

---

[1] В соответствии с этим определением можно было дать дефиницию самодержавию, что и сделал граф Д.Н. Блудов в беседе с Николаем I. «Различие между самодержавием и деспотизмом граф Блудов объяснял императору Николаю тем, что самодержец может по своему произволу изменять законы, но до изменения или отмены их должен им сам повиноваться» ([*Валуев П.А.*] Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 77).

[2] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 17. № 15518. С. 291.

согласовывалась с этими нормами[1]. Эта точка зрения была достаточно популярной. С ней соглашались даже оппоненты Коркунова[2]. Например, А.Д. Градовский, который писал, что Государственный совет был «признан действительным средоточием законодательной деятельности»[3].

---

[1] *Коркунов Н.М.* Указ и закон. СПб., 1894. С. 325–335. Н.М. Коркунов отмечал: «Наконец, нельзя не отметить, что и граф [М.А.] Корф обыкновенным нормальным порядком издания законов считает издание по предварительному обсуждению в Государственном совете, а издание их без участия Совета представляет себе возможным лишь в особых, исключительных случаях, когда "государь император по действию самодержавной власти усмотрит надобность объявить волю свою без выслушания мнения сего учреждения". Очевидно, и по мысли графа Корфа именные указы, состоявшиеся без участия Совета, не столько законы, сколько чрезвычайные указы, совершенно подходящие к тому, что прусская и австрийская конституции называют государевыми указами с силой закона» (*Он же.* Русское государственное право. СПб., 1909. Т. 2. С. 28).

[2] Государственный деятель В.Ф. Романов так вспоминал о Н.М. Коркунове: «Тогда много шума в научных кругах наделала докторская диссертация Коркунова на тему "Указ и Закон". Выступавший в числе оппонентов, проф. Сергеевич заявил, что он прочел работу Коркунова и не мог найти ни одного возражения, прочел во второй раз и им овладели некоторые сомнения, прочел в третий раз и только тогда понял, что Коркунов совершенно не прав; такова сила его логики. Не удивительно, что для меня Коркунов был непогрешим во всех его взглядах» (*Романов В.Ф.* Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. / публ. С.В. Куликова. СПб., 2012. С. 57). См. также: *Дякин В.С.* Сфера компетенции указа и закона в третьеиюньской монархии // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. № 8. С. 237; Источниковедение: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. вед. М.Ф. Румянцева. М., 2015. С. 233–234.

[3] *Градовский А.Д.* Собр. соч. СПб., 1903. Т. 8. С. 215. Характерно, что формула Н.М. Коркунова получила выражение в решениях Комитета министров в декабре–январе 1904–1905 гг.: «По точному разуму Основных государственных законов (ст. 47 и 50) предначертания законов в Российской империи рассматриваются в Государственном совете, потом восходят на высочайшее усмотрение и не иначе поступают к предначертанному им совершению как действием самодержавной власти. Сообразно сему во всех лицах, на которые распространяется действие закона, должна господствовать уверенность, что издаваемый закон при обсуждении его привлек к себе в полной мере внимание законодателя и составляет проявление действительной и непосредственной монаршей воли. Этим объясняется значение формы, в которую выливается закон, и возможность нареканий на лиц, стоящих во главе ведомств, в тех случаях, когда высочайшее утверждение предположений законодательного свойства испрашивается всеподданнейшими докладами их вне установленного порядка, соответствующего важности принимаемых в порядке законодательном мер и обеспечивающего более тщательную разработку законодательных мероприятий.

Против уклонений от установленного порядка, отражающихся вредно и на внутреннем достоинстве законов, надлежит принять меры в таком притом направлении, которое находит себе обоснование в содержании действующих законоположений. Так, в точную согласность с приведенным выше правилом ст. 50 законов основных о внесении всех предначертаний законов в Государственный совет, статья 162 учреждений министерств требует внесения министрами и главноуправляющими представлений об

Эта дискуссия профессоров права носила отнюдь не академический характер. Во-первых, пытаясь определить критерии, отличавшие закон от указа, отечественные юристы решали немаловажный вопрос: какие нормы должны были войти в постоянно пополнявшийся Свод законов Российской империи. Неразрешенность этой проблемы приводила к тому, что российское право загромождалось бесконечными законодательными актами, посвященными, например, отдельным акционерным обществам[1]; отсутствовала ясная иерархия законодательных актов, а следовательно, четко очерченная процедура их принятия. Во-вторых, правоведы в иносказательной форме ставили вопрос о юридических пределах самодержавной власти. Если действительно закон в обязательном порядке должен был быть обсужден в Государственном совете, значит, император и его министры при всем желании не могли обойти это высшее законосовещательное учреждение и должны были считаться с позицией его членов.

Это ограничение имели в виду отнюдь не только ученые-юристы, но и государственные мужи, уверенные, что в России к концу XIX в. установился строгий порядок законотворчества, который никто не мог нарушать, в том числе и император[2]. Собственно этого и доби-

---

отмене или изменении законов в Государственный совет с предварительным на сие высочайшим разрешением, а ст. 28 учреждения Комитета воспрещает вносить в Комитет министров представления по роду своему, принадлежащие до Государственного совета, то есть законодательные представления. Изъятием из этого общего порядка должны почитаться только случаи, когда закон издается по непосредственному изволению монаршему в виду указа за собственноручным императорского величества подписанием...» (Извлечения из журнала Комитета министров. 21, 24 декабря 1904 г., 4 января 1905 г. // ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2740. Л. 25–26).

[1] Законы бывают разные. Это в том числе и закон о государственном бюджете. В Российской империи распределение казенных средств не было в достаточной мере упорядоченным, что предоставляло свободу бюрократии. 29 января 1884 г. А.А. Половцов писал императору: «Переходя к расходам, сказывается, что в одном ведомстве сделана полумиллионная передержка без всякого объяснения тому причин и без испрошения на то разрешения, в другом делается (хотя и незначительная) приплата за такую работу, для которой существуют особые чиновники, в третьем цифры, служащие основанием представления, оказываются неверными, в четвертом не представлено сведений о повреждении, которое предполагается исправить. В пятом умножающиеся расходы на чиновников по мере того, как дело, этим чиновникам порученное, переходит в другие руки, в шестом испрашивается расход на учреждение в то время, когда учреждение это закрывается» (Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 1. Л. 78).

[2] По мнению американского исследователя Б. Линкольна, концепт законности был «краеугольным камнем» мировосприятия высшей бюрократии эпохи Великих реформ (*Lincoln B.W.* On the vanguard of reforms: Russian “enlightened bureaucrats”, 1825–1861. DeKalb, 1982; См. также: *Kipp J.W.* M.Kh. Reutern on the Russian state and economy: A liberal bureaucrat during the Crimean era, 1854–1860 // Journal of modern

вался М.М. Сперанский в начале XIX в.[1] К концу столетия многим видным сановникам хотелось бы верить, что Россия хотя бы приближалась к этому идеалу. В повседневной практике его приходилось отстаивать, обрекая себя на бесплодную борьбу. В ноябре 1883 г. видные члены Государственного совета Э.Т. Баранов, Н.Х. Бунге, Д.М. Сольский нападали на морского министра И.А. Шестакова за то, что тот добился увеличения сметы своего ведомства, получив одобрение царя, без обсуждения этого вопроса в Департаменте экономии Государственного совета[2]. В апреле 1885 г. в Департаменте законов Э.В. Фриш вышел с представлением, в котором ставился вопрос о порядке издания Свода и Полного собрания законов. Его смысл сводился к тому, что все возникавшие вопросы Фриш собирался решать в ходе докладов у императора, с чем члены Государственного совета никак не могли согласиться. Среди них был и К.П. Победоносцев, который настаивал, чтобы все, вызывавшее сомнения у кодификаторов, первоначально вносилось в Совет[3]. В действительности таких случаев было много, когда в Государственном совете выражали недовольство своеволием отдельных министров. О некоторых из них речь пойдет ниже.

Представления о незыблемости закона в России вступали в противоречие с мифом о самодержавии, способном творить подлинные «правовые чудеса», не укладывавшиеся в голове у «заскорузлых» юристов. Царь своей волей мог нарушать прежде незыблемые правила[4]. Сам государь верил в этот миф самодержавия (впрочем, не отказываясь от идеи законности), а среди чиновничества публично оспаривать его было не принято. Председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич убеждал молодого императора Николая II, что он вправе подписать любой указ. А.А. Половцову оставалось только возмущаться: «Да где же тогда разница между монархическим и деспотическим азиатским правительством, разница,

---

history. Chicago, 1975. Vol. 47. № 3. P. 437–459; *Yaney G.* Bureaucracy and Freedom: N.M. Korkunov's Theory of the State // The American Historical Review. Vol. 71. № 2 (Jan., 1966). P. 468–486).

[1] *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 2. С. 5–6.

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 161.

[3] Там же. С. 337.

[4] В этой связи В.М. Пуришкевич говорил: «Ни о какой конституции у нас речи быть не может. Наша конституция – это крестное целование. Государь император целует крест в знак того, что он дает ответ за свои действия только перед Господом Богом и своей совестью, народ целует крест царю на верную службу – вот наша конституция» (Правые партии: Документы и материалы / сост., автор предисл., введ. и коммент. Ю.И. Кирьянова, отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1998. Т. 2. С. 316; См. также: *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич – опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011. С. 112).

заключающаяся в том, что первое соблюдает, а второе когда угодно нарушает существующие в стране законы. Проповедовать такое учение государю, значит, вести его на путь императора Павла»[1].

Эта теория имела практическое применение. Император обладал правом издавать законы, касавшиеся частных случаев, которые шли вразрез с общими правилами[2]. Это могли быть уставы акционерных обществ или временные правила, фактически действовавшие десятилетиями. В любой губернии, уезде, городе и даже частной компании могли быть отменены нормы, применявшиеся по всей России. Некоторые сановники даже полагали, что сама идея общероссийского законодательства противоречила концепции самодержавия. Впрочем, следует иметь в виду, что и в этом случае император, принимая решение, не посовещавшись с Государственным советом, был поставлен в жесткие рамки. Все эти правовые акты – уставы или временные положения – принимались ведь не единолично царем, а после обсуждения в Комитете министров[3].

И все же мысль об уже торжествующем верховенстве закона в самодержавной России не выдерживала столкновения ни с жизнью, ни с теорией[4]. Как впоследствии писал правовед М.И. Ганфман, в России до 1905 г. не было деления на учреждения законодательные и административные. Одни и те же органы власти творили право и

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 192.

[2] Речь идет о т. н. праве диспенсации.

[3] *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. СПб., 1913. С. 338.

[4] Тем не менее в учебниках по государственному праву традиционно проводилась мысль о законности как фундаментальном начале российской правовой жизни. Как писал Н.М. Коркунов, «начало законности в нашем государственном быту не явилось результатом какого-нибудь одного законодательного постановления, а сложилось как плод постепенного развития государственной жизни. Самоограничение власти правом составляет необходимое условие каждого сколько-нибудь развитого государственного быта. Прежде всего само могущество государственной власти может окрепнуть и утвердиться только под условием подчинения власти началам права, так как только тогда в гражданах может развиться чувств законности, делающее для них повиновение власти долгом. Деспотическая власть, при всей суровости внешнего проявления, никогда не может быть достаточно сильной и твердой, именно потому что она опирается только на физическую силу, а не на сознание нравственного долга ей повиноваться. Сознание долга действует всегда и постоянно, а физическое принуждение не может быть непрерывным» (*Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 1. С. 216). Иными словами, Коркунов подразумевает, что любое стабильное существование социально-политической системы строится на законности даже вне зависимости от характера политического режима. Согласно этой точки зрения, и абсолютная монархия, стремящаяся быть нормой, а не правовой аномалией, ограничивает самая себя, устанавливая правовые рамки собственной деятельности.

его осуществляли. В такой путанице участвовали все центральные учреждения. И это создавало благоприятную почву для произвола[1].

В таких условиях даже процесс законотворчества сложно было формализовать, а, следовательно, подчинить его закону. Никто не сомневался, что законодательная инициатива фактически концентрировалась в руках министров. Причем до царствования Александра II они (наряду с Синодом и Сенатом) имели право прямой законодательной инициативы: т. е. непосредственно входили в Государственный совет со своими проектами[2]. В 1857 г. ситуация в корне изменилась. 4 мая 1857 г. Александр II на докладной записке государственного секретаря наложил резолюцию относительно одного из дел, внесенного министром внутренних дел на рассмотрение Государственного совета: «Министру внутренних дел не следовало входить с подобным представлением об отмене действующего закона прямо в Государственный совет, не испросив предварительно моего на то разрешения, что и принять впредь к руководству по всем министерствам и главным управлениям. Совет не предлагает, а должен рассматривать проекты новых законов, которые по моему приказанию представляются на рассмотрение»[3]. Иными словами, готовились законопроекты министрами, а формально вносились царем[4].

Прецеденты говорили об одном, буква законов – о другом. Правоведам оставалось упорядочить этот хаос. Рассуждая о законе и законности, отечественные юристы создали своего рода утопию, которая тем не менее обретала вполне реальные очертания и на протяжении второй половины XIX в. постепенно материализовывалась. С 1830-х гг. закон в России – это не только высокая идея, это еще конкретные правовые акты, собранные в Своде законов усилиями II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и лично М.М. Сперанского. Раньше законы, действовавшие в России, были разбросаны по многим изданиям[5]. О некоторых из них можно

---

[1] *Ганфман М.* Законодательство // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. СПб., 1912. С. 50.

[2] *Корф С.А.* Инициатива закона в русском праве // Право. 1902. № 12. 17 марта. Стб. 588.

[3] Там же. Стб. 589.

[4] Кроме того, право законодательной инициативы было предоставлено Правительствующему Сенату (*Каминка А.И.* Законодательный почин Правительствующего Сената // Право. 1902. № 15. 7 апреля. Стб. 767–768).

[5] Надо иметь в виду, что деятельность М.М. Сперанского не сводилась к простой инкорпорации уже существовавших нормативных актов в Свод законов Российской империи. Сперанский существенно редактировал собираемые им правовые памятники. По словам Г.Э. Блосфельдта, «приходится признать, что работа по Своду 1832 г. не была простым воспроизведением источников, а являлась, хотя Сперанский и не хотел

было догадываться. Использовать их в суде, канцелярии, повседневной жизни было просто невозможно[1].

Издание Свода законов многое изменило в жизни империи. Конечно, оно упорядочило процесс управления и судопроизводства[2]. С его изданием в России возникло полноценное юридическое образование, а это, в свою очередь, способствовало еще большей профессионализации бюрократии. Однако в данном же случае важнее то, что благодаря Своду законов в России начала складывать отлаженная законотворческая процедура. Ведь теперь издание новых законов подразумевало их включение в существовавшую правовую систему: нужно было исправить имевшиеся законы и одновременно приноровить к действовавшим нормам обсуждавшийся проект.

Это определяло логику законодателя, которого обычно чрезвычайно смущала кропотливая работа по переделке Свода законов. Она приучала чиновников к житейскому «консерватизму»: их опыт подсказывал, что не следует торопиться с изменениями, которые чреваты большими заботами. Как говорил государственный секретарь А.А. Половцов императрице Марии Федоровне 11 июля 1884 г., «будучи консерватором, я предпочитаю такой способ постепенного законодательствования, развивающегося по мере того, как созрева-

---

этого признать, истолкованием существующего права» (*Блосфельдт Г.Э.* «Законная» сила Свода законов в свете архивных данных. Пг., 1917. С. 19).

[1] *Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.; СПб., 2015. С. 245–256.

[2] Там же. С. 264–302. Работавший в Государственной канцелярии в конце XIX – начале XX в. Э.П. Беннигсен так охарактеризовал значение Свода законов: «Несомненно, в Своде Законов было много архаизмов и курьезов (например, запрещение в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений “всем и каждому пьянства” или в нем же – употребления на свадьбах артиллерийских орудий), но нигде больше я не видал такой удачной в кодификационном смысле работы. Быть может, это надо объяснить тем, что Россия унаследовала свою культуру от Византии и что у русских юристов идеальный кодекс Юстиниана всегда оставался перед глазами» [Bakhmeteff archive (BAR). Bennigsen coll. Box. 1. Folder 2. Воспоминания Э.П. Беннигсена]. Сотрудник, последователь и биограф Сперанского барон М.А. Корф писал о другом детище своего учителя – Полном собрании законов – так: «Не говоря уже о Своде, этом бессмертном осуществлении гениальной и колоссальной мысли, каждый участвующий в администрации, равно как и всяк, кто призван к юридическо-ученым трудам, должен отдать полную справедливость и другому величественному созданию Сперанского – Полному собранию законов. Кому приходилось, как мне, работать прежде его издания над разными частями нашего законодательства по безобразным и скудным компиляциям частных лиц или по ужасным коллекциям манускриптов, хранящимся в архивах, тот один может вполне оценить гигантскую и часто бесплодную тогдашнюю работу с легкостью и успешностью теперешней, когда все материалы под рукой в одном составе...» (*Корф М.А.* Дневник за 1840 год / предисл., подг. текста к печати и коммент. И.В. Ружицкой. М., 2017. С. 31).

ют вопросы, сооружению законодательных монументов с большими притязаниями, которые скорее льстят тщеславию законодателя, чем удовлетворяют реальные и неясные потребности страны»[3].

Со Сводом законов законодательствовать стало и проще, и сложнее. Этот корпус текстов позволял ориентироваться в правовом пространстве империи. Однако Свод законов следовало хорошо знать. Его издание позволило окончательно прочертить демаркационную линию, отделившую бюрократов-профессионалов, владевших юридической техникой, и прожектеров-мечтателей. В прошлом всесильный граф П.А. Шувалов в 1883 г. категорически отказывается от должностей в Государственном совете, прекрасно понимая, что он окажется в плену у «записных юристов», с которыми он просто не сможет спорить[4]. И сам император отступал, когда ему напоминали о необходимости особых юридических знаний для принятия законодательных решений. «Юридическое дело есть такое же специальное дело, как дело артиллерийское, архитектурное, кораблестроительное», – соглашался с царем А.А. Половцов[5].

Юридическое образование в России было структурировано в соответствии с группировкой правовых актов в Своде законов[6]. Этот корпус документов был своего рода упорядоченной вселенной отечественных правоведов. От него отталкивались в своих размышлениях, ему боялись противоречить. Чтобы не нарушить единство здания Свода законов, следовало скорее редактировать имевшиеся нормы, нежели писать новые. Как говорили современники, один из наиболее влиятельных членов Государственного совета Д.М. Сольский, обсуждая тот или иной документ, прежде всего вспоминал предыдущие бумаги, логически предшествовавшие его составлению[7]. Ту же мысль, но емко и хлестко, выразил морской министр И.А. Шестаков: «У умного и строго говорящего... Сольского первая идея какой-нибудь предшествовавшей бумаги»[8].

Конечно, из этого не следовало, что сам Свод законов и составлявшие его акты были верхом совершенства. Многими отмечались их недостатки: порой нормы повторялись в разных томах, в ряде слу-

---

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 265.

[4] Там же. С. 137–138.

[5] Там же. С. 257.

[6] Ко дню LXXV юбилея Императорского Училища Правоведения, 1835–1910 (исторический очерк). СПб., 1910. С. 18; *Шершеневич Г.Ф.* Наука гражданского права в России. М., 2003. С. 48; *Кодан С.В.* Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005. С. 284–286.

[7] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 139.

[8] *Шестаков И.А.* Дневники. СПб., 2014. С. 119.

чаев отсутствовала должная систематизация законодательства. Для правоведов было несбыточной мечтой – вернуться к кодификаторской работе, переделать Свод законов. Изредка в пользу этого подавался голос (так, в 1883 г. эту идею высказывал Э.В. Фриш[1]), однако большинство государственных служащих отбрасывало саму мысль об этой титанической работе.

К началу XX в. кодификация – технологичный, довольно сложный процесс, требовавший высокой квалификации от чиновников[2]. Вместе с тем, владение соответствующими навыками, умениями давало им большую власть. Правительство пыталось определить правовые рамки этой деятельности. С этой целью в 1882 г. Второе Отделение С.Е.И.В. Канцелярии было заменено Кодификационным отделением при Государственном совете. Деятельность нового учреждения регламентировалась. Его руководитель ставился в один ряд с министрами (а следовательно, подчинялся сенатским указам)[3]. Вместе с тем его дискреционная власть была даже большей, чем у его предшественников: при всем желании многие аспекты кодификационной деятельности не подлежали строгой кодификации[4]. В 1894 г. Кодификационный отдел был включен в состав Государственной канцелярии[5]. Однако и это новшество в корне не изменило ситуацию: основное бремя кодификации ложилось на чиновников канцелярии, которые в этом деле продолжали играть первую скрипку[6].

* * *

Русская бюрократическая вселенная возникла в 1830-е гг. вместе со Сводом законом, и чиновничество держалось за него как за основу своего бытия. Они уверовали в безусловную значимость всего того, что могли найти в этом корпусе текстов. Представители русской

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 126–127.

[2] Кроме того, кодификация – довольно дорогой процесс. Второе отделение С.Е.И.В. Канцелярии поглощало значительные финансовые средства. Так, за 19 лет подготовки Свода законов 1876 г. потребовалось 9,5 млн руб. В Своде было 45 тыс. статей. Соответственно, подготовка одной статьи обошлась казне приблизительно в 200 руб. (*Скальковский К.А.* Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни: В 2 т. СПб., 1890. Т. 1. С. 17).

[3] *Лозина-Лозинский М.А.* Кодификация законов по русскому государственному праву. I. Кодификационные учреждения // Журнал министерства юстиции. 1897. № 4. С. 169.

[4] Там же. С. 180.

[5] Там же. С. 183.

[6] Там же. С. 185–186.

юридической мысли, среди которых были и видные государственные деятели, жили в правовом зазеркалье. Его отцом-основателем был М.М. Сперанский. Именно с него, по словам философа и публициста Г.П. Федотова, началась новая Россия: «В XIX веке реформа была проведена так бережно, что дворянство сперва и не заметило ее последствий. Дворянство сохранило все командные посты в новой организации и думало, что система управления не изменилась. В известном смысле, конечно, бюрократия была "инобытием" дворянства: новой, упорядоченной формой его службы. Но дух системы изменился радикально: ее создатель, Сперанский, стоит на пороге новой, бюрократической России, глубоко отличной от России XVIII века. Пусть Петр составил табель о рангах, – только Сперанскому удалось положить табель о рангах в основу политической структуры России... Попович Сперанский положил конец... дворянскому раздолью. Он действительно сумел всю Россию уловить, уложить в тончайшую сеть табели о рангах, дисциплинировал, заставил работать новый правящий класс. Служба уравнивала дворянина с разночинцем. Россия знала мужиков, умиравших членами Государственного Совета. Привилегии дворянина сохранились и здесь. Его подъем по четырнадцати классическим ступеням лестницы напоминал иногда взлет балерины; разночинец вползал с упорством и медленностью улитки. Но не дворянин, а разночинец сообщал свой дух системе»[1].

---

[1] *Федотов Г.П.* Избр. труды / сост., автор вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьев. М., 2010. С. 131–132. Схожим образом отзывался о Сперанском В.В. Розанов: «Сперанский был волшебником, открывшим... секрет, он был Гуттенбергом новой администрации» (*Розанов В.В.* О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912. С. 24).

Примечательно, что человек, хорошо знавший и высоко ценивший Сперанского, – М.А. Корф отрицал у него наличие каких-либо устойчивых политических убеждений. В частности, в октябре 1838 г. Корф записал в дневнике: «Сперанский не имел... ни характера, ни политической, ни даже частной правоты. Участник и, может быть, один из возбудителей, по тогдашнему направлению умов, филантропических мечтаний Александра, Сперанский был в то время либералом, потому что видел в этом личную свою пользу, а когда минул век либерализма, то перешел в тех же побуждениях к совершенно противоположной системе. Он был либералом, пока ему приказано было быть либералом, и сделался ультра, когда ему приказали быть ультра. Тот же человек, который прежде замышлял ограничение самодержавной власти, после писал и печатал книги в пользу и защиту военных поселений» (*Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 гг. / вступ. ст. и коммент И.В. Ружицкой. М., 2010. С. 181). Если принять точку зрения Корфа, то получится, что главным «архитектором» правовой системы Российской империи стал талантливый технократ, но отнюдь не идеолог.

Вместе с тем характерен пиетет к Сперанскому, который испытывали высокопоставленные чиновники спустя десятилетия после кончины реформатора. В.Ф. Романов в связи с этим вспоминал: «Мой приятель, друживший с сыном Плеве – очень хорошим и скромным чиновником, рассказывал мне, с какой гордостью Плеве-отец показывал ему в своей казенной квартире государственного секретаря кресло, в ко-

Тем не менее даже после кодификации российское законодательство «молчало» по многим вопросам. Казалось бы, первая и основная задача законодателя, действующего в рамках континентальной системы права, – дать ответы на все случаи жизни. Так понимали свою цель и представители российской бюрократии – регламентировать по возможности все сферы жизни империи. Например, в 1890 г. К.П. Победоносцев так определил направление преобразования земства: «Введение земских учреждений было положительным шагом в развитии нашей гражданской жизни. Главный недостаток нынешнего земского положения – неопределенность. Это и нужно устранить точным определением прав и обязанностей»[1].

И все же задача, поставленная обер-прокурором Синода, едва ли была в полной мере разрешима. Характерная черта законодательной системы Российской империи второй половины XIX – начала XX в. – драматическое расхождение между интенцией законодателя дать тотальную регламентацию и констатацией обычного правового порядка, не подлежащего формальному юридическому описанию. На это регулярно ссылались высокопоставленные чиновники. Сам Победоносцев сетовал на великое множество законов, целью которых было гарантировать различные свободы и права. В действительности они лишь опутывали человеческую деятельность «цепью» разнообразных запретов. В связи с этим обер-прокурор Синода цитировал Ф. Бэкона: «Сети спадут на них, говорит пророк, и нет сетей гибельнее, чем сети законов: когда число их умножилось и течение времени сделало их бесполезными – закон уже перестает быть светильником, освещающим путь наш, но становится сетью, в которой путаются наши ноги»[2]. Многие государственные мужи рубежа веков

тором работал еще знаменитый Сперанский: “Вот здесь сидел он, если бы хотя бы раз увидеть его”» (*Романов В.Ф.* Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. С. 111).

Впрочем, у М.М. Сперанского и в конце XIX в. были и критики, в том числе славянофильского направления. В частности, публицист И.Ф. Романов писал: «Обман Сперанского 1) поддерживает фикцию Самодержавия, все и вся наполнявшего в России, вбивающего каждый гвоздик, ввинчивающего каждый винтик государственной машины Собственноручно, и 2) снимает с Самодержца действительно трудную задачу найти “не имеющего чина Иванова”, который должен быть умен и честен, чтобы построить на веру мост» [*Рцы (Романов И.Ф.)* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: Нагота рая: Историко-философское эссе. Парадоксы и афоризмы. Религиозная публицистика. Политические и экономические статьи. Путевые очерки. СПб., 2016. С. 249].

[1] Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 5. Л. 12.

[2] *Победоносцев К.П.* Закон // *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 147–148. По остроумному замечанию К.А. Скальковского, в России «законов необходимых имеется 1416, бесполезных – 14 160, излишних – 141 600; сколь-

констатировали тот факт, что они уже окончательно запутались в существующих нормах и положениях как писанного, так и обычного права. В июне 1889 г. В.К. Плеве объяснял коллегам: «В настоящее время не существует демаркационной линии между карательной властью мирового посредника, волостного старшины и сельского старосты, с одной стороны, и властью волостного суда, с другой»[1]. Такое «молчавшее» законодательство оставляло большой простор местной администрации и существенно ограничивало фактические полномочия как будто бы всесильных центральных учреждений.

Таким образом, привычный для правовой литературы конца XIX столетия разговор о началах законности в русской государственной жизни с неизбежностью подталкивал его участников к мысли о необходимости рационализации управления и широкомасштабных реформ.

Реформы

Реформы – мероприятия государственной власти, направленные на совершенствования какой-либо сферы жизни общества. В этом понимании слова реформы происходят регулярно. Более того, можно предположить осуществление консервативных реформ, нацеленных на сохранение существующего порядка.

Тем не менее в российской традиции далеко не все преобразования принято считать реформами. Так, согласно устоявшимся представлениям мероприятия царствования Александра III – не реформы, а контрреформы. Иными словами, не всякая реформа – «реформа». Очевидно, речь идет не о масштабе содеянного. Издание немаловажного Земского положения 1890 г. к реформам как раз обычно не относят[2].

И хотя преобразования происходят повсеместно и почти ежедневно, для российского общественного сознания эпохи реформ случаются нечасто. Это моменты «взрыва», меняющие повседневность во

ко недостает законов для полного благополучия – неизвестно... Просматривая Code russe, поражаешься, что в нем употреблено 100 000 раз слово “отнюдь не дозволяется”, 50 000 раз – “воспрещается” и 25 000 раз – “строжайше воспрещается”, но публике все это кажется недостаточным и каждый день в газетах предлагается воспретить еще что-нибудь» (*Скальковский К.А.* Сатирические очерки и воспоминания. С. 370–371).

[1] Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 5. Л. 75.

[2] *Писарькова Л.Ф.* Феномен российских реформ // Российская история. 2014. № 4. С. 19–20; *Христофоров И.А.* На пути к революции // Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.: В 4 т. М., 2016. Т. 3: Вторая половина XIX – начало XX в. С. 184–187.

имя реализации проекта, альтернативного существующему. «Революционер на троне» – лучший реформатор. Идеальная реформа сродни революции и, может быть, даже аналогична по последствиям. Не случайно Б.Н. Чичерин, призывавший к осторожности и умеренности в проведении преобразований, был сторонником поэтапного (а, следовательно, неспешного) реформирования страны: «Когда под влиянием времени известное преобразование, глубоко охватившее жизнь, окрепло и установилось, когда общество применилось к новому порядку, тогда безопасно приступать к дальнейшим реформам. Но разом изменять все, затрагивать все страсти, все интересы – значит возбуждать брожение, с которым не всегда легко справиться»[1]. Иными словами, даже сторонник «охранительного либерализма» Чичерин видел в реформе коренной слом существующего положения вещей[2].

В силу этой причины русское общество XIX столетия жаждало не реформ, а Реформу[3], под которой в первую очередь подразумева-

---

[1] *Чичерин Б.Н.* Философия права / сост., вступ. ст., коммент. И.Д. Осипова. СПб., 1998. С. 441.

[2] Письмо Б.Н. Чичерина Д.А. Милютину 07.03.1899 // ОР РГБ. Ф. 169. К. 77. Д. 54. Л. 24 об.

[3] *Соловьев К.А.* В преддверии революции // Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в. Т. 3. С. 244.

Представители либеральной мысли всячески подчеркивали невозможность какой-либо значимой реформы без политических преобразований. 18 сентября 1902 г. П.Б. Струве в редактируемом им журнале «Освобождение» поместил свою статью «Либерализм и так называемое “революционное” направление», где, рассуждая о тактических приемах своих единомышленников, коснулся вопроса о сущности правовой системы как таковой: «Право как явление жизни общественного организма требует по своей идее свободы преобразования, в основе которой не может не лежать свободное изъявление мысли и воли». Право, по мнению Струве, в самом себе должно заключать возможности и пути своего изменения. В противном случае оно не сможет во всякий момент времени соответствовать идее права, т. е. современному правосознанию населения. А сложившаяся к началу XX в. правовая система России не предполагала законных путей для своего развития. Это ставило под угрозу возможность движения вперед самого общества и государства. Как писал П.Б. Струве в предисловии к изданной им записке С.Ю. Витте, «не баррикады, не бомбы, не крестьянские бунты угрожают современному русскому правительству и существующему политическому строю, – главный враг правительства оно само, его собственная задача, та бессмысленная задача сохранения существующей государственной формы, которым оно, правительство, подменило всякую творческую работу и ради которой оно должно пресекать эту последнюю. Эта охранительная по форме, разрушительная по существу деятельность самого правительства создала и поддерживает ту душную предгрозовую атмосферу, в которой живет современная Россия, она растит и готовит русскую революцию» (*Струве П.Б.* Предисловие ко второму изданию // Витте С.Ю. Самодержавие и земство. Stuttgart, 1903. С. XLIX).

Иными словами, по мнению конституционалистов, именно форма определяет содержание, а механизмы правообразования очень заметно влияют на характер ут-

верждаемых законодательных норм. Гибкая правовая система способна реагировать на вызовы времени, и она всякий раз будет адекватна сложившимся обстоятельствам, т. к. находится в состоянии постоянного становления. Жесткая, застывшая правовая система в какой-то момент обязательно перестанет соответствовать существующим условиям и будет тратить значительную часть своей энергии на сохранение самой себя. Соответственно, именно гибкая правовая система дает возможность постоянного реформирования в соответствии с требованиями момента; жесткая же правовая система при определенных условиях становится врагом любых реформ и преобразований.

Конституционалисты предлагали установить такую систему правообразования, которая бы постоянно обеспечивала соответствие действующих правовых норм правосознанию. Как утверждал Ф.Ф. Кокошкин в «Лекциях по общему государственному праву»: «Прежде всего необходимо гарантировать, чтобы право, созданное государством (закон), находилось в соответствии с первоисточником всякого права, народным правосознанием. Этой цели служит участие народа (совокупности активных граждан) или народного представительства в законодательстве» (*Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 262). Именно поэтому с точки зрения сторонников коренных преобразований российской политической системы только конституционное государство могло на современном этапе адекватно отвечать на вызовы времени: только оно предполагало механизм воплощения общественного мнения в правовые нормы.

Следовательно, все ключевые проблемы современности могли быть разрешены лишь при условии учреждения конституционной формы правления. «Самодержавие является главным препятствием аграрного прогресса в России, и аграрный вопрос не разрешим вне общего политического освобождения России. Поэтому в данный момент борьба за освобождение есть самый верный и единственный путь к разрешению аграрного вопроса», – утверждал С.Н. Булгаков в июле 1903 г. на съезде в Шаффгаузене, предварявшим образование «Союза Освобождение». По мнению докладчика, представители действующей власти ощущали постоянный страх за свое будущее и, соответственно, панически боялись каких-либо изменений, в том числе и преобразования правового строя деревни. Без решения этого вопроса говорить об аграрной реформе бессмысленно. Аграрная реформа не могла иметь место без преобразования органов местного управления, непосредственно отвечавших за состояние деревни. Но и на это бюрократическое самодержавие не пошло. Так что прогресс сельского хозяйства при сохранении самодержавия был немыслим. Напрашивался вывод: аграрная реформа естественно вытекала из правовой реформы всей системы общественно-политических отношений в России.

По сути дела, о том же самом писал и Д.И. Шаховской в статье «Политика либеральной партии», опубликованной в «Освобождении» в марте 1904 г.: «Самодержавной власти для того, чтобы вступить на путь действительных реформ не остается другого исхода, как отвергнуть самое себя. Полагать, что эти реформы, без которых нет спасения русскому народу, могут быть выполнены на почве самодержавия и в союзе с ним, значит обрекать их не только на частичную, но и на полную и безусловную неудачу» (*Шаховской Д.И.* Политика либеральной партии // Либеральное движение в России. М., 2001. С. 69–70). «Всякие уступки и колебания гибельны для существующего режима: он держится и может еще некоторое время держаться только насилием, внушающим страх», – писал Петр Долгоруков в октябре 1904 г. (*Долгоруков П.Д.* Исторический урок // Освобождение. 1904. № 57. 15 октября. С. 118).

лось учреждение конституционного строя[1] (или, по крайней мере, радикальная трансформация политического режима). Вопрос можно поставить шире: общество, желая реформ, мыслило большими социально-политическими проектами и навязывало их правительству. Чиновник – тот же представитель общества. Он мерил свои действия пожеланиями соседей, не находившихся на государственной службе, и только лишь «настоящими» реформами мог оправдать свое существование.

В первую очередь «настоящие реформы» должны были быть *системными и масштабными*. И высокопоставленные чиновники, и сам император полагали, что правительственная политика должна определяться широкой программой преобразований. Казалось, что каждый шаг власти должен быть сделан в направлении далеко стоящей цели. И Александр III, и Николай II вполне принимали мысль о необходимости системного подхода при проведении преобразований, рассчитывая от своих сотрудников получить «дорожную карту» планировавшейся реформаторской деятельности. Так, в ноябре 1885 г. Александр III солидаризировался с точкой зрения К.П. Победоносцева о перспективах преобразования судебной системы в России: идея обер-прокурора Синода о необходимости полномасштабной ревизии результатов преобразований 1864 г. понравилась царю[2]. И в данном случае интерес представляет не предложенное направление политики, а сама масштабность замысла, подразумевавшая проведение многолетних правительственных мероприятий.

По мнению Победоносцева, также следовало подступаться и к реформе местного самоуправления. Не стоило спешить, идти на резкие шаги – надо было поступательно двигаться в заранее намеченном направлении, с которым пока еще не было определенности. 18 апреля 1886 г. он писал императору: «Законодательством минувшего 25-летия до того перепутали все прежние учреждения и все отношения

---

[1] Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 795; *Арсланов Р.А.* Государство и общество в концепции российского либерала // Россия в XX веке. Люди, идеи, власть. М., 2002. С. 11–12. Эту точку зрения разделяли лидеры «освободительного движения», например, П.Б. Струве. В частности, он писал: «При самодержавии Россия находится в состоянии скрытой или, вернее, вогнутой внутрь хронической революции, которая неизбежно перейдет в острую форму, если не будет предпринята крупная реформа. Маленькая конституция может или, вернее, должна породить дальнейшее политическое движение, которое в случае упорства правящих классов неизбежно приведет к большой революции» (*Струве П.Б.* Организация и платформа демократической партии // Освобождение. 1904. 27 октября. С. 129).

[2] Письмо Александра III Владимиру Александровичу 16.11.1885 // ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 380. Л. 33.

властей, внесено в них столько начал ложных, не соответственных с внутренней экономией русского быта и земли нашей, что надо особливое искусство, дабы разобраться в этой путанице. Узел этот разрубить невозможно, необходимо развязать его, и притом не вдруг, а постепенно»[1].

Спустя 8 лет, при обсуждении будущей судебной реформы в пользу системности и планомерности высказывался министр юстиции Н.В. Муравьев. Опять же речь шла о последствиях 1864 г. По его мнению, несистемный подход не исправляет имевшиеся ошибки, а способствует появлению новых[2]. «Законодатель [в 1870–1880-е гг.]... был вынужден избрать третью, среднюю дорогу – отдельных частичных изменений, из которых, впрочем, многие, отвечая назревшим потребностям, были более и менее существенными отступлениями от первообраза. Эти законодательные поправки красной нитью с небольшими перерывами тянутся через первые десятилетия нового суда. О численности их можно судить по тому, что в первой половине 1894 г. – времени учреждения комиссии для пересмотра – их накопилось более 700 и только один их голый перечень составил целый том материалов, подготовленных для комиссии»[3].

Впрочем, системность подходов приносила свою весьма ощутимую пользу чиновничеству. Она подразумевала создание многолюдных комиссий, чья долголетняя работа специально оплачивалась. Так, например, комиссия, инициированная как раз Муравьевым и нацеленная на подготовку проекта судебной реформы, за десять лет ее существования (1894–1904) и проведенных 500 заседаний стоила казне около 100 тыс. руб.[4]

Получая прямую выгоду благодаря характерной ему «системности подходов», чиновник подозревал окружавших коллег в заскорузлости и близорукости. В отсутствии изначального плана виделся серьезный (и главное: вполне характерный) изъян любой бюрократической деятельности. Согласно этому взгляду, чиновник, занимаясь каждодневным управлением страной, не склонен видеть проблему в целом. Сконцентрировавшись на частностях, он нередко плодит ошибки и

---

[1] Письма К.П. Победоносцева к Александру III: В 2 т. М., 1926. Т. 2. С. 105.

[2] Материалы особой комиссии по пересмотру законоположений о судебной части // РГИА. Ф. 995. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

[3] Объяснения Н.В. Муравьева в Государственном совете о пересмотре судебных законоположений на заседании 16 декабря 1902 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 725. Л. 2 об. – 3.

[4] Всеподданнейший доклад министра юстиции Н.В. Муравьева, январь 1904 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 377. Л. 6.

противоречия. На заседаниях Кахановской комиссии (1881–1885)[1], обсуждавшей проекты реформы местного управления, периодически повторялась мысль о системном сбое в организации местной власти Российского государства. В частности, полиция была вынуждена заниматься несвойственными ей делами, прежде всего потому, что законодательство не поспевало за институциональной перестройкой системы управления. Она заметно усложнилась, появлялись новые учреждения. Но происходившие изменения не были синхронными. В итоге давала о себе знать дисбалансировка системы[2]. Иными словами, по мнению участников совещаний, частные преобразования не всегда создают новое качество, но практически всегда способствуют расстройству сложившихся отношений. Они далеко не во всем бывают полезны, но преимущественно – вредны.

Что стоит за этим поворотом мысли: представление, укоренившееся в обществе, или своего рода бюрократический трюк, позволявший с легкостью отвергнуть неугодный проект преобразований? Вероятно, и то, и другое. В этом сказывалась как университетская выучка высокопоставленных чиновников, так и желание сохранить status quo и совсем ничего не менять. Требуя системных преобразований, сановник ставил под сомнение перспективы конкретного законопроекта[3]. В частности, этой тактики придерживался член Государственного совета М.С. Каханов при осуждении инициативы МВД об учреждении должности земского начальника. 16 января 1889 г. он указывал коллегам по высшему законосовещательному учреждению империи «на необходимость общего переустройства местного управления, утверждая, что это не представляет тех чрезвычайных затруднений, как выставляет граф Толстой, и в доказательство возможности этого ссылался на памятники законодательства, неоднократно издававшиеся Екатериной II, Александром I, Николаем Павловичем и в Бозе почившем государем»[4]. Это была линия всего Министерства

---

[1] Речь идет об Особой комиссии для составления проектов местного управления.

[2] Журналы совещаний Особой комиссии для составления проектов преобразования местного управления («Кахановской комиссии») // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 27. Л. 15.

[3] 17 июля 1893 г. А.Н. Куломзин писал сыну о склонности российской бюрократии к системности и универсализму: «У нашего чиновничества всегда преобладала фальшивая тенденция распространять на всех диких инородцев благодеяния судебных учреждений и общих норм управления. А между тем, этим диким племенам нужны другие формы» (Письмо А.Н. Куломзина А.А. Куломзину 17.05.1893 // ОПИ ГИМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3. Л. 35).

[4] Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 1. Л. 92 об. На заседании соединенных Департаментов Государственного совета М.С. Каханов объяснял, «что собранные правительством материалы и в особенности сена-

юстиции во главе с Н.А. Манасеиным: нельзя учредить земских начальников, не реформировав всю систему местного самоуправления и управления, а также полицию[1]. В целом схожей линии поведения придерживался председатель Департамента законов Д.М. Сольский. На заседании Государственного совета он «прочитал первоначальный текст проекта графа Толстого в том виде, в каком проект был прислан первоначально на заключение его, Сольского. Тогда граф Толстой стоял на той точке зрения, на которой стоит ныне большинство. Он доказывал необходимость близкой к населению власти по всем во-

---

торские ревизии дают полную возможность теперь же определить общий план переустройства. Говорят, что это трудно и сложно, но это еще не причина, чтобы отказаться от разрешения задачи. Главные недостатки теперешнего порядка суть следующие: а) теперешние органы не удовлетворяют возложенным на них обязанностям, б) компетенция некоторых властей неопределенна и дает повод к пререканиям, в) уездные власти часто недовольно полномочны для успешной деятельности, г) влияние правительства недостаточно в отношении иных властей, личный состав служащих неудовлетворителен. Все эти недостатки состоят во взаимной связи. Нельзя выхватить один и оставить другие в неприкосновенности. Министр внутренних дел утверждает, что в уездном управлении – хаос, но предлагаемая им мера – создание еще одной власти без сообразования с остальными, – не уменьшит, а увеличит этот хаос. Крестьянское управление предлагаемыми мерами не улучшится, потому что земские начальники будут лишь отменять распоряжения крестьянских властей, но не обеспечат на будущее время улучшения свойства этих распоряжений. Полиция остается в том же и, быть может, несколько пониженном виде, мировые судьи передают часть своих дел административным чиновникам, но все это не достигает целей исправления местного управления в вышеуказанных его недостатках» (Там же. Ч. 3. Л. 113–114). См. также: Материалы к закону от 12 июля 1889 г. о земских начальниках. Записка М.С. Каханова о земских начальниках. 08.04.1887 // ОР РГБ. Ф. 290. К. 63. Д. 1. Л. 2, 4.

Князь В.П. Мещерский назвал отзыв М.С. Каханова «смешным»: «Прямо нападая на сущность проекта с либеральной точки зрения петербургского бюрократа, полагает, что вопрос этот не может быть рассмотрен отдельно от совокупного рассмотрения всех Положений, до внутреннего управления касающихся» (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 464).

[1] Материалы к закону от 12 июля 1889 г. о земских начальниках. Записка министра внутренних дел от 28 ноября 1887 г. об отзыве министра юстиции на законопроект о земских начальниках // ОР РГБ. Ф. 290. К. 62. Д. 3. Л. 3, 5. В Министерстве внутренних дел так отвечали на это возражение: «Главная ошибка рассматриваемой записки заключается, по моему мнению, в неправильном взгляде на саму задачу реформы местного управления. Вместо общего переустройства всей системы нынешних учреждений, согласно особому, выработанному на этот предмет плану, – задачи неразрешимой и не оправдываемой какой-либо необходимостью – следует поставить другую, менее трудную и более исполнимую задачу, которая состоит в приведении в порядок существующих отраслей местного управления, находящихся в состоянии расстройства, в таких преобразованиях в этих отраслях управления, которые исправили бы местные учреждения сообразно указаниям практического опыта жизни, привели бы их в согласие с основными началами нашего государственного и общественного устройства» (Записка министра внутренних дел. Ответ Старицкому. 28.11.1887 // Там же. Л. 134).

просам управления. Впоследствии, когда со стороны министра юстиции возбужден был спор относительно компетенции мировых судей, то граф Толстой отступил от своего первоначального взгляда, но он, Сольский, остается верен этому взгляду, почитая необходимым для развития народного благоденствия и упрочения порядка дать ему более близкую власть, чем та, которую теперь надо искать не ближе, как в уездном городе»[1]. Иными словами, сам Д.А. Толстой будто бы выхолостил собственный законопроект, отказался от его концептуальных оснований, которые, оказалось, для Сольского дороже, чем для МВД. Сольский критиковал (а, следовательно, предлагал отклонить) министерский проект, составители которого якобы отступили от собственных принципов. Подразумевалось, что системность подходов – необходимое условие успешности политики как в России, так и в странах Западной Европы. Министр юстиции Н.А. Манасеин приводил пример Пруссии, где реформа местного самоуправления была комплексной и в итоге не вызвала затруднений. Нечто подобное следовало провести и в России[2].

Ответ на эту критику прост, хотя и уязвим: в сложившихся обстоятельствах следовало срочно укреплять власть на местах, времени для подготовки программы реформ местного самоуправления не было. Так и объяснял свою позицию Д.А. Толстой, попутно соглашаясь с коллегами, что все же было бы неплохо подойти к проблеме

---

[1] Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 1. Л. 93.

[2] Там же. Ч. 3. Л. 120. Аналогичным образом Б.П. Мансуров критиковал законопроект о найме на сельские работы. Выступая на заседании соединенных департаментов Государственного совета 21 апреля 1886 г., он ссылался на предыдущие решения Государственного совета и в том числе говорил об отсутствии необходимых органов самоуправления для проведения этого мероприятия в жизнь. Д.А. Толстой парировал: «Следуя мысли Б.П. Мансурова, пришлось бы остановить издание и других постановлений впредь до осуществления предположений о местном управлении, которые находятся еще в зачаточном состоянии». Характерно, что в поддержку Мансурова выступил К.П. Победоносцев. По словам заведующего Кабинетом Его Императорского Величества Н.С. Петрова, Победоносцев «говорил о неудобстве быстрого составления законопроектов вообще, о том, что нужно не одно положение о найме рабочих, что есть масса “вопиющих” о поджогах, о неправосудии и т. п. (“житья и покоя нет на месте”), резко отнесся к мировому суду, говоря, что он “монстр, чудовище, которому подобия нет ни в Европе, ни в Америке”... что за спиной суда стоит “язва, тля – адвокат”, в руки которого и попадает рабочий с изданием Положения. Он заключил предположением отложить рассмотрение проекта до осени» (Письмо Н.С. Петрова И.И. Воронцову-Дашкову // ОР РГБ. Ф. 58. Р. I. К. 64. Д. 23. Л. 4–5). Эта точка зрения не пользовалась поддержкой большинства присутствующих. (Там же. Л. 5). В итоге законопроект получил высочайшее одобрение (Обзор деятельности Государственного совета в царствование государя императора Александра III. 1881–1894. СПб., 1895. С. 84–85).

комплексно[1]. Но все же министр внутренних дел акцентировал внимание на другом. Реформы должны быть своевременными и соответствовать конкретным сложившимся обстоятельствам, а для этого их нужно хорошо знать[2]. Это было больное место многих высокопоставленных служащих (в том числе и некоторых критиков толстовских инициатив), которые порой сомневались в том, что они сами более или менее адекватно представляли себе российские реалии. Впрочем, в этом могли упрекнуть и самого Толстого. В декабре 1888 г., в разгар обсуждения законопроекта о земских начальниках, К.П. Победоносцев послал ему брошюры Р. Мориера о местном самоуправлении в Англии и Германии. Очевидно, этот текст показался интересным обер-прокурору Св. Синода. Важнейшие мысли автора он особо выделил. Главная из них: британское самоуправление потому успешно, что основывается на бытовом укладе английской жизни. Оно практично, а не умозрительно. Оно формировалось не законодателем, а практикой. Порядок его работы определялся не канцеляристами английского Министерства внутренних дел, а местными инициативными силами[3].

Это еще одно требование к «подлинным реформам»: они должны опираться на *экспертное знание*. Главное обвинение, обычно адресуемое реформаторам рубежа XIX – XX столетий, – они не знают страну. В 1882 г. министр государственных имуществ М.Н. Островский не стеснялся говорить о себе и своих коллегах: «Мы, министры, с высоты своего министерского кресла, делаем всевозможные распоряжения, не зная совершенно провинциальной жизни»[4]. Спустя четверть сто-

---

[1] Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 3. Л. 114.

[2] В частности, Д.А. Толстой заявлял: «Для сельского населения существующий ныне порядок заведования крестьянскими делами, основанный на строгом разграничении компетенции различных установлений и выражающийся, в действительности, полным отсутствием авторитетной власти на местах, оказывается источником постоянных недоумений и практических затруднений. Темному сельскому люду совершенно недоступно понятие о разделении властей. Всякое правонарушение, происходит ли оно от злоупотреблений органов сельского управления, или от притеснений частных лиц, крестьянин одинаково считает обидой и ищет начальства, которое могло бы защитить его или, по крайней мере, указать, что ему следует делать. В настоящее время он такого начальства не находит в непосредственном своем соседстве и с прошением своим должен обращаться или в уездный город, нередко весьма отдаленный, или к мировому судье, камера коего не всегда находится близко» (Материалы по разработке проекта положения о земских начальниках. Соображения министра внутренних дел // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 17. Л. 330 об.).

[3] Письмо К.П. Победоносцева Д.А. Толстому 20.12.1888 // РГАЛИ. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 158. Л. IV–VI.

[4] *Валуев П.А.* Дневник, 1877–1884. Пг., 1919. С. 206.

летия об этом же писал начальник Земского отдела МВД В.И. Гурко. Он критиковал «бюрократическое разрешение вопроса, т. е. чувство, что, в сущности, не уполномочен никем вопрос решать, боязливость, происходящую от незнания, чувство оторванности от жизни»[1].

Об этом любил писать Победоносцев, рассуждая об умозрительных основаниях едва ли не большинства Великих реформ. По его оценке, государственные деятели царствования Александра II знали многие теории, но плохо представляли себе практику. В итоге большинство задуманных ими нововведений оказывалось в противоречии с окружавшей их действительности: это касалось и столь нелюбимого обер-прокурором суда присяжных («учреждение... сшито совсем не по нашей мерке»)[2]. Крестьянское самоуправление, действовавшее после 1861 г., по мнению Победоносцева, только лишь сеяло хаос[3]. Победоносцев не щадил коллег по правительству. Среди них оказался и государственный секретарь А.А. Половцов. Обер-прокурор писал Николаю II о проектах сановника реформировать деревню[4]: «В основном взгляде Половцова на этот предмет нельзя с ним согласиться. Он смотрит на народ с отвлеченной точки зрения, или с точки зрения английского или бельгийского капиталиста. Видно,

---

[1] Записки В.И. Гурко // РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 217. Л. 120. В связи с этим же В.И. Гурко писал об «отсутствии личных сведений у кого-либо из членов [Государственного совета] о бытовых условиях отдельных сторон [жизни], что тормозило все законодательство по вопросам управления и быта страны» (Там же. Л. 120 об.).

[2] Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. 2. С. 174.

[3] Там же. С. 205–206.

[4] По мнению А.А. Половцова, институт частной собственности должен был стать краеугольным камнем всей организации российской экономики и общества. Прежде всего это предполагало ревизию правительственной политики в области крестьянского вопроса, проводившейся в годы царствования Александра III. Половцов подвергал жесточайшей критике курс министра внутренних дел И.Н. Дурново, нацеленный на упрочение положения надельной собственности на селе. Бывший государственный секретарь не считал оправданной консервацию архаичных социальных отношений в деревне. Размышления А.А. Половцова во многом предвосхищали концепцию столыпинских преобразований. Он предлагал позволить крестьянам отчуждать свои наделы в частную собственность, что с очевидностью шло вразрез с правительственными решениями 1890-х гг. По мнению Половцова, эта мера привела бы к большей социальной дифференциации среди сельского населения, а вместе с тем и к большей конкурентоспособности российского земледелия. Государство же, отказавшись от политики социальной опеки, высвободило бы творческую энергию человека (прежде всего крестьянина) и тем самым способствовала бы ранее сдерживавшемуся экономическому росту (*Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 67–71). Схожей позиции придерживался и граф И.И. Воронцов-Дашков (*Лукоянов И.В.* Конец царствования Александра III: была ли альтернатива контрреформам? // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 248–251).

он не знает деревни в близком с нею общении»[1]. Половцов ответил Победоносцеву тем же: сам обер-прокурор не знал то, о чем говорил. В частности, бывший государственный секретарь писал великому князю Владимиру Александровичу: «Это меня ничуть не удивляет. Он даже не потрудился внимательно прочитать мою записку, потому что я ни слова не говорю ни о лесах, ни о выгонах, а исключительно о пахоте. Главное дело было: меня по этому поводу демонизировать. Сказать, что я не понимаю русской жизни и т. п. и, следовательно, говорю вздор. Жаль мне, что в его годы бедный попович не приобрел больше основательных экономических сведений. Жалею об одном, что нет более на свете Бунге. Мы бы усердно похохотали над фразерной болтовней подобного выразителя темных, смутных, сентиментальных, но лишенных практического смысла взглядов. Его теория проста: попу в вицмундире приказать строить церкви, школы, брать деньги на это из казначейства каждое первое число. Что там будет впоследствии, какая на Россию стряхнется пугачевщина, это не наше дело. То будет вина провидения»[2].

Любую инициативу, исходившую из бюрократической канцелярии, можно было с легкостью обвинить в одном из типичных чиновничьих пороков: либо в несистемности, либо в отвлеченности, умозрительности[3]. Это был серьезный аргумент при обсуждении любого

---

[1] Письмо К.П. Победоносцеву Николаю II (1895) // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 623. Л. 1.

[2] Письмо А.А. Половцова великому князю Владимиру Александровичу // ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 649. Л. 9–10. Ровно так же и С.Ю. Витте обвиняли в «оторванности от жизни». А.В. Кривошеин писал М. Казем-Бек в 1902 г.: «Твои мнения об общем положении дел преувеличены. В России власть так сильна, что бояться ее умаления еще рано. Все эти бунтующие элементы – это маленькая пленка на огромной поверхности России, болезнь нароста, а не организма; смазать как следует и болезнь пройдет. Но все-таки лечить надо, иначе болезнь будет запущена, да она и запущена уже порядком. Управление И.Н. Дурново, Горемыкина, Сипягина сделало свое дело. Я лично верю в огромный ум Плеве, в его способность поставить верный диагноз и затем его решимость, определив болезнь, дать тот способ лечения, какой будет в его силах. Но он одинок, кругом государя целая партия лиц, преследующих свои цели; непрерывно идет глухая и упорная борьба; последствия ее – нерешительность, колебания, полное отсутствие плана и единства действий. Затем я считаю весьма вредным оставление на месте Витте. Эти два человека не могут действовать вместе, и нравственность Витте не возбуждает во мне доверия; он предаст что угодно и кого угодно для личных целей. Он России не знает и в своей деятельности руководствуется теориями, а не жизнью» (Обзор результатов перлюстрации писем по важнейшим событиям и явлениям в государственной и общественной жизни России в 1902 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 308. Д. 41. Л. 33 об. – 34).

[3] Характерно, как и в каких выражениях К.П. Победоносцев критикует деятельность М.Т. Лорис-Меликова в письме к Александру III: «Граф Лорис-Меликов, человек умный, но легкомысленный и *не знавший России*, подчинившись влиянию *бол-*

законопроекта в высших правительственных учреждениях Российской империи. В поразительно узком коридоре возможностей реформы можно было проводить лишь «украдкой», в надежде, что их не заметят, не оценят как действительно полномасштабные преобразования[1]. Конспиративный характер российской политики в том числе обусловил популярность неославянофильских правовых конструкций, которые позволяли рассчитывать на реформы при сохранении прежней мифологии власти. Это объясняло то внимание, которое традиционно придавалось реформе Государственного совета в 1860–1900-е гг. Как писал публицист и весьма влиятельный общественный деятель К.Ф. Головин князю П.Д. Святополк-Мирскому 8 ноября 1904 г.: «Скромное преобразование может быть проведено без всяких потрясений и не подаст повода ни к каким манифестациям. По моему крайнему разумению, наиболее благотворные и прочные реформы, которые являются на свет без шума и на крестины которых не сзывается толпа»[2].

Таким образом, рутинный процесс законотворчества намеренно выводился из поля зрения общества, а следовательно, и будущих исследователей. Он реализовывался в самых разных формах.

В первую очередь *корректировка* прежде принятых решений, когда прагматики заступают место догматиков, а опыт – теории. Этот «откат» в прошлое нередко подразумевает подлинный шаг вперед.

тунов и журналистов, вздумал собирать отовсюду пеструю толпу *так называемых земских людей*, дабы привлечь их к участию в важнейших государственных вопросах, которые *сам он понимал очень смутно* [курсив мой. – *К.С.*]» (Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. 1. С. 365).

[1] См.: *Христофоров И.А.* Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 348–349.

[2] Письмо К.Ф. Головина П.Д. Святополк-Мирскому 8.11.1904 г. // ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 609. Л. 2. Надежду на скромные преобразования до поры до времени разделяли и видные представители общественности. О вредоносности бюрократических порядков рассуждали и чиновники, и деятели местного самоуправления, безудержно ругавшие высокопоставленных служащих. Примечательно другое: альтернативой существующему строю многим виделась не конституция, а привлечение общественности к законотворческому процессу, который бы разворачивался в привычных рамках законосовещательных учреждений. Отсутствие подвижек в этом направлении, казалось, было чревато драматичными последствиями. В мае 1884 г. Б.Н. Чичерин писал знакомому: «Что-то будет? На кого и на что надеяться? Кроме бесчисленного множества вопросительных знаков, не представляется ничего. Что с одними бюрократическими силами не справиться со своей задачей – это для меня совершенно ясно, а чего доброго, последствием нового поворота будет война, банкротство и затем дарование конституции совершенно неприготовленному к тому обществу» (Выписка из писем Б.Н. Чичерина А.В. Станкевичу, май 1884 г. // ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 304. Л. 12).

Он свидетельствует о том, что найден путь сделать новое более или менее привычным.

Кодификация, когда в процессе прилаживания новой нормы к корпусу старых последние существенно меняются. Примечательно, что в России второй половины XIX – начала XX в. кодификацией занимались мало кому известные чиновники, которые порой не ставили в известность ни верховную власть, ни высших сановников империи.

Правоприменение. Последнее слово всегда остается за тем, кто исполняет решение. Если его представления о праве и справедливости расходятся с представлениями законодателя, о воле последнего преимущественно забывают.

* * *

Понятийный аппарат, которым пользовались представители высшей бюрократии, лишь в малой степени описывал политические реалии конца XIX – начала XX в. Вместо этого он рисовал идеальную картину и подталкивал чиновничество в сторону оппозиции – в независимости от того, какой концепт был им более симпатичен: самодержавие или законность. В обоих этих понятиях чувствовался «заряд» неприятия существовавшего режима. Кроме того, они явно противоречили друг другу, предполагая разные подходы к делу управления и законотворчества. В итоге нередко чиновник был поставлен перед необходимостью вести «государево дело» в конспиративном порядке, скрывая от окружающих подлинные цели своих действий.

Впрочем, был и другой путь: отказаться от понятия «законность» как чуждого идее самодержавия; само же самодержавие интерпретировать как безудержное всесилие царской власти, таким образом отвергнув популярные славянофильские конструкции. Этот взгляд на настоящее и будущее государственной жизни России – доведенный до своего логического предела – точно так же подразумевал демонтаж существующего политического режима, ломку сложившейся организации власти. Как раз в связи с этим посол Германии в России Г.Л. фон Швейниц записал в дневнике в январе 1882 г.: «Между... Игнатьевым и Победоносцевым – “самодержец”, изолировавший себя от мира, за ними стоят, используя их как свои безответные орудия, московские журналисты, поносящие все существующие государственные институты, органы правления, чиновничество, методично уничтожающие авторитет государства...»[1]

---

[1] *Швейниц Г.Л.* Дневник // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма / вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. В.Г. Чернухи. СПб., 2001. С. 177.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ИНСТИТУТЫ

Царь

Александр III, как и его предки, венчался на царствование в Московском Кремле 15 мая 1883 г. Когда куранты пробили девять, императорская чета вышла на Красное крыльцо. Александр III и императрица Мария Федоровна трижды поклонились многотысячной толпе, собравшейся на Соборной площади. Раздалось оглушительное «ура». Процессия двинулась в сторону Успенского собора. Над императором и императрицей держали золотой балдахин. Сановники несли регалии царской власти: корону, скипетр, державу, государственное знамя, щит и меч. Рядом шли гренадеры в форме 1812 г. Раздался удар большого колокола с колокольни Ивана Великого. Его подхватили все московские храмы. Начался бесконечный перезвон. Хор в пятьсот человек пропел гимн «Боже, царя храни». У дверей храма Александра III встречали митрополиты и архиепископы. Началась долгая церковная служба. И наконец один из митрополитов снял с красной подушки корону и передал ее императору, который, в свою очередь, надел ее себе на голову. А затем взял вторую корону и надел ее на голову коленопреклоненной супруге. После этого царь подошел к иконостасу, взял чашу из рук митрополита и принял причастие. Ведь будучи главой церкви, император причащался сам. Вновь зазвонили колокола, раздался пушечный салют. Коронация закончилась. Начался праздник, который продолжался три дня. Он вместил в себя балы, банкеты, раздачу подарков народным массам. 26 мая, как раз в ходе коронационных торжеств, был освящен храм Христа Спасителя в Москве, сооруженный в честь победы России в войне 1812 г.[1] Это положило конец многолетнему строительству, начатому еще в 1839 г.

В те дни в «высших сферах» очень волновались за жизнь царя. Казалось, из-за любого угла мог выскочить «нигилист» с бомбой. И не спасли бы расставленные по всему пути императорского кортежа солдаты или же 23 тыс. крестьян, добровольно взявшихся охранять

---

[1] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 148–150.

Александра III[1]. И все же отказываться от пышных церемоний российское самодержавие не имело право. Коронация напоминала всем об исторических корнях царской власти, о ее сакральном значении. Безграничная власть государя, защищавшего бедных, слабых и ограничившего произвол сильных, – конечно же миф[2]. Но именно вокруг него строился весь политический режим.

Император действовал в весьма узком коридоре возможностей. Тем не менее он был безусловным центром всей политической системы. Многое зависело лично от него, от его характера, особенностей мировосприятия. Однако едва ли было оправданным свести чуть ли не все сюжеты политической истории России XIX в. к психологии царя, в том числе потому что ее реконструкция – дело в целом безнадежное. Чаще всего историк понимает психологию государя довольно шаблонно, ограничиваясь несколькими базовыми характеристиками личности императора. Исследователь с легкостью «решает» ту задачу, которая и современника подчас ставила в тупик. В марте 1888 г. Половцов обратился за консультацией к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву, человеку умному, наблюдательному и в высшей степени хорошо знавшему Александра III: «Ты 25 лет прогуливаешься в этих высочайших мозгах [императора], скажи, как достигнуть благоприятного впечатления?» Победоносцев на это ответил: «В высочайших мозгах всегда есть новые, вновь открывающиеся закоулки»[3]. Еще в большей степени это замечание относилось к Николаю II, которого в ближайшем окружении оценивали как «сфинкса», как «загадку»[4].

Казалось бы, у этих загадок есть простое решение. Обычно могучий великан Александр III, с которого будто бы В.М. Васнецов писал своего Илью Муромца, противопоставляется Николаю II, отнюдь не отличавшемуся богатырским телосложением, физической силой и волевыми качествами. Это сопоставление было популярно и среди современников. И дело было, конечно, не только во внешнем облике. Вскоре после кончины Александра III управлявший Морским министерством Н.М. Чихачев так отзывался о наследнике и его августей-

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 98.

[2] См.: *Raeff M.* Introduction // Plans for political reform in imperial Russia, 1730–1905. Englewood Cliffs, 1966. P. 1–39.

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 97.

[4] П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 151. С.Ю. Витте в связи с этим говорил: «С ним [Николаем II] никогда нельзя знать, что он вздумает предпринять на следующий день» (*Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания / сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьева, подг. текста С.С. Новосельского и К.А. Соловьева. М., 2016. С. 496).

шем родителе: «Наследник – совершенный ребенок, не имеющий ни опыта, ни знаний, ни даже склонности к изучению широких государственных вопросов. Наклонности его продолжают быть определенно детскими, и во что они превратятся, сказать невозможно... Руль государственного корабля [выпал] из твердых рук опытного кормчего, и ничьи другие руки в течение, по всей вероятности, продолжительного времени им не овладеют»[1].

В отличие от сына, вечно колебавшегося и оказывавшегося под влиянием своего ближайшего окружения, Александр III вспоминался современниками как волевой правитель, способный на самые решительные шаги. Он не стеснялся своих чувств, мог весьма грубо высказаться о своих ближайших родственниках и сотрудниках. Так, великого князя Михаила Михайловича, пожелавшего жениться на дочери графа Н.П. Игнатьева, он прилюдно назвал кретином[2]. На статье С.С. Татищева, сравнивавшего крестьянскую реформу 1861 г. с революционными событиями во Франции в 1789 г., император написал: «Только негодяй может писать такие вещи». Почти хрестоматийными стали слова Александра III о директоре Департамента полиции П.Н. Дурново, приказавшем выкрасть переписку своей любовницы с бразильским послом из кабинета последнего. Узнав об этом, царь написал: «Убрать эту свинью в 24 часа». После столь решительной резолюции государя Дурново был действительно уволен с должности главного полицейского и назначен сенатором[3]. Николаю II ставили в вину, что он не был искренним со своими министрами. Они неожиданно получали отставку после самого милостивого приема у государя. Более того, любезный прием со стороны царя вынуждал опытных чиновников задуматься. В действительности же и Александр III вел себя схожим образом. В начале января 1893 г. М.Н. Островский не скрывал своего неудовольствия в связи с тем, что был неожиданно отправлен в отставку с должности мини-

---

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / вступ. ст. Н.П. Соколова и А.Д. Степанского, публ. и коммент. Н.П. Соколова. М., 2000. С. 29. По этому поводу В.Н. Ламздорф записал в дневнике 20 октября 1894 г.: «В самом деле, внутри страны смерть государя [Александра III] оплакивается главным образом только по причине проистекающей отсюда неопределенности положения, в связи с незаметностью наследника-цесаревича, которого почти до самого последнего времени держали в детской комнате; наследник не проявил себя ничем, он известен только кое-какими слабыми сторонами и увлечениями молодости, отнюдь не способными внушить к нему какое-либо доверие» (*Ламздорф В.Н.* Дневник, 1894–1896 / пер. с фр. и англ., автор введ., сост. и коммент. И.А. Дьяконова. М., 1991. С. 75–76).

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 91.

[3] *Бородин А.П.* Петр Николаевич Дурново. М., 2013. С. 125–126.

стра государственных имуществ. Лишь в прошлый понедельник он был на приеме у царя, и тот ни словом не обмолвился об ожидающей Островского перспективе[1].

Тиражируемый образ Александра III не слишком совпадал с реальной личностью царя. Он тоже сомневался и колебался, оказывался под влиянием и уступал. Примечательно, что император терпел на высших государственных должностях лиц, которым лично не доверял: например, государственного секретаря Е.А. Перетца[2]. По сведениям графа С.Д. Шереметева, Александр III не слишком уважал и сменившего Перетца А.А. Половцова и тем не менее терпел его на высокой должности государственного секретаря[3]. С неохотой император согласился на назначение председателем Департамента законов Е.П. Старицкого[4]. Не вызывал симпатий Александра III председатель Департамента государственной экономии А.А. Абаза. Председателя Особой комиссии для составления проектов местного управления М.С. Каханова царь полагал «сообщником» М.Т. Лориса-Меликова[5].

Пожалуй, еще важнее то, что решительный на бумаге[6], император чаще всего не был готов идти на конфронтацию с тем, с кем лично

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1896. СПб., 2014. С. 43. Схожим образом современники отзывались и об Александре II. В частности, М.Н. Островский утверждал, что «он был прелукав перед увольнением, ласков и целовал» (*Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 11. Л. 326).

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 24.

[3] [*Шереметев С.Д.*] Мемуары графа С.Д. Шереметева / сост., подг. текста и примеч. Л.И. Шохина. М., 2001. С. 489. Характерно, что сам Е.А. Перетц не догадывался об отношении императора к своей особе. 14 мая 1882 г. он писал великому князю Константину Николаевичу: «Ваше Высочество изволите упомянуть о дошедших до Вас слухах насчет предстоявшего будто бы моего увольнения. Действительно всю почти зиму слух этот распространялся в городе. Сколько мне известно, он имел источником и недоверие ко мне со стороны Государя или немилость великого князя Михаила Николаевича. Если бы я имел полнейшее основание предполагать это, то, конечно, немедленно просил бы сам о замещении моей должности каким-либо другим, хотя бы даже мне пришлось выйти в отпуск. К счастью для меня, неприятные эти слухи имели другую причину – почти постоянные столкновения с графом Игнатьевым, вообразившим себе, что он имеет возможность и право хозяйничать и распоряжаться в Государственном совете» (Письмо Е.А. Перетца великому князю Константину Николаевичу. 14.05.1882 // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 820. Л. 18).

[4] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 24.

[5] Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. 2. С. 356. Впрочем, эта точка зрения была вполне обоснована (*Мамонов А.В.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и формирование правительственной политики в 1880–1881 гг. // Петр Андреевич Зайончковский. Сб. статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 597).

[6] *Диллон Э.* Александр III // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 263.

встречался. Опытные царедворцы не боялись аудиенции у императора, добивались ее и в итоге нередко одерживали верх над всеми своими недоброжелателями. Император не казался столь суровым и решительным во время всеподданнейших докладов, о которых речь пойдет ниже. Причем министрам было хорошо известно, что император предпочитал не решать дела во время самого доклада. Обычно он оставлял дела у себя и обдумывал их спустя некоторое время. Это объяснялось многими причинами, в том числе и тем, что так Александру III было проще отказывать своим сотрудникам[1]. По словам морского министра И.А. Шестакова, император обычно «конфузился» во время личных докладов[2]. Согласно дневнику А.А. Киреева, «нынешний государь ужасно конфузлив. Когда ему дело докладывают, он очень неуверенно возражает, если же оставит бумаги на прочтение, являются резолюции самой необузданной силы выражений»[3]. Некоторые этим пользовались. Среди них был и М.Н. Катков, который в 1887 г., узнав о жесткой реакции императора на свою статью, добился аудиенции. И практика показала, что издатель «Московских ведомостей» был прав. По мнению К.П. Победоносцева, «государь может выразиться крайне резко и сильно на бумаге... но при личном общении он конфузится, как бы совестится сказать что-нибудь неприличное своему собеседнику. Никогда не хватало у него духа распечь кого-нибудь в глаза»[4].

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 135. Как писал Александр III графу И.И. Воронцову-Дашкову, «боюсь разных замечаний и возражений, а входить в дебаты я не желал бы» (Записка Александра III И.И. Воронцову-Дашкову // ОР РГБ. Ф. 58. Р. II.К. 139. Д. 29. Л. 35).

[2] *Шестаков И.А.* Дневники. С. 92. Доклады проходили по-разному. С.Ю. Витте вскоре после кончины Александра III рассказывал: «Для других это был Государь; для меня это был брат, старший брат, полный любви ко мне. После докладов я с полчаса разговаривал с ним о всевозможных предметах, рассказывал ему всю свою жизнь с раннего детства, как я сам ездил машинистом на локомотиве. Все это его забавляло и ему нравилось» (*Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. М., 2014. С. 122).

[3] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 11. Л. 327.

[4] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. № 9120. Л. 12 об. Эту особенность императора не раз отмечали современники. В частности, В.Н. Ламздорф записал в дневнике 27 января 1891 г.: «Наш монарх в некоторых отношениях – странная личность, и приписываемая ему прямота далеко не всегда оправдывается». Директор канцелярии МИД (а в скором будущем министр иностранных дел) имел в виду случай с пометами императора, весьма резкими в отношении генерального консула России в Португалии. Александр III недвусмысленно требовал увольнения этого чиновника. Посланник России в Португалии, желая сыграть на опережение, предложил консулу подать прошение об отставке. Этого не случилось. Напротив, в министерство пришла жалоба. Кроме того, супруга консула написала письмо царю. Александр III пошел на попятную, смутившись от своей собственной резкости. «Вот каков наш прямолиней-

Александр III колебался, отступал, оказывался под влиянием ближайших советников. В этом отношении весьма показателен первый год его царствования. Он назначил министром внутренних дел графа Н.П. Игнатьева, хорошо зная его страстное желание возродить в России Земский собор. Об этом Игнатьев докладывал царю еще 12 марта 1881 г.[1] Очевидно, до весны 1882 г. в этом не виделось ничего крамольного. Однако в ближайшем окружении императора на этот вопрос смотрели иначе. Министр народного просвещения И.Д. Делянов испугался самого слова «собор». К.П. Победоносцев не желал о нем слышать[2]. М.Н. Катков так охарактеризовал министра Игнатьева: «При настоящем *либеральном* [курсив мой. – *К. С.*] направлении графа Игнатьева... даже Лорис[-Меликов], может быть, лучше. Он не так демократичен и вовсе не славянофил»[3]. Согласно воспоминаниям самого Игнатьева, особую позицию занял министр государственных имуществ М.Н. Островский. Он тоже признался, что «слово Собор страшное и прежде, нежели его произнести, следует продолжительно обдумать все подробности». Игнатьев прислал к Островскому своего сотрудника, публициста славянофильского толка П.Д. Голохвастова с разъяснениями о сфере компетенции прежних Земских соборов, созываемых в царствования первых Романовых. Вроде бы после этого министр государственных имуществ признал правоту Игнатьева и обещал поддержку[4]. Конечно, Игнатьев не пользовался репутацией правдивого рассказчика, и к его свидетельствам следует относиться с некоторой осторожностью[5]. Возможно, все было не так или не

ный царь, – сделал вывод Ламздорф, – он ищет ширму» (*Ламздорф В.Н.* Дневник, 1891–1892 / под ред. и с предисл. Ф.А. Ротштейна; подг. к печати В.М. Хвостова; пер. с фр. Ю.Я. Соловьева. М., 1934. С. 15).

[1] «Отнять у крамолы материальную и нравственную силу». Порядок укрепит Земский собор – так считал граф Н.П. Игнатьев / публ. В.Л. Степанова // Источник. Документы русской истории. 1995. № 2(15). С. 6–7.

[2] *Игнатьев Н.П.* Воспоминания // ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 161. Л. 39 об. – 40.

[3] Там же. Л. 12 об.

[4] Там же. Л. 40. Б.Н. Чичерин оценивал эту ситуацию следующим образом: «Я отвечал Победоносцеву, что описанные им события действительно представляются мне чистой комедией: Аксаков, отряжающий для сочинения Земского собора глупого Павла Голохвастова, известного только бездарным переложением древних былин; Игнатьев, который, как настоящий фокусник, выкидывает какую угодно карту: хотите, туза! хотите, семерку! Обличение этого фокусника, который принужден сам читать свои собственные измышления, от которых он только что отказывается, все это было достойно пера Гоголя» (*Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума / примеч. С.В. Бахрушина. М., 2010. С. 392).

[5] Не доверял Н.П. Игнатьеву и П.Д. Голохвастов. 2 марта 1882 г. он писал И.С. Аксакову: «Я очень боюсь, что Игнатьев поведет дело к Земскому собору слишком осторожно и мелко и приведет не к великому Собору, а к соборишке, очень невинному с

совсем так, как об этом сообщал министр внутренних дел. Может быть, Островский действительно оказался хитер и коварен. Судя по переписке министра государственных имуществ, это предположение можно считать достаточно обоснованным[1]. Так или иначе, позиция Островского, Победоносцева, Каткова сыграла ключевую роль в том, что проект Игнатьева императором был отвергнут, а сам министр отправлен в отставку[2].

В то же самое время образ мягкого императора Николая II весьма обманчив. Действительно последний царь был чрезвычайно любезен и деликатен в личном общении. Однако некоторые его резолюции удивляли своей резкостью современников. Их сложно было ожидать не только от Александра III, но и от Николая I. Характерен случай, когда Государственный совет столкнулся с проблемой, что буряты в начале XX в. были освобождены от телесных наказаний, а жившее по соседству с ними русское крестьянство пороли по решениям волостного суда. Такое неравноправие возмутило сановников. В связи с этим было предложено внести в резолютивную часть

виду, но в действительности ужасно опасному. Тем более хотелось бы мне, чтобы Игнатьев поручил мне приготовить издание соборных актов и предисловие к ним» (Переписка П.Д. Голохвастова и И.С. Аксакова о Земском соборе // Русский архив. 1913. Т. 141. С. 96). 29 апреля 1882 г. жена Голохвастова Ольга писала Аксакову, что ее супруг заподозрил Игнатьева в неискренности: Земский собор служил для него лишь предлогом для создания объединенного правительства, главой которого стал бы министр внутренних дел (Там же. С. 104). «Да, цель Игнатьева – премьерство», – подтверждал Голохвастов. Ему это стало ясно, когда вскрылся факт, что Д.И. Воейкову было поручено подготовить записку о необходимости объединенного правительства в связи со скорым созывом Земского собора (Там же. С. 105).

[1] Говоря о проекте циркуляра, 21 января 1882 г. М.Н. Островский писал Н.П. Игнатьеву: «Всего более производят впечатления последние слова о “привлечении выборных от всего населения Империи к содействию правительства в разрешении предстоящих ему задач”. Слова эти отнимут оружие у тех, кто пожелал бы дискредитировать новый кабинет. Но не слишком ли сильно сказано “выборные от всего населения”?» (Письмо М.Н. Островского Н.П. Игнатьеву 21.01.1882 // ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3595. Л. 17 об. – 18). Речь шла не о принципиальном разногласии. В целом Островский соглашался со стремлением Игнатьева привлечь общественные силы к управлению страной. Говоря же с оппонентами Игнатьева, Островский называл его проект созыва Земского собора революцией (Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 36. Л. 53 об.).

[2] По версии А.Н. Куломзина дело обстояло так: «Островский как славянофил в душе сперва увлекся и обнимал Игнатьева, но скоро приятель его, историк Феоктистов, привез ему директивы от Каткова вместе с историческими справками о роли Соборов в нашей допетровской истории. Островский моментально поставил свои паруса по ветру и к величайшему изумлению гр. Игнатьева на совете у государя выступил ярым противником проекта и рубил все доводы Игнатьева» (*Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 338).

журналов департаментов Совета предложение об упразднении телесных наказаний в России. Однако опытные государственные мужи стали возражать, опасаясь резкой реакции со стороны государя, который и так задумал отменить телесные наказания после рождения наследника. Под их давлением эта инициатива была «спрятана» в журнале, где излагались мотивы решения Общего собрания Государственного совета. Однако и это вызвало неудовольствие государя, который наложил резолюцию: «Это будет тогда, когда я это захочу»[1]. По словам В.И. Гурко, министр внутренних дел Д.С. Сипягин представил императору эту ситуацию как типичную для высшего законосовещательного учреждения империи, в котором будто бы заседают антиправительственные силы[2]. Этот случай показательный, но отнюдь не единственный. 1 января 1904 г. император написал министру внутренних дел В.К. Плеве о Тверском земстве: «Настало время треснуть неожиданно и крепко»[3]. 19 октября 1905 г., подводя итог недавним событиям, император так описал матери поведение своих министров: «Господа министры, как мокрые курицы, собирались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того чтобы действовать решительно»[4]. Поздней осенью 1905 г., реагируя на реплику главноуправляющего Канцелярией по принятию прошений А.А. Будберга о том, что было бы лучше всего арестовать С.Ю. Витте, премьер-министра России, Николай II кратко, но весьма выразительно сказал: «О, да!»[5] Примерно тогда же император давал наставления своим сотрудникам. «Государь сказал, что, по его мнению, дело надо вести так: где разгромлено имение – все хутора в окружении обыскать войсками и у кого будет оружие в руках расстреливать. Будет много невинных жертв, но перед этим останавливаться нельзя»[6].

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2016. С. 295. По сведениям И.Я. Гурлянда, эта инициатива была выдвинута Д.М. Сольским (Письмо И.Я. Гурлянда Б.В. Штюрмеру // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 751. Л. 57).

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 44. Самое примечательное то, что это был редкий случай, когда Государственный совет вышел с собственной законодательной инициативой (Письмо И.Я. Гурлянда Б.В. Штюрмеру // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 751. Л. 57).

[3] Письмо Николая II В.К. Плеве 01.01.1904 // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 950. Л. 11.

[4] Переписка императора Николая II с матерью – императрицей Марией Федоровной. 1894–1917 / подг. к изданию, перевод, предисл., коммент. Е.А. Чирковой. М., 2017. С. 549.

[5] Записки А.А. Будберга о событиях 1905–1906 гг. // ГА РФ. Ф. 859. Оп. 1. Д. 11. Л. 11 об.

[6] Там же. Л. 12 об.

В декабре 1905 г. на донесении генерала А.А. Хоруженкова о подавлении революционного движения в городе Туккуме (Курляндская губерния, ныне Латвия) царь наложил резолюцию: «Надо было разгромить город»[1]. 12 февраля 1906 г. директор Верхнеудинского реального училища Устрецкий послал телеграмму императору с просьбой о смягчении наказания для пяти учителей, приговоренных к повешению. Император недвусмысленно ответил: «Всяк сверчок знай свой шесток»[2]. Впоследствии Николай II называл А.И. Гучкова «подлецом». Встречи с ним он считал предосудительными[3], а одному из министров прямо говорил, что «Гучкова мало повесить»[4].

За свое довольно продолжительное царствование немногословный и весьма скрытный государь произнес много слов, очень разных по смыслу и тональности[5]. Их не сложить в простую формулу, объясняющую личность императора. Ее трудно понять в рамках элементарной дихотомии: сильный или слабый, волевой или нерешительный и т. д. Решительность на бумаге сочеталась с готовностью Николая II соглашаться с каждым своим собеседником. И в этом сын очень походил на отца.

Любого человека нельзя свести к совокупности качеств его характера. Он намного сложнее. Тем труднее говорить о герое из прошлого, оставившего сравнительно ограниченный корпус текстов. Но император – это не только и, может быть, даже не столько человек. Это властный институт, своего рода функция, сопряженная с исполнением ежедневных обязанностей. И в этом отношении императорская власть вполне познаваема. Исследователю под силу понять меру участия царя в процессе выработки политических решений.

На этот вопрос тоже нет одного ответа. Многое зависело от личности государя. Александр III весьма ответственно относился к своим обязанностям. Управляющий делами Императорской главной квартиры О.Б. Рихтер говорил: «За много лет, что я управляю комиссией прошений на высочайшее имя... я не помню случая, чтобы послан-

---

[1] Николай II в 1905 году // Красный архив. 1925. № 4–5. С. 439.

[2] Из резолюций Николая Романова // Красный архив. 1934. № 2. С. 132.

[3] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л., 1925. Т. 4. С. 45.

[4] Там же. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 254.

[5] В декабре 1904 г. великий князь Владимир Александрович «говорил о трудности характера государя – что на все молчит, и это молчание различно понимается и истолковывается» [Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.) / авт.-сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб., 2009. С. 705].

ный мною государю с вечера портфель с бумагами не был возвращен мне на следующее утро с исполненными делами»[1]. Обычно весь день императора уходил на встречи и приемы. Александр III работал с бумагами преимущественно ночью. Ему приходилось знакомиться с отчетами министров, главноуправляющих, губернаторов, генерал-губернаторов, командующих войсками и др. Периодически ставился вопрос о создании коллегиального учреждения, которое бы помогало императору, а в сущности, подменяло его. В мае 1884 г. этот вопрос инициировал Долгоруков, но без особого успеха: создание подобного «визирства» пугало бюрократию[2].

Обычно Александр III уходил к себе в кабинет около 9 часов вечера. По настоянию императрицы он дал слово работать «лишь» до 3 часов ночи. В это время камердинер должен был докладывать царю, что следовало заканчивать работать. Если же царь не обращал на это внимание, камердинер докладывал вторично. В третий же раз он просто тушил свет, несмотря на все протесты государя. Вставать же императору приходилось рано: ведь доклады министров нередко начинались уже в 9 часов утра. При этом, как отмечалось выше, выслушивая министров, император не любил принимать решений в ходе личных аудиенций. Обычно он оставлял у себя министерские бумаги и работал с ними ночью[3].

Император пытался всячески сократить количество бумаг, с которыми ему надо было познакомиться. Так, уже 4 марта 1881 г. он отказался читать перлюстрации шифрованных депеш иностранных посланников и выписки из польских газет. «Он просил [министра иностранных дел] Гирса присылать ему на прочтение только то, что действительно может быть полезно в государственных целях»[4]. Такой порядок работы можно оценивать по-разному. Как утверждал бывший министр народного просвещения А.В. Головнин, «государь не управляет, его управления не видно. Ему следовало бы собирать министров. Решать все бы серьезные дела сообща. Это, конечно, требует навыков и умственно тяжелого резюмирования, но это ограждает независимость государя и сокращает его работу. Государь держится другого метода. Ему доставляют доклады со всеми данными.

---

[1] *Вельяминов Н.А.* Воспоминания об императоре Александре III // Российский архив. М., 1994. Вып. V. С. 277.

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 245.

[3] *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров / вступ. ст., науч. ред. А.Г. Кавтарадзе, коммент. Д.К. Матлина, И.Б. Иванова. М., 1996. С. 164–165.

[4] *Остен-Сакен Ф.Р.* Дневник // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1073. Л. 7 об.

Он все читает и сидит до глубокой ночи. Конечно, ему приходится бороться одному против докладов министра»[1].

Действительно есть много свидетельств тому, что Александр III весьма добросовестно читал поступавшие на его имя бумаги. Так, С.Н. Дурново, брат министра внутренних дел и председателя Комитета министров, рассказывал, что «на бумаге Синода с благословением на предстоящее императору путешествие [в Данию] положил резолюцию: “Не нуждаюсь”. Святые отцы решили, что государь подмахнул это слово ошибочно взамен другой бумаги и через Победоносцева подложили новую бумагу, переписав первую. Ждали появления ее... уже с известным интересом. С ужасом читают новую резолюцию: “Сказал: не нуждаюсь”. Все взволновались. Тем временем император уехал в Данию. По возвращению оттуда принимал с докладом Победоносцева. Тот с большой осторожностью приступает к выяснению этого вопроса, намекая на горе членов Синода, вызвавших неблаговоление монарха. “А вы, Константин Петрович, читали эту синодскую бумагу”, – спросил император. “Как же, Ваше Величество”. “Ну я вижу, вы ее или плохо, или совсем не читали. Вот там вместо архипастырского благословления было написано «архитектурное благословление». Я и написал, что не нуждаюсь”»[2].

Александр III, в отличие от отца, не любил председательствовать на заседаниях Совета министров, который в новое царствование практически не собирался. Со временем об этом учреждении и вовсе забыли. Это как раз тот случай, когда привычки и склонности монарха определяли характерные черты политической жизни. В 1880-х гг. право личного доклада руководителей ведомств было тем более ценным, что новый государь принимал министров реже, нежели его отец. По словам П.А. Валуева, Александр III как будто бы сторонился своих ближайших сотрудников. «Доклады сокращены у него до крайних пределов, так что даже военный министр ограничивается

---

[1] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 9. Л. 55 об.

[2] *Симанский П.Н.* Дневник // ОПИ ГИМ. Ф. 444. Д. 3. Л. 26 об. Есть много свидетельств тому, что Александр III читал многие всеподданнейшие доклады, которые подавались министрами. Так, А.В. Богданович записала в дневнике 29 ноября 1888 г.: «Толстой в последний доклад повез ему, по крайней мере, листов 60, в том числе была бумага об еврейской комиссии, около 40 листов. Увидев эти бумаги, государь сказал Толстому: “Вероятно, я Вам их нескоро верну”. Каково было удивление Толстого, когда на другой день утром все эти бумаги были возвращены ему государем с его резолюциями “верно”, “вполне согласен” и проч. Когда Игнатьев был министром, его все доклады государь задерживал и однажды вернул ему только в апреле один доклад, поданный в декабре» (*Богданович А.В.* Дневник // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 241. Л. 47 об.).

одним докладом в неделю»[1]. Император тщетно пытался сэкономить время. Великую тайну составлял тот факт, что государственный секретарь регулярно подготавливал краткие записки для Александра III, в которых излагалась суть представлявшихся меморий Государственного совета. С этой же целью император запретил Министерству иностранных дел «посылать... бумаги, касающиеся мелких государств, как, например, Испании и Португалии»[2].

Ритм работы был размеренный. Министры принимались в отведенные для них дни. Даже те государственные деятели, которые были наиболее близки императору, не часто «гостили» в Гатчинском дворце. Так, К.П. Победоносцев за 1881 г. виделся с Александром III 12 раз[3]. С министром внутренних дел Н.П. Игнатьевым – более 40 раз (причем значительная часть встреч пришлась на май 1881 г., когда Игнатьев был назначен на столь высокий пост)[4]. Для сравнения: в последние два месяца царствования Александра II царь встречался с М.Т. Лорис-Меликовым почти ежедневно, а именно 48 раз[5]. Пожалуй, исключение составлял министр императорского двора граф И.И. Воронцов-Дашков, товарищ нового царя. За 1881 г. он встречался с Александром III 150 раз[6].

---

[1] Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову 2.04.1881 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 38. Л. 17. 2 мая 1884 г. П.А. Валуев записал в дневнике: «Характеристичны отзывы некоторых министров... о государе. Словно о несовершеннолетнем, подающим надежды: «“Он еще недавно”... “Он начинает входить в дело”... “Он имеет прямой здравый смысл”... “Он все выслушивает спокойно” и т. д.» (*Валуев П.А.* Дневник, 1877–1884. Пг., 1919. С. 255–256).

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 315.

[3] Камер-фурьерские журналы // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 3. Л. 79; Д. 4. Л. 8, 23, 29 об., 40 об.; Д. 5. Л. 11 об.; Д. 7. Л. 3 об., 14; Д. 9. Л. 4; Д. 10. Л. 16; Д. 13. Л. 15 об., 30 об.

[4] Там же. Д. 5. Л. 3, 4 об., 10 об., 17, 21, 23 об., 26, 33, 36; Д. 6. Л. 5 об., 9 об., 14 об., 19 об., 27, 31 об., 35 об.; Д. 7. Л. 2, 8, 12 об., 22 об.; Д. 8. Л. 15 об., 24, 35; Д. 9. Л. 4, 12; Д. 10. Л. 6 об., 11, 23 об., 33; Д. 11. Л. 2 об., 3; Д. 12. Л. 1 об., 16, 22, 25 об., 31, 35 об.; Д. 13. Л. 5 об., 14 об., 43.

[5] Там же. Д. 1. Л. 5 об., 6, 8, 11 об., 12, 12 об., 13 об., 15, 16 об., 21, 22, 24, 25, 27, 28, 30, 33, 34, 35; Д. 2. Л. 3, 4, 5, 6, 7, 12, 16, 17, 18, 25, 30, 31, 33, 36 об. Более того, Александр II принимал министров чаще, чем его приемник.

[6] Там же. Д. 3. Л. 126 об., 133 об., 134, 135; Д. 4. Л. 3, 4 об., 5, 6, 11, 15 об., 16 об., 22 об., 23, 24, 25 об., 27, 28, 29, 31, 33, 35 об., 36, 37 об., 39 об., 40, 41, 44 об.; Д. 5. Л. 3, 4 об., 7, 10, 11 об., 14 об., 16, 17, 18 об., 19 об., 20, 21, 22, 23, 24, 25, 28 об., 29 об., 35, 36, 37, 38; Д. 6. Л. 3, 4, 5, 8 об., 9 об., 10, 11 об., 14, 17, 24 об., 27, 29 об., 33 об., 34, 39, 40 об.; Д. 7. Л. 6, 7 об., 9, 10 об., 12, 15 об., 21 об.; Д. 8. Л. 19, 21 об., 28; Д. 9. Л. 2, 3 об., 4, 5, 7, 8, 9, 12, 13 об., 14, 15, 17 об., 20; Д. 10. Л. 4, 5, 10 об., 11, 18 об., 19 об., 20 об., 23 об., 25 об., 27 об., 29, 30, 31, 32, 33 об., 34; Д. 11. Л. 2 об., 3, 5, 6 об., 8, 10, 12 об., 15, 18 об., 23, 25, 26 об., 27, 28 об., 31, 50; Д. 12. Л. 6. 14, 16, 18, 22, 26, 30, 35 об.; Д. 13. Л. 11 об., 21, 34, 40.

Отталкиваясь от текста дневника Николая II, можно составить представление о ритме работы последнего российского императора. Судя по всему, царь отмечал в дневнике не всякий день, когда он заслушивал доклады министров[1]. И все же этот источник позволяет проследить динамику встреч царя со своими ближайшими сотрудниками.

Год	Число «докладных дней»
1895	185
1896	94
1897	91
1898	53
1899	80
1900	98
1901	76
1902	127
1903	96
1904	129

Источник: Дневники императора Николая II (1894–1918). М., 2011. Т. 1. С. 179–841.

Конечно же, частотность встреч императора с министрами обусловливалась совокупностью обстоятельств. Пока царь был за границей или же вдалеке от столицы, он руководителей ведомств практически не принимал. В итоге выходило, что в течение месяца или же даже двух государь мог вовсе не заслушивать доклады министров[2]. Это объясняет падение количества «докладных дней» в определенные годы. Тем не менее общая картина от этого не очень меняется. Николай II «плотно» работал с министрами в первый год своего царствования, после которого произошел резкий спад встреч представителей высшей бюрократии с императором. Начиная с 1896 г. число «докладных дней» распределяется по годам относительно равномерно.

---

[1] Кроме того, в данном случае не учитываются представлявшиеся императору, которых было немало. Так, по средам Николаю II обычно представлялись около 45 человек (*Фабрицкий С.С.* Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта государя императора Николая II. Берлин, 1926. С. 114).

[2] Дневники императора Николая II (1894–1918). М., 2011. Т. 1. С. 295–302, 490–500.

И все же Николай II жаловался на бесконечную работу с бумагами. Оказавшись на вершине пирамиды сверхцентрализованного государства, он был подчинен огромной машине делопроизводства, которая, будто в топливе, нуждалась в санкциях верховной власти. Императору в силу его возможностей приходилось осваивать «пухлые» доклады, журналы и мемории. «Читал до обеда, одолеваю отчет Государственного совета. Вечером окончил чтение отчета Военного министерства – в некотором роде одолел слона», – записал он в дневнике[1]. «Опять начинает расти та кипа бумаг для прочтения, которая меня смущала прошлой зимой», – констатировал Николай II[2]. Император предпочитал решать вопросы сразу же, во время докладов министров[3]. Порой государь проводил совещание министров. Характер подобных заседаний вызывал мало скрываемое раздражение у опытных бюрократов, например, К.П. Победоносцева. В марте 1901 г., беседуя с А.А. Половцовым, он описал состоявшееся обсуждение так: «Выезжаем мы отсюда по десятичасовому поезду, за несколько минут до одиннадцати приезжаем в Александровский дворец; у государя в это время идут доклады: а) министра финансов, б) министра внутренних дел, в) министра путей сообщения. Приходится подождать полчаса да и больше. Начинаются прения. Иные, как, например, Ермолов, болтают без умолку. Государь начинает скучать. Пробьет час – час завтрака. Он начинает посматривать на часы и минут через десять или пятнадцать объявляет, что обсуждаемый вопрос будет обсуждаться в следующую пятницу. Раскланиваются и расходятся»[4].

Александр III чувствовал, что не справлялся с потоком дел, которые шли через него. В итоге он попросил министра императорского двора графа И.И. Воронцова-Дашкова, управляющего делами Императорской главной квартиры О.Б. Рихтера и дежурного генерала при императоре П.А. Черевина помогать ему разбираться в министерских докладах. Это все были люди, лично преданные царю, но не обладавшие серьезными знаниями и большими способностями[5]. Нередко они честно признавались, что не справлялись с поручением и не могли должным образом оценить ту или иную записку. «И вы меня покидаете», – упрекал их император[6].

---

[1] Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. С. 186.

[2] Там же. С. 235.

[3] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 12. Л. 172.

[4] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 289.

[5] *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. С. 165, 167.

[6] Там же. С. 195.

Схожим образом себя вел и Николай II. У императора не было личных секретарей[1]. Их государь опасался, полагая, что они могли обрести огромное влияние на принятие им решений. В итоге самому царю приходилось разбирать собственную корреспонденцию. Эта работа занимала много времени. Было очевидно, что Николай II остро нуждался в помощи доверенного лица, не претендовавшего на политическую роль, однако такой не находился. В начале 1905 г. император был чрезвычайно доволен поддержкой, которую ему оказывал Д.Ф. Трепов: «Трепов для меня незаменимый, своего рода, секретарь. Он опытен, умен и осторожен в советах. Я ему даю читать толстые записки от Витте, и затем он мне их докладывает скоро и ясно. Это, конечно, секрет для всех!»[2] Едва ли этот «кустарный» путь решения проблем управления огромной страной мог принести существенные результаты.

В сверхцентрализованном государстве многое зависело от подписи императора. Ему посылались важнейшие документы даже тогда, когда он находился в отъезде, в том числе за пределами России. Порой император не мог справляться со своими обязанностями. Так случилось осенью 1894 г., когда Александр III тяжело заболел. Поначалу все дела остановились и не шли на подпись[3]. Однако продолжаться это долго не могло. В итоге в Петербург стали прибывать бумаги с пометами императора, которые в действительности были поставлены не царской рукой[4].

---

[1] В связи с этим В.С. Кривенко писал в воспоминаниях: «При императоре не было и признака какой-нибудь организации в виде секретариата, хотя бы для регистрации докладов, поступавших в обилии ежедневно. Он сам должен был разбираться в куче бумаг, наблюдать за тем, чтобы не залеживались, запечатывать в конверты и через камердинера отдавать фельдъегерю, который и доставлял по назначению пакеты. Неудобство такой системы особенно давало себя чувствовать при долговременных отсутствиях императора из Петербурга. Не было лица, к которому можно было обратиться за справками по докладам. Видимо, и цари, и министры боялись учреждения должности активного статс-секретаря его величества. Боялись потому, что при самодержавии он силою вещей мог превратиться во временщика» (*Кривенко В.С.* В Министерстве двора. Воспоминания. С. 234).

[2] Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906) // Красный архив. 1926. № 3. С. 191.

[3] О.Б. Рихтер сообщил Н.А. Вельяминову: «В государственных делах полный застой, здесь сидят 7 фельдъегерей, которые не могут выехать, так как государь не работает и резолюций нет; но во всех министерствах полное уныние» (*Вельяминов Н.А.* Воспоминания об императоре Александре III // Российский архив. М., 1994. Вып. V. С. 293).

[4] 14 октября 1894 г. В.Н. Ламздорф записал в дневнике: «Начиная с момента ухудшения состояния, наступившего десяток дней назад, вскрытие и отправку почты, циркулирующей между Петербургом и Крымом, взял на себя великий князь наследник-

В своей государственной деятельности император практически не мог рассчитывать на свой «ближний круг». Ведь его окружение составляли лица, в большинстве случаев далекие от государственной жизни и чаще всего не претендовавшие на участие в ней. По словам великого князя Николая Михайловича, в царствование Александра III в него входили граф И.И. Воронцов-Дашков с его супругой, урожденной графиней Е.А. Шуваловой, князь В.С. Оболенский с женой, урожденной А.А. Апраксиной, бывшей фрейлиной императрицы Марии Федоровны, граф В.А. Шереметев, женатый на графине Е.Г. Строгановой, дочери великой княгини Марии Николаевны, генерал-адъютант П.А. Черевин, дежурный генерал при Его Императорском Величестве, Е.С. Озерова и ее две сестры, графини Кутузовы, граф С.Д. Шереметев и П.В. Жуковский (сын поэта)[1]. И Черевин, и Воронцов-Дашков, пожалуй, были теми влиятельными фигурами из окружения царя, которые могли подать совет, высказать свое мнение. Более того, по сведениям придворного врача Н.А. Вельяминова, многие приезжавшие с докладом к Александру III заходили к Черевину и обсуждали с ним государственные дела[2]. Согласно воспоминаниям руководителя канцелярии Министерства императорского двора В.С. Кривенко, «в Гатчинском дворце, в первом этаже кухонного каре, в небольшой квартире Черевина постепенно сорганизовал-

---

цесаревич. Государь ограничивается тем, что ставит подпись и накладывает резолюции на тех бумагах, где это совершенно необходимо. В пакетах с бумагами, возвращаемыми государем, содержатся большей частью такие документы, на которых не видно больше твердых помет красным карандашом, а лишь скромные пометы синим карандашом» (*Ламздорф В.Н.* Дневник, 1894–1896. С. 72). Н.А. Вельяминов вспоминал, что в январе 1894 г. он убеждал заболевшего Александра III «не начинать работать, но он, указав мне на диван, на котором от одной ручки до другой лежали кипы папок с делами, сказал: “Вот посмотрите, что здесь накопилось за несколько дней моей болезни; все это ждет моего рассмотрения и резолюций; если я запущу дела еще несколько дней, то я не буду уже в состоянии справиться с текущей работой и нагнать пропущенное. Для меня отдыха быть не может» (*Вельяминов Н.А.* Воспоминания об императоре Александре III.С. 283–284). В октябре 1894 г. все тот же Вельяминов настоял на том, чтобы император отошел от дел: «Под влиянием моих убеждений он, кажется, по просьбе императрицы, согласился передать дела наследнику, но все же оставил за собой дела по Министерству иностранных дел и подписывание военных приказов, из коих последний он, кажется, подписал за день до кончины» (Там же. С. 298).

[1] Записки Н.М. Романова // Красный архив. 1931. № 6. С. 105; *Вельяминов Н.А.* Воспоминания об императоре Александре III. С. 279. Впрочем, весьма информированный В.С. Кривенко иначе определял состав ближайшего окружения императора. По его оценке, Черевин и Рихтер в него не входили. Зато ближний круг составляли В.А. Барятинский, И.И. Воронцов-Дашков, В.С. Оболенский, В.А. Шереметев, С.Д. Шереметев (*Кривенко В.С.* В Министерстве двора. Воспоминания. С. 221–222).

[2] *Вельяминов Н.А.* Воспоминания об императоре Александре III // Российский архив. М., 1994. Вып. V. С. 280.

ся своеобразный клуб. Сюда заявлялись министры и другие особы, приезжавшие представляться императору или императрице; здесь же виднелись и простые смертные из тех, кто был по душе Черевину»[1]. И все же о его (или Воронцова-Дашкова[2], или С.Д. Шереметева, составлявшего записки по поручению императора[3]) системном влиянии на принятие решений говорить не приходится[4].

Если ближайшее окружение Александра III было практически полностью аполитичным, то, по словам великого князя Николая Михайловича, при Николае II и такой кружок не сложился[5]. Последнего царя в основном окружали случайные лица – прежде всего однополчане-конногвардейцы: барон В.Б. Фредерикс, граф П.К. Бенкендорф, Д.Ф. Трепов, князь В.Н. Орлов, князь Н.Д. Оболенский, А.А. Мосолов[6]. Их вмешательство в государственные дела было исключительно спорадическим (может быть, за исключением Д.Ф. Трепова, да и то только в 1905–1906 гг.).

При этом было бы ошибочным полностью игнорировать роль «ближнего круга» в государственной жизни страны. Когда многое зависит от воли одного человека, закулисные влияния становятся подчас определяющими, например, при принятии кадровых решений. Тогда слово, «случайно» брошенное за обедом, может многое значить. Согласно воспоминаниям С.Д. Шереметева, государственный секретарь Н.В. Муравьев был креатурой великого князя Сергея Александровича[7]. Дядя царя способствовал назначению министром

---

[1] *Кривенко В.С.* В Министерстве двора. Воспоминания. С. 215.

[2] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 10. Л. 80 об.

[3] Записки Александра III И.И. Воронцову-Дашкову // ОР РГБ. Ф. 58. Р. II. К. 139. Д. 29. Л. 32, 34.

[4] Как вспоминал князь В.М. Голицын, «Александр III с молодых лет привык довольствоваться очень узким кружком приближенных, при том состоящим исключительно из посредственностей, которых, по-видимому, он считал себе по плечу» (*Голицын В.М.* Воспоминания // ОПИ ГИМ. Ф. 282. Оп. 1. Д. 595а. Л. 59).

[5] Записки Н.М. Романова // Красный архив. 1931. № 6. С. 105.

[6] [*Толстой И.И.*] Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905–24 апреля 1906 г. / подг. текста, вступ. ст. Л.И. Толстой, коммент. Р. Ш. Ганелина, А.Е. Иванова; именной указатель С.Г. Беляева. СПб., 1997. С. 210.

[7] [*Шереметев С.Д.*] Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 568. Великий князь Сергей Александрович писал 17 декабря 1893 г.: «Радуюсь назначению Муравьева – наконец-то у нас дельный министр юстиции! Плеве – государственный секретарь – тоже очень недурно – умный человек, спокойный. Теперь надо Сипягина на место товарища министра внутренних дел – все будет хорошо» (Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 4: 1884–1894. М., 2011. С. 461). Сам же Сергей Александрович в 1891 г. добился того, что все решения министров, касавшиеся Москвы, должны были согласовываться с ним – московским гене-

народного просвещения Н.П. Боголепова, министрами внутренних дел – Д.С. Сипягина и А.Г. Булыгина[1]. Благодаря вдовствующей императрице Марии Федоровне отставка С.Ю. Витте с должности министра финансов произошла не раньше августа 1903 г. По сведениям князя Г.Д. Шервашидзе, она могла состояться уже в январе того же года[2]. Князь П.Д. Святополк-Мирский был назначен министром внутренних дел опять же по инициативе Марии Федоровны[3]. Если бы тогда, в 1904 г., министром был назначен Б.В. Штюрмер, это случилось бы с подачи графа С.Д. Шереметева[4]. Это не отменяет того факта, что министр мог быть назначен без особых консультаций, по собственному разумению самого императора. Так, например, случилось, когда министром народного просвещения стал генерал П.С. Ванновский[5]. Против этого назначения возражал великий

рал-губернатором (*Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9122. Л. 33).

[1] 1 января 1898 г. великий князь Сергей Александрович писал Николаю II: «Я чувствую, что один ленивый тебе не будет предлагать кандидата на сие место [министра народного просвещения]. Позволь мне напомнить тебе о Боголепове и о разговоре, который мы имели с тобой о нем. По моему крайнему размышлению, истинно Боголепов был бы подходящим человеком; кроме всех его неотъемлемых познаний – необходимых министру народного просвещения, у него есть редкие качества (в наши времена): монархический принцип, и твердость воли, и твердость принципов» [Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). С. 415]. См. также: *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 512.

Судя по всему, не только великий князь Сергей Александрович способствовал назначению министром внутренних дел Д.С. Сипягина. Как вспоминал И.И. Колышко, «трио из [С.Д.] Шереметева, Воронцова[-Дашкова] и Витте, возглавленное императрицей-матерью, выдвинуло на пост министра внутренних дел самого известного из великосветских охотников и бонвиванов, дворянина старой марки, гастронома и милягу, егермейстера Дмитрия Сипягина (среди его друзей слывшего под кличкой “Митя Сипягин”)» (*Колышко И.И.* Великий распад. Воспоминания. С. 42).

[2] [*Куропаткин А.Н.*] Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1923. № 2. С. 59–60.

[3] Вдовствующая императрица пользовалась несомненным влиянием в первые годы царствования Николая II. Как писал А.А. Киреев, «вдовствующая императрица вмешивается очень в дела, а когда государь говорит докладывающему, оставьте это дело у меня, я его рассмотрю – это значит, что он хочет советоваться с матерью, которая иногда смотрит на дело совершенно “по-дамски”» (*Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 12. Л. 108).

[4] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 350.

[5] При этом следует иметь в виду, что при назначении П.С. Ванновского министром народного просвещения немалую роль сыграла рекомендация императрицы Марии Федоровны. 7 марта 1901 г. Николай II написал матери, что задумывается о двух кандидатурах – П.С. Ванновского и О.Б. Рихтера. Его смущал возраст обоих сановников. 11 марта 1901 г. императрица написала сыну: «На твоем месте я попроси-

князь Сергей Александрович. Однако его мнение не стало определяющим. Николай II писал дяде 20 марта 1901 г.: «Сейчас нужен мне военный человек. Я прямо скажу, что я думаю о Ванновском и вперед знаю, что, к сожалению, встречу полное неодобрение с твоей стороны. Делаю этот выбор прямо по внутреннему убеждению, не спрося ничьего мнения. Его имя связано для меня с именем моего Отца, а это, как и тебе, для меня все![1]»

Тем не менее царское окружение не стремилось определять вектор развития страны, да и не могло этого сделать. Его не интересовала политика, т. к. казалось, что государственный строй в России незыблем и политику не подразумевал. Его не волновала сфера управления, которой занимались профессиональные бюрократы, обладавшие специальными знаниями. Императоры в таком окружении оказывались в политическом вакууме. В повседневности они сталкивались с людьми, с которыми обсуждали новости придворной жизни, охоту, погоду и только в редких случаях политику, чаще всего международную. Даже представители царской семьи в силу воспитания, стиля мышления, наконец, личных качеств, часто занимая значимые должности, не могли оказывать системное влияние на принятие политических решений[2]. Министры же в большинстве своем в ближайшее окруже-

---

ла бы Ванновского возглавить министерство, ведь он очень популярен, добр, честен и сознателен, он сможет навести там порядок и начать такие долгожданные реформы. Назначь его, по крайней мере, ненадолго, на определенное время, пока не найдешь другого. Уверена, это будет прекрасно, да, он стар, но у него свежая голова и есть энергия, так назначь его, если он согласится, но я убеждена, что он это сделает, раз ты ему сам прикажешь» (Переписка императора Николая II с матерью – императрицей Марией Федоровной. 1894–1917. С. 361). Примечательно, что в то же самое время весьма влиятельный в ближайшем окружении императора великий князь Сергей Александрович называл царю кандидатуры Н.А. Зверева и Н.Д. Сергеевского [Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). С. 533].

[1] Письмо Николая II великому князю Сергею Александровичу 20.03.1901 // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 71. Л. 60.

[2] В этом отношении характерны оценки великих князей, которые дал генерал П.С. Ванновский, передавая должность военного министра А.Н. Куропаткину: «Владимир [Александрович]: знает военное дело, любит его, но без характера. Влияние на него Бобрикова вредно. Сергей [Александрович] – бесцветность, но упорный... Михаил Николаевич имеет большое влияние на государя, но осторожнее других, не прочь подпустить тихонько свинью» (*Куропаткин А.Н.* Дневник // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1871. Л. 10 об.). См. также: *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 196–200.

Охарактеризовать политические взгляды великих князей в высшей степени затруднительно. Для них не было необходимости четко артикулировать собственную позицию. С высокой долей вероятности она определялась конъюнктурой и привходя-

ние государя не входили. Их каналы влияния на царя были весьма ограниченными, время встречи с государем – отмеренным. Кто же при таких обстоятельствах правил? В 1896 г. К.П. Победоносцев отвечал на этот вопрос так: «Русский Бог, да вдовствующая императрица, которая вмешивается в такие дела, которые не понимает»[1].

Были, конечно, и исключения. Так, в начале царствования Александра III влияние К.П. Победоносцева бросалось в глаза[2]. Оно раздражало министра иностранных дел Гирса[3], морского министра И.А. Шестакова[4], министра государственных имуществ М.Н. Островского, государственного секретаря А.А. Половцова[5]. Последний приехал поговорить с Победоносцевым в 8 часов вечера 25 мая 1881 г., когда тот был, видимо, на «пике» своего влияния. Это был прием у важного сановника: «Прошли времена, когда он сам отворял мне двери весьма скромной квартиры, швейцар и лакеи, облаченные в траур, проводят меня к “генералу”, который сидит в своем богатом кабинете, положив ноги на свой письменный стол»[6].

Конечно же, непродолжительный период могущества Победоносцева не описать языком правовых норм. Оно строилось на личном авторитете обер-прокурора Св. Синода. Четко развести формализованные процедуры и неформальные практики не всегда удается. Они пересекались, налагались друг на друга и при этом находились в непримиримом антагонизме. Частные объединения, кружки вы-

---

щими обстоятельствами. В этом отношении показательна запись сенатора В.П. Безобразова в дневнике от 16 апреля 1887 г.: «Сегодня завтракал у великого князя Сергея Александровича, и мы очень сердечно беседовали. Много говорили о политических делах. Он как будто сочувствует всем моим мыслям, отчасти соглашается со мной, но не решается это решительно высказывать. Я очень решительно говорил ему о нынешнем горестном направлении дел, о трудностях, накопляемых (вследствие Каткова и Победоносцева) к будущему царствованию. Он с этим вполне соглашался» ([*Безобразов В.П.*] Дневник академика В.П. Безобразова // Русская старина. 1913. № 4. С. 59). Иными словами, великий князь, имевший репутацию человека сугубо консервативных взглядов, был готов солидаризироваться с противниками правительственного курса своего старшего брата – Александра III.

[1] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 12. Л. 45.

[2] По словам А.А. Киреева, «Победоносцев – все же самый близкий человек к государю. Он теперь дает уроки политических наук наследнику два дня в неделю. Живет в Гатчине. Он по доверию к нему государю мог быть Бисмарком, если бы был государственным человеком, имел ум государственного человека, а не благонамеренного чиновника» (*Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 10. Л. 131 об.).

[3] *Шестаков И.А.* Дневники. С. 66.

[4] Там же. С. 68.

[5] Там же. С. 99.

[6] *Половцов А.А.* Дневник // ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 18. Л. 142.

зывали резкое неприятие официальных должностных лиц, которые всячески пытались «укоротить» их влияние. Так, роковую роль в судьбе «Священной (Святой) дружины» сыграл граф Д.А. Толстой, после доклада которого и «пало» это объединение[1]. Министры кооперировали свои усилия, дабы оказывать влияние на императора. Так, после смерти И.Д. Делянова К.П. Победоносцев и С.Ю. Витте договорились содействовать назначению министром народного просвещения лица, хорошо знакомого с университетской жизнью: В.Н. Лигина или Н.П. Боголепова. Как известно, их усилия не были напрасными[2].

В управленческой системе империи уживались накапливавшиеся противоречия. В значительной мере это объяснялось тем, что правовые рамки законотворческого процесса в России нельзя было строго регламентировать. Император стоял в главе бюрократического аппарата, который должен был быть носителем идеи рационального управления. Вместе с тем царь был главой семьи. Отношения внутри нее трудно было рационализировать. Его августейшие родственники, фактически ни перед кем не отвечавшие, непосредственно участвовали в управлении страной, завязывая тесные отношения с чиновничеством. Это лишь один случай, как традиционное начало «семейной власти» и рационально организованное бюрократическое государство тесно пересекались друг с другом. Связи чиновников с правящей династией могли самым различным образом сказываться на их карьере. Так, увольнение Е.А. Перетца с должности государственного секретаря во многом объяснялось его тесными отношениями с великим князем Константином Николаевичем, которого Александр III явно недолюбливал[3].

Даже в отношениях императора и министров многое определялось обычаями. Сама процедура отставки министра не была достаточно регламентирована. Например, оставалось вопросом, имеет ли право глава ведомства уйти с занимаемой должности. Николай II был уверен, что нет. Так 22 мая 1905 г. он ответил на прошение министра внутренних дел А.Г. Булыгина об отставке: «Александр Григорьевич, возвращаю прошение ваше об увольнении от должности. Мы живем в России, а не в какой-нибудь республике, где министры ежедневно

---

[1] *Шестаков И.А.* Дневники. С. 77.

[2] [*Витте С.Ю.*] Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / публ. и примеч. Б.В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукоянова: В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 77. И, судя по всему, они совпали со стараниями великого князя Сергея Александровича.

[3] *Шестаков И.А.* Дневники. С. 86.

подают прошение об отставке. Когда царь находит нужным уволить министра, тогда только последний уходит от своего поста»[1].

Основная форма общения императора со своими сотрудниками – заслушивание их всеподданнейших докладов. Из этого каждодневного общения императора с министрами складывался важнейший механизм принятия решений. В каждое царствование у всеподданнейшего доклада были свои особенности, обусловленные личными свойствами царя. Министрам, желавшим добиться своего от государя, приходилось к ним приноравливаться. Император иногда задумывался об эффективности такого доклада, ставившего царя в зависимость от руководителей ведомств. Подобно «голому королю», он был вынужден всякий раз соглашаться с мнением эксперта, который знал докладываемый вопрос, а император имел о нем чаще всего весьма приблизительное представление. К.П. Победоносцев на сей счет говорил: «Государь только припечатывает то, что мы [министры] ему подносим»[2].

Эта проблема с неизбежностью возникала во всех абсолютных монархиях, где воля коронованного правителя – закон или почти закон. Этот вопрос занимал и французских королей XVII в., которые отвечали на него по-разному. Генрих IV (1589–1610) вызывал к себе людей разных взглядов и принимал решение, услышав точку зрения противоположных сторон. Людовик XIV (1643–1715) предпочитал утверждать письменные доклады[3]. Подобный выбор приходилось делать и российским императорам.

Детали, которыми были обставлены всеподданнейшие доклады министров, могли оказаться роковыми для судьбы законопроекта. Не случайно перед своим первым докладом у Александра II товарищ министра государственных имуществ А.Н. Куломзин страшно волновался, даже не предполагая, что его может ожидать в кабинете у императора: «В недоумении, как докладывать, я обратился к Валуеву с просьбой научить меня уму-разуму. Это совпало с необходимыми с ним объяснениями по его ходатайствам о продлении арендных выдач некоторым дамам, которые пользовались подобными выдачами за время бытности его министром. Петр Александрович [Валуев] отнесся к моей просьбе более чем любезно. Он объяснил мне, что я должен оставлять портфель, шляпу и перчатки за дверью высочайшего кабинета, что я должен иметь открытую папку с всунутым карандашом

---

[1] Письмо Николая II А.Г. Булыгину 22.05.1905 // ГА РФ. Ф. Р8091. Оп. 71. Д. 3. Л. 1.

[2] *Розанов В.В.* О подразумеваемом смысле нашей монархии. С. 15.

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 337.

на случай записи какого-либо приказания, что если государю угодно будет подать мне руку, то я должен ринуться поцеловать обшлаг его рукава и, наконец, что подавая к высочайшему подписанию указы, я немедленно по получении подписи должен закрывать ее, повернув бумагу. На мое замечание, что таким образом подпись может быть замазана, он ответил: "Это не беда. На то писари, чтобы потом все вычистить, а тут главное в том, что государь, раз подписав, не любит видеть своей подписи и надо ее спрятать". Затем он посадил меня в свое кресло и сделал мне примерный доклад...»[1].

Первый всеподданнейший доклад был настоящим событием для министров и их товарищей. Его обычно подробно описывали мемуаристы, чья память запечатлела детали первой встречи с императором. Они, конечно, подобно Куломзину, страшно волновались. Переживал и товарищ министра народного просвещения И.В. Мещанинов, который в июле 1901 г. ожидал аудиенции в приемной у императора. К нему подошел министр императорского двора барон В.Б. Фредерикс. «Вы впервые докладываете? – спросил он. – Посмотрите, открывается ли свободно ваш портфель, – будет лучше держать его открытым, а то со мной был такой случай: я был в кабинете государя, открывал свой портфель, а он не открывался! Вышел ужасно конфузный казус; пришлось звать камердинера и ножом резать портфель!»[2]

Конечно, каждый император выслушивал докладчика по-своему. Во время всеподданнейших докладов Александр III не казался министрам чересчур грозным. Когда 20 апреля 1883 г. председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич предложил государственному секретарю А.А. Половцову поехать вместе в Гатчину к императору и доложить ему о подготовленных рескриптах, Половцов не согласился: «В присутствии нас обоих он не решится высказать то, что сказал бы каждому из нас с глазу на глаз». Государственный секретарь, основываясь на своем личном опыте, предсказывал, что император оставит рескрипты у себя, а потом передаст их К.П. Победоносцеву, «который их перемарает, обольет постным маслом...»[3]

---

[1] *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 284. В последние годы царствования Александра II министрам приходилось учитывать интересы императора, степень его вовлеченности в дела государственного управления. 2 января 1891 г. А.А. Киреев записал в дневнике: «Был у Островского. Завтракал. Государь Александр II последнее время совсем был поглощен любовью, делами занимался нехотя, рассеянно. Случалось, что ему докладываешь дело, он откроет ящик (перед собой) и читает даже не украдкой корреспонденцию...» (*Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 11. Л. 326).

[2] *Мещанинов И.В.* Воспоминания пережитого. М., 2010. С. 245.

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 89.

В июне 1884 г. как раз тот самый Победоносцев пытался убедить императора в ошибочности позиции, отстаиваемой министрами народного просвещения и внутренних дел. Александр III на это возражал: «Что же делать, когда это требуют и теперешний министр народного просвещения, и его предшественник?» С ними государь спорить не желал[1]. В целом император был склонен соглашаться с докладчиком. Это придавало уверенность царским конфидентам, которые могли себе многое позволить. Победоносцев, неуверенный в себе человек, не боялся вызывать раздражение даже великих князей, зная о безусловной поддержке императора. Однажды в январе 1889 г. шло заседание Комитета министров. В зал зашел дядя царя великий князь Михаил Николаевич. Все сановники встали. Победоносцев же этого не сделал и, более того, довольно громко сказал: «Настоящая язва эти великие князья». В августейшей семье все были этим возмущены. Брат императора великий князь Алексей Александрович думал поехать к Александру III и высказать свое недовольство. Но это желание быстро отпало, когда ему напомнили, что и Победоносцев будет в свою очередь жаловаться на великих князей, которые так любят сплетничать. Легко было предположить, как отреагировал бы на слова обер-прокурора Св. Синода император: «Да, очень жаль, что великие князья занимаются сплетнями, а не делом»[2].

Опытный докладчик чувствовал себя уверенно в кабинете императора, зная, что с высокой долей вероятности добьется необходимого результата. И так было и при Александре III, и при Николае II. Бывший в 1905–1906 гг. министром народного просвещения граф И.И. Толстой вспоминал, что император утвердил все его докла-

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 260.

[2] Там же. Т. 2. С. 154. В царствование Николая II в этом отношении немногое изменилось. Конечно, Победоносцев не был столь влиятелен, как в начале 1880-х гг. Более того, с конца 1880-х гг., т. е. еще в годы правления Александра III, к нему все реже прислушивались. В начале 1893 г. А.А. Половцов записал в дневнике: «Совсем не тот Победоносцев, который в начале царствования раздавал портфели и после нескольких дней отсутствия в Аничковом дворце слышал от Государя: “Что Вас давно не видать?” Нет, теперь он совсем другой. С желчью говорит о всем, что делается, горько осуждает личный состав министерства и образ действий того, кто их выбирает» (*Он же.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 52). Тем не менее с началом царствования Николая II о Победоносцеве «вспомнили». Конечно, о прежнем всемогуществе оставалось лишь мечтать. И все же с позицией обер-прокурора Св. Синода считались. Его влияния боялись. В августе 1904 г. Николай II по секрету говорил князю П.Д. Святополк-Мирскому, что он ждет смерти К.П. Победоносцева, чтобы решить вопрос о раскольниках, подвергавшихся в Российской империи правовой дискриминации. До этого момента он не решался даровать им какие-либо права, опасаясь вызвать недовольство учителя ([*Святополк-Мирская Е.А.*] Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. 1965. Т. 77. С. 241).

ды, несмотря на спорность тезисов весьма радикально настроенного главы ведомства[1]. Зная эту закономерность, можно было ею пользоваться. Ведь император не ставил резолюции на докладах, давая лишь устные распоряжения, которые потом фиксировались в министерствах. В некоторых случаях это давало возможность руководителям ведомств проводить незначительные вопросы, даже не докладывая их царю[2]. Более того, сам Александр III на заре своего царствования, 6 марта 1881 г., озадачил А.А. Абазу пожеланием «сообразить, нельзя ли упростить всеподданнейшие доклады по Министерству финансов с тем, чтобы на высочайшее усмотрение представлялись лишь предметы серьезные, все остальные же разрешались собственной властью министра»[3].

Схожим образом принимались решения и в абсолютистской Франции XVII в. Чиновники того времени, несомненно, пользовались неспособностью монарха проконтролировать весь бумагооборот, который шел через него. По словам военного министра Ф.М. Лувуа, из двадцати подписанных бумаг король Людовик XIV не читал девятнадцати. Зная это обстоятельство, фактический глава правительства Ж.Б. Кольбер предоставлял монарху такое количество документов, что он заведомо не мог их освоить[4].

В сущности, министры пытались так или иначе, удачно и безуспешно манипулировать волей императора. В декабре 1883 г. Половцов поучал великого князя Михаила Николаевича, как в ходе доклада навязывать государю свою волю, а не следовать его желаниям[5]. Согласно мнению министра внутренних дел В.К. Плеве, Николай II не любил, когда министры ему противоречили. Возражения не следовало облекать в резкую форму[6]. Сглаживая углы, можно было добиться от императора всего необходимого.

Наконец, следовало учитывать особенности восприятия информации государем. Доклад не мог быть чересчур утомительным. Министр народного просвещения граф И.Д. Делянов одним из первых в правление Александра III догадался максимально сокращать свои

---

[1] [*Толстой И.И.*] Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905–24 апреля 1906 г. С. 212.

[2] Там же. С. 214.

[3] *Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883) / сост. и науч. ред. А.А. Белых. М., 2018. С. 141.

[4] *Потемкин В.П.* Людовик XIV и французский абсолютизм // Книга для чтения по истории Нового времени. М., 1911. Т. 2. С. 184.

[5] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 169.

[6] [*Куропаткин А.Н.*] Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1923. № 2. С. 83.

доклады, что находило понимание у царя[1]. Это объяснялось, помимо всего прочего, и тем, что у императоров было отведено довольно ограниченное время на встречи с министрами. Если летом 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин долго засиживался у царя, то на доклады министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа просто не хватало времени[2]. В годы царствования Николая II доклады редко продолжались более 20 минут, за которые обычно надо было обсудить около 20 вопросов[3]. Иными словами, полагалась приблизительно минута на ту или иную проблему. Казалось бы, ничтожный факт, тем не менее много определявший в политической жизни страны: последний российский самодержец не читал записки объемом более чем 2–3 страницы. Это было наблюдение министра императорского двора В.Б. Фредерикса, которым он поделился с А.А. Киреевым. «Да ведь это ужас!! – возмущался последний. – Наша государственная жизнь протекает с силой внимания 5-и, 6-и минут»[4].

Однако именно за эти 5–6 минут удавалось добиться решения, на которое, в противном случае, пришлось бы тратить месяцы, а то и годы. 17 января 1908 г. на заседании Государственной думы депутат-октябрист барон А.Ф. Мейендорф объяснял депутатам: «При прежнем строе существовал один нормальный законодательный порядок и наряду с этим приблизительно столько же законодательных путей, сколько проходов между сидениями в этом зале. Некоторые из этих путей были подлиннее, другие покороче, и я скажу, что некоторые были так коротки, что они для своего прохождения не требовали срока, превышающего период горения хорошей сигары»[5]. В данном случае речь как раз шла о всеподданнейшем докладе. Вопреки мнению

---

[1] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел / сост., вступ. ст., коммент. и аннотированный указатель имен С.В. Куликов: подг. текста Д.Н. Шилова при участии С.В. Куликова. М., 2015. С. 46. Это объяснялось еще и тем, что у И.Д. Делянова, как и у его преемников в должности министра народного просвещения, не было своего докладного дня. Следовательно, ему приходилось максимально рационально использовать те немногие минуты, когда император соглашался его выслушать (*Мещанинов И.В.* Воспоминания пережитого. С. 244).

[2] Письма С.Ю. Витте к Д.С. Сипягину // Красный архив. 1926. № 5. С. 37.

[3] [*Толстой И.И.*] Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. С. 206, 212. В письме к матери от 7 декабря 1900 г. Николай II с удовлетворением отмечал: «Куропаткин и Ламздорф присылают сокращенные доклады, и они сами очень озабочены, чтобы не давать мне лишнего дела» (Переписка императора Николая II с матерью – императрицей Марией Федоровной. 1894–1917. С. 338).

[4] *Киреев А.А.* Дневник, 1905–1910 / сост., автор вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьев. М., 2010. С. 30.

[5] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 1312.

многих правоведов, любая бумага, подписанная императором, могла получить законодательную силу. Убедить государя было проще, чем многолюдное законосовещательное учреждение – Государственный совет или Комитет министров. Не удивительно, что многие руководители ведомств по мере возможности старались обойти Государственный совет, надеясь заручиться поддержкой самого царя. Так, в марте 1883 г. морской министр Шестаков пытался подчинить себе добровольный флот посредством всеподданнейшего доклада императору[1]. Это был отнюдь не частный случай. Многие нормативные акты принимались как временные именно для того, чтобы избежать столь неудобного обсуждения проблемы в Государственном совете[2].

Ситуация осложнялось еще и тем, что министры нередко посвящали свои доклады вопросам, не входившим в сферу их компетенции. В начале 1880-х гг. К.П. Победоносцев обсуждал с императором самый широкий круг вопросов, отнюдь не касавшихся его ведомства – Св. Синода. Впоследствии обер-прокурора чрезвычайно расстраивало то обстоятельство, что император его больше не рассматривал как главного «советника»[3]. Весной 1890 г. государственный контролер Т.И. Филиппов докладывал Александру III о возможности изменений в школьной программе. Причем данный вопрос в это же самое время обсуждался в Государственном совете[4]. Точно также граф Д.А. Толстой, М.Н. Островский, С.Ю. Витте не стеснялись говорить с императором о том, что непосредственно не относилось к их ведомству[5]. Министры таким образом увеличивали свой административный вес. Император же обретал возможность оперативно вмешиваться в процесс выработки законодательных решений. Таким образом, в политическую систему вносился элемент непредсказуемости. Как это ни парадоксально, царская власть играла роль «черта из табакерки», способного разрушить любой расклад сил, сложившийся в «высших сферах».

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 67.

[2] М.М. Ковалевский по этому поводу писал: «Чем были в самом деле эти временные правила, незаметно переходившие в постоянные? Да не более как единоличными докладами министра царю, получившими его санкцию, помимо всякого участия Государственного совета даже совещательным голосом» (*Ковалевский М.М.* 87-я статья: ее прошлое, ее настоящее и будущее // Русские ведомости. 1908. № 35. 12 февраля).

[3] *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. С. 185–197, 281–295.

[4] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 300.

[5] См.: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. С. 64–65, 244–245.

Царь порой творил «юридические чудеса», определявшие вектор развития государства на долгие годы вперед. Так случилось и в апреле 1881 г., когда был подписан и опубликован Манифест о незыблемости самодержавия. Накануне его издания 29 апреля 1881 г. Александр III писал брату Владимиру: «Посылаю тебе, любезный Владимир, мною одобренный проект Манифеста, который, я желаю, чтобы вышел 29 апреля, в день приезда моего в столицу. Я давно об этом думал, но многие отсоветовали и министры все обещали мне своими действиями заменить Манифест, но так как я не могу добиться никаких решительных действий от них, а между прочим шатание умов продолжается все более и более и многие ждут чего-то необыкновенного, то я решился обратиться к Победоносцеву составить мне проект Манифеста, в котором бы высказано было ясно, какое направление делам желаю я дать и что никогда не допущу ограничения самодержавной власти, которую нахожу нужной и полезной России. Кажется, Манифест составлен очень хорошо. Он был вполне одобрен графом С.Г. Строгановым, который тоже нашел своевременность подобного акта. Сегодня я лично прочел Манифест А.В. Адлербергу, который тоже вполне одобрил его, и так, дай Бог, в добрый час!»[1]

Конечно, этот случай особый. В большинстве случаев император чувствовал свою зависимость от докладчиков и всячески (но чаще всего тщетно) пытался освободиться от нее. Ему приходилось искать обходные маневры. Некоторые из них удивляли современников: например, переписка Николая II с безвестным чиновником А.А. Клоповым, который должен был доносить до царя правду жизни[2]. По

---

[1] Письмо Александра III великому князю Владимиру Александровичу 29.04.1881 // ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 379. Л. 105–106. Эта версия подготовки Манифеста подтверждается самим К.П. Победоносцевым в письме В.П. Мещерскому: «Совершенно неверно приписываемое покойному Каткову деятельное участие в сем решении и оказанное будто бы на меня влияние. С Катковым во все это время я не виделся для переговоров и объяснений о предмете решения. Манифест 29 апреля поставляется в рассказе вашем в связь с отклонением проекта Лорис-Меликова, но это был акт совсем особый. В Бозе почивший государь император неоднократно высказывал графу неотложность заявить всенародно твердую волю Его Величества сохранить в неприкосновенности основные начала управления на самодержавии основанные. Но граф Лорис-Меликов медлил, невзирая на напоминания. Тогда Его Величеству угодно было поручить составление Манифеста мне, что и было мною исполнено» (Письмо К.П. Победоносцева В.П. Мещерскому 20.06.1896 // РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 5. Л. 21 об. – 22).

[2] См.: Тайный советник императора / сост. В.М. Крылов, Н.А. Малеванов, В.И. Травин. СПб., 2002. Слухи о влиянии А.А. Клопова вызвали волнение в «высших сферах». Князь С.М. Волконский вспоминал об этом так: «Министр юстиции Муравьев сказал, что нужно быть таким... (не повторяю), как Горемыкин, чтобы не подать в отставку. Витте, министр финансов, сказал: “Путь только сунется в мое ведомство”.

словам министра юстиции Н.В. Муравьева, Николай II хочет «знать истину, но ищет ее по коридорам, по закоулкам, слушает разных Клоповых и т. д.»[1] Министр внутренних дел В.К. Плеве разъяснял, что «самодержцы по наружности выслушивают своих министров, наружно соглашаются с ними, но почти всегда люди со стороны находят легкий доступ в их сердца или вселяют государям недоверие к своим министрам, представляя их покусителями на самодержавные права. Отсюда двойственность действий. Даже такой сильный характер, какой был у императора Александра III, не был чужд сему образу действий»[2].

В этом отношении весьма показательна история с Манифестом 26 февраля 1903 г. Даже тогда, когда государь был готов творить «юридические чудеса», они выходили не такими, как ему хотелось. Тогда, в феврале 1903 г., вняв многочисленным советам князя В.П. Мещерского, Николай II поручил ему подготовить текст Манифеста, что тот вскоре и сделал[3]. Причем в экономических вопросах издатель «Граж-

---

По вечерам вокруг карточных столов у Сипягиных, у Александры Николаевны Нарышкиной сановники сливались в общий хор негодований; дамы, брезгливо искажая рот, спрашивали: “Что это такое Клопов... Хлопов...” – “Клопов, мадам”. – “Клопов? Какой ужас!”» (*Волконский С.М.* Мои воспоминания: В 2 т. М., 2004. Т. 2: Родина. Быт и бытие. С. 89).

[1] [*Куропаткин А.Н.*] Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1923. № 2. С. 11.

[2] Там же. С. 45.

[3] См. проект В.П. Мещерского: РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 20. Л. 1–2; Д. 24. Л. 3. Однако многие современники были убеждены, что подлинным инициатором Манифеста был публицист Н.А. Демчинский. Например, «проживающая в Москве Мария Эртель получила в апреле письмо из Твери от только что вернувшегося из Петербурга знакомого со следующими сведениями: “Могу вам сообщить абсолютно верные сведения о происхождении Манифеста 26 февраля. Когда царь прочел три записки Демчинского о необходимости реформ, то возымел свирепое желание начать обновление всей русской жизни и обратился к князю Мещерскому составить текст Манифеста, в котором бы возвещались “великие реформы””». (Обзор результатов перлюстрации писем по важнейшим событиям и явлениям в государственной и общественной жизни России в 1902 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 308. Д. 41. Л. 15 об. – 16). Об этом же писал Н.А. Крылов родным, проживавшим в Париже: «Манифест, говорят, явился по инициативе Демчинского, которого царь принимал на аудиенции и говорил с ним о внутренних порядках России. Будто бы Демчинский сказал царю, что Россия выросла из детской курточки и что пора ей надеть другое платье. Царь сказал Демчинскому, чтобы он подал ему записку, – и вот эта записка и легла в основу Манифеста. Разумеется, Демчинский умнее всех министров (кроме Витте) и всей той сволочи, которая окружает трон, но не он будет проводить в жизнь все благие намерения Манифеста. Проводить в жизнь будет именно та же сволочь, которая исковеркала все реформы Александра II...» (Там же. Л. 15 об.). Впрочем, была и другая версия. Некоторым показалось, что Манифест писал сам царь. «Оказывается, – писал генерал А.А. Киреев к сестре О.А. Новиковой в Лондон, – что Манифест писал сам царь без всякой посторонней помощи. Поэтому

данина» рассчитывал на помощь С.Ю. Витте, которому и переслал проект документа. Витте не отнесся к нему серьезно и ограничился редакторской правкой. Тогда Мещерский опять обратился к министру финансов, попросил его пересмотреть текст Манифеста, имея в виду просьбу самого царя. Витте 24 февраля призвал к себе двух чиновников и фактически составил новый текст. 25 февраля с ним ознакомился В.К. Плеве. «Должен ли я только удовлетворить свою любознательность или могу внести и поправки, если это найду нужным?» – спросил министр внутренних дел. «Можете», – был ответ. В итоге вечером 25 февраля Плеве привлек к работе трех чиновников своего министерства (В.И. Гурко, А.А. Лопухина, Д.Н. Любимова), которые и подготовили окончательный вариант документа[1]. Д.Н. Любимов впоследствии вспоминал: «Мы разделили труд: Гурко взял пункты, касающиеся крестьян, Лопухин об укреплении веротерпимости, а на мне лежало вступление и статьи о реформе местного управления. Плеве оставил за собою общую редакцию»[2].

Текст, прошедший столько фильтров, был интеллектуально бесформен и не мог никого удовлетворить. Обер-прокурор Сената Н.А. Хвостов, весьма близкий к неославянофильским кругам, так его оценивал: «В Петербурге все изумлены неожиданно появившимся Манифестом. Все осуждают и стиль, и содержание. Находят, что и писать его было не для чего. Может быть, и не было особой причины

он и похож на учреждение Гаагского третейского суда... Прекрасная идея, немного туманно выраженная. Но если Европу нельзя заставить идти в Гаагу, то эти идеи могут быть проведены в России авторитетно. Прекрасные намерения! Я повторяю, рад тому, что идея Плеве повторена и в Манифесте. Это вода для моей мельницы. Я ведь тоже самое говорю и в своей записке, только гораздо сильнее. Твердо уверен, что если Плеве не будет устранен и если мы пойдем твердо к славянофильскому идеалу (а этот путь у меня и намечен в моей записке государю), то мы выберемся из этой трущобы, в которой сидим. Манифест ведь тоже шаг по тому же пути, шаг очень неопределенный, но не подлежащий сомнению. Нужно только не сбиваться с пути!» (Там же. Л. 16 об. – 17).

[1] Там же. Л. 16. 20 января 1903 г. князь В.П. Мещерский записал в дневнике: «Вчера я пригласил к себе [Степана Федоровича] Платонова [член Государственного совета] и Витте для разработки сообща проекта Губернского совета... Платонов взял на себя изготовить записку в деловом и законодательном ее исполнении, дабы в этом отношении не было ни с какой стороны повода к ней придраться. Когда мы остались вдвоем с Платоновым, он спросил меня: что слышно про Манифест? Пока ничего, готовится. Зловеще это молчание, – говорит Платонов. – Сердце щемит предчувствие, что Плеве сидит в своем кабинете и строчит свое мертвое слово, чтобы этот Манифест заразить ядом смерти. Не могу отделаться от того предчувствия. И ведь тогда все кончено. Манифест этот ведь должен быть зарей, возвещающей волю дворца» (*Мещерский В.П.* Дневник. Запись от 20.01.1903 // РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 29. Л. 1). Очевидно, опасения С.Ф. Платонова были ненапрасными.

[2] *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906: Воспоминания // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 42.

его издать, но в общем ничего худого нет. Есть вещи не совсем понятные, как, например, усугубление плодотворного участия попов в общественной жизни их паствы, а также сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств. Но в общем я очень доволен Манифестом: вредного в нем ничего нет, а относительно пересмотра крестьянского законодательства нашел даже прекрасные слова...»[1] И все же Манифест скорее смутил общество. Как писал издатель Ю.П. Бартенев, «Манифест возбудил самые разноречивые толки. 28 февраля на обеде у князя [П.Н.] Трубецкого пришлось видеть много народу, и я был поражен противоположностью суждений. Одни видели возврат к Николаевщине и Аракчеевщине, другие усматривали зарю новой земской жизни. Словом, чепуха прежестокая! Сановники морщатся и покряхтывают. Д.А. Хомяков ликует и заявляет, что это самый замечательный акт во все последние два столетия»[2].

Цари чувствовали, что самодержавная власть неизменно выскальзывала из рук самодержцев. Решения готовились и, в сущности, принимались бюрократией. Слова, приписываемые Николаю I, о том, что Россией в действительности правят столоначальники (т. е. чиновники даже не высшего, а среднего звена)[3], мог повторить и его внук, и правнук[4]. На эту проблему неизменно указывали славянофильствующие мыслители и даже некоторые высокопоставленные бюрократы. В их числе был министр внутренних дел Д.С. Сипягин. Однако его аргументы в защиту подлинного царского самодержавия разбивались о законотворческую практику. Это и объяснял Сипягину министр финансов С.Ю. Витте: «Если стать на вашу точку, то каждый министр будет также убедительно, как и вы, доказывать, что никакие законы для него не нужны, ибо он только исполнитель, а решает царь. Но ведь тогда будет не самодержавие, а хаотическое

---

[1] Обзор результатов перлюстрации писем по важнейшим событиям и явлениям в государственной и общественной жизни России в 1902 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 308. Д. 41. Л. 16.

[2] Там же. Л. 17 об. См. также: *Соловьев Ю.Б.* К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. № 11. С. 202–204.

[3] *Пресняков А.Е.* Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925. С. 56.

[4] По этому поводу граф Н.П. Игнатьев в январе 1887 г. говорил: «Я до сих пор думал, что эти рассказы о всемогущем значении столоначальников – это мифы и легенды; но теперь я убедился лично, что в этих рассказах нет даже ничего преувеличенного. Я лично должен был и продолжаю до сих пор ездить по разным канцеляриям и учреждениям, кланяться не директорам и не начальникам, а именно столоначальникам. От них, только от них все зависит в судьбе движущихся дел» (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 423–424).

правление. Царь самодержавен, потому что от него и только от него зависит установить машину действия, но так как царь – человек, то для управления страною в 130 млн. подданных ему машина нужна, ибо его человеческие силы не могут заменить машину. Царь самодержавен, а потому он может менять по своему усмотрению сию машину и все части ее, когда только он захочет, но все-таки может менять, но физически не может действовать без машины»[1].

Бюрократическая машина

Что такое государство в тех или иных конкретных обстоятельствах, определяют, по словам П. Бурдье, «юридические пророки», носители признанного знания о праве, проще говоря, юристы[2]. «Юрист – это профессионал на создание ex officio официальных фикций». Поэт творит в минуты вдохновенья, пророк – в минуты озаренья, юрист, облеченный властью (а, следовательно, и бюрократ), – всегда, ежесекундно[3]. Значение юриспруденции для становления государственных институтов многократно подчеркивалось в правовой мысли. К. Шмитт выводил юридическую науку из теологии, вполне обоснованно ссылаясь на университетские курсы XII в. Тогда право и богословие тесно переплелись друг с другом, обменявшись дарами – характерным для них категориальным аппаратом[4]. Именно тогда представление о власти вышло на новый, более высокий уровень абстракции, что в итоге способствовало появлению привычного нам государства, в котором правят не лица, а институты, в котором господствуют законы, а не воля отдельных людей.

Шмитт полагал такое понимание государства ложным. Он видел в этом либеральное (и для него глубоко чуждое) понимание политических и правовых институтов, которое олицетворял вечный шмиттовский оппонент – Г. Кельзен[5]. Альтернативу он видел во власти,

---

[1] Письма С.Ю. Витте к Д.С. Сипягину // Красный архив. 1926. № 5. С. 32.

[2] *Бурдье П.* О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). С. 123.

[3] Там же. С. 139–140, 142.

[4] *Шмитт К.* Понятие политического. С. 34, 38. См.: *Ямпольский М.Б.* Физиология символического. Кн. 1. С. 153. См. также: *Канторович Э.* Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегиной. М., 2015. С. 87. Эта точка зрения находит подтверждение в сочинениях Дж. Агамбена (См.: *Агамбен Дж.* Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / пер. с итал. Д.С. Фарафоновой и Е.В. Смагиной; под науч. ред. Д.Е. Раскова, А.А. Погребняка, Д.С. Фарафоновой. М.; СПб., 2018. С. 164–165).

[5] *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. Справедливость и естественное право / пер. с нем., англ., фр., сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб., 2015. С. 173–186.

строящейся вокруг решений ее представителей, вокруг их суверенной воли, способной творить новую реальность[1]. Не считая государство машиной со своей сложной механикой, Шмитт не разглядел то, что собственно делает государство государством. Тем не менее он все же признавал, что носителями идеи государственности неизменно оказывались чиновники. С упрочением их позиций и стало складываться европейское государство в XVI–XVII вв.[2] Они же были представителями юридического стиля мышления.

В общественных науках уже давно укоренилось представление, что сила бюрократии – в специфическом знании механики государственного управления, которое она фактически монополизировала. Согласно классическому определению М. Вебера, чиновник – технократ, обычно лишенный каких-либо политических устремлений[3]. Политика реализуется в публичном поле, преимущественно на парламентской трибуне. В канцеляриях от нее свободны. Сама по себе эта мысль не выглядит бесспорной даже при наличии парламента, политических партий, выборов[4]. Тем более это касается России до 1905 г., где о парламенте оставалось лишь мечтать.

В любом случае бюрократия предполагает особое профессиональное мастерство, знание сокровенных тайн управления, а следовательно, отсутствие публичности принятия решений[5]. Парламентаризм, напротив, предусматривает публичность, дискуссию, максимальную гласность при обсуждении и утверждении законов. Это, казалось бы, верное противопоставление чаще всего не выдерживает испытания практикой. И при парламентаризме многое, если не все решается в кулуарах и тиши кабинетов. В то же самое время при бюрократическом правлении дискуссия в законосовещательных коллегиях отнюдь не исключена, и публичная политика в определенных рамках возможна и даже необходима.

---

[1] *Шмитт К.* Понятие политического. С. 49–59.

[2] Там же. С. 176.

[3] *Вебер М.* Власть и политика / пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова; вступ. ст. А.Ф. Филиппова; коммент. Т.А. Дмитриева, А.Ф. Филиппова. М., 2017. С. 95–98. Сам Вебер подчеркивал, что время царственного дилетантизма, характерного, например, для Ренессанса, давно прошло (*Он же*. О России: Избранное / пер. с нем. А. Кустарева. М., 2007. С. 69). «Но власть чиновника зиждется не только на профессиональных знаниях, – продолжал Вебер. – Сюда добавляется еще и доступное лишь чиновнику, приобретенное с помощью ведомственного аппарата знание конкретных фактов, важных для поведения чиновников, – служебное знание» (*Вебер М.* Политические работы, 1895–1919 / пер. с нем. Б.М. Скуратова. М., 2003. С. 172).

[4] *Шмитт К.* Понятие политического. С. 182.

[5] Там же. С. 128.

Привычная типология политических режимов дает весьма поверхностное понимание тех процессов, которые реализуются в обществе. Говоря о монархии, абсолютной или конституционной, либо же о республике, исследователи пользуются категориями, характерными для монархического или республиканского мифа. Выйти за его пределы, значит разглядеть реальный расклад, подлинную процедуру принятия решений, со всеми ее изгибами и противоречиями.

В этом отношении большой интерес вызывает выделяемое немецким правоведом К. Шмиттом «государство законодательства», представляющее собой торжество безличного процесса принятия решений. «В таком государстве “господствуют законы”, а не люди, не какие-либо авторитеты и власти... Господства и одной лишь голой власти в таком государстве вообще больше нет. Тот, кто осуществляет власть и господство, действует “на основании закона” или “именем закона”. Он преследует только одну цель: более детально прописать значимость [более общей] значимой нормы. Законы принимаются законодательной инстанцией, которая сама, однако, не властвует, не вводит в действие и не применяет изданные ею законы: она только разрабатывает те или иные значимые установления, на основании которых потом исполнительные органы на практике осуществляют государственную власть»[1].

Это государство экспертов, знающих, как функционирует правительство. Альтернатива ему – государство юстиции, где господствует суд. В переходные времена возникает государство администрации, складывающееся вокруг волевых инстинктов признанного лидера[2]. Предложенную типологию можно оспаривать. Однако ее безусловное преимущество заключается в попытке классифицировать политические режимы в соответствии с существующими в обществе технологиями принятия властных решений.

В данном случае наибольший интерес представляет бюрократическое государство. Там главенствуют всезнающие, но чаще всего аполитичные эксперты, что приводит к дефициту политической власти, способной сопрягать тактические решения с общей страте-

---

[1] *Шмитт К.* Понятие политического. С. 172. В связи с этим же К. Шмитт пишет о проекте создания «нейтрального государства», в котором власть будет осуществляться специалистами и экспертами (*Шмитт К.* Государство: Право и политика. С. 152). Эта позиция совершенно неприемлема для Шмитта, глубоко враждебна его стилю мышления. Для него сфера политики – это область перманентной борьбы и размежеваний, где не может быть нейтральности. Привлечение экспертов к процессу принятия решений влечет за собой политизацию экспертного знания, а отнюдь не «нейтрализацию» власти и ее институтов (Там же. С. 160).

[2] *Он же*. Понятие политического. СПб., 2016. С. 175–177.

гией развития страны. Действительно в Российской империи часто повторялись слова о необходимости общего политического курса (и, следовательно, о его отсутствии). О важности общего вектора развития говорилось еще на заседаниях Совета министров в марте–апреле 1881 г., предварявших издание известного Манифеста 29 апреля 1881 г.[1] Время от времени этот вопрос ставили отдельные министры, будучи существенно ограниченными сферой компетенции своего ведомства. Под этим углом зрения можно рассматривать «экономизм» (в отличие от узкого «финансизма») Н.Х. Бунге: Министерство финансов, по его мнению, должно быть озабочено не сбережением казны, а социально-экономической эволюцией государства[2].

---

[1] По мнению М.Т. Лорис-Меликова и близких к нему государственных деятелей, следовало изменить порядок утверждения высочайших решений. На рассмотрение императора можно было выносить лишь те проекты, которые получили одобрение большинства министров. Фактически речь шла о создании объединенного правительства. Изначально император отнесся к этой мысли вполне сочувственно и предложил создать для обсуждения этого вопроса особую комиссию. 21 апреля 1881 г. первым на ее заседании выступил К.П. Победоносцев. Он говорил в привычном для себя «плаксивом тоне», жаловался на тотальную страсть к наживе, отсутствие элементарной дисциплины среди населения, повальное пьянство. Почти все присутствующие дружно оппонировали Победоносцеву, настаивая на необходимости единства управления. А.А. Абаза отметил, что выступление обер-прокурора – это позиция не государственного деятеля, а моралиста [*Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 196–198]. Победоносцев не возражал против мнения большинства коллег, а император поддержал Абазу. Он принял решение, что проекты, выносимые на рассмотрение императора, должны первоначально изучаться на частном совещании министров (внутренних дел, финансов, военного, юстиции, народного просвещения, государственных имуществ, обер-прокурора Св. Синода, а в некоторых случаях и других руководителей ведомств). Председательствовать должен вел. кн. Владимир Александрович. Лишь те документы, которые получили одобрение такого совещания, следовало представлять царю (Там же. С. 64).

[2] *Ковалевский В.И.* Воспоминания // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 28. В чиновничьей среде не было консенсуса относительно оправданной финансовой и, шире, экономической политики. Как утверждал М.Н. Островский, «у нас нет традиции в администрации, что это и составляет главный недостаток нашего финансового управления; у нас даже не решен вопрос, полезно ли или вредно привлечение иностранных капиталов» (*Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 9. Л. 57). В итоге правительственный курс во многом зависел от позиции министра финансов.

Экономическую политику можно было оценивать по-разному. А.А. Половцов видел в ней признаки государственного социализма, активно вмешивавшегося в хозяйственную жизнь страны, что могло иметь лишь негативные последствия для реализации частных инициатив. С такой оценкой соглашался его собеседник Д.М. Сольский, правда, заменив «минус» на «плюс»: «Да, это правда, но социализм делает повсюду такие быстрые шаги вперед, что нам остается лишь подчиниться этому движению» (*Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 102). Многие представители высшей бюрократии открыто придерживались общинной теории. Согласно воспоминаниям К.Ф. Головина, «А.С. Ермолов, защищая мирской быт, делал, впрочем, некоторые

Своя программа была и у В.К. Плеве[1]. С.Ю. Витте смело вмешивался в сферу компетенции прочих министров (например, иностранных

уступки его противникам... А.Н. Куломзин, со своей стороны, добавил, что безусловная свобода личной собственности немыслима и что ей суждено с каждым новым поколением суживаться, склоняясь все более к некоторому коллективизму. В настоящее время ни А.С. Ермолов, ни А.Н. Куломзин, ни даже С.С. Бехтеев, бывший тоже сторонником общинной теории, на прежней точки зрения уже не стоят» (*Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. 2. С. 70). Более того, по сведениям Головина, в начале 1880-х гг. этой точки зрения придерживался и А.А. Половцов (Там же. С. 71).

По мнению А.Н. Куломзина, к социалистическим идеалам тяготел и министр государственных имуществ М.Н. Островский. «В это время последний был членом Государственного совета и по своему казенному направлению всегда сочувствовал либеральному образу мыслей с большой примесью славянофильства, т. е. национального стремления при условии, конечно, всемогущего действия бюрократии. Он искони сочувствовал свободе печати, заботам о благосостоянии народа и был более чем врагом крупной собственности. Однако ясно определенных взглядов на государственные задачи у него не было. С одной стороны, деятельность в контроле, пережитое время крупных хищений на всех поприщах развили в нем взгляд на то, что каждый предприниматель есть непременно плут и хищник. Казенное хозяйство он думал держать в руках размножением отчетности и всяких формальностей. В его взглядах на частную собственность отразились до известной степени социалистические идеалы. В его мечтаниях надлежало бы признать государство верховным распорядителем земельного фонда с раздачей его частным лицам лишь во временное владение» (*Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 330).

[1] У В.К. Плеве был свой взгляд на многие вопросы. Согласно воспоминаниям В.И. Гурко, «русский народ – его серая земледельческая масса – ему представлялся в виде загадочного сфинкса, и он любил говорить, что будущее России зависит от того, насколько государственной власти удастся верно разгадать его затаенную сущность» (*Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 131). Видимо, сам Плеве считал, что ему эта тайна поддалась. Он весьма критически оценивал нравственное состояние крестьянства, не верил в его способность обеспечивать социально-экономический прогресс страны, а главное, полагал, что «мужик» не мог быть прочной опорой власти. Всякий крестьянин, независимо от своего состояния, был готов к беспорядкам (Там же. С. 214). Следовательно, власти приходилось надеяться только на саму себя, на свою способность предвидеть будущее, оперативно реагировать на вызовы настоящего, подавлять недовольных.

Политический кризис, имевший место в России, Плеве связывал с асинхронностью развития страны: «Рост общественного сознания, как естественное последствие преобразований, раскрепостивших личность, совпал с глубокими изменениями бытовых условий и коренною ломкою народно-хозяйственного уклада. Быстро развернувшаяся социальная эволюция опередила работу государства по упорядочению вновь возникших отношений». Таким образом, в динамично менявшемся обществе упрочилась мысль о необходимости преобразования властных институтов. По мнению Плеве, не стоило идти на поводу отчасти наивного, отчасти своекорыстного общества. Перед Россией стояли задачи масштабного реформирования всех сторон культурной, хозяйственной жизни страны. Эти грандиозные задачи под силу только «историческому самодержавию» (Письмо В.К. Плеве к А.А. Кирееву // Красный архив. 1926. № 5. С. 202).

дел)[1]. Проблема в том, что такого рода амбициозные проекты отдельных государственных деятелей не могли быть в полной мере реализованы. Сами по себе они становились вызовом для политической системы, раскачивали, дискредитировали ее в глазах даже высшей бюрократии, лишний раз вынуждая задуматься о необходимости институциональных преобразований.

Бюрократическое государство – это то, что казалось неприемлемым самой бюрократии. В январе 1903 г. Плеве в разговоре с земцами вспоминал роман французского писателя А. Доде, в котором было выведено государство, управлявшееся медиками. По мнению министра внутренних дел, такая же односторонность была характерна для чиновничества. Именно по этой причине до чрезвычайности был важен голос представителей хозяйственных интересов страны, способный уравновесить влияние канцелярий[2].

Несмотря на все эти разговоры именно бюрократия продолжала вершить судьбы страны. Она оставалась главным героем на политической сцене Российской империи. О чиновничестве и так много написано и отечественными, и зарубежными исследователями. Од-

---

Сам Плеве ставил перед собой сразу несколько важнейших задач. Во-первых, следовало вернуть доверие «лучшей части общества» к правительству. В силу этого не стоило подвергать излишней дискриминации представителей земского и городского самоуправления. Это объяснялось не столько личными симпатиями министра, сколько свойственным ему прагматизмом. Ведь к интеллигенции Плеве относился сугубо скептически. По мнению министра внутренних дел, «та часть нашей общественности, в общежитии именуемая русской интеллигенцией, имеет одну преимущественно ей присущую особенность. Она принципиально и притом восторженно воспринимает всякую идею, всякий факт, даже слух, направленный к дискредитированию государственной, а также духовной православной власти, ко всему остальному в жизни страны она индифферентна» (*Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906: Воспоминания // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 38).

Во-вторых, надо было «приподнять значение церкви» и в связи с этим укрепить значение прихода. И, наконец, на очереди стоял крестьянский вопрос. Правительство должно было задуматься об улучшении быта земледельческого населения ([*Куропаткин А.Н.*] Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1923. № 2. С. 43).

[1] *Куропаткин А.Н.* Дневник // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1871. Л. 6 об., 7 об.

[2] Письмо М.В. Челнокова Д.Н. Шипову 20.01.1903 // ОР РГБ. Ф. 440. К. 6. Д. 54. Л. 10. Многие представители высшей бюрократии предпочитали относить себя к общественности. В частности, князь Б.А. Васильчиков, главноуправляющий землеустройством и земледелием (1906–1908), утверждал, что «сам всегда себя считал общественным деятелем гораздо больше, нежели чиновником, хотя никогда не удостаивался этого высокого звания со стороны тех, кто его расточал, так как никогда не почитался либералом» (*Васильчиков Б.А.* Воспоминания / сост., предисл., примеч. Г.И. Васильчикова, подг. текста В.П. Полыковской, коммент. Д.А. Беляева. М., 2003. С. 142).

нако, несмотря на все это, в общественном сознании продолжают бытовать мифы, вроде бы уже давно опровергнутые в науке. Так, до сих пор господствуют представления, что Российская империя страдала от многочисленности чиновников[1]. Такая позиция вполне понятна: и в XIX столетии некоторые видные сановники были уверены в избыточности имевшихся в стране управленцев. Сам Николай I утверждал, что в России чиновников «более чем требуется для успеха службы»[2].

С формальной точки зрения, численность чиновничества на протяжении XIX в. неуклонно росла. В 1763 г. было 5614 классных чиновников, в 1847 г. – 96 500, в 1857 г. – 122 300, в 1897 г. – 145 200, в 1905 г. – 181 500. При этом очевидно, что абсолютные показатели не позволяют в полной мере оценить ситуацию, учитывая довольно быстрый рост численности подданных российского императора. Удельный вес бюрократии среди всего населения страны не был велик. По подсчетам С. Величенко и Б.Н. Миронова, в 1847 г. 1,42 чиновника приходилось на 1000 подданных Российской империи, в 1857 г. – 1,66 чиновника, в 1897 г. – 1,15, в 1915 г. – 1,3[3]. Однако сами по себе цифры немногое говорят. Они интересны в контексте или в сравнении. По подсчетам С. Величенко, сравнительная численность российской бюрократии к началу XX в. оставалась невысокой, даже если иметь в виду концентрацию бюрократии преимущественно в городах.

---

[1] *Rowney D.K., Pintner W.M.* Officialdom and bureaucratization: an introduction // Russian officialdom. The bureaucratization of Russian Society from the 17 to the 20 century. Chapel, 1980. P. 5. Впрочем, в историографии доминирует альтернативная точка зрения. См.: *Starr F.S.* Tsarist government: The imperial dimension // Soviet nationality policies and practices. N.Y., 1978. P. 3–38; *Weissman N.B.* Reform in Tsarist Russia. The State Bureaucracy and Local Government, 1900–1914. New Brunswick, New Jersey, 1981. P. 225; *Pearson T.S.* Russian Officialdom in Crisis. Autocracy and Local Self-Government, 1861–1900. Cambridge, 1989. P. 257.

[2] Видимо, это довольно стереотипное восприятие проблемы в Новое время, когда профессиональная бюрократия складывается как единая корпорация. Так, во Франции начала XVII в. существовало убеждение, что чиновники в этой стране «кишели, как саранча в Египте». В Англии жаловались на «деспотизм», установившийся в ходе правления Генриха VIII. Он тоже будто бы проявлялся во всевластии бюрократии. Наконец, Петр I видел проблему в многочисленности чиновничества при том, что в его царствование их было всего 2739 человек на приблизительно 10 млн населения России (*Величенко С.* Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 91–92).

[3] *Миронов Б.Н.* Российская империя от традиции к модерну: В 3 т. СПб., 2015. Т. 2. С. 431–432.

	Население, тыс.	Численность бюрократии, тыс.	Соотношение
Всего	124 543	95	1/1311
В городе	15 499	82	1/188

Источник: Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 96.

Для сравнения: в Великобритании отношение чиновников к общему числу населения составляло 1 к 122, во Франции – 1 к 137, в Германии – 1 к 163, в Австро-Венгрии – 1 к 198[1]. Однако следует учитывать, что цифры, которыми оперирует С. Величенко, не являются общепризнанными[2]. Так, Н.А. Рубакин, пользуясь переписью 1897 г., насчитал на государственной и общественной службе 949 тыс. чел. (из них 523 тыс. мужчин и 426 тыс. женщин). При этом, определяя численность групп населения по роду занятий, он отнес к административной, полицейской и судебной деятельности более 225 тыс. чел. Всего же чиновников в России, по его оценке, было около 435 тыс. чел.[3] П.А. Зайончковский предложил расчетную численность бюрократии в 500 тыс. чел. Разночтения во многом обусловлены спецификой источниковой базы, так как сведения о численности бюрократии отсутствуют в материалах Инспекторского отдела С.Е.И.В. Канцелярии, списки же чинов отдельных ведомств не отличаются полнотой[4].

Однако даже если принять максимальные показатели численности российской бюрократии, то и в этом случае будет очевидно, что Россия страдала от дефицита управленческих кадров.

---

[1] *Величенко С.* Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе. С. 94.

[2] Бюрократия – довольно многочисленная социальная группа в любой европейской стране. Более того, можно сказать, что она составляет значительную часть всей читающей публики (говоря языком российских реалий XIX – начала XX в., общественности). Так, к 1910 г. в Цислейтанской Австрии насчитывалось 700 тыс. чиновников. К 1906 г. более 500 тыс. – во Франции, к 1907 г. более 1,5 млн – в Германии, около 700 тыс. – в Италии (*Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. / пер. с англ. А.А. Васильева. СПб., 1998. С. 131).

[3] *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. С. 96, 98.

[4] *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 71.

Численность бюрократии в странах Европы и Северной Америки

Государство	Общее число чиновников, тыс.	Число чиновников на 10 тыс. населения
Франция	700.	176
Великобритания	505	73
Германия	715	126
Италия	444	136
Австро-Венгрия	570	125
Бельгия	134	200
Швейцария	46	140
США	865	113
Европейская Россия	500	54
Дания	33	136
Норвегия	25	112
Швеция	67	131

Источник: Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912. С. 62.

При этом чиновничество было распространено в России неравномерно.

Один чиновник приходится на следующее число жителей

Регион	В городах	В уездах
Европейская Россия	55	664
Польша	105	600
Кавказ	54	800
Сибирь	46	750
Средняя Азия	118	2112
Всего в империи	60	707

Источник: Рубакин Н.А. Россия в цифрах. С. 64.

Иными словами, удельный вес бюрократии в России заметно уступал ее числу в ведущих европейских державах. Это было хорошо известно и в конце XIX – начале XX в., что позволило Д.И. Менделееву говорить о «недоуправляемости» империи[1]. В любом случае государственная служба аккумулировала значительную часть всех образованных лиц[2]. Причем, по словам В.Б. Лопухина, она привле-

---

[1] *Менделеев Д.И.* К познанию России. СПб., 1906. С. 67–68.

[2] *Петров Ф.А., Гутнов Д.А.* Российские университеты // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3: Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 179–171.

кала наиболее способных выпускников университетов и элитарных учебных заведений[1]. Конечно, в данном случае речь идет преимущественно о столичной бюрократии, представители которой могли рассчитывать на хорошее карьерное продвижение.

Поступательно увеличивалась численность высшей бюрократии. Так, в 1889 г. было 69 действительных тайных советников, в 1895 – 80, в 1906 – 104. В 1887 г. насчитывалось 520 тайных советников, в 1906 – 620. В 1887 г. – 2283 действительных статских советников, в 1896 – 2545, в 1906 – 3632, в 1910 – 3840. В 1853 г. было 48 членов Государственного совета, в 1903 – 86. Из них 41 являлись действительными тайными советниками, 14 – тайными советниками, 29 – полными генералами, 2 – генерал-лейтенантами. За годы царствования Николая II существенно возросло финансирование высшего законосовещательного учреждения России. В 1894 г. на его содержание тратилось 606 тыс. руб., в 1905 – 1182 тыс.[2]

---

[1] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / отв. ред. С.В. Куликов, подг. текста С.В. Куликова и Д.Н. Шилова, вступ. ст. и имен. указ. С.В. Куликова, коммент. С.В. Куликова и Д.Н. Шилова. СПб., 2008. С. 79.

[2] *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. С. 64–65.

При этом следует иметь в виду, что по сравнению с прочими европейскими странами Россия тратила значительные средства на содержание государственного аппарата.

Расходы на управление страной (по отношению ко всему государственному бюджету, 1903 (в %)

Россия	13,36
Австрия (Цислейтания)	9,28
Пруссия	6,90
Италия	6,87
Франция	4,65
Англия	3,21

В 1903–1907 гг. это отношение существенно не менялось, в 1907 г. оно составило 13,1 % от государственного бюджета.

В то же самое время Россия тратила очень ограниченные средства на образование по сравнению с прочими мировыми державами.

Расходы на образование (1903)

Государство	На одного жителя (в марках)	% от консолидированного бюджета
Пруссия	7,72	8,34
Австрия (Цислейтания)	4,15	6,32
Италия	3,06	5,13
Франция	6,63	7,01
Великобритания	6,30	7,62
Россия	1,13	3,99

Россия в 1905–1907 гг.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2016. С. 78.

За XIX столетие чиновничество существенно изменилось, заметно приблизившись к «веберовскому идеалу» бюрократии[1]. К началу XX в. большинство членов Государственного совета (а именно 59 чел.) имели высшее образование, 22 – среднее, 2 – домашнее. 30 лиц из тех, кто имел высшее образование, получили квалификацию юристов. 14 из них окончили Училище правоведения, 7 – Александровский лицей. 23 члена Государственного совета окончили российские университеты по разным специальностям. Численность членов Государственного совета, имевших высшее образование, по сравнению с 1853 г., увеличилась в пять раз. При этом за вторую половину XIX в. более чем в два раза снизился удельный вес «военного представительства» в Государственном совете. В 1,5 раза сократилась численность придворных чинов, в 3,5 раза – представителей титулованной аристократии[2].

Члены Государственного совета – лица, умудренные опытом, со значительным стажем службы. В этом отношении очень показательно, что большая их часть была весьма преклонного возраста:

Возраст	Число членов Государственного совета
26–50	2
51–55	8
56–60	11
61–65	17
66–70	18
71–75	12
76–80	12
81–85	1
86–90	2

Источник: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. С. 200.

---

[1] Так, М. Раев полагал, что российская бюрократия была чрезвычайно далека от идеала, обозначенного в работах М. Вебера, на всех этапах своего развития (*Raeff M.* Introduction // Plans for political reform in imperial Russia, 1730–1905. Englewood Cliffs, 1966. P. 80). С этой точкой зрения не мог согласиться немецкий исследователь Г. Торке. Он отмечал эволюцию чиновничества в XIX в., в особенности после Великих реформ, которые способствовали радикальному преображению, в том числе и государственной службы империи (*Torke H.-J.* Continuity and change in the relations between bureaucracy and society in Russia, 1613–1861 // Canadian Slavic studies. 1971. Vol. 5. № 4. P. 474–475).

[2] *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России. С. 131, 198–200. По оценке Н.М. Коркунова, в 1895 г. в Государственном совете заседали 47 гражданских чинов и 19 военных (не считая четырех великих князей) (*Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 2. С. 82).

Той или иной недвижимой собственностью владел 51 член Государственного совета, 30 членов вовсе не владели землей. По подсчетам П.А. Зайончковского, земельные владения среди членов Государственного совета к началу XX в. распределялись следующим образом:

Количество десятин	Число членов Государственного совета
До 100	3
101–500	8
501–1000	2
1001–5000	15
5001–10 000	1
10 001–25 000	4
Свыше 25 000	4
Без указания размера	8

Источник: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. С. 200.

Наиболее знаменательный факт заключается в том, что за вторую половину XIX в. резко снизился процент землевладельцев. В 1853 г. он равнялся 92,7 %, в 1903 г. – 56,8 %. В 1853 г. богатые помещики составляли 68,8 % Государственного совета, в 1903 – 21,6 %[1]. Процесс «обезземеливания» членов высшего законосовещательного учреждения империи заметен и на более короткой дистанции: в 1882 г. земельные собственники составляли 78,1 % членов Государственного совета, в 1892 – 72,2 %. В 1882 г. крупные помещики – это 41,4 % состава этого учреждения, в 1892 – 35,9 %[2].

Аналогичным образом складывалась ситуация в Комитете министров. К началу XX в. 11 членов этого правительственного учреждения были действительными тайными советниками, 2 – тайными советниками, 5 – полными генералами и адмиралами, 1 – вице-адмиралом, 3 – генерал-адъютантами. 4 из них закончили университет, 2 – Училище правоведения, 3 – Александровский лицей. Всего 12 членов Комитета министров имели высшее образование, 4 – сред-

---

[1] *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России. С. 200–201.

[2] *Собко Е.М.* Государственный совет в эпоху Александра III. С. 34–35. При этом количество среднепоместного дворянства в составе Государственного совета за эти годы увеличилось. В 1882 г. было 34,5 % членов законосовещательного учреждения, в 1892 г. – 43,6 %. Также обращает на себя внимание тот факт, что, согласно данным формулярных списков, владельцев промышленных предприятий в составе Государственного совета было ничтожно мало: в 1882 г. – 3 человека, в 1892 – лишь один (А.А. Абаза) (Там же. С. 34).

нее, 1 – домашнее. По сравнению с 1853 г. число министров с высшим образованием увеличилось в 4 раза. За вторую половину XIX в. доля военных среди министров сократилась в 2,5 раза. Представителей титулованной знати стало меньше в 5 раз[1].

Членами Комитета министров были немолодые люди:

Возраст	Число членов Комитета министров
46–50	2
51–55	4
56–60	2
61–65	3
66–70	5
71–75	1

Источник: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. С. 202.

Схожие тенденции затронули и «второй эшелон» администраторов – товарищей министров и директоров департаментов. За вторую половину XIX в. увеличился более чем в 3 раза удельный вес чиновников этого уровня, не обладавших недвижимостью. Число землевладельцев уменьшилось более чем в 2 раза. Число крупных землевладельцев – в 5 раз[2].

Постепенно менялся и губернаторский корпус. За вторую половину XIX в. удельный вес губернаторов с высшим образованием увеличился в 4 раза. Соответственно, $^{2}/_{3}$ губернаторов имели высшее образование. К 1903 г. (по сравнению с 1853 г.) численность крупных землевладельцев уменьшилась в 2 раза. Примечательно, что за этот период губернаторский корпус несколько «помолодел». Удельный вес губернаторов старше 60 лет уменьшился в 9 раз[3].

Все это свидетельствовало об определенной степени профессионализации бюрократии, которая качественно изменила социально-

---

[1] *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России. С. 202; *Дубенцов Б.Б., Куликов С.В.* Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 65.

[2] *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России. С. 140–141, 207–208; *Дубенцов Б.Б., Куликов С.В.* Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. С. 68.

[3] *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России. С. 214–216; *Дубенцов Б.Б., Куликов С.В.* Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. С. 69.

культурный облик российского чиновничества. В начале XX в. высшие государственные служащие в большинстве своем имели высшее образование, получали доход, прежде всего от своей профессиональной деятельности, часто были чиновниками не в одном поколении.

Конечно, любая статистика «обманывает». Чиновничество в России было распределено неравномерно. Как это ни удивительно, больше всего чиновников на душу населения приходилось в Костромской и Вятской губерниях. Видимо, это было связано с необходимостью следить за ссыльнопоселенцами, которых в этих краях было немало. Меньше всего – в Самаркандской области. Этот показатель в украинских и польских городах уступал тому, что имел место в Центральной России и Закавказье. И, наконец, абсолютное большинство чиновников (около 90 %) проживало в городах – в стране, где 83 % населения составляли крестьяне. Естественно, максимальная концентрация бюрократии была в столицах, в особенности в Санкт-Петербурге[1]. Такая диспропорция скорее подтверждает точку зрения Менделеева. У раздутого центрального аппарата было явно недостаточно рычагов влияния на положение вещей в провинции.

Ситуация осложнялась еще и тем, что за вторую половину XIX в. Россия сильно и довольно быстро изменилась. В ней усложнились средства коммуникации, появились новые пути передачи информации, сложились новые социальные группы. В начале XX в. подданные российского императора посылали почтовых сообщений в 15 раз больше, чем в 1860-е гг., число казенных телеграфных сообщений возросло в 54 раза. С одной стороны, это создавало новые механизмы управления страной, с другой – ставило перед властями принципиально новые задачи, с которыми она далеко не всегда справлялась. Не случайно, что за это же время число дел, поступивших, например, в Министерство юстиции, выросло более чем в 6 раз[2], что создавало невыносимые трудности для российской бюрократии. По мнению современного исследователя Д. Орловского, они были практически неразрешимы[3]. В.Б. Лопухин вспоминал, как в 1897 г. в Государственном контроле он был вынужден работать с большим делом на много сотен страниц «Об 1 руб. 13 коп. убытка от боя стеклянной посуды»: «Мелочная одуревающая переписка о грошовых начетах, с доведением в таких случаях дела до конца, и сдаваемые в архив без взысканий

---

[1] *Величенко С.* Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе. С. 97–98.

[2] *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России. С. 442–444.

[3] *Orlovsky D.T.* The limits of reform. The ministry of international affairs in imperial Russia, 1802–1881. Cambridge. L., 1981. P. 43–46.

и репрессий дела о крупном перерасходе или о воровстве, прекращаемые “за давностью” или “по докладу”»[1]. Стремительный рост бумагооборота делал невозможным какой-либо контроль над ним. В итоге форма с неизбежностью подменяла собой содержание.

Как уже отмечалось не раз, Россия второй половины XIX – начала XX в. – бюрократическая империя. В сущности, именно бюрократия – правящая корпорация в стране, так или иначе защищавшая свои интересы, чьи взгляды, вкусы и предпочтения отражались на законодательных решениях[2]. С формальной точки зрения вся высшая бюрократия принадлежала к дворянству. Более того, даже к февралю 1917 г. 73 % высокопоставленных чиновников принадлежали к дворянству отнюдь не в первом поколении[3]. Вместе с тем многие видные государственные служащие не могли похвастаться разветвленным генеалогическим древом. В 1880-е гг. шутили, что бразды правления оказались у поповичей (имелись в виду К.П. Победоносцев и М.Н. Островский): именно они проводили в России «дворянский» курс[4]. Министр финансов И.А. Вышнеградский был сыном священника, главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин – внуком крепостного крестьянина, военный министр П.С. Ванновский – сыном учителя в гимназии, министр народного просвещения Н.П. Боголепов – сыном квартального надзирателя[5]. 7 марта 1892 г. В.Н. Ламздорф записал в дневнике: «Надо сознаться, что этот ареопаг в настоящее время далеко не аристократичен. Только граф Воронцов[-Дашков] и граф Протасов-Бахметев принадлежат к хорошим семьям, а уважаемый Николай Карлович Гирс – к хорошему обществу. Отбросив армянина Делянова и румы-

---

[1] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 64.

[2] В сословном характере прусского чиновничества О. Шпенглер видел большое достоинство: «В Пруссии чиновник со времен Фридриха Вильгельма I является сословием – таким же, как сословие офицеров и судей. Его честь – не профессиональная или гражданская, но сословная. Его чувство чести связано не с трудом, как это было в средневековых цехах, но с фактом служения...» (*Шпенглер О.* Воссоздание германского рейха / пер. с нем. А.В. Перцева, Ю.Ю. Коринца. СПб., 2015. С. 45).

[3] *Дубенцов Б.Б. Куликов С.В.* Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. С. 65.

[4] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 21. В 1892 г. 52 члена Государственного совета были дворянского происхождения, один (Е.А. Перетц) происходил из купечества, один (И.А. Вышнеградский) – из духовенства (*Собко Е.М.* Государственный совет в эпоху Александра III. С. 31).

[5] *Романов В.Ф.* Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. С. 89.

на – или неизвестной национальности – Абазу, все остальные министры – в полной мере плебеи»[1].

Социальные реалии всегда оказываются сложнее, чем это на первый взгляд может показаться. Если взять общую численность российской бюрократии, то к концу XIX в. лишь 26 % принадлежали к потомственному дворянству[2]. Однако даже принадлежность к благородному сословию зачастую не определяла жизненный уклад, приоритеты, мировоззренческие ценности государственного служащего. В этом отношении очень показательно резкое сокращение удельного веса поместных дворян (и шире: лиц с недвижимым имуществом) среди высокопоставленного чиновничества. В 1853 г. таковых было около 81 %, в 1917 г. – 38,4 %[3]. Иными словами, к концу XIX в. большинство высокопоставленных чиновников не обладали существенными земельными угодьями, а следовательно, большую часть своих доходов получали от службы. По словам чиновника Министерства финансов А.В. Ивановского, в Министерстве внутренних дел существовало правило не брать на службу в центральные учреждения ведомства лиц со значительными личными средствами или же сыновей богатых родителей. В Министерство народного просвещения и Государственный контроль «шел самый густой разночинец». В Министерстве путей сообщения безраздельно доминировала довольно замкнутая каста инженеров. В Морском министерстве тон задавали представители «старых морских фамилий» из мелкого дворянства. В Военном министерстве преобладали штабные офицеры «самого

---

[1] У этого высказывания Ламздорфа было и продолжение, касавшееся деловых и нравственных качеств государственных деятелей: «Если бы эти лица отличались, по крайней мере, талантами или какими-нибудь выдающимися заслугами! Но, по признанию всех, кто их знает, лишь один Вышнеградский обладает способностями. Только Чихачев – честностью и серьезностью, а мой дорогой министр [Н.К. Гирс] – и тем, и другим, т. е., иначе говоря, является настоящим государственным деятелем. Все же остальные – просто *посредственности и в той или иной степени интриганы, корыстолюбивые и зловредные* [курсив мой. – *К.С.*]» (*Ламздорф* В.Н. Дневник, 1891–1892. М., 1934. С. 310).

[2] *Миронов Б.Н.* Российская империя от традиции к модерну. Т. 2. С. 491. Преимущественно дворянским оставался лишь офицерский состав гвардии (*Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 80).

[3] Там же. С. 503. По подсчетам А.П. Корелина, к 1902 г. чиновников первых четырех классов, обладавших земельной собственностью, было 26,6 % (соответственно, 73,4 % сановников не владели землей) (*Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг. Состав, численность корпоративная организация. М., 1979. С. 98). К 1897 г. потомственное дворянство составляло 38,2 % офицерства и классных чиновников. В высших классных чинах удельный вес дворянства – 73 % (Там же. С. 103–104).

пестрого происхождения». Столь же пестрым в социальном отношении был штат Министерства финансов. Многое зависело от департамента. В весьма «почетных» «учреждениях по части торговли и промышленности» в большинстве были выходцы из мелкого дворянства и разночинства. Департаменты окладных сборов, неокладных сборов, государственное казначейство относились к «непочетным». Штат этих учреждений был заметно более демократичен. А были, по словам Ивановского, «заплеванные учреждения вроде таможенного департамента, где служили не слишком чистые на руку, которых в гостиные Министерства не пускали». Была еще канцелярия по кредитной части, куда устраивались сыновья крупных предпринимателей. Пожалуй, на этом фоне выделялись служащие Министерства иностранных дел, нередко принадлежавшие к самым высшим кругам столичного общества[1].

Еще в 1861 г. П.А. Валуев писал о «классе пролетариев» среди «чиновного сословия». Спустя два десятилетия государственный секретарь А.А. Половцов с нескрываемым презрением говорил о «канцелярских пролетариях»[2]. О «беспочвенности» российского чиновничества впоследствии говорили в консервативных кружках и на дворянских собраниях[3].

В словах о «чиновнике-пролетарии» была своя правда. В первой половине XIX в. расходы на содержание государственного аппарата были на удивление малы. Например, по Министерству юстиции они приблизительно в два раза уступали французским, в три раза прусским и в четыре раза австрийским. По Министерству внутренних дел они были более чем в два раза меньше австрийских, приблизи-

---

[1] *Ивановский А.В.* Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 414. К. 2. Д. 2. Л. 138–139. При этом А.В. Ивановский подчеркивал, что «высшие классы служили в некоторых известных наперечет гвардейских полках и отчасти в губернаторах, рассадником которых являлся Преображенский полк и в меньшей степени некоторые полки гвардейской кавалерии» (Там же. Л. 138). Причем в данном случае речь преимущественно шла об остзейском дворянстве (Там же. Л. 141). По словам мемуариста, «если взять т. н. оппозиционную партию, как, например, “кадеты”, то т. н. правящих классов в ней было гораздо больше, чем в любом из министерств». Складывалась парадоксальная ситуация, которую нередко отмечали современники. «Вообще царское правительство второй половины правления Николая II представляло странное явление, в котором интересы богатых людей защищали люди, не имеющие ни гроша в кармане, а сами богатые люди находились в оппозиции. Опиралось царское правительство даже не на бюрократию, а почти исключительно на полицию и, пожалуй, на гвардию, где действительно служили богатые люди. Но основной опорой все-таки была полиция. Между тем эта полиция плохо оплачивалась и презиралась не только тем классом, но и тем правительством, единственной опорой которых она была» (Там же. Л. 139–140).

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 461.

[3] См.: *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. М., 2003. С. 405–407.

тельно в четыре раза меньше французских и в пять раз меньше прусских. Все это, естественно, сказывалось на социальном положении бюрократии, в особенности среднего и нижнего звена. Чиновники с семьями нередко должны были жить на 5–10 руб. в месяц, что было явно недостаточно. Скудность жизни, практически нищета большинства государственных служащих, стала важнейшим фактором, провоцировавшим коррупцию в России. В правительстве знали об этой проблеме и принимали определенные меры в этом направлении. В 1860-е – 1870-е гг. жалованье чиновничества выросло в среднем в 1,5–2 раза[1]. Впрочем, «среднее звено» бюрократии не могло быть в полной мере довольно. В конце XIX в. начальники отделений получали от 3 до 3,5 тыс. руб. в год, столоначальники – от 1,5 до 2 тыс. По словам К.А. Скальковского, «такое вознаграждение людей, получивших высшее и специальное образование, которые по летам должны уже иметь семейства и для которых их должности по большей части служат венцом служебной карьеры, незначительно. В Петербурге, по крайней мере, оно не соответствует уже условиям жизни»[2]. Писцы же в департаментах получали существенно меньше: 200–400 руб. в год[3].

Жалованье выросло и у высшей бюрократии, которая и прежде не бедствовала. Многие ее представители были богатыми землевладельцами. Некоторые из них воспользовались благоприятными условиями 1860-х – 1870-х гг. и занялись предпринимательством. По расчетам А.П. Корелина, в начале XX в. 160 высших чинов, находившихся на действительной государственной службе или же в отставке, занимали 240 позиций в руководящих органах частных компаний[4].

---

[1] *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России. С. 86–87.

[2] *Скальковский К.А.* Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Т. 1. С. 182.

[3] Там же. С. 189. Жалованье министров было, конечно, совсем другим. На 1894 г. совокупный оклад обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева составлял 18 тыс. руб., главноуправляющего С.Е.И.В. Канцелярии по учреждениям императрицы Марии Н.А. Протасова-Бахметева – 18 тыс. руб., министра путей сообщения А.К. Кривошеина – 18 тыс. руб., министра государственных имуществ А.С. Ермолова – 20 500 руб., министра юстиции Н.В. Муравьева – 20 500 руб., управляющего Морским министерством Н.М. Чихачева – 22 832 руб., министра народного просвещения И.Д. Делянова – 23 тыс. руб., председателя Комитета министров – 23 440 руб., государственного контролера Т.И. Филиппова –24 тыс., военного министра П.С. Ванновского – 26 тыс., министра внутренних дел И.Н. Дурново – 30 тыс., министра иностранных дел Н.К. Гирса – 35 тыс. (Список министров, главноуправляющих отдельными частями и статс-секретарей с указанием получаемого оклада, наград и прохождения службы // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 634. Л. 1–12).

[4] *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. С. 102–103.

Их коммерческие интересы напрямую отражались на государственной деятельности. Так, князь Александр Оболенский не скрывал своих связей со стекольными заводами и страховыми обществами. Этим была обусловлена его позиция на заседаниях Государственного совета. Другой член этого учреждения князь Л.Д. Вяземский не стеснялся напоминать, что его семья обладала майоратом, на территории которого располагались заводы, и это так или иначе определяло его взгляды[1]. А.А. Абаза активно играл на бирже, пользуясь никому не известной информацией[2]. Ходили слухи, что Вышнеградский тоже этим не брезговал[3]. Помимо этого, Абаза не смущался защищать интересы сахарозаводчиков. Схожую позицию занимал и весьма близкий к Александру III человек – П.А. Черевин[4]. В этом вопросе поддерживал Абазу и министр государственных имуществ М.Н. Остров-

---

[1] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 84.

[2] Письмо А.А. Абазы Александру III от 14.02.1893 // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 663. Л. 1–4; Выписки из письма И.С. Аксакова Е.Ф. Тютчевой 03.06.1881 // ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1670. Л. 9; [*Витте С.Ю.*] Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 207.

[3] [*Суворин А.С.*] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 102. Об этом, в частности, пишет Е.М. Феоктистов. По его сведениям, в 1891 г. Вышнеградский совместно с Абазой играли на бирже на понижении курса российских ценных бумаг. Они это делали при посредничестве банкира Рафаловича (*Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9122. Л. 55 об.). А.А. Половцов дает Вышеградскому убийственную характеристику: «Сын бедного священника, начав карьеру с преподавания математики за крайне умеренную плату, он оставляет многомилионное состояние, нажитое всякого рода мошенничествами сначала при подрядах по Артиллерийскому ведомству, потом при управлении Юго-Западными железными дорогами и, наконец, при всякого рода конверсиях и самых разных денежных биржевых операциях под ведением его как министра финансов. По этой должности он имеет одну, пожалуй, немалую заслугу. Он упорно настаивал на сокращении расходов и достиг сведения росписи без дефицита, но экономическое развитие сил страны, на коем исключительно зиждутся прочные финансы, не было доступно его пониманию, и если, может быть, он и мог бы уразуметь его важность, то он не очень стремился к этому уразумению... Вышнеградский, проходя темную дорогу к власти и почестям, нажил тесные связи с сомнительными личностями и остался до конца дней своих в зависимости от подобного рода связей. Около него грела руки шайка негодяев, с которыми он должен был считаться, опасаясь скандалов» (*Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 138).

В обществе регулярно распространялись слухи о финансовой нечистоплотности Вышнеградского. Так, начальник Главного штаба Н.Н. Обручев 13 февраля 1892 г. в разговоре с графиней М.Э. Клейнмихель всячески порицал министра финансов, называя того «вором»: «Он совсем отдался наживе и истощает все производительные силы России; сам разбогател донельзя и передал теперь свои дела зятю, который играет на бирже; когда-нибудь обнаружится вся фальшь его системы, основанной исключительно на коммерческих уловках» (*Ламздорф В.Н.* Дневник, 1891–1892. М., 1934. С. 278).

[4] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 103.

ский. Он убеждал императора, что в данном случае Абаза отнюдь не отстаивает свои личные интересы. Схожей позиции придерживался и Д.М. Сольский. И Островский, и Сольский оказывали давление на министра финансов Н.Х. Бунге, вынуждая последнего идти на уступки лобби сахарозаводчиков[1].

В сущности, речь идет о форме коррупции, которая могла принимать самые разные обличья. В конце концов лояльность того или иного чиновника можно было купить, чем регулярно занимался министр финансов С.Ю. Витте. В конце 1890-х гг. он дал ссуду А.А. Половцову[2]. По сведениям А.А. Киреева, субсидию в 700 тыс. руб. получил военный министр А.Н. Куропаткин, 380 тыс. – Д.С. Сипягин, 55 тыс. – И.Н. Дурново[3]. По инициативе С.Ю. Витте казна выкупила имение графа И.И. Воронцова-Дашкова за 8 млн руб., хотя его цена была 1 млн.[4] О фактах коррупции говорили во многих ведомствах (например, в военном[5] или финансовом). Правда, в большинстве случаев эти слухи документального подтверждения не получили.

Несмотря на застарелые многочисленные болезни, бюрократия менялась на протяжении XIX столетия, в значительной мере совершенствовалась. Пожалуй, наиболее значимо то, что на полную мощность работала «фабрика» по воспроизводству бюрократии. Это система высшего образования, которая специально создавалась в России для подготовки квалифицированных государственных служащих. Прежде всего она включала в себя немногочисленные университеты (в первую очередь их юридические факультеты), а также элитарные учебные заведения – лицеи, в том числе Александровский (в прошлом Царскосельский) лицей, и, конечно же, Училище правоведения[6].

---

[1] Письмо Е.М. Феоктистова Н.М. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 36. Л. 81–82. По мнению Е.М. Феоктистова, поддержка позиции А.А. Абазы по «сахарному делу» должна была помочь М.Н. Островскому занять должность министра финансов (Там же. Л. 82). См. также: *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 265.

[2] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 12. Л. 109.

[3] Там же // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 49 об.

[4] *Колышко И.И.* Великий распад. Воспоминания С. 125. Эта же информация приводится в воспоминаниях придворного врача Н.А. Вельяминова. Правда, указываются иные цифры: а именно будто бы банк уплатил 3,5 млн руб. за имение И.И. Воронцова-Дашкова, которое в действительности стоило 1,5–2 млн. (*Вельяминов Н.А.* Встречи и знакомства // С.Ю. Витте / сост. И.В. Лукоянов. СПб., 2018. С. 159).

[5] *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра: В 2 т. / под общ. ред. И.О. Гаркуши и В.А. Золотарева; подг. текста, вступ. ст., примеч. и указатель имен Л.Я. Сает, Н.В. Ильина. М., 1999. Т. 1. С. 298.

[6] См.: *Уортман Р.С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 358–363, 373–378, 392–394.

Число образованных лиц среди представителей бюрократии постоянно увеличивалось. К 1880 г. среди чиновничества лица с высшим образованием составили более 28 %, в 1897 – около 40 %. Если же учитывать только центральные учреждения, то в 1880 г. этот показатель равнялся 42,4 %, в 1897 – 48,5 %[1]. Более половины всех молодых людей, получивших высшее образование, пошли на государственную службу[2]. Показатели образованности среди чиновничества будут существенно выше, если учитывать только представителей высшей бюрократии. По подсчетам Б.Б. Дубенцова и С.В. Куликова, среди этой группы государственных служащих лица с высшим образованием на 1853 г. составляли 34 %, в 1879 – 72 %, в 1897 – около 84 %, в 1903 – около 82 %, в 1914 – около 90 %[3]. Этот высокий процент, помимо всего прочего, свидетельствует о широком распространении юридического образования (наиболее популярного в ряду прочих специализаций высшей школы Российской империи) среди высокопоставленных бюрократов. Одновременно с тем сократился удельный вес военных. В 1853 г. они составляли 35,5 % высшего чиновничества, в 1917 г. – 16,4 %[4].

Государственная служба мобилизовывала значительную часть лучших выпускников высших учебных заведений. О ее популярности свидетельствует хотя бы тот факт, что тысячи молодых служили в различных ведомствах сверх штата, т. е. не получая жалованье. Им оставалось надеяться, что в скором времени откроется долгожданная вакансия. Едва ли должно удивлять, что по прошествии десятилетий бывшие чиновники любили подчеркивать высочайший интеллектуальный и культурный уровень той среды, к которой они принадлежали. Как вспоминал опытный бюрократ и наблюдательный мемуарист В.Б. Лопухин, «уже такова была традиция той удивительной страны, которая называлась Россией, что помещичьи дети готовились родителями не к работе на земле, которая кормила дворянство, не к общественной деятельности на местах, а непременно к государственной службе. Окончил юноша гимназию или кадетский корпус, прошел университет или военное училище, и вот он чиновник или офицер и ушел и от земли, и от земства. И это была лучшая молодежь помещичьего класса. Не одолел другой молодой человек латинских исключений и греческих предлогов, либо квадратного уравнения и

---

[1] *Миронов Б.Н.* Российская империя от традиции к модерну. Т. 2. С. 493.

[2] Там же. С. 508.

[3] *Дубенцов Б.Б., Куликов С.В.* Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. С. 74–85.

[4] *Миронов Б.Н.* Российская империя от традиции к модерну. Т. 2. С. 503.

подобия треугольников, сорвался с традиционного пути, не нашел себе иного применения, ибо либо он малодушный и слабый, либо вовсе дефективный, и начинается мука с его “устройством”. Год, другой живет просто недорослем... При первой возможности поступает в полк вольноопределяющимся. Посылается в какое-нибудь второразрядное юнкерское училище и возвращается оттуда по прошествии некоторого времени с угольным галуном на рукаве шинели... Он почти офицер, но прежде всего лодырь, ломающийся перед уездными барышнями. На этом кончается его военная карьера... И снова на шее родителей. Вздыхает, мучается папаша. “Поддержимте такого-то, господа, – заявляет в кругу земских гласных какой-нибудь сердобольный сосед-помещик, – проведемте его сынка в управу”. Сказано – сделано. Преуспевший юноша сидит помощником столоначальника в казенной палате, в департаменте в Петербурге, или он, глядишь, гвардейский подпоручик или корнет и тянется к военной академии. Он в управу не пойдет. И худший отпрыск помещичьего класса, неудачник, лодырь проникнет в земство»[1].

Эта оценка положения вещей, пожалуй, чересчур резкая и, видимо, не вполне справедливая. И чиновники, и военные, и университетские профессора работали в земстве[2]. Среди тех, кто связал всю свою жизнь с деятельностью органов местного управления, были люди выдающиеся и в деловом отношении. И все же одну тенденцию Лопухин уловил верно: государственная служба была чрезвычайно привлекательна для амбициозной молодежи. В результате центральные государственные учреждения рубежа XIX – начала XX в. представляли яркие, самобытные, хотя, конечно, неоднозначные фигуры: С.Ю. Витте, В.И. Гурко, П.Н. Дурново, В.И. Ковалевский, С.Е. Крыжановский, А.Н. Куломзин, Д.Н. Любимов, Н.В. Муравьев, В.К. Плеве и многие другие. Не случайно чиновник и поэт И.И. Тхоржевский, хорошо знавший и профессорскую, и артистическую среду, писал: «Те круги высшей бюрократии, с которыми я соприкоснулся... сразу показались мне самыми культурными, самыми дисциплинированными и наиболее европейскими изо всего, что было тогда в России»[3]. Однако, как бы высоко ни оценивать государственных служащих тех лет, неизменной оставалась та институциональная рамка, в которую чиновничество должно было вписываться. Иными словами, актеры в

---

[1] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел. С. 80.

[2] См.: *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет: В 4 т. СПб., 1911. Т. 3. С. 467.

[3] *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера / сост., примеч. С.С. Тхоржевского. СПб., 1999. С. 31.

труппу набирались новые, может быть, лучше прежних, а сцена практически не менялась.

На бюрократию любили жаловаться, но обойтись без нее не могли. Чиновники обладали необходимыми знаниями и опытом. Заменить их никто не мог. В сущности, это была власть «технократов», которые хорошо знали, как готовятся законы и указы. Их неизбежность доказывали даже критики бюрократического уклада современного государства, например, К.П. Победоносцев. «По-видимому, Министерство внутренних дел опасается, что при судебном председателе усложнится процедура, умножатся формальности, но мне кажется, что этому вопросу место не здесь, а при начертании процессуальных правил. Довести простоту судопроизводства до образца Людовика Святого, сидящего под дубом, теперь невозможно»[1].

Чиновник чиновнику рознь. В бюрократическом мире существовали свои удивительные контрасты. Среди служащих канцелярий были и очень бедные, и весьма состоятельные люди, и блестяще образованные, и практически лишенные образования. В большинстве случаев работа не предусматривала творчества. Бюрократ переписывал бумаги, вел мало кому интересные подсчеты. А когда начальника по какой-то причине не было в канцелярии, неизменно отвлекался от рабочих дел, решал ребусы, шарады, сплетничал с коллегами[2]. Назначения совершались преимущественно по выслуге лет, что гарантировало застой во всех учреждениях. Как вспоминал военный ми-

---

[1] Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 5. Л. 11.

[2] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 56. Публицист (а вместе с тем чиновник Министерства земледелия) И.Ф. Романов (Рцы) много писал о вредности бюрократической системы, как раз не способствовавшей мобилизации лучших представителей российского общества. Объектом его критики было продвижение по службе в соответствии с выслугой лет. По мнению Романова, это способствовало доминированию «Акакиев Акакиевичей», то есть «заведомых идиотов», и, напротив, весьма скромному положению «русских Бисмарков». Он вспоминал слова адмирала П.С. Нахимова: «Вы просите повышения, ссылаясь на десять лет плавания, но мой чемодан плавал двадцать лет и ни о чем не просит» [*Рцы (Романов И.Ф.)* Собр. соч. Т. 1. С. 252–253]. При этом Романов ставил под сомнение безусловное значение опыта на государственной службе: «Опытность приобретает только тогда незаменимую важность, когда она до некоторой степени способна заменить машинообразной автоматичностью сознание там, где действительно уместна бессознательная автоматичность... Живая деятельность требует, прежде всего, ясности мысли, способности отозваться на каждый предъявляемый ей запрос, способной охватить предмет в каждой новой комбинации, придумываемой проказницей жизнью, а со всеми этими основными качествами служебной деятельности – да и всякой – очень плохо мирится автоматичность и рутина, выдаваемые обыкновенно панегиристами тупоумия и бездарности за служебный опыт» (Там же. С. 254).

нистр А.Ф. Редигер, «людей неспособных и дряхлых не увольняли, назначения шли по старшинству, способные люди не выдвигались, а двигались по линии, утрачивали интерес к службе, инициативу и энергию, а когда они добирались до высших должностей, они уже мало отличались от окружающей массы посредственностей»[1].

И все же скука царила далеко не везде. В Государственной канцелярии или же в Канцелярии Комитета министров от чиновников требовались инициативность и даже определенные таланты. Многое зависело от начала карьеры, что часто задавало ее дальнейшую траекторию. Из провинциальных чиновников редко вырастали государственные мужи. Обычно их пестовали в столичных канцеляриях. Как писал В.Б. Лопухин, «из местных деятелей пригодны для работы в центре только люди действительно выдающиеся. Если же таких людей нет, то надо довольствоваться для замещения высших должностей в центре наиболее даровитыми работниками центра же из числа обладающих соответственным служебным стажем»[2].

Бюрократия действительно не была однородной. Может быть, поэтому многие чиновники не любили чиновничество: порицали его формализм, незнание жизни, отсутствие интереса к делу. Для государственного секретаря А.А. Половцова олицетворением малосимпатичного образа российской бюрократии стал очень опытный и в чем-то даже талантливый статс-секретарь Департамента законов В.А. Железников: «Чиновник, готовый ворочать камни или делать мыльные пузыри, лишь бы прибыльно было. Идеал один – удовлетворение животных и самолюбивых похотений, средство к тому – письменный стол»[3]. Половцов полагал бесхарактерность родовой чертой бюрократии[4]. Последствия ее господства в царствова-

---

[1] *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. С. 157–158.

[2] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 59.

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 123.

[4] Там же. С. 257. Эта точка зрения едва ли вполне безосновательная. Например, А.В. Ивановский так отзывался о своих коллегах чиновниках: «Большей частью это были люди совершенно посредственные, не умные, малообразованные, но ловкие и всецело поглощенные своими личными карьерными интересами. Интересовали их либо придворные сплетни, услышанные из вторых рук, либо разные великосветские скандалы, также большей частью полученные из вторых рук, либо разные веяния и настроения в чиновничьих сферах, полученные уже несомненно из первых рук. Меня эти вопросы мало интересовали, а чиновничья психология, хотя бы и на самых своих вершинах, мне всегда была органически противна. Изучить ее было нетрудно, ибо она была нищенски проста и единая для всех стран и времен. Сталкиваться же с нею изо дня в день было зеленой тоской. В этом отношении эти сановные разговоры нисколько

ние Александра III рисовались в воображении государственного секретаря в самых мрачных красках: «В это провозглашающее девизом восстановление дворянства царствование, все плотнее и плотнее сколачивается кучка поповичей, семинаристов, жадных проходимцев, которые морочат бедного владыку и добиваются разорения всего, что выше, добиваются неприкосновенности диких стадных форм существования серой толпы, не желая знать ни истории, ни политической экономии, ни какой бы то ни было науки, развивающей, совершенствующей дух человеческий, ставят идеалом русской политической жизни мнимую самобытность, выражающуюся поклонением самовару, квасу, лаптям и презрением ко всему, что выработала жизнь других народов. Идя по этому пути, разыгрывается травля против всего, что не имеет великорусского образа: немцы, поляки, финны, евреи, мусульмане объявляются врагами России, без всяких шансов на примирение и на совместный труд»[1].

Впрочем, Половцов был отнюдь не единственным противником бюрократии среди представителей «высших сфер». Сам Александр III побаивался назначать на высокие посты «чиновников» – лиц несамостоятельных, лишенных каких-либо убеждений[2]. Это замечание ка-

---

не были интереснее разговоров рядового гвардейского офицерства о женщинах и чинопроизводстве и старшинстве» (Ивановский А.В. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 414. К. 2. Д. 2. Л. 198–199).

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 477–478.

[2] Там же. С. 489. Царский корреспондент (и долгое время конфидент) князь В.П. Мещерский всячески укреплял императора в этом убеждении. 29 октября 1884 г. он прислал Александру III собственное стихотворение под названием «Песнь тайного советника»:

«Я тайный советник, о, Боже!
Вчера еще слабый, хилой,
Я крепче вдруг стал и моложе,
Затих даже мой геморрой...
Отныне, не зная границы
Для воли сановной моей,
В толпе нигилистов столицы
Могу быть всех красных красней!
Могу, застрахован от казни,
Правительство громко бранить
И с сладкой улыбкой приязни
Друзей анархистов хвалить!
Отныне стоять только буду
Я грудью за царских врагов,
Но эту же грудь не забуду
Красой украшать орденов!
И будут милы и приятны
Мне беды над Русской землей;

салось и непосредственных сотрудников царя. Ближайший его товарищ министр двора И.И. Воронцов-Дашков, по мнению императора, вовсе не имел никаких убеждений[1]. Александр III отрицал их наличие и у весьма авторитетного государственного деятеля Д.М. Сольского[2]. В 1885 г., после отставки министра юстиции Д.Н. Набокова,

---

И, сидя на должности штатной,
Ждать пенсии буду большой.
И ей обеспечен, я тайнам
Детей научу, как с умом
Быть *явно* советником тайным
И *тайным* порядка врагом».

(*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 51).

[1] *Половцов А.А.* Указ соч. С. 162. Видимо, это не соответствовало действительности. В 1905 г. граф И.И. Воронцов-Дашков подготовил императору записку, в которой доказывал необходимость проведения политической реформы. В сущности, речь шла о славянофильской программе. Главный пункт, на котором настаивал Воронцов-Дашков, – учреждение законосовещательного представительства, аналога Земского собора. «Правильный выход из настоящего ненормального положения вещей, требуемый неотложно сложностью современной русской действительности, необходим и вполне возможен. В Государственный совет, как это предлагал еще М.М. Сперанский, должны быть допущены и выборные от земли, чтобы суждения по каждому законопроекту, вносимому в Государственный совет, прошли через призму и познаний людей, прошедших большой административный искус, и народного разума, и реалий местных нужд, олицетворенных представителями земли. Царь выслушивает эти суждения, и ему облегчится возможность произнести свое последнее слово, дать народу справедливый, отвечающий действительным нуждам страны закон... Скажут, что этот путь к парламенту – но к русскому парламенту, к Земскому собору при самодержавном царе. Если, Ваше Величество, не станете теперь же на этот путь, то надо ожидать море крови, анархию, падение династии и раздробление России» (Черновые записки И.И. Воронцова-Дашкова // ОР РГБ. Ф. 58. Р. I. К. 95. Д. 29. Л. 2 об. – 3, 5).

Впрочем, программа Воронцова-Дашкова к этому не сводилась. Основные ее положения он формулировал так:

«1. Только враг России может помышлять об ограничении самодержавия царя.

2. Желательно ограничения самодержавия министров.

3. Единство действия министров по строго намеченному пути и направлению.

4. Признание и охранение правительством прав собственности и личных прав в строгих пределах закона.

5. Закон один для всех.

6. Развитие и строгое определение прав и обязанностей хозяйственного самоуправления.

7. Децентрализация административных функций.

8. Строгая ответственность всякого служащего, кто бы он ни был и какую должность он бы ни занимал, перед законом» (Там же. Л. 6 об.).

[2] Видимо, император ошибался. У Д.М. Сольский был свой взгляд на окружавшую его государственную жизнь, свое понимание политического процесса, которое подталкивало его к пессимистическим выводам относительно будущего страны. Еще в 1880 г. он безусловно поддержал проект политической реформы, автором которого был вели-

М.Н. Катков заметил царю: «Хорошие министры не даются Вашему Величеству!» Александр III неожиданно согласился: «Вот это верно!»[1] И действительно император вынужден был, вопреки своим предубеждениям и антипатиям назначить Д.А. Толстого министром внутренних дел. И.А. Вышнеградского в должности министра финансов считал «необходимым злом»[2].

В столичных салонах любили подчеркивать: чиновник по природе своей беспринципен; он не может быть надежной опорой престола. И.Д. Делянов в ответ на реплику князя В.П. Мещерского, что М.С. Каханов – «идеал петербургского бюрократа», заметил: «Каханов, я вам скажу, вот что за человек: сегодня он будет за правительство, а завтра, если ему предложат голос в какой-нибудь Convention nationale[3], он руками и ногами подпишет резолюцию: a bas le gouvernement[4]...»[5]

В прошлом начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии П.А. Шувалов в 1880-е гг. обвинял министра внутренних дел Д.А. Толстого в «узкобюрократическом» взгляде на вещи[6]. Беспощадным критиком чиновничества был К.П. Победоносцев. В письме к С.Ю. Витте от 26 марта 1898 г. он отмечал, что бюрократия еще с 1860-х гг. утратила всякий интерес к социальным вопросам, полагая, что ситуацию будто бы можно улучшить, преобразовывая лишь систему управления: «Со времени самого освобождения крестьян правительство как бы забыло о народе, положившись на то, что для него все сделано дарованием ему свободы... А народ стал пищать и падать. Потом, когда уже ясно стало, что с ни-

---

кий князь Константин Николаевич [*Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 63]. 4 января 1887 г. сенатор В.П. Безобразов записал в дневнике: «Вчера вечером я много и задушевно говорил с Сольским. Я поражен, как мрачно он смотрит на вещи. Он говорит, что впал в полный скептицизм и апатию, и удивляется, что я еще одушевлен надеждами на будущее» ([*Безобразов В.П.*] Дневник академика В.П. Безобразова // Русская старина. 1912. № 11. С. 297).

[1] [*Суворин А.С.*] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 305.

[2] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9122. Л. 27. При этом сам Вышнеградский довольно резко высказывался о правительственной политике царствования Александра III. 24 апреля 1891 г. В.Н. Ламздорф записал в дневнике, что министр финансов был весьма озабочен господствовавшим «реакционным направлением». Его возмущала «атака» на Судебные уставы 1864 г., которые он полагал гордостью предыдущего царствования. Для него были неприемлемы репрессии в отношении студенчества, меры генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, направленные против евреев второй столицы (*Ламздорф В.Н.* Дневник, 1891–1892. М., 1934. С. 105).

[3] Национальный конвент (*фр.*).

[4] Долой правительство (*фр.*).

[5] *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 74.

[6] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 138.

щетою хаос бесправия водворяется в деревне, принялись, увы, только за мысль обуздывать народ. И создано учреждение земских начальников с мыслью обуздать народ посредством дворян, забыв, что дворяне одинаково со всем народом подлежат обузданию»[1]. По словам морского министра И.А. Шестакова, министр государственных имуществ М.Н. Островский – «сердитый чиновник, мечтающий, что от него только свет и пристойность, а кругом тьма и бурлачество»[2]. По мнению В.И. Гурко, чиновникам было характерно «бюрократическое разрешение вопроса, т. е. чувство, что, в сущности (чиновник. – *К. С.*), не уполномочен никем вопрос решать – боязливость, происходящая от незнания, чувство оторванности от жизни»[3]. При обсуждении будущего положения земских начальников А.А. Абаза отмечал, что на местах следует полагаться на более устойчивый элемент – землевладельца, а не на коронного чиновника[4].

Чиновники критиковали чиновников. Тем более естественно, что они их хвалили. Бюрократы часто любили вспоминать о своих особых навыках, умениях, которыми не обладали рядовые обыватели: прежде всего речь шла об искусстве составления правового акта. Действительно, работа в канцеляриях требовала немалых знаний. Подготовка документов была сложным технологическим процессом. В середине XIX в. в департаментах министерств были известны 34 делопроизводственные операции при рассмотрении любого дела, в Комитете министров – 36, в губернском правлении – 54[5].

Высокопоставленный чиновник чувствовал свое безусловное превосходство перед непрофессионалом. Он знал практику управления, мыслил не публицистическими клише, а реалиями делопроизводства и законотворчества. Столичный чиновник, знавший механику работы министерских канцелярий, свысока смотрел на провинциальных коллег[6]. Порой новичком в деле управления мог оказаться и сам министр, которому требовалась немалая сила духа, чтобы избавиться от назойливого контроля со стороны своих сотрудников. Граф И.И. Тол-

---

[1] Переписка С.Ю. Витте и К.П. Победоносцева // Красный архив. 1928. № 5. С. 101. См. также: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. С. 119.

[2] *Шестаков И.А.* Дневники. С. 119.

[3] Черновые записки В.И. Гурко // РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 217. Л. 120.

[4] Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 5. Л. 11 об.

[5] *Ремнев А.В.* Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.). С. 95.

[6] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел. С. 59.

стой, вспоминая о первом месяце во главе Министерства народного просвещения, рассказывал о многочасовых докладах в Департаментах ведомства: «Заведующий разрядом докладывал мне сущность вопроса, а также свои соображения относительно дальнейшего направления дела, а затем ожидал почтительно моей резолюции. Все кругом молчали, но стоило мне раскрыть рот и выразить мнение, как вмешивались обыкновенно все... и представляли соображения свои, почему нельзя разрешить вопроса именно так, как я того хотел, очевидно, по своей неопытности... Каждый раз я пытался изречь мудрую резолюцию и... почти каждый раз я, оказывается, попадал, что называется, пальцем в небо: или моя резолюция противоречила формальному закону, или целый ряд циркуляров моих предшественников решал подобные вопросы как раз в противоположном смысле, на что имелись непреложные свидетельства в виде подлинных документов, или, наконец, я создавал такой прецедент, с которым пришлось бы потом возиться до второго пришествия. Одним словом, я чувствовал себя в положении бессмертного Санчо-Пансы, когда его возвели в сан губернатора и угощали за обедом, за которым ему подавали исключительно такие блюда, которые он, по мнению наблюдавших его врачей, без риска умереть не имел возможности есть»[1].

Одновременно с тем бюрократия не была отгорожена от общества стеной. Она жила его интересами и чаяниями. Один и тот же человек в мундире представал государственным служащим, верным престолу и Отечеству, в халате – порой фрондировавшим общественным деятелем. В большинстве случаев он был аполитичным: ведь служба от него требовала знаний и умений, а не убеждений. Вместе с тем среди чиновников, даже самых высокопоставленных, было немало тайных оппозиционеров, что в полной мере сказалось в 1905 г., во время Первой русской революции. Практически за полвека до нее, еще в 1861 г., П.А. Валуев писал: «На безусловную исполнительность и преданность значительнейшей части служащих чиновников нельзя полагаться. Одни вообще не представляют коренных условий благонадежности, другие имеют притязания не руководствоваться указаниями высших правительственных инстанций, но руководить им в духе так называемого “современного направления”; еще другие уже глубоко проникнуты теми идеями, которые ныне волнуют часть литературы и молодое поколение, и суть тайные враги, скрывающиеся в общем строе администрации; наконец, большинство признает над собой, кроме начальственной власти, власть общественного мне-

---

[1] [*Толстой И.И.*] Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. С. 39.

ния, и потому часто повинуется условно, исполняет нерешительно и вообще более озабочено будущим, чем настоящим»[1]. Практически спустя 20 лет тогдашний товарищ министра государственных имуществ А.Н. Куломзин заявлял: «Настоящего антагонизма между нами и революционерами нет, вот в чем дело... Непрерывная цепь связывает людей самых благонамеренных с заговорщиками»[2]. В 1881 г. министр внутренних дел жаловался императору на «чиновничью» крамолу. В 1883 г. К.П. Победоносцев возмущался: «Болит моя душа, когда вижу и слышу, что люди, власть имущие, но, видно, не имущие русского разума и русского сердца, шепчутся еще о конституции»[3].

Можно согласиться с тем, что чиновничество в значительной своей части не было довольно существовавшим политическим строем и порой даже не скрывало своих оппозиционных взглядов. По оценке журналиста С.Ф. Либровича, министр юстиции Д.Н. Набоков был сторонником конституции[4]. Будущий министр земледелия и человек, близкий С.Ю. Витте, Н.Н. Кутлер еще в феврале 1905 г. выступал за радикальную политическую реформу. 21 февраля 1905 г. он писал брату: «Дело в том, что наш государственный строй нуждается в коренной реформе и не может быть поддержан мелкими поправками. Нам нужна конституция, а не добавление к Государственному совету совещательного установления от выборных людей. Я пришел к этому заключению медленно и, откровенно сознаюсь, неохотно, не видя в нашем обществе элементов для прочного возведения конституционного строя. Да и сейчас думаю, что российская конституция явится чем-то крайне несовершенным, быть может, даже уродливым. И тем не менее, она необходима»[5].

1 января 1902 г. А.Н. Куропаткин долго общался с С.Ю. Витте. Тот прибывал в дурном настроении, на будущее смотрел мрачно.

---

[1] Записка П.А. Валуева Александру II «Общий взгляд на положение дел в империи с точки зрения охранения внутренней безопасности государства» // Судьбы России: Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX в. / подг. Л.Е. Шепелев. СПб.: Лики России, 2007. С. 134. Сам Валуев в частных беседах выступал как либерал, говорил о своем неприятии общего правительственного курса, подчеркивал факт противодействия его политики со стороны коллег-министров (*Либрович С.Ф.* На книжном посту: Воспоминания. Записки. Документы. М., 2005. С. 240).

[2] *Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. 1. С. 372.

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 73.

[4] В связи с этим С.Ф. Либрович писал: «Конституция, по его [Набокова] мнению, должна была явиться великим самостоятельным государственным актом, а не уступкой, сделанной горсти “преступников”» (*Либрович С.Ф.* На книжном посту: Воспоминания. Записки. Документы. С. 238).

[5] Выписка из письма Н.Н. Кутлера П.Н. Кутлеру 21.02.1905 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1978. Л. 1.

«Мы ходили по зале, где были собраны члены Государственного совета, министры, сенаторы. Там же стояли офицеры Кавалерийского полка. Показывая на толпу эту рукой, Витте сказал: “Уверяю Вас, что все они, за исключением офицеров, думают о конституции в России”. Потом он поправился и сказал, что не так выразился, что надо принять, что 80 % находившихся в зале недовольны правительством». По мнению Витте, во всех домах говорили о конституции. С этим он связывал и студенческие беспорядки[1]. Видимо, Витте несколько преувеличивал. Тем не менее в его словах была немалая доля истины.

Будущий видный член партии кадетов князь В.А. Оболенский в 1893 г. поступил на государственную службу – в Отдел (с 1894 г. Департамент) сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия. Там он занял должность младшего редактора, что в других департаментах соответствовало должности столоначальника (иными словами, он практически сразу оказался на «среднем этаже» российской бюрократической иерархии). Именно в эти годы Оболенский сблизился с марксистами, часто встречался с А.Н. Потресовым и П.Б. Струве, подумывал о непосредственном сотрудничестве в социал-демократическом издании[2].

Оболенский был далеко не единственным из чиновников, кто по завершении государственной карьеры оказался в рядах оппозиции. В их числе был и товарищ министра внутренних дел князь С.Д. Урусов, и главноуправляющий землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлер. Немалый опыт государственной службы был у историка А.А. Корнилова, который до 1900 г. заведовал крестьянскими делами при иркутском генерал-губернаторе. И.В. Гессен долгое время был чиновником Министерства юстиции. В этом же ведомстве служил и его родственник В.М. Гессен. Б.Э. Нольде возглавлял Второй департамент МИД. Все они впоследствии вошли в партию кадетов или же были близки к ней. Среди видных октябристов (и членов фракции «Союза 17 октября») бывших чиновников было и того больше: попечитель Казанского, а впоследствии Харьковского учебного округа М.М. Алексеенко, попечитель Харьковского, а затем Санкт-Петербургского учебного округа В.К. Анреп, чиновник особых поручений при финляндском генерал-губернаторе Э.П. Беннигсен, руководитель отдела печати МИД и директор Санкт-Петербургского телеграфного агентства А.А. Гирс, чиновник особых поручений при

---

[1] *Куропаткин А.Н.* Дневник // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1871. Л. 63.

[2] *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Воспоминания. 1869–1920 / вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьева: В 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 160–187.

министре народного просвещения Е.П. Ковалевский, старший инспектор Государственного банка Г.Г. Лерхе, директор и председатель Совета Санкт-Петербургского телеграфного агентства Л.В. Половцев, директор департамента в Министерстве земледелия и государственных имуществ Н.А. Хомяков. Эту же должность (правда, позднее) занимал другой заметный представитель «Союза 17 октября» С.И. Шидловский. Стоит упомянуть и кутаисского губернатора В.А. Старосельского, который вскоре после отставки вступил в РСДРП[1].

Впоследствии в четырех созывах Думы было немало депутатов с опытом государственной службы.

Созыв Государственной думы	Депутаты с опытом государственной службы
Первый	40 (из 497 депутатов)
Второй	34 (из 491)
Третий	86 (из 486)
Четвертый	107 (из 442)

Подсчитано по: Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2008.

Показательна фракционная принадлежность этих депутатов.

Фракция	Депутаты с опытом государственной деятельности
Октябристы	62
Кадеты	39
Умеренно-правые и националисты	38
Правые	16
Мирнообновленцы и прогрессисты	10
Мусульманская фракция	8
Партия Центра	7
Польское коло	3
Группа Западных окраин	3
Трудовики	2
Автономисты	2
Беспартийные	2

[1] *Соловьев К.А.* Бюрократия versus бюрократия. Парадоксы государственной службы в России в конце XIX – начале XX в. // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 116–117.

Окончание таблицы

Фракция	Депутаты с опытом государственной деятельности
Социалисты-революционеры	1
Социал-демократы	1
Казачья группа	1

Подсчитано по: Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия.

Все это не было случайностью. Партийность бывшего чиновника чаще всего не обозначала радикальной смены взглядов. Оппозиционные взгляды были распространены на среднем и нижнем «этажах» российского чиновничества, что ставило под сомнение его надежность как инструмента управления. По словам товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского, в период выборов в Государственную думу «правительство не могло быть даже уверено, что стоящие у избирательных ящиков должностные лица не будут действовать ему во вред»[1]. В России же местная бюрократия, вопреки воле своего начальства, иногда даже поддерживала оппозицию. Так, во время выборов в Первую Думу некоторые члены избирательных комиссий (а их составляли государственные служащие) вместе с билетами на вход раздавали готовые бюллетени с кадетскими списками кандидатов в выборщики[2]. В ходе выборов во Вторую Думу податные инспекторы Орловской губернии открыто агитировали в пользу конституционных демократов[3]. Аналогичный случай имел место в Ярославской губернии: податной инспектор разъезжал по волостным правлениям и раздавал воззвания партии кадетов, членом которой он состоял. В Саратовской губернии податной инспектор распространял противоправительственные прокламации[4].

---

[1] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / подг. текста, вступ. ст., коммент. А.В. Лихоманова. СПб., 2009. С. 102–103.

[2] О причинах успеха на выборах в Государственную думу крайних партий // РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. 1906. Д. 40. Л. 37.

[3] Письма и выписки из писем разных лиц // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 162. Л. 25. О ненадежности финансовых агентов писал Александру III князь В.П. Мещерский в декабре 1885 г.: «За последние годы вся Россия наводнена чиновниками по финансовому управлению, которые взяты и берутся доселе из самой неблагонадежной среды. Это может подтвердить всякий губернатор» (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 235).

[4] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. С. 103.

До 1905 г. о настроениях в чиновничьей среде можно лишь догадываться. Революция создала ситуацию политического выбора, перед которым оказались и бюрократы разного уровня. Тогда с очевидностью и выяснилось, что они в значительной своей части отнюдь не сочувствуют существующему политическому строю. Уже в январе 1905 г. появились кружки, в которые вошли представители самых «высших сфер». Они обсуждали перспективы политической реформы. В один из них вошли будущий обер-прокурор Синода князь А.Д. Оболенский, министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, начальник Главного управления уделов князь В.С. Кочубей, петербургский губернатор А.Д. Зиновьев и т. д. Участники этого объединения отстаивали славянофильскую политическую программу, иными словами, идею созыва законосовещательного представительства[1]. К апрелю 1905 г. оформился сравнительно многочисленный «Отечественный союз», которому, правда, не хватило отчетливой программы и выстроенной организационной структуры, чтобы стать партией. И в этом объединении тон задавали неославянофилы, призывавшие к коренному обновлению политической системы[2]. В союз вошли заметные фигуры: 41 предводитель дворянства (в том числе 8 губернских и 33 уездных)[3], 8 сенаторов[4], 15 военных в звании генерала[5] (примечательно, что, судя по сохранившимся анкетам, всего в «Отечественный союз» входило около 350 чел.)[6]. Иными словами, многие представители высшей бюрократии вполне откровенно заявили о своем неприятии сложившегося положения вещей и стали требовать серьезных политических преобразований[7].

---

[1] *Бобринский А.А.* Дневник // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 292. Л. 175 об.

[2] *Киреев А.А.* Дневник, 1905–1910. С. 47–52.

[3] Анкеты членов «Отечественного союза» // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 276. Л. 12, 22, 27, 31, 34–36, 49, 50, 53–55, 58, 66, 69, 72, 74, 94, 105–109, 114, 117–118, 122, 124–125, 127–128, 131, 133, 139, 143, 154, 166, 168, 197, 205, 262.

[4] Там же // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 276. Л. 8, 14–15, 17, 84, 113, 300; Д. 277. Л. 305, 355.

[5] Там же // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 276. Л. 9, 37–38, 61, 67–68, 82, 96, 120, 127, 153, 256; Д. 277. Л. 304.

[6] Там же // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 276. Л. 3, 7, 10, 12, 19, 22, 24, 26–28, 30, 32–33, 38, 47, 50–51, 60, 66–67, 69, 72, 97, 130–131, 136, 140, 168, 227, 284; Д. 277, 339–340, 344, 389, 401.

[7] Впрочем, и среди чиновников оказались лица более консервативных взглядов, которые также почувствовали необходимость объединиться. Зимой–весной 1905 г. с известной регулярностью проводились совещания на квартирах членов Государственного совета Б.В. Штюрмера и С.А. Толя (*Бобринский А.А.* Дневник // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 292. Л. 177 об., 198, 200), председателя особых совещаний об охране государственного порядка и по вопросам веротерпимости А.П. Игнатьева (ГА РФ. Ф. 588.

Они же оказывали непосредственное влияние на императора. Следуя советам флигель-адъютантов А.Ф. Гейдена и Н.Д. Оболенского, Николай II дал аудиенцию представителям *нелегально* созванного земского съезда (6 июня 1905 г.)[1].

Многие чиновники отнюдь не стыдились своих конституционалистских взглядов. В полной мере это сказалось после издания Манифеста 17 октября 1905 г. По воспоминания В.И. Гурко, товарищ министра внутренних дел Д.Ф. Трепов был в восторге от этого решения императора и заявил начальнику петербургского охранного отделения А.В. Герасимову: «Вся страна будет завтра праздновать великий патриотический национальный праздник нарождения новой, свободной России». Градоначальник же Санкт-Петербурга В.А. Дедюлин «собирает у себя вечером 17 октября высших чинов полиции, читает им Манифест, целует его и приступает затем к обсуждению не столько способов охранения спокойствия в городе, сколько порядка оглашения Манифеста, причем даже высказывается мысль об объявлении его посредством особых герольдов»[2]. Впрочем, среди государственных служащих были и убежденные в том, что Манифест – лишь первый шаг в деле демократизации страны. В начале ноября 1905 г. в Совете министров государственный контролер Д.А. Философов и министр путей сообщений К.С. Немешаев поставили вопрос о введении всеобщего избирательного права, в сущности, солидаризировавшись с радикальной оппозицией. По мнению В.И. Гурко, лишь бла-

---

Оп. 1. Д. 323. Л. 4–8). Высшая бюрократия включилась в разворачивавшуюся общественную дискуссию. Подобно обществу, чиновничество раскололось на части, представители которых видели будущее России по-разному.

Их взгляд мог разительно отличаться от того, что ожидали от них представители консервативной общественности. В связи с этим весьма характерно настроение директора Департамента общих дел МВД А.Д. Арбузова в 1905 г.: «Жеденев, чиновник переселенческого отдела, пришел к Арбузову, который исправляет должность директора Департамента общих дел, просить другого назначения. Арбузов спросил его, какое у него направление? Жеденев отвечал, что находит, что необходима крепкая власть для водворения порядка. Арбузов на это сказал: “23 года проявлялась эта крепкая власть, и вот что из нее вышло – беспорядок, который теперь мы переживаем. Нет, таких, как вы, нам не надо”» (*Богданович А.В.* Три последних самодержца. С. 347). Примерно тогда же товарищ министра внутренних дел Э.А. Ватаци 6 апреля 1905 г. писал своему бывшему начальнику П.Д. Святополк-Мирскому, за полгода до этого поднявшего вопрос о необходимости политической реформы: «Вы действительно создали эпоху. Россия обязана Вам тем возрождением общественных сил, которое мы теперь переживаем, и тем участием общества в политической жизни, от которого поворота назад уже нет» (Письмо Э.А. Ватаци П.Д. Святополк-Мирскому 6.04.1905 г. // ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 503. Л. 56 об.).

[1] *Богданович А.В.* Три последних самодержца. С. 356.

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 469.

годаря вмешательству председателя Совета министров С.Ю. Витте руководители ведомств нехотя «умерили» свои требования[1].

И впоследствии, в 1906 г., бюрократия (вернее, ее значительная часть) серьезно рассчитывала на дальнейшие коренные преобразования политического режима. В мае 1906 г. члены Государственного совета А.С. Ермолов и Д.М. Сольский полагали необходимым сформировать ответственное перед Думой правительство[2]. О позиции Д.Ф. Трепова и барона В.Б. Фредерикса неоднократно писалось в историографии[3].

Может быть, не слишком и ошибался Александр III, когда подозревал, что в Государственном совете большинство составляли скрытые конституционалисты[4]. «Какой парламент, какая оппозиция? – возражал Половцов. – Да Вы позовите тамбурмажора, да прикажите ему под этим окном выстроить членов Совета, и будут они маршировать в ногу. Вам гораздо труднее заставить их говорить, чем молчать»[5].

---

[1] Там же. С. 480–481.

[2] Мнения // Новое время. 1906. № 10862, 10866. 11, 15 июня. По словам В.И. Гурко, в 1905 г. А.С. Ермолов «даже настоль расхрабрился, что за довольно многолюдным ужином общественного характера демонстративно чокнулся с лицом, предложившим тост за введение в России демократической конституции, причем лицом этим была известная актриса императорских театров М.Г. Савина» (*Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 75). Примечательно, что еще в декабре 1886 г. товарищ министра финансов П.Н. Николаев говорил князю В.П. Мещерскому об А.С. Ермолове как об одном из «опасных» и «вредных» сотрудников Министерства финансов (наряду с Е.Э. Картавцевым и А.А. Рихтером). Николаев подозревал своих подчиненных в «либерализме». В то время Ермолов занимал должность директора Департамента неокладных сборов (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 399).

[3] Россия в 1905–1907 гг.: Энциклопедия. С. 692–695.

[4] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 162. И самого Половцова Александр III подозревал в либерализме и недолюбливал. 14 июля 1892 г. он писал брату великому князю Сергею Александровичу: «Я действительно хочу назначить на место Половцова государственным секретарем Муравьева и очень надеюсь, он поведет дело почище Половцова, а в особенности без этого проклятого упрямого либерализма, вкоренившегося в Государственный совет с легкой руки Коко [великого князя Константина Николаевича] и К°» (Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 4. 1884–1894 / сост. и коммент. И.В. Плотникова. М., 2011. С. 546).

[5] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 490. Эту же проблему современники констатировали в первой половине XIX в. В частности, М.А. Корф записал в дневнике 18 марта 1839 г.: «После нескольких недель испытаний и в департаментах, и в общем собрании новые наши члены – Тучков и гр. Гурьев – оказываются совершенно соответствующими нынешнему составу Совета, то есть безмолвными, безгласными, безыдейными, словом совсем бесполезными, как и самая большая часть их сотоварищей» (*Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 312, 259–264).

Государственный совет

Государственный совет – одно из старейших учреждений Российской империи, был учрежден в 1801 г. и преобразован в 1810 г. в высший законосовещательный орган страны[1]. Государственный совет рассматривал внесенные министрами (конечно же, с санкции царя, т. к. с 1857 г. ведомства не обладали прерогативой законодательного почина) и самим императором законопроекты[2]. Правом собственной законодательной инициативы «высокое собрание» не обладало[3]. К началу XX в. в Государственный совет входили 86 членов (в середине XIX в. таковых было вдвое меньше). Их всех назначал император. Он же мог лишить их этого статуса, что, правда, случалось чрезвычайно редко. Император также определял жалованье членов Государственного совета, которое не было установлено законом. Обычно оно колебалось от 10 до 15 тыс. руб.[4]

---

[1] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 35–39. 19 февраля 1901 г. А.А. Половцов записал в своем дневнике: «Великий князь [Михаил Николаевич] спрашивает мое мнение о том, когда правильнее праздновать столетний юбилей Государственного совета: в нынешнем или в 1910 году. Я отвечаю, что не допускаю никаких об этом сомнений. Важно то, что император Александр тотчас по вступлении на престол не счел возможным царствовать, не имея Совета, который с первого дня существования был назван Государственным. Через девять лет последовало организование Совета в формальном делопроизводственном отношении, но это был факт второстепенный» (*Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2016. С. 277).

[2] В ведении Государственного совета было обсуждение законов, уставов, учреждений, дел, «требующих изъяснения истинного смысла законов», а также дел, касающихся отчуждения государственного имущества и экспроприации. Кроме того, Государственный совет ежегодно обсуждал государственные сметы расходов и доходов, а также чрезвычайные финансовые меры. В Государственном совете обсуждались административные дела: «1) предметы внутреннего управления, требующие отмены, ограничения и дополнения прежних положений; 2) меры и распоряжения общие, приемлемые к успешнейшему исполнению существующих законов; 3) общие внутренние меры в чрезвычайных случаях приемлемые, а также 4) объявление войны, заключение мира и другие важные внешние меры, когда по усмотрению обстоятельств могут они подлежать предварительному общему соображению. Ко всему этому добавлялось, что рассмотрению Совета подлежат отчеты министров» (*Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 2. С. 102).

[3] Согласно проекту Учреждения Государственного совета от 1901 г., данному собранию предполагалось предоставить некое подобие законодательной инициативы, однако обсуждавшие проект сановники (прежде всего Д.М. Сольский и Н.В. Муравьев) выступили против. Соответствующий проект был исключен из проекта (*Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. С. 281–282).

[4] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 120.

О положении Государственного совета много спорили в юридической литературе конца XIX – начала XX в. Как уже было сказано, Н.М. Коркунов поднимал его значение до поразительных высот. По его мысли, это учреждение даже больше, чем просто высшее законосовещательное учреждение страны. Оно было непременным участником законодательного процесса[1]. Впрочем, были и другие точки зрения. Долгое время председательствовавший в Государственном совете великий князь Михаил Николаевич полагал, что главная задача российской «палаты лордов» – сдерживать своеволие министров, готовых подменить самодержавие собственным произволом[2]. Согласно этой позиции Государственный совет лишь укреплял царскую власть, на которую покушались нечистоплотные чиновники. Сам царь не был вполне уверен, что всегда это было так. Александр III так определил обязанности «высокого собрания»: «Государственный совет есть ближайшее, помогающее мне и правительству учреждение, а не противодействующее ему». В этих словах легко читалась претензия императора к высокопоставленным сановникам, которые препятствовали реализации правительственных инициатив. Тут же Александру III возразил Половцов: «Государственный совет есть высшее контролирующее деятельность министров учреждение, а потому оно бывает им неприятно...»[3]

Большинство «конституционных проектов» второй половины XIX в. так или иначе были связаны с проектируемым будущим Государственного совета: то ли с расширением его функций, то ли изменением состава (с включением в него избранных от земств и городов). В начале XX столетия издатель газеты «Киевлянин» Д.И. Пихно предлагал сделать Государственный совет, в сущности, законодательным учреждением: только при наличии одобрения со стороны «высокого собрания» император мог утверждать законопроекты[4]. На особом значении Государственного совета настаивал

---

[1] Об этом помнили и в царствование Николая I. «Да неужели же, когда сам я признаю какую-нибудь вещь полезной или благодетельной, мне надобно непременно спрашивать прежде согласие Совета?» – недоумевал император в 1840 г. «Не согласия, государь, – объяснял председатель Государственного совета и Комитета министров князь И.В. Васильчиков, – но мнение непременно, потому что и Совет для этого Вами учрежден: или надобно его уничтожить, или охранять тот закон, который Вы сами для него начертали» (*Корф М.А.* Дневник за 1840 год. М., 2017. С. 52).

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 24.

[3] Там же. С. 29.

[4] [*Витте С.Ю.*] Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 153.

и В.К. Плеве. 5 апреля 1904 г. ему написал генерал А.А. Киреев, отчасти пересказывая свой разговор с министром: «Если бы общество знало, например, что Вы считаете желательным, чтобы государственные дела вершились не с глазу на глаз государем, а Государственным советом, Ваше положение сразу бы изменилось»[1]. Плеве полагал, что Государственный совет должен был бы стать своего рода Боярской думой, которая совместно с императором принимала «верхние решения»[2].

Необходимость жестко придерживаться законотворческой процедуры была отмечена на заседаниях Комитета министров 21, 24 декабря 1904 г., 4 января 1905 г. По мнению участников этого обсуждения, стадия рассмотрения законодательных инициатив в Государственном совете должна была стать в полной мере обязательной[3].

Эта дискуссия объяснялась тем, что место Государственного совета в ряду прочих высших учреждений Российской империи действительно было особым. Он был важнейшим звеном при обсуждении наиболее значимых законопроектов. Его статус не ставился под сомнение самим императором. Не случайно, что ряд высочайших повелений запрещал министрам докладывать по делам, обсуждавшимся в Государственном совете (правда, руководители ведомств часто игнорировали этот запрет).

Столь значимая для судьбы страны и отдельных законов дискуссия становилась известной царю лишь из пересказа его сотрудников. Это положение казалось многим противоестественным: император практически не участвовал в наиболее значимой процедуре подготовки правовых актов. К.П. Победоносцев неоднократно предлагал Александру III возродить Совет министров, в работе которого непосредственное участие принимал сам император. Это учреждение должно было предварительно обсуждать законопроекты, вносившиеся в Государственный совет. Примечательно, что Победоносцеву даже не приходила в голову мысль, что Совет министров мог бы заменить собой Государственный совет. Александр III не соглашался со своим прежним наставником. Императора смущало то, что в ходе такого обсуждения стала бы известна его точка зрения, что впослед-

---

[1] Письмо А.А. Киреева В.К. Плеве 05.04.1904 // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 767. Л. 6 об.

[2] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 313.

[3] Извлечения из журнала Комитета министров 21, 24 декабря 1904 г., 4 января 1905 г. // ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2740. Л. 25–26.

ствии могло стеснить свободу дискуссии в кругу высших сановников империи[1]. Таким образом, особое положение Государственного совета не ставилось под сомнение даже тогда, когда деятельность этого учреждения вызывала большие вопросы.

В самодержавном государстве законы на сей счет не отличались детализированностью формулировок. Их можно было трактовать поразному, тщетно пытаясь понять общий замысел законодателя. Так что вполне естественно, что тенденция к упрочению положения Государственного совета соседствовала с другой, прямо противоположной – к минимизации его роли в законодательном процессе. Это обусловливалось целой совокупностью причин. Во-первых, мифы так или иначе влияют на жизнь. Слова о неограниченной царской власти не могли стать поводом для дискуссий. Не было принято их оспаривать в «высших сферах». Попытки же Государственного совета отстаивать особую точку зрения, заведомо отличную от позиции государя, вызывало у последнего нескрываемое раздражение. Он усматривал в этом едва ли не конституционалистские устремления высших сановников[2]. Во-вторых, Государственный совет не вызывал симпатий у большинства министров, которые видели в нем препятствие для осуществления своих планов. В-третьих, архитектура государственного здания России не была упорядоченной. Сам император, правда, в редких (но весьма показательных) случаях нарушал привычный ход законотворческой работы. Так, в марте 1887 г. он посчитал вопрос о присоединении городов Ростова и Таганрога к Области Войска Донского решенным. В соответствии с этим Государственному совету не пришлось обсуждать эту меру по существу, а оставалось лишь определить путь к ее реализации[3].

И сам Государственный совет далеко не всегда был на высоте своего положения. Большинство его членов не могло, да и не желало активно участвовать в обсуждении законопроектов. К началу царствования Николая II всего в Государственном совете насчитывалось 72 члена. Казалось бы, цифра весьма солидная. Однако 10 членов постоянно находились в отпуске. 10 человек в силу преклонного возраста не могли присутствовать на заседаниях. 19 сановников возглавляли министерства, следовательно, не могли оценивать свою работу со стороны. Таким образом, 33 человека составляли «работоспособное ядро» Государственного совета, и они должны были быть распределены между

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 16.

[2] Там же. С. 161.

[3] Там же. С. 46–47.

четырьмя департаментами. Причем в большинстве случаев это были люди немолодые и, естественно, подверженные заболеваниям. По подсчетам Н.А. Рубакина, к началу XX в. из 89 членов Государственного совета 52 начали свою карьеру при Николае I, 37 – при Александре II[1]. К 1894 г. средний стаж государственной службы министров и главноуправляющих ведомств составлял более 42 лет[2].

Возрастной состав членов Государственного совета в 1882 и 1892 гг.

<table>
<tr><th rowspan="3">Возраст членов Совета (в годах)</th><th colspan="5">Годы</th></tr>
<tr><th colspan="3">1882</th><th colspan="2">1892</th></tr>
<tr><th>Количество человек</th><th colspan="2">%</th><th>Количество человек</th><th>%</th></tr>
<tr><td>40–45</td><td>1</td><td>1,4</td><td rowspan="2">6,9</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>46–50</td><td>4</td><td>5,5</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>51–55</td><td>10</td><td></td><td rowspan="2">32,9</td><td>6</td><td rowspan="2">29,6</td></tr>
<tr><td>56–60</td><td>14</td><td></td><td>10</td></tr>
</table>

[1] *Рубакин Н.А.* Архив государственной мудрости или злачное место, идеже государственные раки зимуют // ОР РГБ.Ф. 358. К. 131. Д. 1. Л. 3 об. Разговоры о преклонном возрасте членов Государственного совета не замолкали в течение десятилетий. На «дряхлость» сановников, заседавших в этом учреждении, жаловался еще Николай I в 1840 г. *(Корф М.А.* Дневник за 1840 год. М., 2017. С. 121). Впрочем, отношение к этому факту могло быть разное. Так, граф П.Д. Киселев видел в этом даже некоторую пользу. По его мнению, «Совет по существу своему и по духу нашего правления должен быть не provocateur, a conservateur, т. е. больше оберегать существующее, нежели допускать какие-либо нововведения, а если и допускать их, то с крайней осмотрительностью в отношении к главным началам и основным идеям монархического правительства; что для этого лучше годятся старики, естественно привязанные к прежнему, нежели молодые люди с живым воображением» (*Он же*. Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 201).

[2] Список министров, главноуправляющих отдельными частями и статс-секретарей с указанием получаемого оклада, наград и прохождения службы // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 634. Л. 1–12. Об этой проблеме барон А.П. Николаи писал К.П. Победоносцеву еще в 1881 г.: «Всякое новое царствование, особенно в такое время быстрого движения умов, которое мы переживаем, должно при новых назначениях на высшие государственные должности избирать деятелей в среде людей достаточно еще молодых, чтобы они могли бы быть представителями настоящего и будущего, но не давно прошедшего. Принадлежа по времени своего воспитания и начала своей общественной деятельности к первой полловине царствования императора Николая I, я по своему образу мыслей, по своим взглядам и убеждениям принадлежу к эпохе давно прошедшей, к школе совершенно иной, нежели та, которая должна была образоваться под влиянием прошлого царствования... Люди моего времени могут быть еще советниками при новом царствовании: они представляют собой консервативный элемент традиций, но деятелями новыми они быть не способны» (К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. С. 156).

Окончание таблицы

<table>
<tr><td rowspan="3">Возраст членов Совета (в годах)</td><td colspan="4">Годы</td></tr>
<tr><td colspan="3">1882</td><td colspan="2">1892</td></tr>
<tr><td>Количество человек</td><td colspan="2">%</td><td>Количество человек</td><td>%</td></tr>
<tr><td>61–65</td><td>20</td><td rowspan="2">31,4</td><td></td><td>11</td><td rowspan="2">38,9</td></tr>
<tr><td>66–70</td><td>3</td><td></td><td>10</td></tr>
<tr><td>71–75</td><td>10</td><td rowspan="3">27,4</td><td rowspan="4">28,8</td><td>12</td><td rowspan="3">31,5</td></tr>
<tr><td>76–80</td><td>4</td><td>2</td></tr>
<tr><td>81–85</td><td>6</td><td>3</td></tr>
<tr><td>86–90</td><td>1</td><td>1,4</td><td></td><td></td></tr>
</table>

Источник: Собко Е.М. Государственный совет в эпоху Александра III. С. 32.

Иными словами, Государственный совет постепенно старел. Это сказывалось и на политических симпатиях его членов. Умудренные опытом чиновники, как правило, были либеральнее своих молодых коллег. Начавшие продвижение по карьерной лестнице еще в годы Великих реформ, они без всякой симпатии относились к проектам, исходящим из Министерства внутренних дел, возглавляемого Д.А. Толстым[1]. Государственный опыт, мало совместимый с молодостью, отличал большую часть высшей бюрократии России конца XIX в.

Годы службы чиновников II и III рангов

Продолжительность службы	Количество чиновников
20–25	2
25–30	20
30–35	68
35–40	110
40–45	138
45–50	129
50–60	156
60–70	25

Источник: Рубакин Н.А. Этюды о чиновничестве // ОР РГБ. Ф. 358. К. 139. Д. 5. Л. 8 об. – 9.

[1] [*Безобразов В.П.*] Дневник академика В.П. Безобразова // Русская старина. 1913. № 4. С. 57.

Наиболее видные члены «высокого собрания» к началу царствования Николая II не могли похвастаться крепким здоровьем. Так, «графа Сольского приходится не только сажать на председательское кресло Совета, но и поднимать с него посторонними руками в тот момент, когда государственная мудрость требует, чтобы член Государственного совета держал речь»[1]. Департамент законов возглавлял слепнущий Старицкий[2]. Далеко не все министры были готовы к активной законотворческой работе. Министр внутренних дел граф Д.А. Толстой к концу 1888 г. был очень болен, о чем знали все его знакомые. А.В. Богданович записала в дневнике: «Николаев сказал, что вчера Толстой был в заседании Государственного совета похож на мумию, пришел, опираясь на Плеве, еле двигается»[3]. Практика показывала, что на каждый департамент приходилось лишь пять активно работавших членов Государственного совета[4].

В ряде случаев старые люди предпочитали избавляться от сложных законопроектов, возвращая их разработавшему их ведомству. В.И. Гурко вспоминал, как в 1898 г. Департамент законов вернул в Министерство внутренних дел законопроект о принятии и оставлении русского подданства. Председательствовавший в Департаменте М.Н. Островский сильно болел в то время и не мог одолеть законопроект. Нашелся для этого и предлог[5].

Действительно, в Государственном совете заседали люди немолодые, часто не отличавшиеся крепким здоровьем, однако обладавшие необходимым опытом и знаниями. Они лучше других представляли себе, как была «заведена» государственная машина. Этот распорядок многие годы определял ритм их жизни и стиль мышления. В них самих был заложен непременный порядок работы высших учреждений империи, что объясняло их стабильность. Законодательные проце-

---

[1] *Рубакин Н.А.* Архив государственной мудрости или злачное место, идеже государственные раки зимуют // ОР РГБ. Ф. 358. К. 131. Д. 1. Л. 5 об. См. также: *Степанов В.Л.* Граф Д.М. Сольский: путь либерального бюрократа // Российская история. 2018. № 1. С. 132.

[2] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 120. К. 38. Л. 40 об.

[3] *Богданович А.В.* Дневник // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 241. Л. 54 об.

[4] Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX в. Документы и мемуары государственных деятелей. С. 258. Хорошо знавший Государственный совет В.И. Гурко обвинял это учреждение в «устарелости – старческой дряхлости, бессилии, даже лени» (Черновые записки В.И. Гурко // РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 217 Л. 120).

[5] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 43. Предлогом для такого решения стало то, что тогда готовилось изменение порядка принятия законов, касавшихся интересов Финляндии.

дуры воспроизводились из года в год, не подвергаясь существенной эрозии.

Начинались заседания в октябре каждого года. К этому моменту далеко не все члены Государственного совета возвращались в столицу[1]. В силу этой причины важные вопросы на октябрь не назначались[2]. Причем члены Государственного совета вновь разъезжались, уже на рождественские каникулы[3].

Обычно обсуждения разворачивались в департаментах Государственного совета, куда специально назначались некоторые из его членов. До 1899 г. было три департамента: законов, государственной экономии, духовных и гражданских дел. В 1899 г. был создан Департамент промышленности, наук и торговли. Обычно их заседания назначались четыре раза в неделю. Часто проводились совместные (соединенные) заседания департаментов. Начинались они в час, заканчивались после шести. Члены Государственного совета заседали в вицмундирах. Их надевали и чиновники Государственной канцелярии. Курить на заседаниях было строго запрещено. Все происходило чинно и торжественно. За столом сидели лишь члены Государственного совета (исключение делалось только для товарищей министра, которые заменяли своего отсутствовавшего начальника и имели в этом случае право голоса). Даже государственный секретарь и статс-секретарь департамента сидели за особым маленьким столиком, который был приставлен к основному столу. За особый стол усаживались и эксперты, приглашенные для «объяснений». Чаще всего это были директора департаментов того министерства, который представил законопроект. Это правило коснулось и профессора (а заодно и управляющего Главной палатой мер и весов) Д.И. Менделеева. Он должен был сидеть за особым столом и молчать, пока его мнением не заинтересовался кто-нибудь из членов Государственного совета. В конце концов ученый не выдержал и решил дать объяснение по поводу одного из положений разработанного им законопроекта – и его осадил один из сановников. Экспертам в основном приходилось сидеть молча все заседание: редко их мнением кто-нибудь интересовался. Объяснения по законопроекту обычно давал глава ведомства, далеко не всегда знавший подлинные мотивы разработчика. Тому

---

[1] Письма Н.П. Мансурова Б.П. Мансурову 06.10.1893, 07.10.1887 // ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 70. Л. 15, 52.

[2] Письмо Д.М. Сольского великому князю Михаилу Николаевичу // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 874. Л. 9 об., 19 об., 21 об.

[3] Письмо Н.П. Мансурова Б.П. Мансурову 15.12.1889 // ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 70. Л. 38 об.

же оставалось «нетерпеливое и досадливое ерзание по стулу... Случалось при этом, что лицо это вставало, подходило к своему шефу и что-то шептало ему на ухо, но тот обыкновенно лишь нетерпеливо от него отмахивался»[1].

Департаменты заседали намного чаще Общего собрания, но это было все равно намного реже, чем в любом представительном учреждении в Западной Европе. Так, в 1886 г. состоялось 29 заседаний Общего собрания и 123 заседания департаментов. За это время были разрешены 260 дел. С 33 делами не справились в Общем собрании, с 263 – в департаментах[2]. Тем не менее Государственному совету приходилось иметь дело с довольно большим, а главное, растущим бумагооборотом. Так, в 1882 г. имелись 2320 входящих бумаг и 3363 исходящих, в 1892 г. – 2749 входящих и 4596 исходящих[3].

Ход дел в Государственном совете 1870–1897 гг.
(указаны средние годовые показатели)

Годы	Департамент законов		Департамент государственной экономии		Департамент гражданских и духовных дел		Общее собрание		Итого	
	Заседания	Дела	Заседания	Дела	Заседания	Дела	Заседания	Дела	Заседания	Дела
1870–1874	32	111	68	723	23	55	30	239	153	1128
1875–1879	39	113	53	639	22	79	23	206	137	1037
1880–1884	35	133	72	705	14	57	31	177	152	1072
1885–1889	36	98	63	626	21	123	27	276	147	1123
1890–1894	31	83	52	366	43	332	32	341	158	1142
1895–1897	25	16	23	272	46	306	18	292	112	886

Источник: Кочаков Б.М. Государственный совет и его архивные материалы // Ученые записки Ленинградского университета. Исторические записки. 1941. № 8. С. 93.

---

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 41.

[2] *Скальковский К.А.* Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Т. 1. С. 9. Для сравнения, по подсчетам Е.А. Перетца, в 1870-е гг. в Общем собрании Государственного совета ежегодно обсуждалось от 95 до 120 дел [*Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 64].

[3] *Собко Е.М.* Государственный совет в эпоху Александра III. С. 17.

В большинстве случаев в департаментах обсуждали то, что впоследствии, уже в думский период, острословы называли «закончиками» или же «законодательной вермишелью», по поводу которой обычно не дискутировали[1]. Многое зависело от председателей департаментов, через которых приходилось проводить значительное число законопроектов. Так, заседания Департамента промышленности, наук и торговли шли долго, часто весьма малоэффективно. Во многом это объяснялось тем, что председательствовавший Н.М. Чихачев предпочитал не вмешиваться в ход заседания. Напротив, Д.М. Сольский был властным председателем, пресекавшим любые самостоятельные выступления[2]. Кому-то это могло показаться рациональным, учитывая ничтожное значение большинства законопроектов. Впрочем, «закончики» далеко не всегда были столь ничтожны. К ним относилось и ассигнование денежных средств на ту или иную государственную потребность. Эти вопросы разрешались с удивительной скоростью. Например, 13 января 1883 г. в Департаменте экономии в течение часа была решена судьба 5,5 млн сверхсметных кредитов, что неприятно поразило Половцова[3]. Такого рода темпы были неизбежны в силу перегруженности делами Департамента экономии. Туда поступали все законопроекты, касавшиеся сметных вопросов. По подсчетам Е.А. Перетца, в 1881 г. из общего числа дел (1229), внесенных в Государственный совет, 989 – приходились на долю Департамента экономии (т. е. около 80 %), 141 дело поступило в Департамент законов (12 %), 99 – в Департамент гражданских дел (8 %). В итоге «хотя дела Департамента законов вообще сложней дел Департамента экономии, тем не менее масса представлений, поступающих в этот последний, так велика, что своевременное обсуждение их оказывается затруднительным. Кроме того, в конце года, когда Департамент экономии занимается рассмотрением смет, он почти не может принимать участие в суждениях по делам Департамента законов, сопряженным

---

[1] В связи в этим К.А. Скальковский отмечает: «Если бы брать голые цифры в отчетах Государственного совета, то, конечно, окажется, что как будто бы большая часть внесенных за год проектов рассматривается, но если проверить по тем же отчетам качество и значение рассмотренных законов, то выйдет, что большею частью рассматриваются дела текущие или безотлагательные финансовые, большие же законодательные работы ждут очереди» (*Скальковский К.А.* Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Т. 1. С. 8).

[2] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 91.

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 34.

с расходами из казны; таким образом, замедляется также и деятельность Департамента законов»[1].

Председатели департаментов направляли ход обсуждения законопроектов, во многом предопределяя их судьбу. Министрам приходилось с ними договариваться, порой учитывая даже их корыстные устремления. Так, Н.Х. Бунге, подыгрывая председателю Департамента экономии А.А. Абазе, видному сахарозаводчику, выступил за нормировку производства сахара. В ответ он рассчитывал на поддержку Абазы в вопросе о реформе налогообложения[2]. И.А. Вышнеградский часто советовался с Абазой, учитывал интересы банкиров, обслуживавших председателя Департамента. За это последний должен был помочь в прохождении нового таможенного тарифа[3]. Рассчитывая на сотрудничество Абазы, Вышнеградский выделял большие ссуды торговому дому Рафаловичей[4].

И все же было бы ошибочным думать, что министерские инициативы обязательно встречали в департаментах благодушный прием.

---

[1] *Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 323. В связи с этим Е.А. Перетц предлагал перераспределить дела между департаментами Государственного совета. Либо следовало передать законодательные дела в Департамент законов, оставив в Департаменте экономии лишь сметные вопросы. Либо стоило разделить Департамент экономии, создав особое подразделение, которое обсуждало бы «законодательные предположения по финансовой части» (Там же. С. 323–324). В итоге (правда, много лет спустя) был принят второй вариант, когда в 1900 г. был создан Департамент промышленности, наук и торговли. Тогда же, в 1882 г., председатель Департамента экономии Э.Т. Баранов принял это предложение крайне враждебно, видя в нем проект умаления своих полномочий (Там же. С. 324).

[2] *Ковалевский В.И.* Воспоминания. С. 35. Подобная тактика приносила свои плоды. А.А. Абаза яростно и красноречиво защищал Н.Х. Бунге на заседаниях Государственного совета. Так, например, случилось 17 февраля 1885 г. при обсуждении кассового отчета министра финансов и отчета государственного контролера за 1884 г. Абаза, в частности, сказал: «Не мне защищать Н.Х. Бунге. Он сам умеет защищаться. Но я не могу не сказать, что если финансовое дело – не только наука, но и искусство, то в наше время иные думают, что довольно быть искусником, чуждым науке, чтобы успешно вести финансовое дело. Результатом такого возражения являются нападки на финансовое управление и от частных лиц, и от влиятельных органов печати, нападки, имеющие последствием попытки подорвать кредит, которым русское правительство до сих пор постоянно пользовалось и за границей и дома. Кредит – столь же необходимое для государства орудие, как армия или флот. Вредить ему столь же мало патриотично, как посягать на твердость наших боевых сил. А между тем только твердостью патриотизма сынов своих Россия выйдет из сегодняшнего трудного положения, только дружным усилием представителей всех отраслей управления восстановятся финансовые силы нашего отечества, столь необходимые для достижения других государственных целей» (Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 1. Л. 44).

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 49.

[4] [*Витте С.Ю.*] Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 205.

Напротив, бывшие министры, часто заседавшие в Государственном совете, весьма критично оценивали работу действовавших руководителей ведомств. Так, бывший министр финансов С.А. Грейг не жалел своих сил, «разоблачая» деятельность Н.Х. Бунге[1]. Бунге начал критиковать меры, задуманные его преемником И.А. Вышнеградским, еще тогда, когда тот официально не вступил в должность министра финансов[2]. Между собой сталкивались и действующие министры, как, например, Вышнеградский и министр путей сообщения К.Н. Посьет в марте 1888 г. по вопросу о железнодорожных тарифах[3] или Победоносцев и государственный контролер Т.И. Филиппов при обсуждении государственной политики в отношении старообрядцев[4]. Председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич настаивал на назначении председателем Департамента законов барона А.П. Николаи именно по той причине, что он был самостоятельным человеком, способным добросовестно изучать вносимые законопроекты[5]. Таких примеров можно привести довольно много.

Наконец, в Департаменте государственной экономии обсуждалась смета доходов и расходов (бюджет), что придавало немалое значение этому подразделению Государственному совету. Иногда Департамент существенно сокращал запланированные министерские расходы. Так, например, случилось в 1886 г., когда они были урезаны на 22 млн руб.[6]

---

[1] Там же. С. 340.

[2] Там же. С. 515.

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 101.

[4] Там же. С. 294.

[5] Письмо великого князя Михаила Николаевича Александру III 24.12.1883 // ГА РФ. Ф. 677. Оп. Д. 902. Л. 109.

[6] *Скальковский К.А.* Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Т. 1. С. 6. Полстолетия до того практика утверждения бюджета в Государственном совете качественно отличалась. Как писал в дневнике М.А. Корф, «государственная роспись... вносится в Совет всегда лишь за несколько дней до наступления года и притом утверждается предварительно государем, хотя и не решительно, однако так, что всем членам это известно, переход же через Совет составляет одну лишь формальность для удовлетворения закону, включенному Сперанским при других видах в первоначальное его учреждение. Потому роспись всегда утверждают не только безусловно, но и в совершенном безмолвии, без всяких рассуждений. Но чтобы охранить хоть несколько порушенное приличие, еще до вступления моего в должность государственного секретаря, следственно более десяти лет назад, стали включать в журнал Совета фразу, что “не имея возможности за краткостью времени, остающегося до начала действия росписи, войти в подробности оной, Совет полагает роспись сию утвердить”» (*Корф М.А.* Дневник за 1845 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 8. Л. 55).

Государственный совет самим фактом своего существования символизировал то, что власть в России принадлежала не действующим министрам и даже не государю императору, их назначившему, а прежде всего бюрократической корпорации[1]. Среди ее представителей видное место занимали сановники прежнего царствования, которые, не скрывая этого, не симпатизировали курсу тех своих коллег, которые теперь были в силе. Причем такие «фрондеры» отстаивали свою точку зрения не вдали от столицы в родных «дворянских гнездах», а в высшем законосовещательном учреждении империи. В силу этого они обретали особое значение, с которым считались и министры.

Казалось бы, именно император назначал членов Государственного совета, а соответственно, определял характер его деятельности. Это правда лишь отчасти. Круг лиц, которые могли бы войти в состав «высокого собрания», был чрезвычайно ограничен. В него включались бывшие и действующие высокопоставленные государственные служащие, пользовавшиеся авторитетом в бюрократической среде. Их было сравнительно немного. В итоге в большинстве случаев назначались те чиновники, которые не могли не быть назначены. Примечательно, что в конце декабря 1887 г. Половцов признавался царю: «Я, знающий весь персонал петербургского чиновничества, не знаю ни единого человека, которого мог бы назвать кандидатом для назначения членом Государственного совета, а между тем с приближением нового года начинаются ходатайства, искательства, просьбы... Представляется ли необходимым непременно в такое или иное определенное число назначать членов? Не лучше ли назначать людей тогда, когда эти люди найдутся?»[2]

Однако было бы неверным уподобляться тем критикам Государственного совета, которые сравнивали его с парламентом, а его членов обвиняли в конституционных устремлениях. Сам Александр III говорил, что, «если бы в Государственный совет поступило на рассмотрение предложение ввести в Россию конституцию, большинство членов Совета подали бы голос за введение таковой в России»[3].

---

[1] 29 июня 1884 г. А.А. Половцов писал Александру III: «Государственный совет приносит положительную пользу, вызывая весьма понятное неудовольствие, нетерпение и т. п., особенно в тех лицах, кои, имея прямой доступ к Вам, государь, имея возможность получить непосредственно от Вас одобрение своих мыслей, видят в Совете лишь помеху своим предначертаниям. А между тем при бедности, незрелости умственных сил, отличающих и все наше русское общество и самих правительственных деятелей, хотя сколько-нибудь разностороннее обсуждение нового мероприятия приносит несомненную пользу» (Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 1. Л. 79).

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 65.

[3] *Куропаткин А.Н.* Дневник // ГА РФ. Р6887. Оп. 1. Д. 133. Л. 608.

Все же русская «палата лордов» совсем не напоминала английскую. Сама процедура законотворчества существенно сужала пространство для критики министерских инициатив. Подготовленные с одобрения императора, предварительно обсужденные в межведомственных комиссиях, они не могли быть отвергнуты по принципиальным соображениям. Тем не менее это не означало, что членам Государственного совета оставалось смириться с готовившимся законом. Как бы принимая эту инициативу в основе, они могли выхолостить его содержание, свести к нулю весь предполагаемый его эффект. Так, например, случилось при обсуждении 23 ноября 1885 г. в Департаменте законов проекта об ограничении семейных переделов среди крестьян. Инициатива министра внутренних дел Д.А. Толстого вызвала критику со всех сторон. Министру приходилось признавать ее обоснованность и, соответственно, отказываться от положений собственного законопроекта. Председатель Департамента барон А.П. Николаи подвел итог этой дискуссии: следует «по возможности устранить из проекта излишние подробности, сохранив лишь основную мысль так, чтобы излишней регламентацией не вторгнуться в своеобразие крестьянской семейной среды, а вместе с тем не стеснять излишними предписаниями тот новый орган, который при переустройстве местного управления будет ведать эти дела». Переделка законопроекта была поручена Государственной канцелярии[1]. Это лишь один частный случай успешного противостояния большинства Государственного совета действующему и причем чрезвычайно влиятельному министру. Таких эпизодов в деятельности высшего законосовещательного учреждения империи было немало. О некоторых из них речь еще пойдет далее.

По результатам заседания департамента составлялся журнал, что было отнюдь не простым делом. Статс-секретарю следовало учесть многочисленные замечания участников совещания. Лишь подписанный ими журнал поступал в Общее собрание. Там обсуждались законопроекты, по которым в департаментах возникли разногласия.

В начале царствования Александра III (как и прежде) заседания проходили в Зимнем дворце. Предоставленных для этого залов было явно недостаточно. Критически не хватало места для приглашенных экспертов. «Все они собираются в одной небольшой комнате, где в это время члены Государственного совета завтракают, курят, разговаривают; все это вместе взятое представляет весьма неприглядную картину». А.А. Половцов предлагал перенести Государственный со-

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 387.

вет в здание Эрмитажного театра[1]. Однако в итоге предпочтение было отдано Мариинскому дворцу. Особенности здания накладывали свой отпечаток на характер работы. Прежде в зале Общего собрания стоял четырехугольный стол. Теперь его должен был заменить круглый – в соответствии с формой зала заседания[2]. Казалось бы, это ничтожная деталь. Тем не менее она определяла рассадку членов Государственного совета, к которой все они относились чрезвычайно серьезно. Теперь по правую руку от председателя сидели великие князья, председатель Комитета министров, министры. По левую – председатели департаментов Государственного совета и его члены по старшинству[3]. Все это специально продумывалось и согласовывалось. К переезду тщательно готовились.

Наконец 11 февраля 1885 г. Государственный совет въехал в новое здание, где заседания проводились в Ротонде, в зале, отображенном на известной картине И.Е. Репина[4]. «Устланный темно-красным ковром, уставленный двумя круглыми концентрическими столами, покрытыми бархатными, под цвет ковра, скатертями и покойными обширными креслами, увешанный по окружности в просветах колонн портретами царствовавших за время существования Совета императоров, зал этот, в особенности при вечернем освещении, носил печать не только торжественности, но даже некоторой таинственности. Тут, казалось, было место заседаний какой-либо масонской ложи или совета дожей, скрытого от глаз непосвященных»[5].

Сравнение с масонской ложей в чем-то было оправданным: та же торжественность, то же четкое следование ритуалу. Существовал своего рода обряд посвящения новых членов «высокого собрания». Их представлял председательствующий, после чего вставали все члены Совета и кланялись «новичку». Вслед за этим новый член вставал и кланялся своим коллегами, поворачиваясь во все стороны зала. Это обычно происходило в начале каждого года и называлось «заседание с поклонами»[6].

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 200.

[2] Там же. С. 297.

[3] Там же. С. 315.

[4] О картине И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 г.» см.: *Соловьев К.А.* Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017. С. 89–93; *Любимов Д.Н.* Воспоминания о Государственном совете в изображении И.Е. Репина // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 32.

[5] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 39.

[6] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 295; Т. 2. С. 9.

В основном заседания Государственного совета назначались в час дня. Члены «высокого собрания» съезжались за 15 минут до назначенного времени. Им предлагался завтрак, чем сановники пользовались весьма охотно. Тут же обсуждался «сценарий» предстоявшего заседания: кто собирался говорить, возражать по тому или иному поводу или, напротив, молчать. Приезжал председатель, который, поздоровавшись с присутствовавшими, отправлялся в свой кабинет в сопровождении великих князей и государственного секретаря. Там обычно обсуждался театр, праздники, предстоявший вечер. Спустя несколько минут председатель приглашал в свой кабинет некоторых министров и председателей департаментов Государственного совета, с которыми вкратце обсуждался стоявший в повестке законопроект. Оговаривались возможные разногласия между членами Совета, их предполагаемые заявления. Ничто не должно было стать сюрпризом для председателя. Наконец он направлялся в зал заседаний. За ним следовали и остальные члены Совета. После этого на остатки сановного завтрака «налетали» голодные писари из канцелярии[1].

В начале заседания слово предоставлялось государственному секретарю, который зачитывал высочайшие указы, относившиеся к деятельности Совета. Далее он оглашал решение императора: с каким мнением Государственного совета царь согласился, с каким – нет. Затем слово предоставлялось чиновнику Государственной канцелярии, который зачитывал законопроекты, обсужденные департаментами. В сущности, статс-секретарь зачитывал лишь заголовки дел. В начале XX столетия эту обязанность благодаря своему красивому голосу выполнял статс-секретарь Н.Ф. Дерюжинский. Об этих решениях обычно не спорили. Если вдруг у кого-нибудь из членов Государственного совета были на этот счет возражения, то он заранее предупреждал об этом председателя и в таком случае имел возможность высказаться. Случалось это довольно редко. Даже недовольные готовившимся решением в большинстве случаев предпочитали молчать, дабы не вызывать раздражение председателя, государственного секретаря и большинства присутствовавших. Когда председателем Государственного совета был великий князь Константин Николаевич (1865–1881), он порой вызывал члена «высокого собрания» в свой кабинет, дабы отчитать за особое мнение[2]. При его брате, Михаиле

---

[1] Там же. С. 84–85.

[2] П.А. Валуев так охарактеризовал великого князя Константина Николаевича: «Блестящий и проницательный ум, энциклопедическое образование, свободное слово и находчивость аргументов, но при этом всем недостатки той колыбели, в которой он рожден: самонадеянность, заносчивость, холодность к человеческим интересам. Притом нередко увлекается предубеждением против одних и пристрастием к другим.

Николаевиче (1881–1905), Совет задышал свободнее[1]. В случае выявления разногласий их всегда пытались снять, примирить противоречия. Для этого проводились специальные частные совещания[2]. И все же иногда разногласия случались. Тогда возражавший выходил в центр зала, вставал перед председателем и излагал свои соображения. Если такое происходило, законопроект обычно возвращался в департамент, а там уже обсуждался в той части, которая вызвала возражение (конечно, в присутствии того, кто возбудил этот вопрос)[3].

Порой даже наиболее значимые решения проходили без всякой дискуссии. Например, в 1884 г. повышение поземельного налога вовсе не потребовало обсуждения[4]. В январе 1885 г. А.А. Половцов записал в своем дневнике: «На меня всегда производит грустное впечатление продолжительность обсуждения всякого такого дела, в коем есть собственные имена, и кратковременность прений там, где идет речь об одном лишь государстве»[5].

Конечно, большую часть времени занимало обсуждение тех вопросов, которые вызвали разногласие в департаментах. Обычно выступали представители двух сложившихся мнений, а также руководители ведомств, внесших законопроект и выступавших против его принятия (ведь единодушие среди министров обычно отсутствовало). После выступлений чиновники Государственной канцелярии производили «отобрание голосов». Они обходили членов и спрашивали их: «Вы, ваше высокопревосходительство, с министром таким-то или против»? Такая постановка вопроса была тем более оправдана, что многие сановники законопроекта не читали, собственного мнения на его счет не имели, а в некоторых случаях по старости утратили всякую работоспособность (например, бывший министр юстиции Д.Н. Набоков или генерал-адъютант И.С. Ганецкий). Сам служивший в Государственной канцелярии В.И. Гурко вспоминал генерала от кавалерии А.Н. Стюрлера, который заявил подошедшему к нему чиновнику,

---

Крепко побаивается государя... думаю, по преемству страха перед покойным своим отцом... Также подвержен влиянию канцелярии. И, наконец, в шутках своих не всегда достаточно охраняет не только достоинство своего сана, но даже и привычный благовоспитанному человеку тон» (Характеристика Государственного совета П.А. Валуева 1869 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2903. Л. 3).

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 420–421.

[2] Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 1. Л. 60 об. – 61.

[3] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 40.

[4] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 213.

[5] Там же. С. 305.

что он будет голосовать вместе с большинством. Почтительное замечание, что большинство пока еще не сложилось, Стюрлер отказывался понимать: «Я вам говорю, что я с большинством»[1]. Министры же обычно вступали в дискуссию лишь тогда, когда обсуждавшийся вопрос непосредственно затрагивал их ведомство.

Нужно было уметь формулировать особое мнение, чтобы хотя бы иметь шанс привлечь на свою сторону членов Государственного совета. Так, записка Б.П. Мансурова о найме сельскохозяйственных рабочих, поданная в 1886 г., была весьма пространной и заключала в себе множество пунктов. И.Д. Делянов видел в этом серьезный недостаток весьма обстоятельного текста: особое мнение Мансурова «на 48 больших печатных страницах, а этого наши члены Госуд[арственного] сов[ета] не очень любят, и второе, слишком много в нем пунктов, и важное смешано с неважным! Сократи Б.П. Манс[уров] свою записку до размера 3 страниц и наляги он на один главнейший пункт, на затруднительность практического применения проекта Положения о сельских рабочих вследствие негодности мировых судов, нет сомнения, он бы нанес проекту гр. Толстого и Островского решительное поражение»[2].

В 1881–1905 гг. председателем Государственного совета был великий князь Михаил Николаевич, сын Николая I и брат Александра II. Он сменил в должности старшего брата великого князя Константина Николаевича, может быть, самого влиятельного деятеля предыдущего царствования. Константин Николаевич, человек безусловно умный и одаренный, был, тем не менее, жестким и порой даже деспотичным председателем. Он стремился подчинить своей воле Государственный совет. И все же его несомненный авторитет способствовал укреплению позиций самого законосовещательного учреждения. По оценке Е.А. Перетца, за 16 лет председательствования великого князя было всего лишь два случая, когда о порядке предстоящего обсуждения законопроекта в Государственном совете докладывал императору какой-либо министр, а не председатель «высокого собрания»[3].

---

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 40. По этому поводу государственный секретарь Е.А. Перетц говорил великому князю Михаилу Николаевичу в мае 1882 г.: «К крайнему сожалению, часто сажают в Государственный совет старых генералов, почти ничего не понимающих в законодательных вопросах. Еще недавно назначен [А.И.] Гильденштуббе и князь Леван Меликов; но ни тот, ни другой самостоятельного мнения не имеют» [*Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 313].

[2] *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 313–314.

[3] Письмо Е.А. Перетца великому князю Константину Николаевичу // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 820. Л. 10.

Великий князь Михаил Николаевич был совершенно другим. Обычно он не вмешивался в ход дискуссии. Молчал, внимательно слушал и даже не резюмировал сказанное. Также себя вели и сидевшие рядом с ним прочие великие князья[1]. Михаил Николаевич побаивался племянника, Александра III, часто не решался обращаться к нему с просьбами. В отличие от старшего брата, Константина Николаевича, почти никогда не отстаивал позицию Государственного совета. Иногда пытался узнать у царя, что тот думает по тому или иному вопросу, который только предстояло обсудить. Это объяснялось тем, что великий князь боялся разойтись с императором, не быть поддержанным им. Однако не всегда надежды Михаила Николаевича оправдывались. Порой Александру III нечего было ответить дяде. У него чаще всего отсутствовало готовое решение. Он полагался на меморию, в ходе чтения которой надеялся выяснить для себя вопрос[2]. Великий князь не защищал позицию большинства Государственного совета и по другой причине. Михаил Николаевич был довольно равнодушен к государственным делам. Они затрагивали его «за живое», лишь когда касались личных интересов или же били по самолюбию председателя[3]. Порой он опаздывал на заседание Совета, предпочитая ему парад или военный праздник.

Впрочем, далеко не все «рядовые» члены Государственного совета отличались дисциплинированностью. Некоторые являлись на его заседания довольно редко: например, И.И. Воронцов-Дашков[4]. Д.А. Толстой предпочитал не ходить на заседания департаментов. На это он испросил разрешение у императора. По словам министра внутренних дел, перед ним стоял выбор: заниматься текущими делами министерства или же сидеть на заседаниях Совета. Александр III разрешил Толстому являться непосредственно на заседание Общего собрания[5].

В Государственном совете были свои ораторы, чьих выступлений с интересом ждали. А.А. Половцов высоко оценивал речи самого Д.А. Толстого при всем критическом к нему отношении: «Бледный, тощий, на вид полумертвый Толстой говорит всегда очень просто, со знанием дела, никого не задевает, но язвительно огрызается, если его заденут». По общему мнению, удачно выступал К.П. Победоносцев, который в «речи своей достигает той простоты, которая

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 86.

[2] *Он же.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 331.

[3] Там же. С. 381.

[4] Там же. С. 196.

[5] Там же. С. 237–238.

почитается верхом совершенства. Говорит он плавно, естественно, в его речи нет ничего напыщенного, изложение несколько дидактично, но весьма привлекательно»[1]. Д.М. Сольского Половцов сравнивал с античным ритором, готовым говорить на любую тему. Он выступал умно и интересно, хотя выводы, к которым он приходил, представлялись весьма отвлеченными тем, кто непосредственно знал обсуждавшееся дело. Обычно ярко выступал министр государственных имуществ М.Н. Островский, который, правда, не вызывал симпатией Половцова[2]. Лестных оценок государственного секрета-

---

[1] Было бы неверным упускать из виду внешнее впечатление, которое производил К.П. Победоносцев на слушателей. В частности, И.А. Шестаков писал: «На его месте я велел бы выбить себе все зубы и вставить челюсть. Два-три зуба, которые великий князь сравнивает со сморчками, и затем на левой стороне какой-то синеватый сосковой щит. При этом брызжет, говоря. Мерзко, отвратительно» (*Шестаков И.А.* Дневники. С. 287). Впрочем, некоторые придерживались принципиально иной точки зрения. В частности, Д.Н. Любимов вспоминал: «Константин Петрович Победоносцев был несомненно по уму, образованию одним из самых выдающихся русских государственных людей конца XIX века. Но он никогда не пользовался популярностью, можно сказать даже больше – личного имиджа в государственных или общественных сферах он не имел. Его все боялись, прислушивались к его мнениям, но и только. Приверженцев у него не имелось. После Особого Комитета я долго, почти десять лет, постоянно как чин государственной канцелярии видел и слышал Победоносцева в Государственном совете: он был очень силен в диалектике и имел исключительную способность сразу указать в каждом проекте его слабую сторону. Он подмечал все недостатки, даже мелочи; его силой было чужое мнение, оно было для него точкой отправления в обратную сторону. Он начинал обыкновенно так: Вот, Вы изволите говорить то-то и то-то; но если встать на Вашу же точку зрения, то получится как раз обратное... я положительно не помню, чтобы он проводил бы какие-либо проекты. Он или молчал – что для проекта было хорошим признаком – или был в оппозиции. Эту оппозицию многие считали “оппозицией Его Величества”, как говорят в Англии. По отношению к Победоносцеву нельзя сказать, особенно при Александре III... это мнение было лишено оснований. Помню, какое громадное впечатление произвела вернувшаяся в конце царствования Императора Александра III мемория Государственного Совета по делу об учреждении женского медицинского института в Петербурге. Все общее собрание Государственного Совета, в составе которого находились и Великие князья... и все министры были за открытие института, кроме одного члена – Победоносцева. По установившемуся со времени Сперанского порядку, в мемории, на полях выписывались фамилии членов, державшихся того или другого мнения. В данном случае, по первому мнению стояло пятьдесят три имени, а против второго мнения лишь одно – Победоносцев. Государь, подчеркнув синим карандашом слово Победоносцев, приписал: и Я» (*Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906: Воспоминания // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 100).

[2] А.А. Половцов оставил такую характеристику министру государственных имуществ: «Бледный, прищурившийся, не имеющий ничего откровенного, тоже готовый ораторствовать, если вдруг видит в этом выгоду, представляет тип самого антипатичного и опасного бюрократа, полного зависти, подобострастия, низкопоклонства. Он постепенно продал Абазу с Лорисом, Игнатьева, при первой возможности навредит

ря заслужил М.Е. Ковалевский. Успешен на ораторском поприще был А.А. Абаза, который «говорит очень хорошо, соблюдая столь важную в парламентских прениях вежливость, не щадит противника, когда дело идет о выигрыше дела. Говорит сдержанно, обдуманно, почти всегда одерживает победу»[1].

И все же для большинства сановников публичные выступления вызывали заметные трудности. Министр иностранных дел Н.К. Гирс выступал уклончиво, при этом на плохом русском языке. Военный министр П.С. Ванновский и вовсе молчал. Также себя вел М.С. Каханов. И.И. Воронцов-Дашков предпочитал крутить ус. Н.И. Стояновский «болтал без умолку и при этом без всякого изящества формы». Также и С.А. Грейг утомлял всех своих многословием. Председатель Департамента законов Е.П. Старицкий выступал по существу, но «не рельефно», кроме того, фактически не делая заключения. Министр финансов Н.Х Бунге говорил хорошо, но терялся при сильном натиске: ему не хватало характера, а, главное, уверенности в себе. Э.Т. Баранов выступал лишь по экономическим вопросам и не всегда продуманно. Про А.М. Дондукова-Корсакова Половцов с ехидством отмечал, что у него «каждая речь есть страница из его биографии»[2].

Со временем состав Государственного совета менялся. В нем появлялись новые герои: И.А. Вышнеградский, Н.А. Манасеин, Н.В. Муравьев, В.К. Плеве... Пожалуй, ярчайший из них – министр финансов С.Ю. Витте[3]. Согласно воспоминаниям сотрудника канце-

---

Толстому, Бунге и самому Победоносцеву, лишь бы то было выгодно ему, Островскому. Говорит он адвокатским красноречием, думая об одном, как бы добиться своего и напакостить противнику» (*Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 87).

[1] С.Ю. Витте отзывался о выступлениях А.А. Абазы в Государственном совете следующим образом: «Обыкновенно к делам Александр Аггеевич не готовился, у него всегда был какой-нибудь маленький секретарь, который вкратце рассказывал ему все дела, а он только читал заключение. Обыкновенно Абаза не имел привычки высказывать свое мнение, а всегда выслушивал других, и, когда все выскажутся, он благодаря своим большим способностям все это схватывал. Только тогда, когда на основании всех выслушанных им речей Александр Агеевич составлял свое мнение, он начинал говорить; причем говорил всегда с таким большим здравым смыслом, говорил таким авторитетным и назидательным тоном, что его речь производила такое впечатление, будто бы он это дело знает au fond, то есть вполне и глубоко его изучил» ([*Витте С.Ю.*] Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 192).

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 86–88.

[3] Согласно воспоминаниям А.С. Путилова, «говорил Витте очень некрасиво, иногда растягивая слова, иногда произнося отдельные слова чуть не скороговоркой. Обычным его приемом была полемическая форма хотя бы и с воображаемым оппонентом, которого он именовал местоимением “они”, нередко превращавшимся затем в еще более непонятное “она”. Любил он также ставить себя в положение как бы обстоятель-

лярии Комитета министров П.П. Менделеева, «красотой, плавностью речи его не отличались. Говорил без всяких ораторских приемов, просто, большей частью спокойно, несколько даже скрипуче, иногда подыскивая слова, порою нескладно, словно переворачивал тяжелые жернова. Нередко попадались у него довольно грубоватые, не совсем культурные выражения. Бывал и резок. Не гнушался прибегать в некоторых случаях и к лести. Но речь его, всегда содержательная, чуждая общих мест, неизменно захватывала слушателя глубиной, оригинальностью мысли, яркостью образов, неотразимостью доводов»[1].

Об ораторских талантах членов Государственного совета вспоминали лишь изредка. Как правило, заседания продолжались недолго: около часа. Ситуация менялась в мае, перед началом каникул. Тогда в Общее собрание попадали значимые законопроекты, обсуждавшиеся в департаментах еще в зимние месяцы. В итоге за сравнительно короткий период приходилось обсуждать около 100 законопроектов, тогда как зимой – лишь 12–15[2]. Среди множества законопроектов, обсуждавшихся в Государственном совете, особое внимание уделялось государственной росписи доходов и расходов (бюджету). В этом вопросе законосовещательное учреждение обладало вполне реальным рычагом влияния на министров. Лишь голос его большинства мог убедить Министерство финансов увеличить субсидии тем или иным ведомствам[3].

Министры и стоявшие за ними «партии» специально готовились к обсуждению законопроектов, распределяли между собой роли. Так, например, случилось, когда в 1884 г. речь шла о проекте нового Университетского устава. Д.А. Толстой и И.Д. Делянов прекрасно пони-

---

но высказавшегося стороннего наблюдателя или предсказателя. Я помню, например, как раз он высказывался по вопросу о предпочтительности германской ориентации по сравнению с английской: “Вспомните меня: если вы будете дружить с немцами, с Вильгельмом, то и вы будете сыты и ваши дети будут сыты. Свяжитесь с Англией – и наживете всяких бед. Англия – проститутка” (он высказался гораздо циничнее). “Ах, Сергей Юльевич, Сергей Юльевич”, – укоризненно покачав головой, попробовал усовестить его Сольский. “Она Вас проведет, выведет и ничего не даст”. Вообще не привыкший ничем стесняться, Витте не стеснялся своего ужасного французского произношения и преспокойно прибегал к французским словам, произнося их так, что с привыкшими к хорошему произношению дипломатами делались чуть не трансы» (*Путилов А.С.* Граф С.Ю. Витте: Из личных воспоминаний // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 15).

[1] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни. Обрывки воспоминаний. 1864–1933 / вступ. ст. К.А. Соловьева; коммент. А.В. Сазанова, К.А. Соловьева. М., 2017. С. 164.

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 40.

[3] Там же. С. 44–45. По оценке министра иностранных дел Н.К. Гирса, заседание Государственного совета, посвященное утверждению бюджета, обычно было самым интересным ([*Ламздорф В.Н.*] Дневник В.Н. Ламздорфа. С. 26).

мали, что не соберут большинства, и вместе с тем не сомневались, что их предложения получат высочайшее одобрение. Однако запланированное поражение в Государственном совете не должно было стать разгромным, дабы не смутить императора. Во имя этого каждый из представителей их «партии» должен был с успехом отыграть отведенную ему роль. Один из них, Т.И. Филиппов, со своей задачей не справился. Его длинная и путанная речь о государственных экзаменах не произвела благоприятного впечатления на присутствовавших. В итоге по всем основным вопросам большинство собрало 27 голосов, 17 – поддержали проект. В случае с государственными экзаменами 31 член Государственного совета выступил против нового положения, только 13 – за[1]. Это привело в отчаяние Толстого, Делянова, Каткова и их сторонников. Им оставалось надеяться, что позиция императора и при таком раскладе останется незыблемой[2].

«Идеальное» заседание Общего собрания Государственного совета должно было быть скоротечным и, в сущности, техническим. Оно должно было заключаться в утверждении решений департаментов. По этой причине на Общем собрании старались избегать разногласий. Даже при наличии разногласий члены Совета предпочитали их официально не фиксировать и, таким образом, не противопоставлять себя большинству. Это касалось даже таких влиятельных лиц, как К.П. Победоносцев и М.Н. Островский[3]. Александр III в связи с обсуждением проекта Университетского устава заявлял следующее: «Да, было бы очень желательно избегнуть разногласия, ибо в

---

[1] Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 1. Л. 1–2.

[2] Е.М. Феоктистов писал М.Н. Каткову: «...вина этого лежит, кажется, исключительно на Филиппове. На предварительном совещании, происходившем у графа Дмитрия Андреевича, он сам вызвался говорить об экзаменах, как о предмете будто бы ему особенно знакомом, и произнес речь поистине невероятную по бездарности. Он что-то мямлил, что никто не мог расслышать, путался, вообще произвел самое жалкое впечатление. Должно быть, уж очень он поглощен сочиненной им историей митрополита Филофея (которая, между прочим, всех порядочных людей здесь глубоко возмутила). Если бы он говорил хоть сколько-нибудь дельно, то, вероятно, и в пользу экзаменов высказалось бы 17 членов» (Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 38. Л. 27 об. – 28). Схожим образом отзывался о речи Филиппова Н.А. Любимов: «Досадно, что об экзаменах говорил Филиппов. Страшно сконфузился, бормотал, нескладно. Вышло только 13 голосов. О назначении профессоров и о гонораре говорил хорошо гр. Толстой. Собрано голосов 18. Около этого числа было вообще по всем пунктам разделения. Если государь согласится с меньшинством, Устав выйдет неособенно попорченный. Досадно, что дурно прошли экзамены» (Письмо Н.А. Любимова М.Н. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 143).

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 350.

противном случае мне было бы трудно делать выбор между двумя сторонами»[1].

И все же по наиболее значимым вопросам разгорались нешуточные страсти. Одним из них стало уже отмечаемое выше принятие нового Университетского устава 1884 г. Д.А. Толстой, ярый его поборник, ни в чем не собирался идти на уступки своим оппонентам, отказывался от самой идеи соглашения с большинством Государственного совета[2]. Министр народного просвещения И.Д. Делянов был не столь непримирим (что вызывало даже раздражение Толстого)[3]. Для А.А. Половцова, который настаивал на соглашении, было важным, чтобы в итоге императором было принято решение, получившее поддержку большинства членов Государственного совета. Казалось, если бы государь согласился с меньшинством, он дискредитировал бы себя в глазах юношества[4].

Решение Государственного совета было принято. Большинство и меньшинство определились. Императору оставалось выбрать одну или другую сторону (или, что было теоретически возможно, предложить свой вариант решения вопроса). Однако Александр III не торопился. Он полагал необходимым вновь провести совещания основных участников дискуссии, но, правда, уже в присутствии самого царя[5]. Совещание действительно состоялось, но единственным представителем большинства на нем был К.П. Победоносцев. Едва ли он мог взять верх над Толстым, Деляновым, Островским, которые в вопросе государственных экзаменов на уступки идти не желали. В сущности,

---

[1] Письмо Е.М. Феоктистова Н.М. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 38. Л. 83.

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 126. И это при том, что, по оценке Н.А. Любимова, никто не сомневался: император поддержит мнение меньшинства, каким бы малочисленным оно ни было (Письмо Н.А. Любимова М.Н. Каткову 01.05.1884 // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 119).

[3] И.Д. Делянов «сдавал позиции» по Университетскому уставу на заседании Государственного совета, когда на нем отсутствовал Д.А. Толстой. Министерство внутренних дел представлял И.Н. Дурново, который не рискнул возражать большинству собрания. Этим воспользовались противники Устава (среди которых был и великий князь Михаил Николаевич). Они полагали, что Толстой не мог дезавуировать позицию своего товарища. Министр был иного мнения: «Пусть великий князь потребует замазать мне рот. Я потребую, чтобы мой протест был записан в протокол, и выйду тотчас же из залы, то есть устрою такую сцену, которая в глазах государя еще более компрометирует моих противников» (Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 38. Л. 25 об.).

[4] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 135. См. также: *Щетинина Г.И.* Университеты в России и Устав 1884 г. М., 1976. С. 138–143.

[5] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 264, 266.

перед императором стоял выбор: согласиться с мнением меньшинства или же уволить его представителей с министерских постов. Последнее было совершенно невозможным[1].

Самые необычные приемы пускались в ход, чтобы затормозить принятие законопроекта, который наверняка получил бы одобрение императора. Так случилось с инициативой Министерства юстиции об ограничении публичности судебных заседаний. Ее обсуждали в Государственном совете 19 января 1887 г. Согласно этому законопроекту, министр юстиции получал право любое судебное заседание объявлять закрытым. Эта предполагаемая мера вызвала возмущение сановников, полагавших (и небезосновательно) Судебные уставы 1864 г. величайшим достижением царствования Александра II. Горячо отстаивал их Н.И. Стояновский, много лет назад участвовавший в подготовке судебной реформы. Их защитником выступил бывший министр юстиции граф К.И. Пален. В пользу планировавшейся меры высказался К.П. Победоносцев, который убедительно говорил о несовершенстве действовавшей судебной системы. Большинство осталось за противниками законопроекта. Они получили 31 голос, их оппоненты – 20. Тем не менее было очевидно, что император согласится с мнением меньшинства. Дабы этого не случилось, следовало предпринять экстраординарные меры.

Через неделю на заседании Государственного совета зачитывался журнал, в котором фиксировалось имевшееся разногласие. Именно тогда министр иностранных дел Н.К. Гирс встал и сообщил присутствовавшим, что его сотрудник и видный правовед Ф.Ф. Мартенс только что передал ему записку, о которой Гирс не успел составить свое мнение (будто бы текст оказался у министра, когда он садился в карету). Однако он полагал необходимым этот текст прочесть. В нем говорилось, что европейские державы выдавали России преступников, зная, что их буду судить гласно. Новый законопроект ставил под сомнение все международные конвенции на этот счет. Если бы Гирс предварительно сообщил об этом заявлении хотя бы Половцову, оно, видимо, осталось бы без последствий. Но он предусмотрительно этого не сделал. Членам Государственного совета поставленный вопрос показался серьезным, и было решено вернуть дело в департамент[2]. Сразу же после заседания многие члены «высокого собрания» буквально бросились к Гирсу выражать свою благодарность. Престаре-

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 269.

[2] Там же. Т. 2. С. 13–15.

лый граф К.И. Пален, в прошлом министр юстиции, объявил главу внешнеполитического ведомства спасителем Отечества[1].

Такое постановление не понравилось императору. Он потребовал, чтобы уже подготовленный журнал был подписан на следующей неделе. Это было сказано и великому князю Михаилу Николаевичу, и Гирсу, и Половцову. Исполнить же царскую волю было практически невозможно. Департамент должен был вынести свое решение, а Министерство иностранных дел подготовить свою экспертную оценку законодательной инициативы[2]. Половцов в категорической форме отказал императору: нарушить делопроизводственный порядок было невозможно. При этом государственный секретарь успокоил царя: дело в Департаменте долго не пролежит[3]. И все же Александр III не мог скрыть своего раздражения. Гирс еще не видел такого императора. Он «ходил по комнате, белый от гнева, с трясущейся от бешенства нижней челюстью». Все слова говорились им в раздраженном тоне: «Я уже через полчаса все узнал и никогда в жизни так не сердился. Даже [великий князь] Владимир [Александрович] приехал мне сообщить и говорил, что подобного скандала никогда еще в Государственном совете не было. Это заговор этой клики юристов, и ваш Мартенс – в заговоре. Ему – строжайший выговор. Все эти судебные учреждения известно, к чему клонят. У покойного отца хотели взять всякую власть и влияние в судебных вопросах. Вы не знаете, а я знаю, что это заговор, и вот когда мера должна была [быть] решенной, мера внутреннего порядка, министр иностранных дел все останавливает опять, чтобы спросить позволения Европы... Теперь дело передано в департаменты и затянется на месяц; я тут ничего не смогу сделать»[4].

Заведенный делопроизводственный порядок строго соблюдался. По результатам общего собрания составлялись сравнительно подробные журналы и мемории, в которых кратко излагалась суть вопроса и ход обсуждения. Указывались и разногласия, если они возникли на заседании. Мемории предоставлялись на рассмотрение царя. В отличие от членов Государственного совета император скорее

---

[1] [*Ламздорф В.Н.*] Дневник В.Н. Ламздорфа. С. 65. Подобным решением был крайне недоволен К.П. Победоносцев: «Узнав о результате, он приходит в ярость, рвет, говорят, на себе остатки волос и, по-видимому, готов поносить бедного Мартенса, труд которого повлек за собой весь этот инцидент» (Там же. С. 66).

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 16.

[3] Там же. С. 18.

[4] [*Ламздорф В.Н.*] Дневник В.Н. Ламздорфа. С. 67. По словам Александра III, он в связи с этим делом «взмылил голову» великому князю Михаилу Николаевичу: тот «также пробует либеральничать и следовать этому направлению» (Там же. С. 68).

(хотя далеко не всегда) одобрял наличие разногласий, что развязывало ему руки, позволяло выбирать. Напротив, Александр III порицал министров, старавшихся «сгладить углы». Характерно, что император обосновывал весьма спорное назначение И.А. Вышнеградского членом Государственного совета тем, что тот будет возбуждать разногласия на его заседаниях[1]. Министры же, в свою очередь, не желали противоречить большинству «высокого собрания», не будучи абсолютно уверенными в поддержке царя. Зная о ней, они могли смело отстаивать свою точку зрения, расходившуюся с позицией остальных сановников[2].

Страницы мемории, где должна была стоять подпись царя, отмечались закладками. Более того, там обозначалась и формула надписи, которая ожидалась от государя. В случае наличия разногласий Николай II под списком лиц, с которыми он был согласен, писал «и Я». Единогласные решения Государственного совета безусловно им утверждались[3].

Впрочем, у императора не хватало времени знакомиться и с мемориями. Ведь порой они достигали внушительного размера: до 1500 страниц. При Александре III в практику вошло составление извлечений из мемориий, которые занимали буквально несколько строчек. Они писались собственноручно государственным секретарем. Сам факт их существования являлся тайной: никто не должен был знать, что император столь поверхностно знакомится с делами государственной важности[4]. Этого не знал даже председатель великий князь Михаил Николаевич. Император, вопреки просьбам Половцова, поведал тайну только К.П. Победоносцеву, будучи уверенным, что тот никому не расскажет[5]. При назначении государственным секретарем Н.В. Муравьева эта стыдливость была отброшена. Теперь извлечения перепечатывались и прилагались непосредственно к мемории[6].

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 460.

[2] *Он же*. Там же. Т. 2. С. 297.

[3] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 119. Член Государственного совета Н.Н. Селифонтов весьма скептически относился к этому законосовещательному учреждению: «Он утверждал, что члены не только не изучают, но и не читают дел, и голосования в Государственном совете называл лотереей. Самостоятельность членов Государственного совета он отвергал. Тогда, сам не быв членом этого собрания, я не доверял его словам, но впоследствии на опыте убедился в справедливости того и другого» (*Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 720).

[4] Эта практика сложилась еще в ноябре 1881 г., когда государственным секретарем был А.Е. Перетц [*Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 265–266].

[5] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 191.

[6] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 119.

Как уже говорилось, император мог утвердить любое мнение – и большинства, и меньшинства. Чаще царь солидаризировался с большинством. Правда, иногда случалось и обратное, что вызывало вполне объяснимое раздражение у членов Государственного совета. За все время царствования Александра III в Государственном совете в 57 случаях имели место разногласия. 38 раз император согласился с большинством, 19 раз – с меньшинством. При этом два раза Александр III солидаризировался с мнением одного члена Государственного совета: в 1887 г. – с военным министром П.С. Ванновским в вопросе о присоединении Таганрогского градоначальства и Ростовского уезда Екатеринославской губернии к Области войска Донского; в 1892 г. – с К.П. Победоносцевым при обсуждении законопроекта о преждевременности учреждения женского медицинского института в Санкт-Петербурге. В редких случаях император писал собственные резолюции, независимые от мнения большинства или меньшинства, например, при обсуждении вопросов о земских начальниках, уставе реальных училищ, уставе лечебных заведений[1].

Такие случаи не соответствовали представлениям о норме. Это были «чрезвычайные ситуации», возмущавшие «русских пэров» и подрывавшие значение законов. Бывший министр народного просвещения А.В. Головнин писал в августе 1883 г. Б.П. Мансурову о проекте нового Университетского устава: «Мне кажется, что дело так просто поставлено, успех так обеспечен за проектом, что всем другим членам странно терять время и труд бесполезно. Лучше заняться чем-либо другим, например, железнодорожным делом»[2]. В связи с этим же А.А. Половцов, будучи уже членом Государственного совета, писал великому князю Владимиру Александровичу: «Обратите, пожалуйста, внимание на то, что после сказанного мною вчера в заседании слов товарищ министра юстиции (по прежней своей службе знаток крестьянского дела) сказал, что признает справедливыми мои замечания, но министр внутренних дел, к которому я обращался, не удостоил меня единым словом ответа. Его поведение выражало ясно, что

---

[1] Государственный совет, 1801–1901. СПб., 1901. С. 185. Решения императора, принятые вопреки мнению большинства Государственного совета, вызывали серьезное раздражение в чиновничьей среде. В поддержке Александром III особого мнения К.П. Победоносцева в 1892 г. усматривался «сговор» царя с обер-прокурором Св. Синода. После заседания Государственного совета, когда была оглашена царская воля, адмирал Н.М. Чихачев подошел к министру иностранных дел Н.К. Гирсу со словами: «Грустно все это и к не добру поведет» (*Ламздорф В.Н.* Дневник, 1891–1892. СПб., 1934. С. 271–272).

[2] Письмо А.В. Головнина Б.П. Мансурову 09.08.1883 // ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 204. Л. 15 об.

все уже утверждено заранее и что не стоит понапрасну с нашей мелкотою время терять. Такие порядки едва ли укрепляют доверие к законодательству, к правительственной власти. Мы идем по опасному пути, подрывая доверие к последним сторонам правительственной деятельности, доселе его заслуживавшим. Конечно, недолго упразднить Совет указом, так как он упраздняется каждый день фактами, но хорошо ли это будет и для самодержавной власти, и для России»[1]. Схожим образом оценивал ситуацию видный чиновник (а в будущем министр) внешнеполитического ведомства В.Н. Ламздорф, возмущаясь тем, что император не проявлял особого уважения к процедуре принятия решений. 11 февраля 1892 г. он записал в дневнике: «Надо отдать справедливость нашему монарху. Он совершенный анархист, хотя и отстаивает страстно и упорно свои права самодержца. Это так называемое консервативное и властное царствование подорвало весь престиж власти и поколебало всякую дисциплину»[2].

Порядок обсуждения законопроектов в Государственном совете определял «рамки» работы ведомств, которым волей-неволей приходилось приноравливаться к требованиям высшего законосовещательного учреждения. Подготовленные ими проекты – по крайней мере, с формально правовой и литературной точки зрения – должны были соответствовать высоким стандартам Государственной канцелярии. Не случайно министр земледелия А.С. Ермолов (1894–1905) взял в качестве своего товарища (заместителя) статс-секретаря Департамента законов Государственного совета Ю.А. Икскуля фон Гильденбандта как человека, хорошо разбиравшегося в деле составления и редактирования законов. И это при том, что Икскуль имел весьма приблизительное представление о сельском хозяйстве и сам говорил, что «картофель-то он видал только в кушанье»[3].

Чиновники, обслуживавшие работу Государственного совета, были востребованы во всех ведомствах. Трудоустраивая их в своем министерстве, его руководитель, с одной стороны, получал квалифицированного помощника, с другой – обескровливал «высокое собрание», лишая его возможности предметно критиковать вносившиеся законопроекты. Не случайно С.Ю. Витте переманил товарища государственного секретаря В.Н. Коковцова в свое ведомство на должность товарища министра финансов. Коковцов, работая в Государственной канцелярии и хорошо зная финансовые вопросы,

---

[1] Письмо А.А. Половцова великому князю Владимиру Александровичу // ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 649. Л. 12–13.

[2] *Ламздорф В.Н.* Дневник, 1891–1892. М., 1994. С. 273.

[3] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 75.

помогал оппозиции Витте в Государственном совете – и советами, и материалами. Теперь оппоненты всемогущего министра оказались беспомощными[1].

Конфликт министров с Государственным советом проходит «красной нитью» через всю историю этого учреждения. Руководители ведомств побаивались его и имели на то все основания. В ежегодных отчетах Государственного совета обычно констатировался тот факт, что большинство внесенных дел было так или иначе рассмотрено этим учреждением. С формальной точки зрения это было верно. В действительности же речь шла о мелких, текущих делах. Важнейшие проекты долго ждали своей очереди, и их обсуждение занимало продолжительное время. Это, как и жесткие оценки министерских инициатив со стороны членов Государственного совета, стимулировало руководителей ведомств искать обходные маневры. Министр внутренних дел Н.П. Игнатьев прямо заявлял: «Не ездил и не буду ездить [в Государственный совет]... Скажу вам более – я не буду даже вносить представления в Государственный совет, а буду вносить в Комитет министров. Вы скажете, это незаконно... Может быть. А все-таки в случае надобности можно прибегнуть к комитету, испрашивая учреждение временных только правил». Так рассуждали многие сановники, в их числе К.П. Победоносцев[2].

Эта тактика приносила свои плоды. Важнейшие решения нередко миновали Государственный совет. Для обсуждения переселенческой политики Д.А. Толстой инициировал создание особого совещания[3]. Решение о проведении финансовой реформы С.Ю. Витте (введение золотого рубля) было принято Комитетом финансов и утверждено высочайшим указом[4]. В дальнейшем эта тенденция только усиливалась. Николай II предпочитал проводить неформальные совещания для обсуждения законопроектов. Как раз в ходе такого заседания споры шли о проекте Указа 12 декабря 1904 г.[5] Точно так же решение о преобразовании Министерства государственных имуществ и земледелия было принято в мае 1905 г. без всякого обсуждения в Государственном совете, что вызывало недоумение даже в императорской семье. «Самодержавие само подрывает собственное значение, нару-

---

[1] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 60.

[2] *Ремнев А.В.* Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 162.

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 234.

[4] *Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т. М., 2006. Т. 3: Денежная реформа, кредит и банковская система России. Кн. 1. С. 36–79, 277–279.

[5] Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1930. № 6. С. 102.

шая законность, вместо того, чтобы утверждать его», – записал в своем дневнике великий князь Константин Константинович[1].

Все это подводило даже консервативно мыслящих чиновников к пониманию неизбежности конституции в России. Еще в 1882 г. председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич, принимая министра народного просвещения И.Д. Делянова, отметил, что единственный выход из сложившегося положения – дать конституцию. Об этих словах дяди императора знал и К.П. Победоносцев, и М.Н. Катков[2]. Министр юстиции Н.В. Муравьев полагал невозможным сложившийся порядок, когда важные решения принимались в силу случайных обстоятельств, практически без всякой экспертизы: «Государь или признает полезным и необходимым вернуться к установленному в законе порядку и продолжать управлять Россией при помощи высших правительственных учреждений, или, если государь пожелает покоя и сложения с себя ответственности, то надо будет перейти к конституции»[3]. Недовольство сложившимся порядком высказывал и К.П. Победоносцев. В феврале 1904 г. он приводил пример Японии, где был свой «совет стариков» (имеется в виду Совет генро). В России слушали лишь советы «уличных негодяев»: Безобразова, Абазы и др.[4] Иными словами, и обер-прокурор Св. Синода приводил России в качестве примера конституционные порядки восточного соседа.

Труды и дни Государственной канцелярии

«Мариинский дворец был святилищем высшей бюрократии. В нем помещались Государственный совет с Государственной канцелярией, Комитет министров и его канцелярия и канцелярия по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых. В великолепных залах дворца, устланных бархатными коврами, обвешанных тяжелыми драпировками, уставленных золоченной мебелью, бесшумно двигались необыкновенно статные камер-лакеи в расшитых ливреях и белых чулках, разнося чай и кофе. В дни заседаний пленума (по понедельникам) царила какая-то взволнованная торжественность. Внушительные фигуры по большей части престарелых сановников в лентах

---

[1] Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1931. № 1. С. 132.

[2] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 9. Л. 143.

[3] Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1931. № 1. С. 84.

[4] [*Куропаткин А.Н.*] Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1924. № 5. С. 88.

и орденах – военные и придворные мундиры, – сдержанные разговоры – все создавало какую-то атмосферу недоступности, оторванности от низменной будничной жизни», – так вспоминал В.Д. Набоков, юрист, сын министра юстиции, сам видный общественный деятель, а в 1906 г. депутат Первой Государственной думы[1]. Некоторое время (правда, без особого успеха) он работал в Государственной канцелярии[2].

---

[1] *Набоков В.Д.* Временное правительство // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 1. С. 73.

[2] «Он (В.К. Плеве. – *К. С.*) был взыскателен и по отношению к любимцам. Одним из них был некоторое время служивший в младших должностях канцелярии, впоследствии видный “кадет”, Владимир Дмитриевич Набоков, сын бывшего министра юстиции Набокова. Считая себя по какому-то поводу обязанным отцу, под начальством которого в свое время служил, Плеве был исключительно благожелателен по отношению к сыну. Не только быстро назначил его на штатную должность в канцелярию, но и провел в камер-юнкеры. Набоков, хотя способный, но самовлюбленный и не в меру себя переоценивавший, тяготился медленностью карьеры и, поработав и показав, что может работать, стал от работы отлынивать, отдавшись другим перспективам, отчасти в области научного дилетантизма, отчасти общественной деятельности. В конце концов он вовсе бросил работать в канцелярии, продолжая, однако, оставаться в штате и получать жалование. Плеве его призвал. Отчитал в следующих примерно выражениях: “Владимир Дмитриевич, – сказал он, – вы, бесспорно, являетесь ценностью, но по отношению к канцелярии ценностью, к сожалению, лишь декоративного свойства. Мне думается, что как ни высоко учреждение, в котором вы фактически не служите, а которое только украшаете своим редким присутствием, вы все-таки и для него представляетесь роскошью непозволительною. Прошу вас сделать соответствующий вывод из этих слов”. Набоков подал прошение об увольнении» (*Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 118).

Впрочем, была и другая версия увольнения В.Д. Набокова, которую изложил в своих воспоминаниях С.Е. Крыжановский (он же ссылался на сведения, полученные от В.А. Лыщинского-Троекурова, на тот момент помощника статс-секретаря Государственного совета). В 1897–1898 гг. светлейшая княгиня Е.А. Грузинская (урожд. Безобразова) регулярно получала подметные письма, оскорбительные по содержанию. Кроме того, от ее имени рассылались приглашения на балы, которые она не давала. Наконец, однажды к ней явился директор цирка С. Чинизелли будто бы по ее приглашению: княгиня-де желала поступить в цирковую труппу. Утомленная и раздосадованная Е.А. Грузинская обратилась за помощью к государственному секретарю В.К. Плеве. Тот в свою очередь попросил разобраться в деле статс-секретаря Департамента законов барона Ю.А. Икскуля фон Гильденбандта. В результате непродолжительного расследования Икскуль вышел на след писавшего. Им оказался сотрудник Государственной канцелярии В.И. Рукавишников. Тот же признался, что составлял послания по наущению мужа сестры – В.Д. Набокова. Последний на все вопросы дерзко отвечал: «В высшем обществе подобные шутки вполне приняты». Оказалось, что отец В.И. Рукавишникова, И.В. Рукавишников, весьма богатый купец, страстно желал, чтобы его сын получил придворное звание. В случае камер-юнкерства сына Рукавишников-старший обещал выделить своему отпрыску значительную часть состояния, что крайне не устраивало Набокова. Тот и стал предпринимать меры по дискредитации шурина. В итоге Рукавишников был отчислен от Государственной канцелярии, а Набоков

Именно это учреждение отвечало за делопроизводство в Государственном совете, а также с 1893 г. занималось кодификационной деятельностью. Прежде всего в его задачи входила подготовка журналов заседаний департаментов высшего законосовещательного учреждения империи. В журналах излагалась сущность законопроекта, мотив его внесения, а также ход обсуждения. Фиксировались высказанные мнения, сделанные замечания. Текст должен был быть предельно кратким. Его следовало изложить буквально на нескольких страницах, что требовало особых навыков и даже талантов от чиновников канцелярии. В.И. Гурко по этому поводу цитировал Вольтера, который, «извиняясь за пространность своего письма, писал, что не имеет достаточно времени, чтобы быть кратким»[1].

Действительно составление журналов было особым искусством. Так, противоположные мнения, высказанные в ходе заседания, должны были быть изложены на одинаковом количестве страниц и даже строк. Если же разногласий не было, редактор фактически не был ничем стеснен. Он мог даже что-нибудь прибавить от себя для большей убедительности высказанных соображений[2]. При наличии разногласий мнение председателя и согласных с ним членов Государственного совета (неважно, составляли ли они большинство или меньшинство) ставилось вторым. Видимо, полагалось, что мнение, прочитанное последним, производит более сильное впечатление.

Преамбула к журналу, где излагалось представление министерства, почему-то называлась «колбасой». Ее полагали не слишком важной и к составлению этой части привлекали наиболее молодых сотрудников Государственной канцелярии. Далее шли общие суждения о законопроекте, затем – мнения о его отдельных статьях[3].

Нередкая расплывчатость, неопределенность журналов обусловливалась «жанровыми особенностями». Статс-секретарь Департамента законов Г.И. Шамшин на этот счет говорил: «Знаете, как ласточка, летая над водой, чуть-чуть задевает ее поверхность крылом, вот так и в журналах должны мы касаться существа дела; так чуть-чуть, тем самым ничем не связывая решений Совета по другим более или менее аналогичным делам». Шамшин сам редактировал журналы, фактически переписывая их. Его тексты вполне соответствовали заданным

уволен по прошению ([*Крыжановский С.Е.*] Воспоминания С.Е. Крыжановского // Bakhmeteff archive (BAR). Kryzhanovskii coll. Box. 2. Folder 6).

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 114.

[2] Там же. С. 114.

[3] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 79.

им самим требованиям: «гладко нанизанные слова, почти без всякого содержания». При этом он не обращал никакого внимания на редакцию законопроекта. Обычно он оставался в изложении составителя журнала[1]. Шамшин – весьма показательный пример, впрочем, не все объясняющий. Совсем иначе работал его предшественник (Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт) или, например, статс-секретарь Департамента промышленности и торговли Д.А. Философов. Икскуль стремился вникать в содержание законопроектов и ради этого он собирал особые совещания своих подчиненных, которые детально рассматривали каждый документ. Философов же, по словам Гурко, умный, талантливый, но крайне ленивый, по возможности передоверял работу своим способным сотрудникам. При этом он не считался с мнениями, высказанными в департаменте. Составленные при его участии журналы практически не соответствовали тому, что в действительности говорилось на заседании[2].

Это не был исключительный случай. Еще в 1850-е гг. канцлер К.В. Нессельроде выражал недоумение, что журнал заседания Комитета финансов даже противоречил тому, что в действительности говорилось. Составлявший его М.Х. Рейтерн парировал: «Но, граф, если бы я ограничивался только тем, что говорилось, то размер журнала не превзошел полстраницы»[3]. Примерно в то же самое время государственный секретарь Н.И. Бахтин объяснял одному из членов Государственного совета, почему в журнале его мнение было изложено недостаточно точно: «Должность государственного секретаря, Ваше превосходительство, весьма трудная, вот видите, нужно, чтобы было изложено в журнале все, что было говорено, и чтоб было умно». Еще более ехидное замечание позволил себе государственный секретарь Е.А. Перетц: при ознакомлении с «отчетами и мотивированными мнениями [Государственного совета]... можно предположить, что в Совете сидят чуть ли не Солоны; при публичности заседаний иллюзия совершенно исчезает»[4]. Многоопытный Д.М. Сольский на сей счет отмечал, что в журналах должно быть написано не то, что говорилось на заседании, а то, что должно было быть сказано[5]. В 1906 г.

---

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 115.

[2] Там же. С. 113–115.

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 348.

[4] В связи с этим Е.А. Перетц высказывался против публичного характера заседаний Государственного совета: «Совет так беден силами, что открытие для публики дверей его совершенно уронит это высшее у нас учреждение в мнении общества» [*Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 124].

[5] *Путилов А.С.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 94.

А.Н. Куломзин, в прошлом управляющий делами Комитета министров, вспомнил об одном случае, когда столкнулся с резким расхождением журнала Особого совещания о нуждах дворянского сословия (1897–1901) с тем, что говорил сам на его заседаниях. Правда, Куломзин, в отличие от Нессельроде, не подчинился канцелярии и отказался его подписывать[1].

Эту свободу «творчества» современный исследователь А.В. Ремнев определил как «искусство редактирования», которое предоставляло Государственной канцелярии большую власть[2]. Ведь Государственный совет никогда не утверждал точной редакции закона. В большинстве его резолюций говорилось: «В изменение и дополнение подлежащих статей Свода законов постановить...» При этом чаще всего не уточнялось, какие именно статьи имеются в виду[3]. По словам Гурко, в итоге точную редакцию закона формулировали чиновники Государственной канцелярии, которые пользовались в этом случае немалой свободой: «Внесенный ведомством проект подвергала [канцелярия] нередко коренной переработке, будто бы редакционной, но на деле часто затрагивавшей суть правил. Конечно, роль канцелярии ограничивалась подробностями, и основных крупных, а тем более политических сторон проекта она касаться не могла». При этом имея в виду, что большинство законов имели технический характер, следует признать, что Государственная канцелярия играла немалую роль в законотворчестве и многие правовые акты были написаны ее сотрудниками[4].

С 1893 г. Государственная канцелярия отвечала за кодификацию. Свод законов надо было периодически переиздавать, а следовательно, внимательнейшим образом просматривать все его 16 томов и каждый раз вносить все необходимые изменения. В сущности, чиновникам Государственной канцелярии приходилось делать ту работу, которая обычно приписывается законодательной власти – по своему усмотрению менять правовые акты, полагая ту или иную норму устаревшей. Государственный совет с этой задачей сам бы не справился. И что самое важное: император не должен был даже утверждать ре-

---

[1] *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 921.

[2] *Ремнев А.В.* Российское делопроизводство: от «науки фифиологии» к «искусству редактирования» (бюрократическое зазеркалье XIX столетия) // Документ в контексте истории: материалы II международной научной конференции. Омск, 2009. С. 17–28; *Он же.* «Власть канцелярии» и «искусство редактирования» в Имперской России XIX – начала XX вв. // Социальная история: Ежегодник. 2010. СПб., 2011. С. 160–188.

[3] *Лазаревский Н.И.* Закон и Свод // Право. 1899. № 37. 12 сентября. Стб. 1681–1682.

[4] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 112.

шения Государственной канцелярии. Ведь издание Свода законов было как будто исключительно техническим делом, в которое верховная власть не должна была вмешиваться[1]. Столь ответственная задача требовала чрезвычайно высокой квалификации со стороны сотрудников канцелярии, которыми стали видные правоведы: профессора Н.Д. Сергиевский, Н.М. Коркунов, К.И. Малышев и др.[2]

Всем этим немалым «хозяйством» заведовал государственный секретарь. Среди чиновников ходила шутка, что члены Государственного совета – ничто, его председатель – кое-что, а государственный секретарь – все. По словам Н.Н. Покровского, «должность государственного секретаря была в деловом отношении синекурой: на нем лежала больше политика, разговоры с членами Совета, их умиротворение и соглашение, если они очень разошлись, но дела у него было очень мало. Прибавьте к этому четырехмесячный вакант, прекрасную казенную квартиру на Литейном проспекте и почти министерское содержание: можно было жить и не умирать»[3].

Когда Александр III взошел на престол, он застал в должности государственного секретаря Е.А. Перетца (1878–1882), человека несимпатичного новому царю. Перетца сменил сенатор, опытный государственный служащий А.А. Половцов (1883–1892). Помимо всего прочего, он был очень богатым человеком[4]. Его жена, внебрачная дочь великого князя Михаила Павловича, была воспитанницей и наследницей банкира А.Л. Штиглица[5]. В силу этого обстоятельства Половцов чувствовал себя свободнее многих своих коллег: его благо-

---

[1] *Лазаревский Н.И.* Закон и Свод // Право. 1899. № 37. 12 сентября. Стб. 1684.

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 122.

[3] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 80. Правда, с такой постановкой вопроса явно бы не согласился А.А. Половцов. 11 января 1883 г., оставшись больным дома, он записал: «Сижу целый день дома и занимаюсь многочисленными, чуть ли не ежеминутно получаемыми делами. Надо читать и распределять входящие бумаги, назначать дела на доклад, исправлять журналы и т. д., словом, быть центром и организатором движения совокупных дел Совета» (*Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 32).

[4] Это, в частности, отмечено на карикатуре директора императорских театров И.А. Всеволжского «Сим знаком победил». Автор явно обыгрывает фразу, которая, согласно сочинениям Евсевия Кесарийского, отобразилась в небе рядом с образом креста перед взором пораженного императора Константина Великого накануне решающей битвы у Мульвиева моста в 312 г.: «ἐν τούτῳ νίκα» («Сим победиши!»). На карикатуре А.А. Половцов изображен с блестящей монетой в 5 руб. (*Ипполитов А.В.* Тузы, дамы, валеты: Двор и театр в карикатурах Всеволжского из собрания В.П. Погожева. С. 66–67).

[5] *Лизунов П.В.* Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб., 2014. С. 451–454.

состояние никак не зависело от государева жалованье, и он с удовлетворением сбросил с себя бремя службы, когда в 1893 г. его сменил Н.В. Муравьев (1893–1894). Последний был очень амбициозным государственным деятелем и в должности государственного секретаря долго оставаться не собирался, желая сменить ее на портфель министра юстиции[1]. Вместо Муравьева был назначен В.К. Плеве (1895–1902), который, правда, мечтал о другом кабинете – министра внутренних дел. Ведь долгое время Плеве был ближайшим сотрудником целой череды министров: М.Т. Лорис-Меликова, Д.А. Толстого, И.Н. Дурново. В итоге это назначение не обойдет его стороной, но станет роковым. Плеве будет убит в должности министра внутренних дел 15 июля 1904 г. В это время должность государственного секретаря занимал В.Н. Коковцов (1902–1904), будущий министр финансов и глава правительства. Его в свою очередь сменил барон Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт (1904–1909).

В руках государственного секретаря оказывались многие нити управления. В конце концов именно он говорил с императором от имени Государственного совета. Его председатель, великий князь Михаил Николаевич, против этого возражал, но ничего поделать не мог. Половцов, не желая раздражать великого князя, не столь часто встречался с царем, зато постоянно ему писал[2]. Ведь вся ответственность за подготовку журналов ложилась на плечи именно государственного секретаря. Половцов подчеркивал, что государственный секретарь – это секретарь не председателя Совета, а скорее даже императора. Его постоянное взаимодействие с царем позволяло последнему хоть как-то влиять на подготовку решений. В противном случае государь оказывался заложником уже принятых постанов-

---

[1] Муравьев блестяще учился, выдержал экзамен на кандидата и магистра права. Славу ему принесли выступления в качестве обвинителя на процессе о «первомартовцах». Будучи прокурором Московской судебной палаты, он заручился поддержкой генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, который организовал ему аудиенцию у императора, который проезжал через Москву. Муравьев представлял царю свой труд «Руководство волостным судам». В ходе беседы он выказал себя сторонником земских начальников и критиков Судебных уставов 1864 г., тем самым пленив царя. Александр III планировал его назначить товарищем министра юстиции, но встретил сопротивление со стороны Н.А. Манасеина. В итоге у императора созрел план назначить Муравьева государственным секретарем, чтобы затем сделать его министром юстиции. Этому назначению способствовало еще то, что Муравьев был родственником Черевина, ближайшего конфидента императора. Муравьев и Черевин часто засиживались в ресторане Кюба, который, по словам А.А. Половцова, «составляет нечто вроде биржи для устройства разных правительственных, финансовых, личных дел» (*Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 483).

[2] Там же. Т. 1. С. 30–31.

лений[1]. Государственный секретарь комментировал для императора прошедшее обсуждение в Государственном совете, рассказывал о заявленных позициях, выступлениях сановников, объяснял значение утвержденной резолюции и даже, вопреки всем процедурам и правовым нормам, вносил собственные законопроекты, предлагал государю решение, казавшееся ему оптимальным[2].

Наконец, государственный секретарь выступал посредником между членами Государственного совета, узнавал их мнения, добивался взаимных уступок, готовил почву для консенсуса, столь необходимого для успешной работы высшего законосовещательного учреждения. Например, в ноябре 1888 г. А.А. Половцов выстраивал стратегию действий большинства Государственного совета, недовольного проектами реформы местного самоуправления, задуманными Д.А. Толстым (в том числе об учреждении должности земских начальников). Половцов предложил заявить в ходе заседания контрпроект. Для этого следовало скоординировать действия сановников, что требовало предварительных непростых переговоров[3].

---

[1] Там же. С. 197–198.

[2] А.А. Половцов делал выписки из меморий для императора и, помимо этого, сообщал ему о ходе дискуссии на заседании Государственного совета. Эта информация была строго конфиденциальной. «Надеюсь, что Вы бросаете эти листки в огонь?» – спросил государственный секретарь Александра III о судьбе подготовленных им бумаг. «Нет, я сохраняю все, что Вы мне пишите, оно мне бывает полезным для справок, но никто этого не видит, бумаги эти лежат под ключом» (*Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 39). Можно лишь порадоваться, что в итоге был сохранен уникальный источник, замечательно характеризующий деятельность Государственного совета и сам процесс законотворчества.

Эта практика складывалась в годы царствования Александра III. При Александре II ситуация была иной. Е.А. Перетц описывал ее так: «Покойный государь был замечательно добросовестный работник. Все представлявшееся Его Величеству – а представлялась ему масса дел, в числе которых бывали и сложные записки, – рассматривалось безотлагательно... По заведенному издавна порядку, мемории Государственного совета должны быть на столе у государя во вторник, рано утром. Если мемория не слишком объемиста, т. е. листов 40–50, то я получал ее обратно к часам 4-м, если она более этого размера, листов до 80, то к вечеру, а если она еще толще, то на следующее утро. Замечательно, что государь не прерывал своих занятий и в путешествиях, читая дела [не только] на пароходах и железных дорогах, но даже и в городах, где оставался короткое время. Мне случалось высылать мемории в Харьков и Москву, где государь оставался проездом день или два. Мемории всегда рассматривались и возвращались безотлагательно, несмотря на то, что у государя бывало очень много другого дела, как, например, присутствие при богослужении, выход, смотр войскам, приемы местных властей, обеды и проч., а иногда и посещение учебных заведений, больниц и т. п.» [*Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 141–142].

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 107–111.

В.К. Плеве, занимая эту должность, предпочитал в непосредственную работу канцелярии не вмешиваться. Его безусловное влияние основывалось на знании закулисной стороны законотворческой работы, многочисленных связях и умении манипулировать людьми. Он был непременным членом особых совещаний Государственного совета, где рассматривались наиболее острые в политическом отношении вопросы. Причем эти совещания очень часто формировались при непосредственном участии самого Плеве. Слово государственного секретаря многое значило при выборе новых членов Государственного совета. По словам Гурко, Плеве фактически подбирал их из наиболее деятельных сенаторов. Он пользовался немалым влиянием на председателя великого князя Михаила Николаевича[1]. И, в конце концов, государственный секретарь многое значил при решении вопроса о назначении жалованья членам Государственного совета в период их продолжительного отпуска. Половцов настоял на том, чтобы жалованье в этом случае платилось лишь при наличии специального ходатайства. В противном случае значительные казенные средства переводились бы и так состоятельным лицам, никак не обремененным государственной деятельностью. В то же самое время многие чиновники действительно нуждались в деньгах. Иными словами, этот вопрос требовал индивидуального подхода, который не мог быть осуществлен императором без помощи государственного секретаря[2].

За государственным секретарем стоял сравнительно многочисленный аппарат. Конечно, особую роль в канцелярии играли статс-секретари департаментов, непосредственно руководившие их делопроизводством. Именно они докладывали обсуждавшиеся проекты председателям департаментов, что зачастую могло влиять на исход дела.

Сотрудники Канцелярии преимущественно работали дома, приезжая в Мариинский дворец лишь тогда, когда там заседал Государственный совет. В иные часы они являлись на службу как в своего рода клуб, где можно было попить чаю или кофе и обменяться слухами и обсудить новости. Чаще всего они собирались в читальне Государственного совета. На рабочем же месте были лишь писари и экспедиторы. Кроме того, там вычитывались корректуры журналов Совета и составлялись справки о назначенных к слушанию проектах, что обычно делали молодые люди, причисленные к канцелярии. Составление справок не было особенно трудным занятием. В этом случае в

---

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 124.

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 302–303.

полном смысле этого слова господствовал метод «ножниц и клея». Справки складывались из «вырезок» из действовавшего законодательства, после чего отправлялись в Государственную типографию и распечатывались в необходимом количестве. «Жертвами» канцеляристов становились многочисленные экземпляры Свода законов, которые изводились именно для этой цели[1].

«Для поступления в число причисленных к Государственной канцелярии нужно лишь высшее образование и личное убеждение государственного секретаря в возможности причисления. Всякого Вами рекомендованного я приму с великой радостью. Всего удобнее сделать это в январе. Следует явиться ко мне с бумагами и прошением», – писал графу С.Д. Шереметеву государственный секретарь Н.В. Муравьев 6 декабря 1892 г.[2] Иными словами, попасть в канцелярию было непросто[3]. Многое зависело от личного расположения ее руководителя. Эта служба была очень привлекательной для молодых амбициозных людей. Они получали четырехмесячной отпуск (ведь они не работали тогда, когда не заседал Государственный совет); свободно располагали своим временем; у них само собой складывались полезные знакомства с представителями бюрократического «олимпа», что было небесполезно для последующей карьеры. Некоторые даже почитали за честь быть причисленными к канцелярии[4]. Они не получали жалованья, но рассчитывали извлечь иные выгоды из своей службы. В.К. Плеве в шутку называл их «знатными иностранцами». Государственные секретари старались по мере возможности отказываться от их услуг. В марте 1883 г. А.А. Половцов поставил вопрос об отчислении от канцелярии 40 человек, которые не несли никаких обязанностей, а некоторые даже и не проживали в Петербурге, и вместе с тем получали чины и ордена[5]. Впрочем, был и другой случай. Некоторые сотрудники канцелярии – так называемые аспиранты, причисленные к канцелярии без жалованья, долгое вре-

---

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 110–111.

[2] Письмо Н.В. Муравьева С.Д. Шереметеву 6.12.1892 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1139. Л. 8 об. – 9.

[3] К 1898 г. в Государственной канцелярии служили 224 чиновника (*Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи, 1906–1917. М., 2006. С. 28).

[4] Как писал В.Б. Лопухин, «служба была интересная и обставлена исключительно приятными условиями. Интерес заключался в том, что служащие являлись свидетелями, а работой своей и участниками совершавшихся важнейших государственных актов. Перед ними в заседаниях Государственного совета проходили все министры» (*Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 107).

[5] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 78.

мя трудились на ниве государственной службы и вместе с тем ждали, когда освободится штатная должность. Правда, даже тогда, когда это случилось бы, они не могли рассчитывать на решение всех своих финансовых проблем. Ведь жалованье в Государственной канцелярии заметно уступало тому, на которое мог рассчитывать чиновник в любом министерстве. Плеве выделял и другую категорию лиц в подведомственном ему учреждении: «белые рабы», на которых ложилось основное бремя работы. Однако прежде всего они продвигались вверх по карьерной лестнице. «Фаворитизма, продвижения по протекции, по крайней мере, на ответственные должности, не было, да оно и было невозможно: работа канцелярии требовала значительного умственного развития, большого навыка и немалого труда. Если дни у работающих чинов канцелярии могли быть более или менее свободными, то зато вечера и даже ночи сплошь проводили они за письменным, правда, собственным столом»[1].

В Государственной канцелярии не чувствовалась строгая субординация. Статс-секретарь департамента воспринимался скорее как старший товарищ, чем как начальник[2]. Встречи сотрудников Государственной канцелярии со статс-секретарем более напоминали собрания завсегдатаев салона, нежели аудиенцию у руководителя. «Мягкая мебель, тяжелые портьеры, ковры, картины, бронза. В стороне одинокий письменный стол. Садились на мягких креслах вокруг крытого тканной скатертью другого центрального круглого стола. Непринужденно курили. Дворцовые служители в ливрейных фраках с позументами и аксельбантами, в чулках и башмаках обносили нас чаем с печеньем»[3].

Такая атмосфера объяснялась как традициями учреждения, так и тем, что его сотрудники были связаны общим делом, требовавшим немалых знаний и исключительных умений. В их среде формировалось своего рода братство, в которое было непросто попасть. Только в канцелярии «путем постепенного со времен Сперанского усовершенствования форм делового изложения выработались традиционно передаваемые от поколения к поколению приемы казенного писания и канцелярский стиль, поистине образцовые. Богатство содержания в немногих словах. Преимущественно короткие предложения. Много точек. Мало запятых. Умелые переходы от одной мысли к другой. И умение связывать отдельные абзацы в непрерывной текучести из-

---

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 112–113.

[2] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 108.

[3] Там же. С. 116.

ложения. Тщательная всесторонняя разработка основной темы, краткая, но сильная аргументация деталей. Стиль достойный, строгий, но простой, отнюдь не выспренний, не архаический, не смешной, как бывала смешна канцелярская бумага. Воздержание от повторения в близких предложениях одних и тех же слов. Строгость, убедительность и в то же время образность слова. Умение привести в стройную систему правила редактируемого закона, формулировать каждое правило настолько ясно, чтобы не могло возникнуть сомнений в его понимании и толковании. Писание, основанное на тщательном изучении прецедентов, опирающееся на солидное знакомство со всем действующим законодательством»[1].

Работа в Государственной канцелярии могла показаться простой только человеку со стороны. Да, ее сотрудники справлялись со своими обязанностями не в Мариинском дворце, а преимущественно дома, но трудиться там приходилось немало. Журналы по мелким законопроектам требовали скорейшей разработки. Сроки для подготовки «крупных журналов» не были указаны. Но это был очень кропотливый труд, предполагавший «отделку» весьма объемных текстов: в них могло быть более 200 страниц[2].

Эта служба многому учила. У чиновников, прошедших школу Государственной канцелярии, были заведомые преимущества перед их коллегами. Они имели уникальный навык написания законодательных актов. Когда в 1902 г. перед В.И. Гурко встала задача подготовки проекта крестьянского общественного самоуправления, он не мог в полной мере рассчитывать на своих ближайших сотрудников – Я.В. Литвинова и Г.В. Глинку. Бывшие непременные члены губернских присутствий не были готовы к такой работе[3].

Умение составлять законопроект приносило немалую выгоду опытным бюрократам. Товарищ министра юстиции П.А. Марков в 1887 г. рассказал А.А. Кирееву о подготовке ипотечного устава. Его начали готовить еще в 1864 г. и уже через полтора года внесли в Государственный совет. Оттуда его вернули в Министерство юстиции для дополнений. Спустя 20 лет был внесен новый документ. В прежнем законопроекте было 200 статей, в обновленном – 900. Он еще не был принят, а Марков с 1886 г. получал пенсию в 1500 руб. за его составление[4].

---

[1] Там же. С. 110.

[2] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 79.

[3] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 166.

[4] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 11. Л. 6.

Наконец, в Государственной канцелярии ковались кадры министров. К началу XX столетия в ней служило более 200 человек. Из них одиннадцать впоследствии стали руководителями ведомств: В.Н. Коковцов – председатель Совета министров и министр финансов, Д.А.Философов – государственный контролер и министр торговли, П.М. фон Кауфман – министр народного просвещения, П.А. Харитонов – государственный контролер, А.Ф. Трепов – министр путей сообщения и председатель Совета министров, А.С. Стищинский – главноуправляющий землеустройством и земледелием, С.В. Рухлов – министр путей сообщения, князь Д.П. Голицын – главноуправляющий ведомством императрицы Марии, барон Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт – государственный секретарь. Сами же государственные секретари – Н.В. Муравьев, В.К. Плеве и В.Н. Коковцов – ушли из канцелярии один министром юстиции, другой – внутренних дел, третий – финансов[1].

Государственную канцелярию недолюбливали руководители ведомств, которые часто оказывались в полной зависимости от нее. О ней сплетничали и злословили. В начале 1880-х гг. бывший министр внутренних дел А.Е. Тимашев распространял слухи, что Государственная канцелярия – «гнездо революционеров»[2]. Об этом же специально говорил председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич с только что назначенным государственным секретарем А.А. Половцовым[3]. Схожего мнения придерживался и сам Александр III, который отметил Половцову: «Я сидел в Государственном совете, будучи великим князем, и уже тогда меня коробило от направления, которое получили дела благодаря стараниям Государственной канцелярии... Я надеюсь, что Вы дадите делу другое направление и перемените состав Государственной канцелярии»[4]. Половцов предпочел в этом деле не торопиться, желая сохранить в своем ведомстве квалифицированных чиновников, на которых, правда, продолжали «сыпаться» различные обвинения.

Действительно, канцелярия задерживала обсуждение нового Университетского устава. Весной 1883 г. она не спешила рассылать его проект членам Государственного совета, и те могли вполне резонно возражать И.Д. Делянову, настаивавшему на ускоренном рассмотрении документа. Министру народного просвещения ничего не

---

[1] *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906: Воспоминания // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 17.

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 25.

[3] Там же. С. 26.

[4] Там же. С. 29.

оставалось, как сдаться: «Он что-то бормотал, но не счел нужным сколько-нибудь энергически протестовать против столь бесцеремонного обращения с его проектом»[1]. И впоследствии, в 1884 г., Государственная канцелярия задерживала ход законотворческой работы при утверждении нового Устава. Это возмущало Н.А. Любимова еще в январе 1884 г. Немногое изменилось к концу апреля. 24 апреля Н.А. Любимов писал М.Н. Каткову: «Университетский устав тянут в канцелярии самым отвратительным и наглым образом. Великий князь Михаил Николаевич спрашивал на днях статс-секретаря Железникова, что же не доставляет протоколов. Тот ответил: повесьте меня, если дело не будет кончено к концу мая. Но до сих пор ничего не прислано и, как оказалось, ничего не печатано. Если пришлют Бог знает что в мае – что же будем делать? Очевидно, надо будет переписать вновь свое и стоять твердо»[2].

Обвинения в адрес Государственной канцелярии звучали и в периодической печати: прежде всего на страницах «Московских ведомостей», что не могло не возмущать государственного секретаря А.А. Половцова. 8 мая 1884 г. он писал К.П. Победоносцеву: «Конечно, г. Катков не мог слышать моих разговоров и внушений моим подчиненным, не мог сравнить массы лежащей на них работы со средствами, нам уделенными, конечно, он не в состоянии знать таких фактов, как, например, что по недостатку канцелярских средств я отдал свое собственное жалованье на усиление канцелярской суммы для ускорения переписки по рассматриваемым ныне делам, следовательно, в том числе и университетского дела»[3].

Случай с Университетским уставом – отнюдь не единственный, когда канцелярия задерживала принятие решения. Так, 20 мая 1885 г. было постановлено облагать налогом железнодорожные акции. Однако эта норма могла начать действовать лишь при наличии списка тех предприятий, которые не подлежали налогообложению. Он же был составлен лишь через полтора года, на чем казна потеряла 1 млн 200 тыс. руб.[4]

Периодически в «высших сферах» ставился вопрос: откуда газетчикам становилось известным обо всем происходившим на заседаниях Государственного совета. Опять же подозревали «неблагонадежных»

---

[1] Письмо Е.М. Феоктистову М.Н. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 36. Л. 42 об. – 43.

[2] Письмо Н.А. Любимова М.Н. Каткову 24.01.1884 // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 116–118.

[3] К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 2. С. 19.

[4] *Скальковский К.А.* Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Т. 1. С. 10.

чиновников канцелярии. Государственный секретарь Е.А. Перетц всякий раз был вынужден отводить подозрения от своих сотрудников, утверждая, что скорее всего сами чересчур разговорчивые члены Совета, захаживая в Английский клуб, сообщали сокровенные тайны из жизни высшего законосовещательного учреждения империи[1].

Скорее всего Перетц был прав. Обвинение было несправедливым. И в дальнейшем, в начале XX в., чиновников Государственной канцелярии обвиняли в излишней болтливости или в недобросовестности тогда, когда в действительности все тайны разглашали сами министры[2]. Тем не менее это обвинение само себе весьма красноречиво. Молодые люди, в сущности начинающие чиновники, волею судеб оказались в самом центре государственной жизни России. Они знали многие ее секреты, а главное, во многом вершили судьбу страны. Представители новой генерации квалифицированной бюрократии были незаменимыми, несмотря на все предубеждение старшего поколения. В системе постоянного делегирования полномочий – от высшего к низшему – на них «сваливались» вопросы огромной важности, казалось бы, не соответствовавшие их сравнительно невысокому статусу.

Комитет министров и прочие комитеты. Безвластное правительство

На рубеже веков Мариинский дворец был символом правительственной власти. В центре и правом крыле дворца заседал многолюдный Государственный совет, в левом – собирался Комитет министров, коллегия глав ведомств, которая правительством не являлась.

В России не было правительства в полном смысле этого слова. Само понятие вызывало раздражение у Александра III. Действительно, в империи не было объединенного кабинета, способного координировать действия министров. Каждый из них вел свою игру, рассчи-

---

[1] *Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 280–281.

[2] О проведенном расследовании по поводу проникновения в газеты сведений, печатаемых в государственной типографии для Совета министров и Канцелярии Е.И.В. по принятию прошений // РГИА. Ф. 1162. Отдел личного состава и общих дел. Оп. 2. 1909. Д. 2. Л. 70–71, 77, 81–82. Эта тема периодически возникала на заседаниях высших законосовещательных учреждений империи. Еще 20 ноября 1869 г. на заседании Совета министров Александр II «начал с того, что требует молчания о происходящем в Совете и что если по городу об этом будут говорить, то значит, что в Совете есть изменник» (Дневник великого князя Константина Николаевича. 20.11.1869 // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 97. Л. 38).

тывая добиться чего-нибудь для себя и для своего ведомства[1]. Даже близкие по взглядам министры непримиримо враждовали друг с другом. Это касалось обоих аспектов их деятельности: законотворческой и собственно административной, управленческой. В сфере законотворчества некоторые видели в этом немалое достоинство политической системы Российской империи. Так, по мнению Половцова, правительственное единство необходимо лишь при конституционном строе, когда министры должны действовать солидарно, отстаивая интересы своих ведомств в парламенте. В России в этом не было нужды. Не следовало создать искусственного единства. Каждый должен был иметь возможность высказать свою точку зрения, и в ходе дискуссии законопроекты совершенствовались бы, выбирался бы оптимальный путь развития страны[2].

В административной сфере отсутствие правительственного единства в большинстве случаев воспринималось как очевидный недостаток. Казалось бы, министры, зависимые от одного императора, должны были действовать солидарно и представлять примерно один курс. Вроде бы царствование Александра III хорошо иллюстрировало этот «факт». Тогда среди читающей публики господствовало представление, что страной будто бы управлял триумвират, состоявший из К.П. Победоносцева, графа Д.А. Толстого и издателя газеты «Московские ведомости» М.Н. Каткова. «Как это было мало похоже на правду! – вспоминал Е.М. Феоктистов (в 1883–1896 гг. начальник Главного управления по делам печати). – Мнимый союз трех названных лиц напоминал басню о лебеде, щуке и раке. Относительно основных принципов они были более или менее согласны между собой, но из этого не следует, чтобы они могли действовать сообща. М.Н. Катков кипятился, выходил из себя, доказывал, что недостаточно отказаться от вредных экспериментов и обуздать партию, которой хотелось бы изменить весь политический строй России, что необходимо проявить энергию, не сидеть сложа руки; он был непримиримым врагом застоя, и ум его неустанно работал над вопросом, каким образом можно было бы вывести Россию на благотворный путь раз-

---

[1] Еще будучи наследником престола, в январе 1880 г. Александр III сетовал на отсутствие консолидированной правительственной власти: «Я нахожу, что мы находимся теперь в положении почти невозможном. Не говоря уже о генерал-губернаторах, из которых некоторые творят Бог весть что, я не могу не сказать, что единства нет и между министрами. Все идут вразброд, не думая об общей связи. Мало того, некоторые из них думают больше о своем кармане, чем о ведомстве, которое им поручено» [*Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 75].

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 20.

вития. Граф Толстой недоумевал, с чего же начать, как повести дело; он был бы и рад совершить что-нибудь в добром направлении, но это что-нибудь представлялось ему в весьма неясных очертаниях; что касается Победоносцева, то, оставаясь верным самому себе, он только вздыхал, сетовал и поднимал руки к небу (любимый его жест). Неудивительно, что колесница под управлением таких возниц подвигалась очень туго»[1]. Таким образом, некому было взять на себя роль «первой скрипки». Между «претендентами» на это «звание» согласия не было. Все это позволяло утверждать П.А. Валуеву, что во времена Александра III в России фактически не было правительства, о котором можно было говорить в предыдущее царствование – в период доминирования, например, графа П.А. Шувалова или М.Т. Лорис-Меликова[2].

«Триумвиры» единого политического курса не представляли и, более того, нередко препятствовали реализации законодательных инициатив друг друга. Так, Победоносцев воспротивился коренной ломке судебных учреждений, которую требовал Катков. Обер-прокурор Св. Синода противодействовал утверждению проекта Университетского устава в первоначальной редакции. В итоге издатель «Московских ведомостей» относился к Победоносцеву крайне критически, имея на это все основания[3]. Без всякой симпатии отзывался о Победоносцеве и Д.А. Толстой. Причиной тому был известный факт, что обер-прокурор подверг ревизии важнейшие мероприятия в сфере духовного образования, реализованные Толстым в бытность его главой Синода[4]. Встречая недоброжелательство со всех сторон, как будто бы всесильный Победоносцев старался избегать общения, реже появлялся на публике, постепенно уходил от дел. В феврале 1886 г. Е.М. Феоктистов писал: «Он еще более съежился, замкнулся в свою скорлупу и доводит это даже до непонятной крайности... Он ни единого раза не был ни в Государственном совете, ни в Комитете министров»[5].

---

[1] *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 221. В письмах к М.Н. Каткову Е.М. Феоктистов так описывал графа Д.А. Толстого: «Впечатление это [от Д.А. Толстого] очень тягостное. Болтает он неукротимо, но из болтовни этой видно только, что у него нет ничего, решительно ничего, никакой программы, никакой системы» (Письмо Е.М. Феоктистова Н.М. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 37. Л. 22 об.). При этом министр внутренних дел побаивался своих коллег по правительству, Государственному совету: а именно Д.Н. Набокова, Д.М. Сольского (Там же. Л. 23).

[2] Письмо Е.М. Феоктистова Н.М. Каткову 02.04.1884 // ОР РГБ. Ф. 120. К. 38. Л. 17.

[3] *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы // За кулисами политики. М., 2001. С. 146.

[4] Там же. С. 146.

[5] Письмо Е.М. Феоктистова Н.М. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 36. Л. 47 об.

Вопреки историографическим штампам и поэтическим клише у Победоносцева среди хорошо знавших его современников была репутация вечно колебавшегося человека, не отличавшегося сильной волей. Как писал в дневнике А.А. Киреев, «Победоносцев – человек без воли, делающий не то, что говорит, и даже, что желает сделать»[1]. Управляющий канцелярией МВД А.Д. Пазухин полагал, что Победоносцев находился под влиянием более сильных личностей, способных подавить его волю: например, Н.А. Манасеина. «Это [Манасеин] человек умный, с сильным характером и страшно самолюбивый. Раз высказавшись против самих оснований реформы, он не отступится от этого мнения и будет держать в плену ум и слабую волю Константина Петровича [Победоносцева]»[2]. Именно поэтому в феврале 1884 г. граф Д.А. Толстой возражал против того, чтобы обер-прокурор Св. Синода стал попечителем наследника – цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II). «Толстой обвиняет Победоносцева в недостатке характера и утверждает, что при таком назначении питомец будет танцевать на голове у попечителя»[3]. Впрочем, и Победоносцев не оставался в долгу. Он критиковал Толстого тоже за безволие[4].

Среди «триумвиров» была одна странная для бюрократического мира фигура – не государственный, а скорее общественный деятель М.Н. Катков. Он хотя бы в силу специфики своего положения имел неоднозначную репутацию. Толстой не жаловал его и отзывался о нем чрезвычайно резко. «Это свинья, которую я не пускаю к себе», – говорил министр внутренних дел об издателе газеты «Московские ведомости»[5]. Катков отвечал ему взаимностью, обвиняя министра в безделье и отсутствии всякой инициативы[6]. Министру народного просвещения И.Д. Делянову он обещал привести дамский

---

[1] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 9. Л. 14 об.

[2] Письмо А.Д. Пазухина М.Н. Каткову 31.03.1886 // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 102.

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 203.

[4] Там же. Т. 2. С. 7. Примечательно, что товарищ министра внутренних дел И.Н. Дурново в октябре 1886 г. говорил князю В.П. Мещерскому: «На графа Толстого не пеняйте; он теперь и боязлив, и нервен, и нерешителен» (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 377).

[5] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 286.

[6] См.: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). С. 222–223. Эта точка зрения основывалась в том числе на «донесениях» Е.М. Феоктистова. В частности, последний писал о Толстом: «Болтает он неукротимо, но из болтовни этой видно только, что у нет ничего, решительно ничего, никакой программы, иначе системы» (Письмо Е.Ф. Феоктистова М.Н. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 37. Л. 22 об.).

чепчик, отмечая его женскую податливость при обсуждении нового Университетского устава[1].

Таким образом, «триумвиры» друг друга не любили и, более того, враждовали между собой. Наконец, само их выделение среди прочих министров грешит против истины. Расстановка сил в ближайшем окружении императора была намного сложнее. Так, например, было бы неверным упускать из виду чрезвычайно влиятельного, но вместе с тем оказывавшегося в тени министра государственных имуществ М.Н. Островского[2] (кстати, брата драматурга А.Н. Островского), который недолюбливал и Победоносцева, и Толстого. Они тоже ему не симпатизировали[3].

При столь сложных отношениях внутри правительства министров должен был объединять сам император. Однако на практике такого не было. У императора не хватало сил держать в своих руках все нити управления постоянно усложнявшегося государственного аппарата. О необходимости объединенного правительства постоянно говорили, но практически ничего для этого не делали[4]. Эта тема была поднята на совещании министров под председательством императора 21 апреля 1881 г. Тогда говорилось о необходимости консолидированного кабинета, способного отстаивать общий политический курс[5].

---

[1] *Валуев П.А.* Дневник, 1877–1884. Пг., 1919. С. 225.

[2] По мнению А.А. Киреева, М.Н. Островский был самым серьезным человеком в правительстве (*Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 9. Л. 14 об.).

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 72. Островский недолюбливал Толстого и до его назначения министром внутренних дел. Отношение же к К.П. Победоносцеву до поры до времени было другим. 21 апреля 1880 г. М.Н. Островский писал брату: «Поздравляю я тебя, милый Саша, со светлым праздником, который на этот раз будет для многих радостнее обыкновенного, так как он совпал с увольнением графа Толстого от должности министра народного просвещения... Одна бесспорно хорошая сторона в удалении гр. Толстого, это назначение на оставленный им пост обер-прокурора Св. Синода Победоносцева. Последнего я хорошо знаю и люблю. Он употребит все меры, чтобы поднять нравственное значение духовенства, обеспечить его материальное положение и придать нашему богослужению то благолепие, которое оно в последнее время так осязательно стало утрачивать» (Письмо М.Н. Островского А.Н. Островскому 21.04.1880 // АРО ГЦТМ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 718. Л. 1).

Характерно, что государственный контролер Т.И. Филиппов весьма критично оценивал своих коллег по правительству. Так, Победоносцева с Катковым он полагал «миниатюрным изображением зверя со змием», «коим дано “творити пакость три лета и пол”». Каткова он уподоблял Иуде, а в Победоносцеве видел едва ли не предвестника Антихриста (*Фетисенко О.Л.* «Ревнители охранения обуреваемых святынь». О переписке К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова // Пророки византизма. СПб., 2012. С. 31).

[4] *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х гг. до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 194–198.

[5] *Валуев П.А.* Дневник, 1877–1884. Пг., 1919. С. 161.

В январе 1885 г. К.П. Победоносцев предлагал царю воссоздать Совет министров для обсуждения важнейших дел[1]. Обер-прокурор Св. Синода был не единственным, кто напоминал царю об этом учреждении из времен предыдущего царствования. В 1902 г. о необходимости консолидации правительства говорил и С.Ю. Витте[2]. Эта проблема ощущалась на всех этажах власти. За несколько дней до своей кончины министр внутренних дел В.К. Плеве заверял одного из губернаторов: «Делайте так, а правительство вас поддержит». Провинциальному администратору оставалось лишь заметить: «Ваше высокопревосходительство, не будете ли вы так добры указать адрес правительства». Плеве улыбнулся: «Вы все шутите. Я вам серьезно говорю»[3].

Впрочем, отсутствие правительства не обозначало, что в России отсутствовала коллегия министров. Она была и играла определенную роль в системе управления. Комитет министров был учрежден еще в 1802 г. Как отмечалось, в период царствования Александра II существовал еще и Совет министров, который проводил свои заседания под председательством самого императора. Александр III публичности не любил и на подобных заседаниях предпочитал не присутствовать. Таким образом, в период правления Александра II прошло 141 заседание Совета министров. При его преемнике – два: в 1881 и 1882 гг.[4] Фактически Совет министров прекратил свое существование. Оставался лишь Комитет. К.П. Победоносцев охарактеризовал Комитет министров как учреждение исключительно канцелярское[5].

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 324.

[2] *Куропаткин А.Н.* Дневник // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1871. Л. 72.

[3] *Суворин А.С.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). С. 139.

[4] Ведомость о заседаниях Совета министров за 1857–1882 гг. // РГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 109. Л. 2. См. также: *Чернуха В.Г.* Совет министров в 1861–1882 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. № 9. С. 90–91. Как справедливо отмечает В.Г. Чернуха, уже с 1872 г. заседания Совета министров было редкостью (Там же. С. 91).

[5] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 103. В 1904 г. К.П. Победоносцев так в письме С.Ф. Шарапову охарактеризовал свое влияние на государственные дела и одновременно роль Комитета министров: «Знайте и говорите всем, что я вот уже 9 лет вдали от всех дел и советов и не принимаю никакого участия в делах государственных, кроме церковных дел, никаких записок не подаю и никто меня не спрашивает. Езжу в Комитет министров. Но здесь никакие государственные дела не обсуждаются» (Письмо К.П. Победоноцева С.Ф. Шарапову 19.11.1904 // Архив РАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 616. Л. 75). Схожим образом он описал ситуацию в письме к С.Ю. Витте от 25 декабря 1904 г.: «Вы сами указываете рану: “Отсутствие определенной, сильной, знающей – что хочу власти?” Эту власть мы не в силах восста[но]вить: она лежит безвольная, без сознания и без опоры, и представитель ее – министр – сидит теперь в Комитете без слова и без движения. Но будучи бессильны в этом, мы все-таки должны охранять саму идею и сам принцип власти, ибо без этого нет спасения нигде, а

По словам А.А. Половцова, «это ничто иное, как присутственное место, за редкими исключениями ведающее довольно пустые дела в ущерб серьезной части занятий обязанных присутствовать здесь министров»[1]. Более того, с 1881 г. полномочия Комитета министров только сокращались[2]. Дела передавались Государственному совету. Административные оставались в Комитете. Так, в 1881 г. он отказался рассматривать дело о временном приостановлении деятельности земских учреждений в Донской области. В дальнейшем не стал обсуждать вопрос о выплате жалования профессора словесности в Варшавском университете, о сооружении в Крыму шоссе от Симферополя до Керчи, об улучшении тюрем в Закавказье, об установлении штатов временных учреждений и т. д.[3] Конечно, таких решений не могло быть очень много. В 1882 г. – 4, в 1886 – 5, в 1890 – 4, в 1893 – 35[4]. Примечательно, что в некоторых случаях руководителям ведомств были делегированы полномочия Комитета министров. Так, например, с 1884 г. министр государственных имуществ мог самостоятельно утверждать уставы обществ охоты. Министры народного просвещения, юстиции, управляющий Морским министерством могли по согласованию с министром финансов утверждать уставы ссудосберегательных касс[5].

Это объяснялось простым: Комитет министров и так был перегружен делами. В 1882 г. в Комитет министров поступило 1831 дело. В том же году были рассмотрены 1839 дел (в данном случае учитывались и прошлогодние проекты, с которыми не справились в 1881 г.). Неоконченных дел оставалось 7. Исходящих бумаг было подготовлено 2631. В 1886 г. поступило 1520 дел. Было рассмотрено 1570. 26 дел

тем паче в России» (Письмо К.П. Победоносцева С.Ю. Витте 25.12.1904 // Bakhmeteff archive (BAR). Witte coll. Box. 1).

[1] Записка А.А. Половцова // ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 649. Л. 34 об.

[2] В сфере компетенции Комитета министров были следующие дела: общего спокойствия и безопасности (о запрещении выпуска «вредных» периодических изданий, о воспрещении сообществ, об установлении мер исключительной охраны); о народном образовании; об устройстве путей сообщения; об учреждении акционерных компаний; о расколе и миссионерских обществах; о назначении пенсий; об утверждении штатов; об отводе лицам казенного имущества; о записках финляндского генерал-губернатора, касающихся прочих частей империи; о надзоре за органами местного самоуправления; о надзоре за деятельностью губернаторов и губернских правлений (*Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 2. С. 251–252).

[3] *Тхоржевский И.И.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 4. С. 2–3.

[4] Там же. С. 472.

[5] Там же. С. 35–36.

остались на следующий год. 2589 исходящих бумаг были подготовлены Комитетом министров. В 1890 г. были внесены 1405 дел. Решения были приняты по 1423 делам. 63 дела остались неоконченными. 2388 исходящих бумаг вышли из Комитета министров. В 1893 г. были внесены 1416 дел. 1399 дел были рассмотрены. 46 предстояло обсудить в будущем году. В результате работы Комитета министров было подготовлено 2521 исходящее дело[1]. Таким образом, в Комитет министров вносилось все меньше дел (да и заседаний становилось меньше: в 1882 г. – 48, в 1886–39, в 1890–31, в 1893–34). Количество исходящих бумаг оставалось стабильным. Это характеризует деятельность этого учреждения: оно должно было справляться с растущим объемом технической работы при сокращении министерских представлений, вносимых в Комитет министров.

Еще более характерны сведения о решениях Комитета министров. В 1882 г. из 1128 министерских представлений 881 было принято без всяких изменений. В 110 проектов была внесена правка. В семи случаях Комитет не согласился с руководителем ведомства. 13 дел возвращены в министерства. В 1886 г. из 999 ведомственных инициатив 702 были безусловно утверждены. В 133 дела были внесены изменения. В четырех случаях Комитет министров разошелся во мнении с руководителем ведомства. 18 дел были возвращены в министерства. В 1890 г. из 952 министерских предложений было принято без всякой правки 671 предложение. 168 дел были отредактированы. Восемь ведомственных инициатив были отвергнуты Комитетом министров. В 1893 г. из 858 предложений министерств 618 были приняты, 79 – с изменениями и дополнениями. Шесть проектов Комитет министров не принял, десять вернул в ведомства[2]. Таким образом, абсолютное

---

[1] Там же. С. 471.

[2] Там же. С. 472. Характерные особенности принятия решений в Комитете министров отмечались М.А. Корфом еще в 1838 г.: «Уважения взаимной снисходительности резко доказываются многими решениями, данными при представляющем министре, в сравнении с теми, которые постановляются без него. В первом случае никто не принимает на себя произнести осуждение первый; в последнем никто от этого не удерживается: ибо журнал подписывают все и отсутствующему не может быть известно, от кого пошло опровержение... Представления некоторых министров, при них доложенных, по личному их влиянию, по степени их доверия, которым они пользуются от государя, всегда почти безусловно утверждаются. Есть члены, которые в начале доклада, или даже перерывая его, всегда спрашивают: “Чье это представление?”» (*Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 162). Предопределенность решения обусловливала особенности заседаний: «Господствующий характер этого слушания есть совершенное равнодушие к предлагаемым делам и нетерпеливое ожидание конца заседания. Некоторые члены подписывают в Комитете привозимые с собой бумаги и отправляют разные частные записочки, другие выбирают это время для нужных между собой совещаний по делам совсем посторонним, иные читают даже газеты» (Там же. С. 163).

большинство правительственных инициатив утверждалось в Комитете министров, что подтверждает распространенное в конце XIX – начале XX в. мнение о нем как о сугубо техническом учреждении.

Это была общая и вполне обоснованная точка зрения. Когда на заседании Комитета министров 11 января 1905 г. его председатель С.Ю. Витте предложил инициировать вопрос о создании комиссии, которая расследовала бы все обстоятельства «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г., члены этой правительственной коллегии не сочли себя вправе рассматривать этот вопрос[1].

В правительственной среде регулярно ставился вопрос о реформе высшего административного учреждения империи. В 1897 г. в августейшей семье обсуждалось создание Верховного совета, который бы принимал министерские доклады[2]. В 1902 г. долголетний управляющий Комитетом министров А.Н. Куломзин писал сыну: «Из истории Комитета министров усматриваю, что среди этой страшной машины матушки России все наши необыкновенные усилия – сущие пустяки. Весь центр и кропотливая работа – на местах. Вот ввиду этой работы требуется большее единство в административной машине – в виде Совета при губернаторе, который дал бы возможность предоставить большее число дел решению окончательному на месте. Теперь переписка с центром, который ничего не может, как утверждать предложения местных властей по мелким делам, берет ужасно много времени и усилий. А между тем крайне важно, чтобы местные потребности, большей частью мелкие, получали бы более скорое удовлетворение. Это было бы не дурно, и едва ли могло бы уже так не понравиться наверху. Значительная масса дел могла бы быть упрощена в случае учреждения подобного Совета, который мог бы ведать известные дела по всем отраслям управления: финансов, акциза, гос. имуществ и проч.»[3]. В.К. Плеве предлагал решить вопрос, децентрализовав власть и передав часть полномочий губернаторам[4]. 26 апреля 1904 г. Николай II писал великому князю Сергею Александровичу:

Время заседаний Комитета министров обычно полагали для себя пропавшим (Там же. С. 164). М.А. Корф отмечал анекдотические ситуации, когда во время чтения журналов Комитета министры постепенно расходились и вместо первоначальных 12 оставалось трое или четверо (Там же. С. 166).

[1] Записки А.С. Ермолова // Красный архив. 1925. Т. 8. С. 54–55.

[2] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 12. Л. 104 об.

[3] Обзор результатов перлюстрации писем по важнейшим событиям и явлениям в государственной и общественной жизни России в 1902 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 308. Д. 40. Л. 123.

[4] Для этой цели была создана особая комиссия под председательством С.Ф. Платонова (Дело Особого совещания под председательством С.Ф. Платонова о передаче

«По моему приказанию министр внутренних дел представит проект губернской реформы в связи с децентрализацией, то есть переходом решения множества дел из столицы на места. При этом предполагается облечь генерал-губернаторов и губернаторов теми же правами и постоянно, какие на них возлагаются при периодическом введении усиленной охраны в той или другой местности России, всякий раз через Комитет министров. Полагаю, что ты согласишься со мною в том, что новый порядок будет правильнее и яснее прежнего и не будет подвергаться постоянным обсуждениям в Комитете министров»[1]. В ноябре 1904 г. с критикой Комитета министров выступал министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский. По его мнению, это учреждение специально существовало для того, чтобы главы ведомств поменьше сталкивались с неудобным для них Государственным советом[2]. Таким образом, Комитет министров становился инструментом ведомственного произвола, предоставлявшим высокопоставленным чиновникам известную свободу действий и скорее расшатывавшим правовой уклад государства.

Не случайно должность председателя Комитета министров, одна из высших в Российской империи, не была привлекательна для деятельных чиновников. Она была своего рода синекурой, не подразумевавшей серьезной ответственности, а следовательно, и значительной роли при принятии важнейших решений. На этом посту высшие сановники империи – М.Х. Рейтерн (1881–1886)[3], Н.Х. Бунге (1887–1895), И.Н. Дурново (1895–1903) – доживали свой век, не имея

дел, имеющих местное значение, из центральных государственных учреждений в местные учреждения // РГИА. Ф. 1234. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–7).

[1] Письмо Николая II великому князю Сергею Александровичу 26.04.1904 // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 71. Л. 80 об. – 81.

[2] Записка П.Д. Святополк-Мирского 23.11.1904 // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 513. Л. 17.

[3] К.П. Победоносцев чрезвычайно высоко оценивал М.Х. Рейтерна в качестве председателя Комитета министров: «Очень жаль будет потерять его и очень трудно заместить его. Я поистине скажу, что всю мою жизнь, присутствовав в бесчисленных заседаниях, я ни разу еще не встречал такого председателя, что для дел Комитета очень важно. Голова у него замечательно свежая, дела он всегда знает отлично (несмотря на то, что сам читать не может), следит за прениями во всех подробностях, сохраняя полнейшее спокойствие и достоинство, резюмирует сказанное коротко и ясно и в трудных случаях с большим искусством проводит дело к решению» (Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. 2. С. 127). Многие признавали тот факт, что Рейтерн был весьма успешен в кресле председательствующего Комитетом. Однако он пал жертвой интриг, направленных против Н.Х. Бунге. В.Н. Ламздорф записал в дневнике: «Государь благоволит к г. Бунге потому, что тот дает уроки наследнику, и, считая необходимым удалить его во имя удовлетворения Катковых-Победоносцевых, он желает, с

шанса вернуться к активной государственной деятельности. По этой причине С.Ю. Витте не радовался, когда в 1903 г. ему пришлось оставить портфель министра финансов ради этого почетного назначения[1]. В тот год прочили на эту должность К.П. Победоносцева, но он не спешил ее занять. Обер-прокурор Св. Синода объяснял публицисту славянофильского направления генералу А.А. Кирееву: «Там я буду нулем, а на моем месте я все-таки могу кое-какую пользу принесть... Ведь теперь никакого значения Комитет министров не имеет, теперь все делается на личном докладе, никакие порядки не соблюдаются»[2].

И все же такое кресло ко многому обязывало. Обычно лицо, его занимавшее, – один из старейших и наиболее уважаемых чиновников. В силу этого в бюрократической среде всполошились по поводу назначения в 1887 г. председателем Комитета министров Н.Х. Бунге, который только семь лет назад был «всего лишь» профессором Киевского университета. М.Н. Катков, только что «отпраздновавший» смещение Бунге с поста министра финансов, был поражен этой новостью. Он написал Победоносцеву: «До меня дошел ошеломляющий слух из источника, заслуживающего доверия, что председателем Комитета министров назначается Бунге. Событие это произведет одуряющее впечатление на весь крещенный мир. Неспособный министр, причинивший столько вреда стране, не просто удаляется с заурядным почетом, но возводится на высоту, далее которой идти некуда»[3]. Гнев Каткова заставляет усомниться в том, что Комитет министров был «пятым колесом в телеге». На это учреждение обращали внимание, на него надеялись и от него многое зависело. В любом случае назначение Бунге стало ударом по самолюбию некоторых сановников. Граф Д.А. Толстой восклицал: «Помилуйте, я должен надеть мундир, ленту и ехать представляться к Бунге!» А.А. Абаза по этому поводу шутил: «Сбывается евангельское слово: последние из нас будут первыми»[4].

Комитет министров чаще всего собирался по пятницам. Дела докладывались начальником отделения канцелярии, который обычно

другой стороны, дать ему повышение. Так хорошо председательствующий в Комитете Рейтерн уходит» ([*Ламздорф В.Н.*] Дневник В.Н. Ламздорфа. С. 26).

[1] С.Ю. Витте в связи с этим говорил В.Н. Коковцову: «Вы понимаете, что меня просто спустили. Я надоел, от меня отделались, и мне следует просто подать в отставку, что я, конечно, и сделаю, но не хочу сразу делать скандала» (*Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: В 2 кн. М., 1992. Кн. 1. С. 30). См. также: *Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 244–245.

[2] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 12. Л. 21.

[3] К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 2. С. 170.

[4] *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 414.

лишь зачитывал их заголовки. Заседания начинались в 2 часа. Иногда они затягивались до 7 часов вечера. Как и полагалось одному из высших государственных учреждений Российской империи, заседания проходили весьма торжественно. По воспоминаниям П.П. Менделеева, местом их проведения был «большой белый, художественно отделанный золотом зал, примыкающий к залам Государственного совета. Пол устлан темно-пунцевым бархатным ковром. Старинные хрустальные люстры и бра. Белая с золотом мебель, обитая пунцевым бархатом. Все – и члены Комитета и чины канцелярии – в вицмундирах. Члены Комитета сидят вокруг покрытого темно-пунцовым бархатом стола, кольцеобразной формы, занимающего почти весь зал. Внутри круга, образуемого столом, прямо напротив места председателя, два покрытых бархатом стола: для управляющего делами и для докладывающего начальника отделения. Прочие чины канцелярии, а также сопровождающие министров сотрудники сидят за длинными столами вдоль стен зала»[1].

В Комитете министров разбирались дела разного калибра – важные и не очень[2]. Туда передавались вопросы, за которые отдельные министры не хотели брать ответственность. Прежде всего это железнодорожные дела: о выкупе казной железнодорожных предприятий, о разрешении новых железнодорожных обществ и т. д. Весьма многочисленны были дела об учреждении акционерных компаний. В одно заседание могло утверждаться более 12 уставов акционерных обществ[3]. В сфере компетенции Комитета министров было рассмотрение всеподданнейших отчетов губернаторов, которые уже до этого были представлены императору и получили «высочайшую отметку». Теперь же правительственной коллегии следовало постановить, какому министерству эти отметки предназначались. Ведомства должны были так или иначе отреагировать. В Канцелярии Комитета министров составлялась ведомость об исполнении министрами высочайших повелений. Она докладывалась императору, и он порой весьма жестко реагировал на медлительность министров, накладывая резкую резолюцию[4]. Примечательно, что в царствование Александра III «высочайшие отметки» были весьма редкими. Впоследствии их стало

---

[1] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни. Обрывки воспоминаний. С. 159.

[2] М.А. Корф записал в дневнике 16 октября 1838 г.: «Предметы и круг действия Комитета составляют такую многообразную и сложную энциклопедию, что ему при теперешнем порядке нет физической возможности внимательно и подробно рассматривать поступающие дела» (*Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 162).

[3] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 62–64.

[4] Там же. С. 69.

существенно больше[1]. Впрочем, это был официально установленный порядок. На практике могло быть не так. Порой управляющий делами Комитета министров предварительно рассматривал отчеты губернаторов и подчеркивал те места, на которые император должен был обратить внимание. Спустя некоторое время бумаги поступали в Комитет министров. Считалось, что подчеркнутые места выделил сам император, и о них докладывалось руководителям ведомств.

Все эти вопросы могут показаться на первый взгляд исключительно техническими. Это неверно. Так, например, железнодорожная политика определяла будущие тенденции развития страны, направления движения товаров, населения, войск, способствовала развитию одних городов и угасанию других. В конце концов железнодорожное строительство предусматривало огромные инвестиции в экономику, определявшие параметры развития народного хозяйства. Не случайно, что шла ожесточенная борьба за право решающего голоса в этой сфере. Министерство путей сообщения, представлявшее интересы корпорации инженеров, хотело сохранить его за собой. Но прочие ведомства отнюдь не собирались сдаваться[2].

Помимо всего прочего, Комитет рассматривал отчеты Государственного контроля. Правда, эти отчеты не заслушивались в Комитете, а передавались в соответствующие ведомства, которые должны были давать свои объяснения[3]. С формальной точки зрения в этой коллегии следовало согласовывать и всеподданнейшие доклады министров, и их частные распоряжения (циркуляры, инструкции), зачастую затрагивавшие интересы других ведомств. Этого, конечно же, в действительности не было[4]. Такое дело было бы слишком трудоемким для Комитета министров.

Функции высших правительственных учреждений не были четко определены в законодательстве. Многое зависело от традиций, которые не могли быть давними, а следовательно, авторитетными. В итоге распределение обязанностей между Комитетом министром и, например, Государственным советом часто являлось ситуативным, зависело от воли императора, министров, председателей этих коллегиальных учреждений. Вместе с тем Комитет министров как законо-

---

[1] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 73–74; См. также: *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 372.

[2] Там же. С. 340–341.

[3] Там же. С. 73.

[4] Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России / отв. сост. Д.И. Раскин. М., 2007. С. 98.

совещательный правительственный орган устраивал многих руководителей ведомств. За одно заседание Комитета министров можно было провести более ста дел[1]. Он давал шанс утвердить необходимые им решения помимо воли Государственного совета. Именно по этой причине через Комитет министров были проведены «Положение об усиленной и чрезвычайной охране 14 августа 1881 г.», «Временные правила о евреях 1882 г.». Об этой сфере деятельности данного учреждения специально написал в своих воспоминаниях С.Ю. Витте. По его словам, «Комитет представлял [собой] высшее административное учреждение, которое весьма мало служило к объединению правительства; в него вносилась масса административного хлама – все, что не было более или менее точно определено законами, а также важные законодательные акты, которые рисковали встретить систематическое и упорное сопротивление со стороны Государственного совета. Таким образом, через Комитет министров прошли все временные законы, ограничивающие права евреев, поляков, армян, иностранцев, различные полицейские меры обо всех возможных охранах, всякие опеки различным лицам, протежируемым свыше, коль скоро давались льготы вне закона и т. п.»[2].

Из общего числа дел (11 628), разрешенных Комитетом министров в течение десятилетия (1895–1904) 2627 (или 22,5 %) составляли дела о назначении пенсий и пособий; 2601 (22,3 %) имели предметом вопросы, касавшиеся промышленных компаний и условий деятельности некоторых иностранных обществ в России, затем 867 (7,4 %) составляли дела о рассмотренных Комитетом отчетах генерал-губернаторов и губернаторов и 442 дела (3,8 %) о последовавших по этим отчетам объяснениях подлежащих министерств; далее 116 дел (0,9 %) касались вопросов об изменении духовных завещаний и назначения пожертвований; наконец, 105 дел (0,9 %) относились к предметам аренды казенных земельных участков, 147 дел (1,2 %) – аренды оброчных участков и 83 дела (0,7 %) составляли случаи отводов казенных участков правительственным ведомствам и обществам[3].

По годам дела распределялись следующим образом:

---

[1] Письмо А.Н. Куломзина А.А. Куломзину 29.06.1895 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 6. Л. 31.

[2] [*Витте С.Ю.*] Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: в 2 т. Т. 2. СПб., 2003. С. 6.

[3] Дело об объединении деятельности министерств и создании Совета министров с целью усиления государственной власти и подавления революции // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 40 об.

Годы	Общее количество дел	Пенсии и пособии	Промышленные компании	Всеподданнейшие отчеты губернаторов и генерал-губернаторов	Объяснения по отчетам	Духовные завещания	Аренда казенных земель	Аренда оброчных статей	Отвод казенных участков
1895	1055	233	171	101	70	7	8	12	12
1896	1032	224	238	66	80	12	9	12	6
1897	1134	262	233	107	70	10	6	12	8
1898	1233	250	351	93	44	14	9	8	7
1899	1462	231	511	83	26	17	16	19	12
1900	1208	249	333	76	20	10	11	9	4
1901	1164	273	244	101	30	3	8	14	3
1902	1087	270	188	71	32	15	12	16	6
1903	1120	328	155	92	26	10	14	19	10
1904	1133	307	169	73	44	16	12	26	15
Итого	11 628	2627	2601	867	442	116	105	147	83

Источник: РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 40 об.

Даже железнодорожные дела преимущественно проходили через Соединенное присутствие Департамента государственной экономии Государственного совета и Комитета министров, а не через Комитет министров.

Число железнодорожных дел

Годы	Общее число	Решено Комитетом министров	Решено Соединенным присутствием Департамента государственной экономии Государственного совета и Комитета министров
1892	20	10	10
1893	27	7	20
1894	31	6	25
1895	28	5	23
1896	31	5	26
1897	42	2	40
1898	55	8	47
1899	51	7	44

Окончание табл.

Годы	Общее число	Решено Комитетом министров	Решено Соединенным присутствием Департамента государственной экономии Государственного совета и Комитета министров
1900	45	2	43
1901	66	3	63
1902	31	1	30
1903	45	1	44
1904	37	3	34

Источник: РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 49.

У Комитета министров было другое «тайное» предназначение. Он позволял руководителям ведомств уходить от личной ответственности. Ведь за решение, принятое коллегией министров, они не отвечали. Наконец, Комитет министров давал возможность главам ведомств вести торг. Он представлял собой своеобразную площадку для взаимных уступок[1]. Морской министр И.А. Шестаков описал эту ситуацию так: «Наш Комитет in corpore – бом-брам канцелярия: взаимные уступки, спихивание дел в Государственный совет из лени или из боязни ответственности, даже коллективной»[2].

Таким образом, «канцелярское», сугубо техническое учреждение обретало политическую силу. Опытные чиновники признавали большое значение Комитета министров и боялись его канцелярии. Э.Ю. Нольде, статс-секретарь Государственного совета, сказал другу своего сына И.И. Тхоржевскому: «А вам, юноша, очень советую – и, если хотите, помогу – причислиться, кроме университета, к Канцелярии Комитета министров. Там вы увидите русское государственное право в его живом действии, в самом процессе его образования. Это будет для вас и как для ученого гораздо поучительнее любых книжных справок»[3]. Тхоржевский последовал этому совету и не пожалел. Его принял управляющий делами Комитета министров А.Н. Куломзин. Говорил с Тхоржевским довольно сухо, холодно: «Мое дело – предупредить вас, что никаких надежд на служебную карьеру здесь у вас быть не может. У меня причисленных к канцелярии хоть пруд пруди, хоть печи ими топи, а платных должностей почти нет». Куломзин поинтересовался специальностью молодого человека. Тот с гордостью ответил: «Русское государственное право». Реакция была неожиданной: «Ну что же... Юриспруденция, формальное право – это не так уж важно... Вот если бы вы занимались историей экономиче-

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 139.

[2] *Шестаков И.А.* Дневники. С. 119.

[3] *Тхоржевский И.И.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. С. 24.

ского развития России – это было бы куда нам нужнее, да и вам полезнее. А, впрочем, у вас отличные рекомендации – и я согласен зачислить вас в Сибирское отделение канцелярии»[1].

Действительно, как это часто случалось в государственной жизни России, ключевую роль в работе Комитета министров играла его канцелярия. Она была немногочисленной по составу. Среди ее сотрудников выделяли «белую» и «черную кость». К «белой кости» относили начальников отделений и их помощников. Это были бюрократы с высшим образованием. К «черной» – экспедицию, сотрудники которой хорошим образованием обычно не отличались. Это были чиновники, которые переписывали бумаги, в том числе журналы Комитета (в рукописном виде они и шли на подпись к императору). В ряде случаев приходилось переписывать целые тома, причем каллиграфическим, как тогда говорили – «царским», почерком. Обладавшие им чиновники это делали всю жизнь, получая при этом новые чины и ордена. Со временем ввели печатание журналов[2]. Тогда значение писцов уменьшилось и все же не сошло на нет. Многие документы все равно приходилось переписывать.

Высшая должность, на которую могли рассчитывать чиновники экспедиции, – ее руководитель, экспедитор, который отвечал за все делопроизводство в канцелярии. Это была должность V класса. Ее представители со временем могли стать тайными советниками[3].

Вся работа канцелярии долгие годы крутилась вокруг ее руководителя – управляющего делами Комитета министров А.Н. Куломзина (1883–1902). Он поддерживал особую атмосферу в учреждении, где почти все были друг с другом на «ты». Куломзин воспринимал канцелярию как своего рода семью, в которой он был любящим от-

---

[1] *Тхоржевский И.И.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. С. 29.

[2] См.: *Орлова Г.А.* Указ. соч. С. 34–35, 42.

[3] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 43. Об авторе этого свидетельства, Н.Н. Покровском, А.Н. Куломзин отзывался весьма лестно: «Однако, когда у меня имелась в виду вакансия старшего помощника начальника отделения, я как-то в шутку спросил И.П. Шипова, занимавшего тогда место начальника отделения канцелярии, не может ли он мне рекомендовать такого человека, который мог бы работать 24 часа в сутки, т. е. больше его самого, работавшего, как вол, не менее 15 часов. Он сказал, что такой человек имеется в виду и назвал Н.Н. Покровского, пришедшего затем в канцелярию из столоначальников Департамента окладных сборов. Его выдающийся ум, обширные познания и неимоверное трудолюбие заставили меня дать ему первую вакансию начальника финансового отделения, где сосредоточены были сложные дела по учреждению акционерных компаний и отчеты местных властей. Он сделался главным моим сотрудником по составлению множества справок, которыми я старался разъяснить государю разные стороны государственного управления» (*Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 432).

цом. Стать членом этой «фамилии» было непросто. При приеме на работу Куломзин обычно оглоушивал кандидата каким-нибудь неожиданным вопросом. Но если тот испытание с успехом выдерживал, он становился практически сыном для начальника канцелярии, который следил не только за его служебными, но даже и за семейными делами. Порой он даже кричал на подчиненных, но никто на это не обижался: «В этом крике было что-то отеческое и отнюдь ничего оскорбительного». При этом Куломзин с большим вниманием относился к нуждам своих подопечных, заботился о них, стараясь даже предугадывать возможные потребности своих сотрудников. При этом современники всегда подчеркивали высокую личную порядочность самого Куломзина[1]. По словам Э.Ю. Нольде, «Куломзин – взбалмошный начальник, и резкость – в его манере. Но это прекрасный, умный человек и с хорошим сердцем»[2].

Управляющий делами Комитета министров пользовался большой властью. Он определял очередность рассмотрения дел, порядок слушания того или иного вопроса, под его руководством готовились справки, на которые опирались министры. Естественно, все это влияло на решение «высокого собрания». По словам видного члена Государственного совета Э.В. Фриша, управляющий делами Комитета министров мог творить практически чудеса: «Вот внесет какой-нибудь министр в Комитет ребенка для крещения; казалось бы, ребенок чистенький, гладенький, аккуратный, розовый – все, кажется, благополучно, – остается только дать ему наименование и выпустить на свет Божий, как вдруг рассылается небольшая справочка, иногда короче утиного носа. Оказывается, не только ребенок вовсе не чистенький и не аккуратный, а он оказывается или совсем уродом, или крестить его

---

[1] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 43–44. Впрочем, современники отзывались о Куломзине по-разному. Некоторым он казался заносчивым бюрократом. Например, в дневнике А.В. Богданович от 23 августа 1888 г. есть такая запись: «Хорош пассаж с Куломзиным. К нему в Комитет министров подошел чиновник со справкой. Узнав от него, что он начальник отделения, Куломзин ему сказал, что с такими людьми не разговаривает» (*Богданович А.В.* Дневник // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 241. Л. 78 об.).

[2] *Тхоржевский И.И.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. С. 29. П.П. Менделеев вспоминал: «Поступить на службу в Канцелярию было очень трудно, из всегда многочисленных кандидатов Куломзин принимал только наиболее, по его мнению, одаренных и способных. Требовал он от служащих быструю, отчетливую, безукоризненную работу. Все другие интересы должны были стушевываться перед служебными. Дела Комитета министров и его Канцелярии – нечто священное, чему призваны служить только избранные. В этом главный смысл их жизни. Так чувствовал Куломзин, и чувство это сумел внушить своим сотрудникам» (*Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни. Обрывки воспоминаний. С. 155).

нельзя и жизнеспособности в нем нет, или же это давно рожденный и уже успевший быть похороненным трупик, и в том и другом случае надо его возвратить обратно туда, откуда он принесен, и все это ясно, как Божий день, и министр не находит возражений и не решается защищать свое творение»[1].

Задача сотрудников канцелярии прежде всего сводилась к составлению журналов Комитета. Обычно это делалось дома. Если речь шла о рядовых журналах, то постановления и суждения Комитета записывались довольно кратко. «Особый», пространный журнал составлялся для дел чрезвычайной важности, которых в принципе было очень мало. Однако Куломзин любил более или менее сложные дела выносить в особый журнал, что, естественно, не упрощало жизнь сотрудников канцелярии. Общий журнал Комитета должен был представляться императору в шестидневный срок, т. е. к следующему вторнику. Теоретически с особыми журналами можно было не торопиться. Куломзин же желал иметь все журналы к вечеру четверга. Часто речь шла о большом тексте, который в напечатанном виде занимал 20–30 страниц большого формата. Дабы решить эту непростую задачу менее чем за три дня, чиновникам приходилось не спать, по крайней мере, одну ночь и сочинить то, что скорее всего никто и не говорил: «Надо было в уста каждого говорившего ввести не только то, что он говорил, но и то, что он мог сказать, и притом в наиболее изящной форме. А так как разные министры говорили вещи нередко совершенно противоположные, то писавшим журналы приходилось проникаться в одинаковой степени различными точками зрения на один и тот же предмет». Как уже говорилось выше, это была общая

---

[1] *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 370–371. О канцелярии и управляющем делами Комитета министров писал еще М.А. Корф: «Управляющий делами есть начальник и полный хозяин канцелярии. Председатель [Комитета министров] по закону не имеет над нею никакого начальства, члены устранены даже от всякого на нее влияния». Управляющий делами «соединяет в своем лице всю исполнительную власть по делами Комитета, и ни одна бумага не исходит иначе, как за его подписанием». Таковы формальные пределы его полномочий. По оценке Корфа, в практической сфере они и вовсе отсутствуют: «Назначение дел к слушанию и очередь их, доклад при таких-то или других членах, в таком или ином порядке... наведение или пропуск примеров и справок из прежних производств... свод голосов, потом изложение журнальных статей и самых резолюций более или менее сильно в том или другом духе – все это со множеством мелких сокровенных пружин в руках управляющего и в руках его почти безотчетно». При этом, по оценке Корфа, он не нес никакой особой ответственности за принимаемые решения. Он не отвечал за точность изложения дел в журнале, за подготовку необходимых справок, за назначение тех или иных дел к докладу. Управляющий делами отвечал лишь за срочность представления журналов императору и за корректность их составления (*Корф М.А.* Дневники 1838–1839 гг. М., 2010. С. 167–168).

практика для многих учреждений Российской империи. В свое время сам Куломзин ею возмущался.

Куломзин лишь в малой степени редактировал журналы: сотрудники канцелярии были обязаны писать хорошо. В четверг ночью журнал отправлялся в Государственную типографию. К утру пятницы корректура была готова. Она отсылалась председателю Комитета министров. Н.Х. Бунге, занимая эту должность, внимательнейшим образом просматривал эти журналы, делал в них многочисленные исправления. Его преемник И.Н. Дурново обычно вносил в журнал одно-два слова. Уже после этого журнал в исправленном виде рассылался прочим министрам, которые далеко не всегда соглашались с формулировками канцелярии. Когда же журнал был всеми подписан, он представлялся императору[1]. И так происходило каждую неделю, вплоть до каникул, которые начинались в середине июня[2].

---

[1] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 46. По словам А.Н. Куломзина, «И.Н. Дурново скоро оказался довольно покладистым председателем, занимался лишь нанесением мелочных уколов моему самолюбию, но дальше это не шло. Только должность управляющего делами Комитета министров сделалась при нем несравненно труднее, чем при его предшественниках. Как Рейтерн, так и Бунге внимательно вникали в редакцию журналов Комитета, делали свои изменения и вообще защищали редакцию в случае возражений членов. И.Н. Дурново редко делал замечания, но зато я почти никогда не мог рассчитывать на председателя, в особенности когда замечания делал сильный министр. Горячился Дурново лишь тогда, когда замечания делали министры, к которым он не был расположен. Тогда, напротив, необходимо было не показывать ему этих замечаний, если они были верны, так как он стал бы спорить во что бы то ни стало. Если же замечания были неверны, легко было, при его содействии, заставить министра взять их назад. Двенадцатилетний опыт управления делами Комитета сделал меня осторожнее, и большей частью журналы проходили без каких-либо существенных поправок. Что касается собственно направления самих решений Комитета, то я редко встречал человека более непонятливого, чем И.Н. Дурново, если дело было сколько-нибудь сложное. Мелкие дела он тщательно прочитывал к предварительному докладу канцелярии, но читал ли большие, сложные дела, в этом докладчики всегда сомневались. После предварительного подробного доклада оставалось большое сомнение в том, что он усвоил себе суть дела и делаемые замечания. Поэтому канцелярия отчеркивала и подчеркивала в печатном экземпляре председателя представления министра существенные части, отдельные фразы, на полях или в отдельной записке, кратко излагала суть вопроса. На заседании председатель добросовестно прочитывал заметки по нанесенному на его экземпляре тексту. Когда министр начинал спорить, Дурново мог еще сказать несколько слов, но в случае настойчивости со стороны оппонента дело могло получить совсем неправильное направление» (*Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 539–540).

[2] Работа над журналом заседания Комитета министров – дело трудное, сопоставимое с тем, что было возложено на Государственную канцелярию. Как вспоминал сотрудник канцелярии Комитета министров П.П. Менделеев, «резолюции по заслушанным делам, а также краткое изложение прений представлялись управляющему делами в переписанном начисто виде на другой день утром. Стало быть, написать их

Такой порядок был установлен раз и навсегда. Сами же журналы менялись, приноравливаясь к требованиям времени (прежде всего ко вкусам и склонностям императора). Так, со временем Куломзин догадался, что Александр III тяготится читать длинные комитетские журналы. Начальник канцелярии начал их решительно сокращать. Однако это не упростило жизнь его подчиненных: писать короткие журналы оказалось даже сложнее, чем длинные[1].

Естественно, в абсолютном большинстве случаев император одобрял решения, принятые на заседании Комитета министров. И все же иногда бывали исключения. Так, в октябре 1886 г. Александр III не утвердил решение Комитета о преодолении кризиса в сахарной промышленности и потребовал проведения повторного обсуждения этого вопроса с участием всех министров, которые на первом заседании отсутствовали. А.А. Абаза, лично заинтересованный в принятом решении, настоял на аудиенции у императора и, казалось, убедил того в необходимости скорейшей резолюции по этому вопросу[2]. Абаза ошибался. Как часто случалось, позиция противника этого решения М.Н. Каткова взяла верх: Александр III утвердил мнение меньшинства[3]. Для Абазы это был неприятный «сюрприз». Ведь во время его докладов император не смел ему сказать о своем недовольстве. Напротив, он призывал Абазу не обращать внимание на «выходки» «Московских ведомостей». Более того, Александр III несколько раз повторил Абазе, что он очень доволен им как председателем Департамента экономии Государственного совета и просит и дальше оставаться на своем посту[4].

надо было тотчас же после заседания в течение вечера или ночи. Рано утром за ними уже приезжал курьер. Часто приходилось работать всю ночь. Писать следовало сжато и кратко, так как журналы шли на прочтение и утверждение государя. А как известно, краткое изложение куда труднее пространного. Если по делу произошло разногласие, каждое мнение должно быть по возможности с одинаковой убедительностью обосновано. Мало того, требовалось, чтобы по длинноте изложения они друг от друга не отличались. На самом деле далеко не всегда воспроизводилось именно то, что говорилось членами Комитета на заседании. Очень часто начальник отделения вынужден был замалчивать сказанное и вставлять в уста выступавших то, что следовало бы им сказать в пользу поддерживаемого ими взгляда. Чем удачнее была такая импровизация, тем более министры были нам благодарны» (*Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни. Обрывки воспоминаний. С. 160).

[1] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 46.

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 479.

[3] Там же. С. 488.

[4] Там же. С. 502–503.

Такого рода царские решения становились событием в жизни Комитета министров, обычно работавшего по строгому графику, организованному его канцелярией. Причем составлением журналов ее работа не ограничивалась. За два дня до заседания (в среду) начальники отделений сходились в кабинете управляющего делами и докладывали ему о делах, которые предстояло обсудить в Комитете министров. Докладчик рассказывал о содержании дела, о собранных справках к нему и в заключение говорил, как, по его мнению, следовало этот вопрос разрешить. В четверг это совещание повторялось, правда, в укороченном виде. Ведь то же самое следовало повторить председателю Комитета министров[1]. Таким образом, канцелярия фактически давала экспертное заключение по проектам. Кроме того, чиновникам приходилось писать законодательные и статистические справки, которые служили обоснованием того или иного проекта. Иногда этот сопроводительный материал разрастался до целого фолианта[2].

Комитет министров не был единственным комитетом в России[3]. Существовал еще и Комитет финансов – совещательный орган, об-

---

[1] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни. Обрывки воспоминаний. С. 159.

[2] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 46–47.

[3] Согласно справке Государственной канцелярии, «как пришла в забвение мысль устроителя действующих у нас порядков верховного управления и законодательства – Александра I – об установлении единства в деятельности министерств, так же точно затемнилась в последующее время и мысль его о необходимости объединения всей законосовещательной деятельности в Государственном совете. Обсуждение законодательных предположений с непосредственным затем представлением их на утверждение верховной власти происходит ныне в целом ряде постепенно слагавшихся установлений, как бы соперничающих с Государственным советом. Так, по делам, относящимся до Военного и Морского ведомств, обсуждение законодательных предположений, вносимых всеподданнейшими докладами военного министра и управляющего Морским министерством на высочайшее усмотрение, имеет место в Военном и Адмиралтейств советах и в Главном военном и военно-морском судах. Такими же высшими законосовещательными учреждениями являются по некоторым делам Комитет министров, Комитет Сибирской железной дороги и по делам Дальнего Востока и недавно образованный Комитет по земельным делам. Некоторые, наконец, дела законодательного свойства вносятся для обсуждения в Комитет финансов, а все законоположения, касающиеся учреждений Императрицы Марии, восходят на высочайшее усмотрение через Опекунский совет. Далее, например, общие распоряжения, касающиеся установления мер предупреждения и прекращения чумной заразы, а равно холеры, восходят на высочайшее учреждение через особую комиссию о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой; наконец, и разные второстепенные учреждения, в том числе даже Совет Императорского Александровского Лицея, отправляет в известной мере законосовещательные обязанности» (Дело об объединении деятельности министерств и создании Совета министров с целью усиления государственной власти и подавления революции // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 222 об.).

суждавший финансовые операции государства, многие из которых являлись секретными. Состав этого комитета и его полномочия не были определены в законодательном порядке. При этом данное учреждение обладало немалым весом среди прочих органов власти. Иногда оно даже законодательствовало, принимая важнейшие решения для страны. По мнению современного исследователя А.В. Ремнева, Комитет финансов позволял императору надеяться, что он не окажется в полной зависимости от министра финансов[1]. Ведь в экономических вопросах государи не чувствовали себя достаточно уверенно и нуждались в экспертной поддержке тех, кто мог оценить действия главы финансового ведомства. Не случайно, что во главе Комитета финансов стояли опытные чиновники: П.А. Валуев (1881–1882), Э.Т. Баранов (1882–1885), М.Х. Рейтерн (1885–1890), А.А. Абаза (1890–1892), Д.М. Сольский (1892–1910). В редких случаях заседания проходили под председательствованием самого императора. Так, в частности, случилось и при принятии денежной реформы. И все же реальное соотношение сил в Комитете во многом зависело от авторитета министра финансов. Когда им был Витте, все прочие члены этого совещания не смели ему перечить[2]. Этим министр финансов и воспользовался, чтобы провести денежную реформу – через Комитет финансов, а не Государственный совет, где бы он мог столкнуться с сопротивлением сановников[3].

---

[1] *Ремнев А.В.* Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 239–246.

[2] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 105. По словам А.Н. Куломзина, «Сольский на все смотрел глазами Витте. Всем это было ясно, и когда Плеве, не терпевший ни того, ни другого, сказал мне однажды, что Сольский представляет не что иное, как изящную туфлю Сергея Юльевича, он вполне был прав. Пока Сольский покорно по существу и торжественно по обстановке вторил идеям Витте в делах финансовых, в которых Витте, обученный Николаем Христиановичем Бунге, быстро усвоивший себе это искусство, показал удивительную изворотливость, государственное дело не страдало» (*Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 421–422). См. также: *Степанов В.Л.* Граф Д.М. Сольский: путь либерального бюрократа // Российская история. 2018. № 1. С. 129–130.

[3] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 187–191. В течение всей своей государственной карьеры С.Ю. Витте предпочитал «обходить стороной» Государственный совет, опасаясь его враждебности (Там же. С. 253). Правда, в начале царствования Николая II не всегда это выходило. Молодой государь пока что не решался игнорировать позицию Государственного совета. Уже в ноябре 1894 г. Витте подал царю доклад с просьбой утвердить подготовленный им законопроект без какого-либо рассмотрения в высшем законосовещательном учреждении империи: «Покойный государь часто решал подобные вопросы без предварительного рассмотрения в Государственном совете». На это Николай II ответил: «Но я не имею опытности покойного

В 1892 г. был образован Комитет Сибирской железной дороги, который занимался отнюдь не только вопросами железнодорожного строительства[1]. В центре его внимания находилось освоение огромного края Азиатской России, в том числе и переселенческое дело. По мысли самого Александра III, учреждение Комитета позволило бы избежать проволочек, неизбежных в Государственном совете и Комитете министров, и, следовательно, ускорило бы принятие необходимых решений. Этот расчет вполне оправдался. Как впоследствии писал А.Н. Куломзин, «на что в обыкновенном течении бюрократического делопроизводства потребовались годы, разрешалось в несколько недель». За одно заседание могло проходить около 30 дел[2]. Это преимущество Сибирского комитета многим бюрократам казалось великим недостатком. 6 июня 1902 г. состоялось очередное его заседание, которое военный министр А.Н. Куропаткин охарактеризовал так: «В 1,5 часа времени решили большею частью безмолвным согласием вопросы на сотни миллионов рублей. При таких условиях Комитет только приносит вред, ибо, прикрываясь именем государя, Витте и Хилков избегают обычной для других дел, если не ответственности, то осторожности в решениях»[3].

Председателем новой коллегии стал цесаревич, будущий Николай II. Его заместителем – председатель Комитета министров Н.Х. Бунге. Канцелярию же возглавил Куломзин. Благодаря этому новый Комитет работал в тесном взаимодействии с Комитетом министров. Куломзин играл ключевую роль в работе этого учреждения. Его заседания обычно проходили так: «Государь до заседания выслушивает объяснения или скорее внушения делопроизводителя Куломзина, который во время доклада начинает изложение со слов: “Вашему Величеству угодно то-то”. Государь подтверждает такую свою волю. Все присутствующие молчат и, помолчав, разъезжаются, а принятое комитетом решение выражается так: “Государь император в заседании Комитета высочайше повелеть соизволил”»[4]. Формально Комитет Сибирской железной дороги просуществовал до 1905 г., однако фактически прекратил работу раньше, еще в 1903 г., т. к. не смог выдержать давление со стороны министра внутренних дел В.К. Пле-

---

государя и желал бы знать мнение Государственного совета по этому делу» (*Ламздорф В.Н.* Дневник, 1894–1896. С. 88).

[1] Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М., 2007. С. 134–137.

[2] Письмо А.Н. Куломзина А.А. Куломзину 29.06.1895 // ОПИ ГИМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 6. Л. 31.

[3] *Куропаткин А.Н.* Дневник // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1871. Л. 80 об.

[4] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 267.

ве. Как раз примерно тогда был учрежден Комитет Дальнего Востока, который возглавил император. Его заместителем стал Плеве. Управляющим делами был назначен А.М. Абаза. В этом Комитете тон задавали «безобразовцы», спровоцировавшие начало русско-японской войны 1904–1905 гг.[1]

Помимо этого, в России действовали Адмиралтейств-совет, Военный совет и др. Эти учреждения активно участвовали в законотворчестве, подменяя собой и Государственный совет, и Комитет министров[2]. Военный совет законодательствовал с большой скоростью. Обычно за одно его заседание разрешалось около 20 дел. На каждое из них приходилось шесть минут. Причем председательствовали в совете старейшие генералы (министр редко посещал заседание этой коллегии), что придавало работе этого учреждения преимущественно технический характер[3].

В исключительных случаях Александр III призывал к себе ближайших сотрудников для обсуждения, например, университетского вопроса в 1884 г.[4] Нередко в первые годы царствования Николая II проводились совещания министров под председательствованием самого императора: например, о мерах борьбы со студенческим движением в 1901 г. Фактически это было воссоздание Совета министров, правда, на нерегулярной основе[5]. Периодически имели место частные

---

[1] *Кострикова Е.Г.* Внешняя политика // Россия в 1905–1907 гг.: Энциклопедия. М., 2016. С. 114–115; См. также: *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004. С. 358–398.

[2] Комитеты рассматривали дела существенно быстрее, чем Государственный совет. Этим пользовались в царствование Александра II, когда подобные коллегии получили большие полномочия при разработке и утверждении законопроектов. При Александре III такого рода коллегии в политической системе занимали существенно более скромное положение (*Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 369).

[3] *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. С. 299–300. Примечательно, что средний возраст членов Военного совета приближался к 70 годам. Оказавшийся среди них 45-летний А.Ф. Редигер назывался не иначе как молодой человек (Там же. С. 300).

[4] Письмо Д.А. Толстого И.Д. Делянову 07 и 08.08.1884 // РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 565. Л. 3–5.

[5] Записи Д.С. Сипягина о заседаниях специального совещания под председательством Николая II по вопросу о мерах борьбы со студенческим движением // РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 295. Л. 1, 2, 5, 9, 13, 16. 10 марта 1901 г. К.П. Победоносцев писал великому князю Сергею Александровичу: «Крайнее возбуждение повсюду. Все учебные заведения охвачены истерическим, эпидемическим, растущим настроением. Вчера собрал нас государь, и положено всюду прекратить в Петербурге занятия в надежде на некоторое успокоение. Государю угодно собирать нас еженедельно по пятницам...» (Письмо К.П. Победоносцева великому князю Сергею Александровичу 10.03.1901 // ОР РГБ. Ф. 259. К. 29. Д. 3. Л. 27).

совещания министров и без участия императора. Так, они регулярно собирались в 1899 г. на квартире министра внутренних дел И.Л. Горемыкина: в центре внимания руководителей ведомств были студенческие волнения[1]. В том же самом 1899 г. было организовано совещание министров, посвященное финляндскому законодательству[2].

Все это свидетельствовало о том, что одного законодательного пути в Российской империи не было. Имевшиеся высшие государственные учреждения не во всем устраивали верховную власть, которая искала «обходные маневры», дабы ее воля становилась законом быстрее и с меньшими издержками. В этом сказывалась, помимо всего прочего, вера императора в собственные безграничные полномочия, которые на практике имели пределы. Это одно из внутренних противоречий политической системы, которых было немало. Сложившаяся законодательная процедура была неудовлетворительной, но отказаться от нее не решались. Во всех бедах винили бюрократию, но пытались исправить положение при помощи все той же бюрократии. В итоге государственное здание Российской империи становилось все более сложным и запутанным, а законодательные процедуры – более изощренными. В них разбирались только опытные чиновники, чья власть только лишь укреплялась.

Министерства. Централизованная анархия

Министерства – пожалуй, ключевые звенья в политической системе Российской империи. Там почти всегда готовились и нередко принимались важнейшие решения. Чиновникам ведомств приходилось отвечать за их исполнение. Министры, уже в силу должностного положения доверенные люди царя, – ключевые фигуры на «бюрократическом олимпе». Как отмечает современный исследователь Л.Е. Шепелев, император хотя бы из соображений собственного престижа был вынужден поддерживать назначенного им министра (даже не будучи с ним во всем согласным), что придавало тому значительный политический вес[3].

Министерства были созданы в 1802 г. За это время сложились особые традиции делопроизводства. Многое определялось практическими требованиями жизни, на что могли ссылаться руководи-

---

[1] *Богданович А.В.* Три последних самодержца. С. 235, 237, 243, 244.

[2] Письма В.К. Плеве Н.И. Бобрикову 20.10.1899, 06.11.1899 // ОР РНБ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 12. Л. 5, 10, 11.

[3] *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России XVIII – начала XX в. СПб., 1999. С. 40.

тели ведомств, нередко нарушавшие писаные и неписаные правила игры. В 1900 г. на заседании Государственного совета об этом говорил С.Ю. Витте: «Министерства управляются не только по букве закона, а также согласно требованиям действительной жизни, которые нередко расходятся с постановлением закона»[1].

При этом далеко не всегда было ясно, что представляли собой «требования действительной жизни». Имевшиеся у правительства сведения об империи, а также о народах, в ней проживавших, были весьма приблизительными. Однако это нисколько не поколебало правительственного стремления все контролировать. Инструментарий, на который рассчитывала высшая бюрократия, был традиционен для «регулярного государства»: система тотальной отчетности органов управления[2].

Такой тотальный контроль не делал ситуацию подконтрольной. Напротив, министры довольно свободно распоряжались казенными средствами. Разного рода злоупотребления далеко не всем казались вопиющими. 30 июня 1884 г. Половцов доносил императору, что Военное министерство потратило лишних полмиллиона рублей без всякого объяснения и испрошения этой суммы. Министерство путей сообщения приплачивало за такую работу, для которой имелись специальные чиновники. Министерство внутренних дел неправомерно увеличивало расходы на своих сотрудников. Министерство народного просвещения испрашивало кредиты на те учреждения, которые как раз закрывались. «Все эти факты... подтверждаются самими министрами, подписавшими журналы [Государственного] совета»[3].

Как это было в целом характерно для бюрократической машины Российской империи, министерства не вполне справлялись с тем «потоком» делопроизводства, который так или иначе шел через них. Вполне очевидно, что министр и его товарищи не могли в полной мере знать содержание тех бумаг, которые они подписывали. Показательно, что в 1830 г. министр внутренних дел подписал

---

[1] Цит. по: *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России XVIII – начала XX в. С. 37.

[2] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 64. По оценке М. Фуко, сущность государства Нового времени как раз и заключается в стремлении установить тотальный полицейский контроль над различными формами коммуникаций между людьми: «Достаточно исследовать рациональность зарождавшегося государства и посмотреть на первый полицейский проект, чтобы понять, что с самого начала государство было... тоталитарным» (*Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: В 3 ч. / пер. с фр. И. Окуневой, под общ. ред. Б.М. Скуратова. М., 2005. Ч. 2. С. 310–317). Однако претензия на «тоталитарность» чаще всего соседствует с невозможностью осуществить ее на практике (Там же. Ч. 3. С. 47–48).

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 262.

24 846 документов, в 1850 г. – 61 011[1]. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем. Причем она коснулась не только руководителей ведомств, но и их министерств в целом. В начале 1860-х гг. в Министерство юстиции ежегодно поступало более 626 тыс. дел, в начале 1880-х гг. – 578 тыс., в конце 1880-х гг. – более 691 тыс., в начале 1890-х гг. – 1624 тыс., в 1910-х гг. – 3372 тыс.[2] Конечно, далеко не со всеми (хотя обычно с абсолютным большинством) делами удавалось справляться. Так, к 1902 г. только в Земском отделе МВД накопилось свыше 800 не представленных рапортов по местным крестьянским учреждениям[3].

Подобно царю в своей державе, министру полагалось быть хозяином собственного ведомства, о чем хорошо знали его сотрудники. В конце октября 1895 г. историк, журналист П.Н. Ардашев зашел в Министерство народного просвещения. Он застал чиновников, слонявшихся без дела. Кто-то прогуливался по коридору, оживленно беседуя с товарищем о карточной игре или вчерашнем ужине. Кто-то ходил по комнате из угла в угол, не зная, как лучше убить время. Все ждали приезда министра – И.Д. Делянова. Вдруг раздался электрический звонок, и чиновники гурьбой устремились вниз. Дружно выстроились в ожидании начальства, пока министр изволил переодеваться. Через полминуты появился и сам Делянов, который непременно улыбался всем встречающим, а некоторым пожимал руки. Его сиятельство тут же «осадили» просители. За спиной у министра в нужный момент оказался директор соответствующего департамента: он подсказывал Делянову ответы, тот же только поддакивал. «Министр производит впечатление совершенной развалины и едва ли имеет большое влияние на дела Министерства», – сделал вывод Ардашев[4]. Возможно, он был прав. Однако именно слово главы ведомства было определяющим при решении многих вопросов.

Прошло десять лет, за которые многое изменилось, но многое осталось прежним. Когда в октябре 1905 г. граф И.И. Толстой принял должность министра народного просвещения, он был поражен масштабом свалившейся на его плечи работы. Речь шла о целом технологическом процессе, который предстояло освоить: «Это огромная фабрика, выбрасывающая тысячи циркуляров, докладов, отношений, отзывов и т. п., в полном ходу, с массой колес, рычагов и

---

[1] *Миронов Б.Н.* Российская империя от традиции к модерну. Т. 2. С. 491.

[2] Там же. С. 559.

[3] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 220.

[4] *Ардашев П.Н.* «Петербургский дневник» и «Петербургские отголоски» // Российский архив. М., 1999. Т. 9. С. 372.

паровых котлов, с целой армией рабочих мастеров, надсмотрщиков и десятников»[1]. Правда, в дальнейшем взгляд Толстого на собственное министерство изменился. Он пришел к выводу, что это не фабрика, а мануфактура, не современное высокотехнологическое, а кустарное производство, остро нуждавшееся в совершенствовании[2].

При этом министр не мог ограничиться работой исключительно во благо собственного ведомства. На нем еще лежало множество самых различных обязанностей[3]. В итоге рабочий день руководителя ведомства был расписан поминутно. В качестве примера можно привести все того же И.И. Толстого, оставившего подробные воспоминания о своей работе в качестве министра народного просвещения. Он должен был два раза в неделю выслушивать доклад в Департаменте общих дел своего ведомства, два раза – в Департаменте народного просвещения. По окончании докладов – прием посетителей. Помимо этого, три раза в неделю происходили заседания Государственного совета: одно Общее собрание, на котором должен был присутствовать сам министр, и два заседания департаментов, куда можно было делегировать своего товарища (однако далеко не всегда). Периодически, но при этом довольно бессистемно, назначались заседания Комитета министров. Наконец, обычно в субботу приходилось ехать в Петергоф для всеподданнейшего доклада императору. Также считалось желательным, чтобы министры присутствовали на заседаниях ведомственных и межведомственных комиссий. Учитывая масштаб обязательств, министрам приходилось работать с бумагами дома – поздно вечером и ночью. Этот напряженный график сложно было строго соблюдать. Его нарушали чрезвычайные и порой продолжительные заседания высших законосовещательных учреждений, затянувшийся прием просителей. Ведь на прием обычно записывались 50–60 че-

---

[1] [*Толстой И.И.*] Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. С. 31.

[2] Там же. С. 32.

[3] Еще в марте 1840 г. барон М.А. Корф писал: «Один частный комитет быстро меняется другим, и поистине удивляешься, откуда министры берут время управлять своими частями, присутствуя сверх Совета и Комитета министров, почти каждый день и очень нередко по два раза в день в этих особых комитетах. В короткий переход нынешнего года вот и уже сижу или, лучше сказать, пишу в четвертом» (*Корф М.А.* Дневник за 1840 год. М., 2017. С. 69). Причем, в отличие от министров рассматриваемой эпохи, государственные деятели царствования Николая I активно участвовали в придворной и светской жизни, регулярно посещали балы, приемы, были завсегдатаями столичных салонов, где в поздние вечерние и ночные часы публика проводила время, преимущественно играя в карты (*Корф М.А.* Дневник за 1845 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 8. Л. 60 об. – 61).

ловек. Если же министр назначал один приемный день в неделю, он обычно тянулся 5–6 часов[1].

И все же министры работали по-разному. Бывший министр внутренних дел граф Н.П. Игнатьев так описал свои трудовые будни, когда он занимал столь высокий пост: «Мой рабочий день начинался ежедневно в 7 часов утра. Просителей я принимал тоже ежедневно от 10 до 12, а затем в дни, когда не было Комитета министров, Государственного совета, совещаний в комиссиях, я принимал доклады всех управлений, департаментов и проч. в течение дня, но в особенности вечером, с 8 часов до 1 и даже позже ночи, чтобы не отрывать директоров от их занятий в Департаментах им вверенных. Чтобы дать возможность лицам, приезжавшим в Петербург из внутри России, предводителям [дворянства], сведущим лицам и вообще частным лицам, желающим со мной видеться и переговорить вне официальных приемов в течение дня, я просил жену принимать у себя по вечерам ежедневно, на чашку чая, всех лиц, ей представленных. По окончании вечерних докладов, а иногда в промежутках между ними, я поднимался в гостиную и давал случай желающим беседовать со мной вне официальной обстановки»[2]. По словам же Д.И. Воейкова, правителя

---

[1] [*Толстой И.И.*] Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. С. 33–35. Государственный контролер М.Н. Островский всячески старался ограничивать время, которое уходило на доклады директоров департаментов. «Почти перед каждым еженедельным докладом являлся от него курьер и предупреждал, что министр очень утомлен-с и просят докладывать только самые нужнейшие дела, а другие отложить» (*Скальковский К.А.* Сатирические очерки и воспоминания. С. 340).

[2] *Игнатьев Н.П.* Воспоминания // ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 161. Л. 18 об. – 19. В приемные дни министрам приходилось общаться с самыми разными посетителями. Многое, конечно, зависело от личности руководителя ведомства, его доброжелательности, готовности идти навстречу просителю. Например, у министра народного просвещения И.Д. Делянова была репутация чрезвычайно доброжелательного человека. Как вспоминал А.С. Путилов, «Делянов был разносторонне образован, умен и чрезвычайно хитер, но вместе с тем мил, добр и в высшей степени благожелателен. У него было принципом, чтобы никто от него не уходил опечаленным и, кажется, не было просителя, которому он бы отказал. Если просили о чем-нибудь несбыточном, то он, лишь бы только не отказать, спешил переправить просителя к другому должностному лицу, снабдив его самой горячей рекомендацией. На этой почве разыгрывались курьезы вроде следующего случая, о котором рассказывал мне лично Ванновский. Приходит к Делянову какая-то не то попадья, не то дьячиха, просит о какой-то льготе для призванного на военную службу сына. Дело касалось Ванновского, с которым у Делянова были не особенно хорошие отношения, главным образом, опять-таки на почве постоянных деляновских рекомендаций, до смерти надоевших суровому служаке Ванновскому. Не решаясь поэтому адресовать просительницу к военному министру, Делянов, не долго думая, направил ее... к директору императорских театров Всеволжскому. “У, большой генерал. Захочет – все сделает”, – по своему обыкновению напутствовал он рассыпавшуюся в благодарности матушку. Получив цидулку Делянова, Всеволжский

канцелярии в годы министерства Игнатьева, в то время в ведомстве царил хаос. Казалось бы, все директора департаментов имели определенный день и час для доклада министру, однако не всегда Игнатьев принимал в установленное время. В его кабинете всегда присутствовали неожиданные посетители, на которых Игнатьев тратил многие часы. Когда же они расходились, министр должен был срочно ехать на совещание. Он просил директоров подойти после обеда, но и тогда не всегда выходило сделать доклад. В итоге он нередко откладывался до 12 ночи[1].

был немало поражен, но тем не менее переправил попадью к Ванновскому, с которым был в добрых приятельских отношениях. Так как дело ее было, в сущности, законное, то она получила удовлетворение. Тем не менее, прием, употребленный Деляновым и не оцененный по достоинству, обратил на себя внимание, и когда на одном из очередных всеподданнейших докладов государь указал Ванновскому на необходимость по какому-то вопросу поговорить с Деляновым, на это Ванновский возразил, что, к сожалению, Иван Давидович, по-видимому, окончательно устарел и чуть ли не впал в детство, раз по делу, касающемуся военного министра, направляет к директору императорских театров. Император на следующем докладе спросил Делянова, как могло это выйти. “Ваше величество, – начал по обыкновению петь Лазаря Делянов, – ведь я у же одной ногой стою в гробу. При этих условиях я всеми силами стремлюсь к тому, чтобы люди меня помнили не злом, а добром. Я отлично понимал, что дело, о котором меня просили, Всеволжского не касается. К Ванновскому обращаться я не мог. Я дал письмо к Всеволжскому. И она ушла, меня благословляя. Сделает что-нибудь Всеволжский по моему письму или нет – это уже его дело, а тут еще оказалось, что я был прав и что сделал все, что было нужно”» (*Путилов А.С.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 19–20).

[1] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9122. Л. 28. Распорядок дня министра финансов, а затем председателя Комитета министров М.Х. Рейтерна был схожий: «Общению с родными и друзьями Рейтерн предоставлял лишь время завтрака от 12–12.30 час. и обеда в 6 часов с последующей беседой за чашкою кофе до 8 часов. Все остальное время дня принадлежало уже не человеку, а министру, а день был распределен следующим образом. Вставал Рейтерн в 8 часов, от 9–10 он гулял пешком, в хорошую погоду, по набережной Невы, а то по Невскому или Морской. От 10–12 часов Рейтерн принимал в своем кабинете всех лиц, имеющих к нему дела, т. е. как чинов Министерства и правительственных лиц, так и приезжих из провинции, представителей торговли, промышленности, земств, дворянств, городов, за исключением только просителей, которые принимались в официальном кабинете, один лишь раз в неделю. После завтрака, от 12.30 до 5 часов, шли доклады, заседания в Государственном совете, Комитете министров и т. д. От 5–6 часов Рейтерн занимался чтением любимых авторов или новых произведений литературы... Ровно в 6 часов происходил обед в обществе племянников... Затем переходили курить и пить кофе в кабинет, где беседа продолжалась до 8 часов, когда являлся секретарь с бумагами для подписи. С этого момента начиналась опять деятельность министра, вечерние доклады и т. п. до 10 или 11 часов. После этого н непременно до 12 часов ночи М.Х. [Рейтерн] отходил ко сну» (*Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г.* М.Х. Рейтерн: Биографический очерк. СПб., 1910. С. 58–59).

В 1883 г. граф Д.А. Толстой сам подробно рассказал М.И. Семевскому, как была организована работа в Министерстве внутренних дел. По его сведениям, граф П.А. Валуев был последним министром, который читал все приходившие на его имя бумаги. А.Е. Тимашев практически ничего не читал: «Из груды поступавших к нему писем, как мне рассказывал сам Мансуров, один из директоров Департамента общих дел, обыкновенно выхватывались два-три письма от министра народного просвещения к министру внутренних дел и вообще кого-либо из членов Государственного совета, которые и представлялись Тимашеву от Мансурова по прочтению в субботу, и именно потому что Тимашев в понедельник, встретившись в Государственном совете с лицами, писавшими к нему, мог и всегда, конечно, говорил, что-де я читал твое такое-то и такое-то письмо, и этим мог подать вид, что точно будто бы он читает и все ему известно, что поступает к нему в Министерство». Министр Л.С. Маков собирался все читать, но фактически ничего не читал. Сам же Толстой пытался навести порядок в работе министерства, что должно было минимизировать его усилия. К 9 часам утра у чиновника особых поручений Ф.А. Ромашенко собирались все пакеты, адресованные главе ведомства. Тогда-то Толстой их и просматривал. Он хвалился тем, что умел быстро читать эти бумаги: «Надо уметь, что читать и как читать. Я, кажется, набил себе в этом отношении руку и глаз, управляя более 10 лет двумя министерствами – народного просвещения и ведомством Св. Синода...»[1] Д.А. Толстой любил хвастаться, что читал все бумаги, приходившие из 12 департаментов его министерства. Только на это у него уходило 4 часа в день. Причем он искренне возмущался фельдъегерями, привозившими чемоданы документов на подпись[2]. Таким образом, ран-

---

[1] Материалы к запискам М.И. Семевского // РО ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 575–576. Про А.Е. Тимашева Е.А. Перетц рассказывал следующее: это был «действительно умный и очень милый человек, но он вовсе не деловой. Будучи министром внутренних дел, Тимашев занимался немного, предоставляя почти все директорам департаментов; сам же он выезжал в свет, гулял по Большой Морской и лепил прелестные статуэтки» [*Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 325].

[2] *Шестаков И.А.* Дневники. С. 117. О том же Толстой сообщал Е.М. Феоктистову: «Он читает все входящие бумаги по всем своим 12 департаментам, что, как говорил он мне, занимает у него более 4 часов в день, затем бесконечные доклады и т. п. Он действительно как взмыленная лошадь...» (Письмо Е.М. Феоктистова Н.М. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 37. Л. 24). У министра государственных имуществ М.Н. Островского «тактика» работы с бумагами была иная. Он требовал, чтобы документы посылались ему на подпись до 5 часов вечера. Следующим утром они возвращались с его подписями и резолюциями. А в 5 часов он отпускал со службы дежурных чиновников и вечер проводил с московскими приятелями (Е.М. Феоктистовым, Н.А. Любимовым и др.) (*Скальковский К.А.* Сатирические очерки и воспоминания. С. 341).

ним утром со всеми бумагами было покончено. В остальные часы подавать пакеты министру было категорически воспрещено. «Но зато я и со своей стороны никогда не заставляю чиновников, от директора до начальника отделения, буде для доклада такового назначен у меня час, прождать хоть пять минут в приемной. Мне случалось иногда ждать запоздавшего директора, вице-директора или начальника отделения, но никто не может сказать, чтобы я продержал их в передней после установленного часа». После обеда стол министра был совершенно свободен от бумаг: «Если Вы один день запустите на вашем столе не просмотренные и не подготовленные бумаги, на другой день их накопится втрое, вчетверо...»[1]

Как отмечал Д.Н. Набоков, Толстой «по-прежнему мало работает, вовсе не так доступен... держит себя весьма далеко от всех, ревниво сохраняет только личные доклады государю, сваливая на своих подчиненных всю тяжесть работы. В особенности полицейскую часть он вполне предоставил генералу Оржеховскому, так что, в сущности, ныне почти восстановлено прежнее III отделение с тою только разницей, что начальник этого отделения не имеет личных докладов у Государя. Сам граф Толстой по своему характеру относится к делам довольно апатично; это человек без инициативы...»[2]. Действительно, он предпочитал передоверять многие свои обязанности товарищам: пре-

---

[1] Материалы к запискам М.И. Семевского // РО ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 575, 576, 576а, 576б. «Толстой имел репутацию самого неумолимого, неуловимого и ленивого министра. Лично он рассматривал лишь дела особой важности и не допускал, чтобы на его письменном столе малейшая записка ночевала: рассмотренные и нерассмотренные, к обеду они сбрасывались на пол и убирались» (*Колышко И.И.* Великий распад. Воспоминания. С. 60).

[2] *Милютин Д.А.* Дневник, 1882–1890 / под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 147. К такому поведению Д.А. Толстого можно было относиться по-разному. Князь В.М. Голицын вспоминал: «Благодаря этой поглощающей заботе, Толстой предоставил всю текущую деятельность министерства своим товарищам, это было вполне разумно, ибо если министр будет читать и подписывать горы бумаг, которые каждый департамент ежедневно производит на свет, будет выслушивать директоров, начальников отделений, приезжих чинов администрации и просителей, то ему не хватило бы ни времени, ни сил для сколько-нибудь последовательной и продолжительной работы» (*Голицын В.М.* Воспоминания // ОПИ ГИМ. Ф. 282. Оп. 1. Д. 595а. Л. 63). По оценкам князя В.П. Мещерского, в бытность министром внутренних дел Д.А. Толстой работал по 6 часов в день, а его товарищ И.Н. Дурново – 18 часов (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 77). Впрочем, эта информация о невероятном трудолюбии Дурново плохо согласуется с его репутацией. Современники вспоминали И.Н. Дурново, просиживавшего ночные часы за картами вместе с великими князьями (*Бобринский А.А.* Дневник // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 282. С. 63).

жде всего В.К. Плеве[1]. Вместе с тем он им вполне доверял, предоставлял значительную свободу действий[2]. Со временем ситуация лишь усугублялась. Замученный болезнями Д.А. Толстой с 1885 г. старался не слишком себя утруждать государственными обязанностями. Часто уезжал в деревню, оставляя министерство на попечение своих товарищей[3]. По словам товарища (заместителя) Д.А. Толстого и директора Департамента полиции П.В. Оржевского, важнейшее ведомство империи было фактически разделено на три части[4]. В декабре 1887 г. сам Толстой признавался, что не был вполне знаком с законопроектом о земских начальниках, подготовленным руководителем его канцелярии А.Д. Пазухиным[5]. Об этом писал и сам Пазухин, ближайший сотрудник министра[6]. В феврале 1888 г. П.А. Шувалов шутил, что, испытывая дружеские чувства к Толстому, очень надеялся, что тот никогда не прочитает составленного «им» законопроекта о реформе полиции в Прибалтийском крае. Ведь этот документ противоречил тому, что всю жизнь проповедовал Толстой[7]. В 1888 г., по словам чиновника МВД Ф.А. Романченко, многие вопросы решал В.К. Плеве, даже не ставя в известность графа Толстого[8].

---

[1] Письма Д.А. Толстого В.К. Плеве 12.03.1886, 16.03.1886, 01.06.1886, 08.06.1886 // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1156. Л. 56, 57, 65, 68. Эта проблема касалась большинства министров, преимущественно людей немолодых и не очень здоровых. В частности, министр государственных имуществ М.Н. Островский каждый год отдыхал более трех месяцев – лечился за границей или проводил отпуск в Крыму (*Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9122. Л. 57).

[2] Письмо Д.А. Толстого В.К. Плеве 26.08.1886 // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1156. Л. 77.

[3] При этом сам Д.А. Толстой не сомневался, что в деревне он работал даже более эффективно, чем в столице. 2 июня 1886 г. он писал К.П. Победоносцеву: «В последнее время я очень утомлялся в Петербурге, но теперь не чувствую усталости. Курьеры приезжают ко мне каждую неделю, иногда даже два раза в неделю. Но занятия не отменяются, потому что никто не беспокоит и не отрывает от дела. Здесь в неделю сделаешь более дельного, чем в Петербурге в продолжении несколько месяцев. Я успел изучить в подробностях весьма сложное дело о волостных судах. Вот уже 15 лет, как оно на очереди, и все лежит и не двигается, а крестьяне безобразничают, без контроля и присмотра над этим безапелляционным судом. Занимаюсь также местным управлением. На днях ожидаю Пазухина и буду с ним работать. Государь очень озабочен скорейшим преобразованием местных органов управления и в последний мой доклад много говорил со мной об этом» (Письмо Д.А. Толстого К.П. Победоносцеву 02.06.1886 // ОР РГБ. Ф. 230. М.4395.37. Л. 1).

[4] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 476.

[5] *Он же*. Там же. Т. 2. С. 63.

[6] Письмо А.Д. Пазухина М.Н. Каткову 05.02.1887 // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 104.

[7] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 87–88.

[8] *Богданович А.В.* Три последних самодержца. С. 87. И все же Д.А. Толстой вызывал немалый страх среди высокопоставленного чиновничества. Как вспоми-

Д.С. Сипягин, по оценке С.Е. Крыжановского, в должности министра внутренних дел желал стать всероссийским губернатором, вникая во все детали местного управления. Фактически это парализовало работу ведомства. «Каждый губернатор или иной старший чин, ему представлявшийся по случаю приезда в Петербург, обязан был заранее доставить директору канцелярии список дел и вопросов, о которых он собирался докладывать министру, и по всем этим предметам в департаментах составлялись справки, которые Сипягин тщательно изучал перед аудиенцией. И так как приезжие, желая проявить свое рвение, включали в списки как можно больше пунктов, то труд по составлению справок, всегда при том крайне срочных, ложился тяжелым бременем на департаменты, приостанавливавшие в разгар губернаторского сезона всякую иную деятельность». Директора и вице-директора вынуждены были помнить все детали бесконечной переписки с местными властями, чтобы срочно дать министру справку по телефону. «Неосведомленность» Сипягин очень не одобрял[1]. В итоге все время сотрудников ведомства уходило на подготовку этих справок. «Ходячей шуткой между чиновников некоторых департаментов было называть министерство конторой Капаныгина (бывшее в то время бюро в Петербурге по получению справок о сдающихся квартирах)». При таких обстоятельствах министр не мог решать текущие вопросы, передоверив их своим товарищам: П.Н. Дурново и А.С. Стишинскому[2].

Министра внутренних дел В.К. Плеве постоянно заставали что-то писавшим или же внимательно читавшим деловые бумаги[3]. Министр

нал И.И. Колышко, «ведомство боялось Толстого, как огня. Губернаторы трепетали перед заветной дверью, за которой благообразный старичок со слезящимися глазами и полинялым голосом учтиво и ласково приглашал их садиться. Толстой был живой иллюстрацией поговорки о мягкой постели и жестком сне» (*Колышко И.И.* Великий распад. Воспоминания. С. 60).

[1] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания // Bakhmeteff archive (BAR). Kryzhanovskii coll. Box. 2. Folder 4. Князь В.М. Голицын записал в дневнике 24 ноября 1899 г.: «Назначение Сипягина вызывает какое-то общее недоумение. Простодушные люди хотят доискаться в этом признак направления, как это было, например, при назначении графа Д.А. Толстого. Направление будет оппортунистическое и очень мелкое – вот все, что можно сказать» (*Голицын В.М.* Дневник за 1899 г. // ОР РГБ. Ф. 75. Д. 21. Л. 126 об.).

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 88. О предыдущем министре внутренних дел – И.Л. Горемыкине – А.М. Абаза сообщал следующее: «Есть еще Горемыкин, но он, будучи министром, сам не подписывал ничего, а сделал печать со своей подписью и давал курьеру все подписывать» (Письмо А.М. Абазы // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 27. Л. 98).

[3] Стиль работы министров существенно отличался. Руководивший канцелярией МВД Д.Н. Любимов вспоминал: «Каждый министр встречал по-своему. Плеве я

финансов Н.Х. Бунге занимался делами ведомства 12–14 часов день, при этом не успевая справиться со всеми возложенными на него обязанностями[1]. Он вставал в пять часов утра и сразу же принимался за

обыкновенно заставал за письменным столом что-то пишущим или углубленным в чтение какой-то бумаги. Он приподымался нехотя, здоровался и, указывая на кресло, стоявшее перед небольшим круглым столом, рядом с письменным, говорил: пожалуйста, присядьте, я сейчас кончу. Я садился и всегда смотрел на висевшую над диваном большую копию с картины Репина – торжественное заседание Государственного совета в 1901 г. по поводу столетнего юбилея. На этой картине, поднесенной Плеве государственной канцелярией, когда он уходил, Плеве изображен в качестве государственного секретаря, стоящим перед государем и читающим высочайший рескрипт Государственному совету... Так проходило несколько минут. Затем Плеве тяжело вставал, обходил стол, грузно опускался на кресло против меня и, делая рукой какой-то неопределенный жест, говорил: прошу. Доклад обыкновенно был очень трудный, хотя я к нему старательно готовился. Плеве замечал всякую погрешность или неточность в изложении дела. Познания и память у него были совершенно исключительными.

Мирского я обыкновенно заставал ходящим взад и вперед по кабинету. Он любезно усаживал в кресло за тот же столик, садился на кресло против, высоко заложив ногу на ногу, и начинал курить, пуская иногда кверху дым колечками. Доклад был обыкновенно легкий. Министр слушал рассеянно. Его замечания были редки и всегда высказывались в весьма деликатной форме: “Я несколько только сомневаюсь, нужно ли и т. д.”. Смотрел я на стену, как прежде, но копия с репинской картины уже не висела на стене, она была заменена фамильными портретами. Когда Мирскому надо было передать мне какую-нибудь бумагу, начинались почти непреодолимые препятствия. Письменный стол был в неописуемом беспорядке, завален бумагами и отыскать сразу нужную – было очень трудно.

Напротив, у Булыгина письменный стол был в идеальном порядке, бумаги в папках с надписями, отдельно лежали очиненные карандаши. Но самого министра я редко заставал за письменным столом. Он обыкновенно уже сидел на знаменитом кресле у круглого стола. С видом человека, присевшего с целью отдохнуть после оконченного дела. Никаких бумаг около него не было. Лишь иногда на столе неразвернутая газета... Настроение Булыгина было всегда спокойное и благодушное, будто все идет прекрасно. Это действовало на докладчика успокоительно. Несомненно с вступления Булыгина в министерстве наступила атмосфера спокойствия... Когда я вынимал бумаги из портфеля, Булыгин неизменно морщился и говорил: ух, как сегодня много у вас. Замечаний на докладе он не любил делать, но когда делал, то всегда дельные и обоснованные. На стене, на которую я по привычке смотрел, не было уже ни изображения апофеоза бюрократического режима, как некоторые называли картину Репина, не было и фамильных портретов Мирского, а висела картина, написанная в чрезвычайно приятных тонах, изображавшая лес, поля и белый дом вдали. Это была, если не ошибаюсь, усадьба Булыгина в Рязанской губернии» (*Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906: Воспоминания // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 329–331).

[1] Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX в. Документы и мемуары государственных деятелей. С. 260. Товарищ министра финансов П.Н. Николаев так отзывался о Бунге: «Существование очень счастливое для министра финансов: у него ни семьи нет, ни любви к театру или музыке, ни к чтению романов, ни к картам. Он весь погружен в финансы, в работу. У него нет быстроты взгляда, но зато он что усвоит, то усвоит основательно» ([*Суворин А.С.*] Дневник

свои обязанности. Около одиннадцати выходил гулять, завтракал в двенадцать. В час дня Бунге уже поджидали докладчики. Их он принимал до пяти вечера. Потом вновь прогулка. В шесть – обед. В половине десятого Бунге засыпал в кресле на полчаса. После этого некоторое время читал. Около одиннадцати вечера обычно отходил ко сну[1].

Такой размеренный образ жизни не был характерен для его преемника – И.А. Вышнеградского. Тот взвалил на себя множество работы. Не доверяя своим сотрудникам, сам производил все самые сложные финансовые расчеты[2]. «Когда он был министром финансов, то его сотрудники забавлялись следующим образом: все исчисления, которые нужно было сделать по различным займам, они всегда давали ему делать, и он с особенным наслаждением исполнял такую работу, которая является по-настоящему работой даже не начальника отделения Кредитной канцелярии, но столоначальника»[3]. Вышнеградский работал чрезвычайно много. Его рабочий день начинался в 8.30–9 утра, а заканчивался глубоко ночью. Утром он писал бесчисленные письма чиновникам своего ведомства (у одного только В.И. Ковалевского сохранилось 50 таких посланий министра). Характерно, что даже конверт для таких писем подписывался им собственноручно. В 11–12 часов ночи он мог позвать к себе сотрудников министерства для совместной работы, которая могла продолжаться до четырех утра. В те же часы он мог читать им лекции по организации движения на железных дорогах[4].

Алексея Сергеевича Суворина. С. 55). Согласно дневниковым записям А.А. Киреева, «Бунге был до крайности скромен. На днях я с ним ехал в город. Для него и 2-х министров приготовили вагон, но он показался таким несчастным и скромным, что кондуктор его не пустил в вагон, объяснив, что “это для министров”. Бунге рассказывал это, конечно, смеясь» (*Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 12. Л. 20). Весьма злой наблюдатель А.А. Половцов так охарактеризовал Бунге: «С улыбкой вольтеровской статуи, скромный до крайности, как будто затрудняющийся тем, что его фигура утомляет зрение присутствующих» (*Половцов А.А.* Дневник // ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 20. Л. 26 об. – 27).

[1] *Картавцев Е.Э.* Николай Христианович Бунге. Биографический очерк // Вестник Европы. 1897. № 5. С. 6.

[2] *Степанов В.Л.* Иван Алексеевич Вышнеградский // Отечественная история. 1993. № 4. С. 107. Вышнеградский был циничным человеком, невысоко ценившим своих коллег. Когда кого-нибудь хвалили за честность, Вышнеградский сдвигал очки на лоб и спрашивал: «До какой суммы он честен?» (*Тхоржевский И.И.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. С. 55).

[3] [*Витте С.Ю.*] Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 80. По воспоминаниям В.И. Ковалевского, И.А. Вышнеградский любил работать в присутствии подчиненных (*Ковалевский В.И.* Воспоминания. С. 46).

[4] Там же. С. 42–45.

Схожим образом себя вел министр юстиции Н.А. Манасеин, стремясь проверять каждую бумагу[1]. Он подмечал самые мелкие недочеты своих сотрудников. Так, однажды ему пришло прошение о помиловании солдата, совершившего преступление, когда тому якобы было 35 лет. Манасеин нашел метрику, которая доказывала, что на момент преступления обвиненному было 34 года. В данном случае возраст не имел никакого значения. Тем не менее Манасеин сделал строгий выговор своим подчиненным[2]. В этом отношении выгодно от Манасеина отличался следующий министр юстиции Н.В. Муравьев. Он лично отбирал сотрудников, но при этом полностью доверял им, предоставляя свободу действий[3].

С.Ю. Витте, один из наиболее выдающихся государственных деятелей конца XIX – начала XX в., предпочитал устные доклады письменным. Последние почти не читал[4]. Большинство представлений подписывал, не знакомясь с ними[5]. Однажды на заседании Комитета министров его коллеги даже заметили расхождение между его словами и содержанием представления Министерства финансов. Витте, нисколько этим не смутившись, ответил, что «не отвечает за всякий вздор, какой чиновники министерства могли написать от его

---

[1] *Мещанинов И.В.* Воспоминания пережитого. С. 160.

[2] Там же. С. 161.

[3] Там же. С. 225.

[4] Из этого вовсе не следует, что С.Ю. Витте манкировал своими обязанностями. Напротив, он был одним из наиболее эффективно работавших министров. Придворный врач Н.А. Вельяминов, в частности, вспоминал: «Половина самого министра [С.Ю. Витте] состояла из большой приемной залы, кабинета и рядом с ним уборной комнаты. Меблировка кабинета была более чем скромная. Большой канцелярский стол служил письменным столом министра, вокруг стулья для домашних совещаний, на столе ничего, кроме чернильницы и перьев, карандашей и лампы; бумаги – только по текущим делам этого дня. К вечеру все поданные дела должны были быть исполнены, до этого С.Ю. не ложился, и секретарь должен был вечером совершенно очистить стол, поэтому у С.Ю. дела никогда не залеживались, и он за день исполнял колоссальную работу. Как-то раз С.Ю. объяснил мне свою систему работать, указал, что, по его мнению, большой администратор только при такой системе может быть продуктивен» (*Вельяминов Н.А.* Встречи и знакомства // С.Ю. Витте. СПб., 2018. С. 148–149).

[5] Согласно воспоминаниям А.В. Ивановского, подобное отношение было в целом характерно для чиновников финансового ведомства. Так, мемуарист писал, что «за долгое управление Министерством финансов Сергея Юльевича Витте в почетных департаментах министерства выработался особый тип чиновника, который исчез только с появлением на сцену Государственной думы, носивший название “жеманфишистов” от французской фразы, которая может быть переведена приблизительно словом “наплевать”. Это были люди самоуверенные, неглупые, умеющий хорошо говорить, находчивые, но с очень поверхностными знаниями» (*Ивановский А.В.* Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 414. К. 2. Д. 2. Л. 139).

имени»[1]. Подобные ситуации случались часто. Еще в июне 1884 г. А.А. Половцов обосновывал значение Государственного совета тем, что он был необходимым барьером для министерских инициатив, в действительности подготовленных не министрами, а их сотрудниками. Совет ставил предел законодательному произволу «столоначальника»: «В нынешнюю сессию я был свидетелем, как один министр не мог объяснить Совету свойство одной категории дел, исчислявшихся в его представлении, другой – оставил на столе печатное представление, им внесенное, но, очевидно, без его ведома составленное его подчиненными, с указанием усмотренных им самим несообразностей, третий – прислал замечания, обведенные его рукой по карандашным наброскам постороннего лица, четвертый спрашивал меня письменно, почему останавливается разрешение в Совете интересующего его дела, на что я отвечал, что дело решено пять лет тому назад с возложением на вопросителя особого по этому делу поручения»[2].

Неэффективность работы министров чаще всего объяснялась не их ленью, а неспособностью рационально организовать деятельность собственного ведомства. Например, министр земледелия А.С. Ермолов сам вычитывал корректуру издаваемой в его ведомстве «Земледельческой газеты», на что у него уходило чрезмерно много времени[3]. Иными словами, он не справлялся с распределением обязанностей среди своих сотрудников.

Это было тем более важно, что этот вопрос чаще всего не был решен в законодательном порядке. В частности, трудно было сказать,

---

[1] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 61. Это не отменяет того факта, что и С.Ю. Витте отличался большой работоспособностью, посвящая Министерству не менее 12 часов в сутки (*Ковалевский В.И.* Воспоминания. С. 64–65).

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 257. Будучи обер-прокурором Синода, Толстой редко являлся на службу. Уже в 1880-е гг. архиереи негодовали, что их бывший начальник не причащался. Более того, он терпеть не мог монахов и был категорически против того, чтобы они хоть как-то участвовали в его похоронах (*Богданович А.В.* Три последних самодержца. С. 111–112).

[3] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 69. Как вспоминал И.Ф. Романов (Рцы), «А.С. Ермолов во многих отношениях представлял тип человека просвещенного, с широкими взглядами, чуждого мелкого формализма. Никогда не стеснял одеждой при докладах ему, первый среди министров отменил обычай праздничных поздравлений, товарищески переписывался со мной, оставив мне на память до полусотни писем разнообразного содержания, допускал, а отчасти подзадоривал сам на безграничную критику общей министерской политики...» (*Рцы (Романов И.Ф.)* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2: Плюсы жизни: Литературные очерки. Художественная критика. Юмористическая проза. Письма к И.С. Аксакову, Н.П. Гилярову-Платонову, В.В. Розанову, А.С. Суворину и другим современникам / изд. подг. А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров. СПб., 2016. С. 600).

каковы были обязанности товарищей (заместителей) министра. Фактически они играли роль чиновников по особым поручениям, правда, с правом подписывать некоторые документы за своего начальника. Их полномочия полностью определялись самим министром. Однако бывало и по-другому. В ряде случаев именно на товарищей министров возлагалось основное бремя ответственности за работу ведомства. Например, когда министром внутренних дел был И.Н. Дурново, ключевой фигурой в этом учреждении являлся В.К. Плеве. Он вел основную работу, выступал от имени министра на заседании Государственного совета. Благодаря Плеве бессвязные фразы Дурново складывались в более или менее цельную позицию[1].

Конечно, многое в этом случае зависело от личных качеств главы ведомства. Плеве при Дурново был хозяином положения. Чаще всего было иначе. Товарищ министра «представлял собой машину для подписи “за министра” на той массе бумаг, которые ежедневно заготовлялись в департаментах...»[2]. Выполняя эту работу, чиновник даже не пытался ознакомиться с содержанием всех подписываемых им документов. Товарищ министра внутренних дел князь С.Д. Урусов лишь «слегка проглядывал» эти бумаги, «более из любознательности, нежели по необходимости»[3]. Товарищ министра – это особая функция в административной системе России. Как писал А.А. Половцов Александру III, «по самому своему идеалу товарищ министра представляется типом человека более пригодного к текущим делам, чем к высшему направлению деятельности в том или другом смысле... Обыкновенно товарищи берутся такие, чтобы не представляли никакой опасности сделаться заместителями министров, их избравших»[4].

В министерствах существовало вполне обоснованное убеждение, что товарищ министра – самый несчастный человек в ведомстве[5]. Че-

---

[1] У И.Н. Дурново была репутация не самого сильного министра. По словам А.С. Суворина, сам Александр III говорил: «Когда Дурново мне докладывает, я все понимаю, а он ничего не понимает, когда Витте – я не понимаю, но зато он все понимает, а когда Кривошеин – ни он, ни я – мы ничего не понимаем» (*Богданович А.В.* Три последних самодержца. С. 187).

[2] *Урусов С.Д.* Записки. Три года государственной службы / вступ. ст., сост., коммент. Н.Б. Хайловой. М., 2009. С. 594. Примечательно, что Урусов в свою бытность товарищем министра внутренних дел редко видел своего прямого начальника – министра П.Н. Дурново: всего пять раз (Там же. С. 595).

[3] Там же. С. 597.

[4] Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 4. Л. 191.

[5] 30 апреля 1893 г. министр государственных имуществ А.С. Ермолов писал Д.С. Сипягину: «При ежедневных почти в последнее время заседаниях Государственного совета, при необходимости, кроме того, бывать в Сенате, Комитете министров и

рез него проходило существенно больше бумаг, нежели через других чиновников, включая и самого министра. Это значит, что он вынужден был работать больше многих своих коллег. Будучи товарищем министра государственных имуществ, А.Н. Куломзин писал матери: «Дело у меня выше головы. Я разрешаю от 60 до 100 докладов в докладные дни и подписываю каждый день до 50 бумаг. В сущности, наше Министерство сравнительно небольшое. М.С. Каханов рассказал мне, что в качестве товарища министра он подписывал до 300 бумаг в день. Управляющий почтами Безак – до 150 бумаг в день. Как обставлена у нас должность министра, ты можешь судить по тому, что при исправлении этой должности мне пришлось разрешить расход в 8 руб. на покупку штанов для швейцара Министерства»[1]. И.Н. Дурново в бытность товарищем министра внутренних дел сообщал М.И. Семевскому: «Вы не поверите, что мне приходится в день подписывать никогда не меньше 300 бумаг и я их подписываю под влиянием ужаса, что если не подпишу сегодня, то завтра самих бумаг будет 600–700. Вы не поверите также тому, что по заведенному исстари... порядку, нет бумаги, которая бы шла к губернатору не за подписью товарища министра. Разрешение о перевозке трупа из одного уезда в другой дается, например, у нас в России не иначе как с разрешения министерства. Бывает время, что я по три дня не вижу моих собственных детей, по три дня не могу перейти во внутренние комнаты, чтобы их обнять»[2].

Чуть меньшая нагрузка ложилась на начальников отделения. По сведениям чиновника Министерства юстиции И.В. Мещанинова через них ежегодно проходило 14–15 тыс. документов. Руководитель их ведомства Д.Н. Набоков требовал досконального знания всех этих дел. В итоге «врали ему отчаянно, получали словесное приказание, которым, зная хорошо плохую память министра, при дальнейшем направлении дела, нимало не стеснялись»[3].

Все это ставило министров в зависимость от своих ближайших помощников. По словам заведовавшего архивом и библиотекой Св. Синода А.Н. Львова, «все [в Синоде] сконцентрировалось около жела-

---

разных комиссиях, мне не только крайне трудно оставаться так долго без товарища, но от этого положительно страдает дело и задерживается исполнение возложенного на меня Его Величеством поручения по составлению предположений о преобразовании Министерства» (Письмо А.С. Ермолова Д.С. Сипягину 30.04.1893 // РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 346. Л. 10).

[1] *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 291–292.

[2] Материалы к запискам М.И. Семевского // РО ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 581–582.

[3] *Мещанинов И.В.* Воспоминания пережитого. С. 148.

ний и угождений Победоносцеву. Все и все живет и дышит им. А что он сам представляет? Спеленатого Саблером [товарищем обер-прокурора Св. Синода] ребенка или загипнотизированного им же человека». Сам же В.К. Саблер становился ключевой фигурой в ведомстве православного исповедания. «А что такое Саблер? – рассуждал Львов. – Человек, говорящий на всех языках, имеющий энергию невероятную, занимающийся всем, кроме синодальных дел, а, в общем, человек без всяких решительно принципов, без всякого направления и характера. Это человек, которому не только некогда почитать, поговорить о деле, но даже который едва ли когда и думает о чем-нибудь. С 7 утра и до 12–1 часа ночи он, как ртуть, везде двигается, устраивая монахов, монахинь, собирая вокруг себя толпы нищих и т. д.»[1].

Как в любом учреждении, и в министерствах многое зависело от канцелярии. Постороннему наблюдателю ее деятельность могла показаться не слишком привлекательной. В частности, это относится к Хозяйственному департаменту МВД, куда в 1896 г. пришел устраиваться на работу молодой С.Е. Крыжановский, будущий последний государственный секретарь Российской империи: «Тесное помещение Департамента у Чернышева моста было битком набито чиновниками разных рангов и писцами. Пишущие машинки еще не вошли в обиход, писали от руки и рук этих требовалось множество. Только директор... вице-директор... и управляющий страховым отделом имели кабинет. Все остальные располагались в общих, до отказа прокуренных, грязноватых помещениях, буквально на головах друг у друга»[2].

Положение канцелярии во многом определялось той ролью, которую ей отводил глава ведомства. Законодательство на сей счет опять же молчало. При министре внутренних дел графе М.Т Лорис-Меликове она под руководством А.А. Скальковского готовила проект «конституции». При графе Н.П. Игнатьеве канцелярией руководил Д.И. Воейков[3]. Тогда чиновники министерства были озабочены скорым созывом Земского собора. При графе Д.А. Толстом правителем канцелярии был назначен А.Д. Пазухин, который стал

---

[1] [*Львов А.Н.*] «Князья церкви» (из дневника А.Н. Львова) // Красный архив. 1930. № 2. С. 113.

[2] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания // Bakhmeteff archive (BAR). Kryzhanovskii coll. Box. 2. Folder 2.

[3] Согласно воспоминаниям К.Ф. Головина, «убежденный земец Д.И. Воейков, прямой антипод всякого формализма, небрежный даже к своему платью, очень умный, хотя и не слишком дисциплинирован был этот ум, графом Игнатьевым был назначен начальником его канцелярии. Наполовину народник, наполовину консерватор, он был олицетворением того монархического подудемократизма, который придавал новому правительству его основную окраску» (*Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. 2. С. 54).

автором реформ местного самоуправления. Были же периоды, когда канцелярия практически бездействовала (например, в годы министерства Д.С. Сипягина)[1]. Штат же канцелярии МВД был определен в 1868 г. и состоял из правителя канцелярии, нескольких секретарей и экспедиторов. «Потому, – как вспоминал Д.Н. Любимов, – большинство лиц, входивших в состав канцелярии, считались к ней прикомандированными. Было прикомандировано даже целое отделение из Департамента общих дел»[2].

Чиновников, умевших грамотно составлять бумаги, в любом ведомстве было сравнительно немного. Как вспоминал П.П. Менделеев о Министерстве юстиции, «толковых писак, умевших связно, сжато и логично выражаться, весьма ценили. Как это ни странно, их было очень мало. Один, два и обчелся. И так везде – во всех канцеляриях и министерствах»[3].

Короля делает свита. Министра – канцелярия. Как писал в своем дневнике А.А. Половцов, «министры завалены несоразмерным трудом. Они необходимо состоят в зависимости от своих канцелярий, заготавливающих работу, не имеющих никакой между собой связи и единства и рассматривающих высшие правительственные учреждения, и в особенности Государственное казначейство как нечто враждебное, тормозящее, нечто такое, что не грех подчас обойти, лишь бы достигнуть своей цели»[4]. Министерства, лишенные всякой возможности (как, впрочем, и желания) координировать свои действия, вели свой курс, ориентируясь на собственные интересы и, естественно, сталкиваясь с конкурентами, т. е. прочими ведомствами. Их канцелярские сражения были настоящей «битвой бумаг». Как говорил А.А. Абаза, «каждое министерство считается у нас чуть ли не отдельным государством; весьма нередко один министр не знает, что предпринимает другой; не только не всегда можно рассчитывать на помощь своих сотоварищей, но в некоторых из них встречаешь противодействие. Вследствие этого выходит полный разлад; цель же, преследуемая правительством, не достигается»[5].

Канцелярские чиновники действовали согласно собственной логике и своим весьма своеобразным интересам. Как вспоминал С.Е. Крыжановский, «большинство служащих были старые, засидев-

---

[1] *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906: Воспоминания // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 19.

[2] Там же. Л. 18.

[3] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни. Обрывки воспоминаний. С. 114.

[4] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 262–263.

[5] *Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 198.

шиеся на своих местах чиновники, которые знали, что впереди ничего нет, кроме отставки, а потому никогда не спешили. Каждому поступающему делу они давали вылежаться, потом подыскивали “бывшие примеры” и в соответствии с ними учиняли проекты исполнения. Вся деятельность учреждения проникалась поэтому рутиной и механической отпиской». В министерства стекалась самая разная документация: утверждение жалованья низших чиновников, проект домашних электрических устройств и т. п. Опытные столоначальники любили подобные дела. Благодаря им без особого труда бюрократы увеличивали бумагооборот, что свидетельствовало об эффективности их работы[1].

В бюрократической системе одновременно происходило распыление и централизация власти. С одной стороны, все подчинено воле высшего начальства, с другой – оно было вынуждено делегировать свои полномочия подчиненным, «начальству поменьше», которое, в свою очередь, было вынуждено делать то же самое. Император зависел от министров, министры – от своих товарищей, товарищи – от директоров департаментов и т. д. Это был путь «распыления» ответственности. Вместе с тем это была «лестница», по которой поднимались законопроекты на пути превращения их в законы, одновременно способствуя обогащению их составителей. По сведениям чиновника МВД, а впоследствии товарища министра и государственного секретаря С.Е. Крыжановского, в распоряжении Хозяйственного департамента МВД «имелись накопленные в старые времена специальные капиталы особого назначения, а равно особые кредиты, отпускавшиеся на законодательные работы, большинство коих в ту эпоху сосредоточено было в этом именно учреждении. В числе их состоял капитал, носивший странное наименование “капитала на общеполезные издания”. Основная масса была израсходована еще в шестидесятых и семидесятых годах, когда шли первые работы по устройству местного самоуправления. Оплачивались они очень широко»[2].

Работа чиновников среднего звена бюрократии требовала немало усилий. Обычно она начиналась сравнительно поздно: около 11 часов дня. Старшие чины появлялись на службе около полудня[3]. Начальник отделения приходил на работу в час дня, уходил в шесть. Затем же он работал дома: с 9 часов вечера до двух часов ночи. Если же в какой-то вечер он оставлял бумаги без движения, предпочтя дело-

---

[1] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания // Bakhmeteff archive (BAR). Kryzhanovskii coll. Box. 2. Folder 2.

[2] Там же.

[3] *Урусов С.Д.* Указ. соч. С. 597.

производство театру или гостям, ему приходилось наверстывать упущенное в выходные[1]. Таким образом, на «фабрике» по производству ведомственных документов каждая «шестеренка» работала на пределе своих возможностей.

Жизнь любого министерства разворачивалась не только в канцеляриях, «присутственных местах». Свои правила поведения были в коридорах, на лестницах, в чайных, приемных комнатах ведомств. Там циркулировали лица разного рода занятий. «Темная лестница, темные, грязные коридоры, заставленные шкафами, серые каменные плиты... кажется, не очень заманчивое, а какое движение по ним, какое разнообразие типов, национальностей, стекающихся со всех концов света, – вспоминал чиновник МИД П.С. Боткин. – Всякий, имеющий какое-либо касательство к Министерству иностранных дел, допускается в коридоры и может по ним беспрепятственно разгуливать в присутственные часы. Министерские коридоры – нечто среднее между клубом и театральным фойе». Отсюда распространялись новости по всему городу. Тут зарождались слухи и сплетни[2].

Многое обсуждалось в чайных комнатах. В определенные часы там собирались все чиновники того или иного департамента – вне зависимости от должности или возраста. Особое значение имел чай у министра. «Если вы зайдете в Министерство после четырех часов и пожелаете видеть одного из начальников этого учреждения, курьер вам неизменно ответит: “Придется подождать, они у министра чай пьют”»[3].

В министерствах регулярно создавались комиссии, благодаря которым процесс принятия решения становился удивительно тяжеловесным, а следовательно, фактически выводился из-под контроля руководителя ведомства. По словам А.Н. Куломзина, в Министерстве путей сообщения, когда им руководил князь М.И. Хилков, «люди, стоявшие во главе департаментов, вынуждены были председательствовать или докладывать в 5–8 комиссиях в день. При этом машина эта скомбинирована была так, что все важное шло помимо министра. Лишь когда между лицами, поставленными во главе разных департаментов, или между начальниками отделов департамента происходили разногласия, дела доходили до министра. Следовательно, стоило чиновникам стакнуться – и министр никогда не мог узнать о том, что делается у него под носом». В итоге все ведомство пришло в хаотическое состояние. «До князя Хилкова доходили лишь дрязги, мелкие

---

[1] *Мещанинов И.В.* Воспоминания пережитого. С. 153.

[2] *Боткин П.С.* Картинки дипломатической жизни. Париж, 1930. С. 22.

[3] Там же. С. 23.

пререкания, и чиновники получили силу неограниченных властителей. На местах злоупотребления, взятки получили громаднейшее развитие... Ни один отправитель не мог получать ни одного вагона без взяток, тогда как в одних местах дошедшие до феноменальных размеров залежи ставили земледелие и промышленность в критическое положение, вагоны сотнями стояли без дела на узловых станциях. Ни одного подряда на казенных дорогах, ни одной поставки нельзя было получить без довольно крупной взятки, и как бы добросовестен ни был поставщик, квитанции на получение расчета он не мог получить, не заплатив приличную мзду»[1].

Это лишь один пример того, как будто бы надежный механизм предусматривал неизбежные системные сбои. Столкновения происходили не только между ведомствами. И внутри министерств имелись серьезные трения. Сотрудники ведомства порой проводили собственную линию, не во всем ориентируясь на позицию министра. Так, В.П. Мещерского возмущало своеволие директора Департамента полиции П.Н. Дурново, которое давало о себе знать в самых разных обстоятельствах. Например, тверской губернатор А.Н. Сомов, беседуя с министром Д.А. Толстым, пожаловался, что ссыльным часто определяли Тверь в качестве места жительства. В результате тверское земство было настроено весьма оппозиционно. «В таком случае это надо прекратить», – согласился Толстой. Воодушевленный Сомов поехал к Дурново, но там его ждало разочарование. «Ну нет, граф ошибается, помилуйте, мы потому и назначаем им Тверь как место жительства – что в Твери им лучше жить!» – поучал директор Департамента полиции[2].

Товарищ министра внутренних дел П.В. Оржевский и столичный градоначальник П.А. Грессер жестоко враждовали друг с другом. Причем и тот, и другой оборачивали в свою пользу страх Д.А. Толстого перед возможными покушениями на его жизнь[3]. Такие проблемы были характерны не только для Министерства внутренних дел. С 1901 г. назначенный товарищем министра народного просвещения Г.Э. Зенгер всячески противодействовал своему прямому начальнику П.С. Ванновскому, в обществе же неизменно дурно о нем отзывался. На заседаниях межведомственных совещаний Зенгер защищал

---

[1] *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 513.

[2] *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 455.

[3] *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы // За кулисами политики. М., 2001. С. 149.

точку зрения, прямо противоположную позиции министерства. Это вызвало недоумение даже у руководителей других ведомств[1].

Действительно, министру следовало думать об интересах собственного ведомства. Его не должны были занимать проблемы коллег, а тем более вопросы развития России как единого целого[2]. Это отчасти объясняет своеобразие подходов представителей высшей бюрократии, причем даже самых дальновидных из них. Министр финансов И.А. Вышнеградский не боялся вступать в конфликт с руководителями других ведомств. Он яростно защищал от них государственную казну, волнуясь исключительно о финансовой стабильности. Он был из числа тех министров финансов, о которых французский историк и государственный деятель О. Тьер сказал, «что он должен быть свирепым»[3]. Согласно воспоминаниям В.И. Ковалевского, военный министр П.С. Ванновский представил Александру III доклад, в котором доказывалась необходимость инвестиций с целью поднять «хозяйственный и умственный уровень населения». Это

---

[1] *Мещанинов И.В.* Воспоминания пережитого. С. 247. В бюрократической среде видели противостояние министров со своими сотрудниками даже тогда, когда его в действительности не было. Так, в декабре 1885 г. К.П. Победоносцев успокаивал М.Н. Каткова относительно направления Министерства юстиции под руководством Н.А. Манасеина. По мнению обер-прокурора Синода, следовало войти в положение нового министра: «Прежнее управление образовало целую банду заинтересованных чинов, с коей нужно бороться и борьба эта нелегкая» (Письмо К.П. Победоносцева М.Н. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 67 об.). Впрочем, многие с Победоносцевым в данном случае не соглашались. Так, ближайший сотрудник Д.А. Толстого А.Д. Пазухин предполагал и, видимо, не без оснований, что умный и волевой Манасеин просто «взял в плен» «слабую волю» обер-прокурора Синода (Письмо А.Д. Пазухина М.Н. Каткову 31.03.1886 // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 102).

[2] В связи с этим весьма показателен рассказ Д.А. Толстого, который записал в дневнике А.А. Половцов. Будучи министром народного просвещения, Толстой посещал различные губернии, собирал информацию, но никто из его коллег даже не думал поинтересоваться теми сведениями, которые касались их собственных ведомств. «В 1877 году летом я вернулся из Архангельска, поехал в Царское Село к императрице и был приглашен завтракать... За столом императрица заметила, что я, вероятно, видел в том крае богатые леса. Я возражал, что лесные пространства действительно обширные, но что леса истребляются беспощадно и пожарами и в особенности невежественным хищничеством не только тех, кои рубят лес, но тех, кои сдирают кору. На вопрос императрицы, сообщил ли я о том [министру государственных имуществ] Валуеву, я отвечал, что не сделал этого вследствие дознанной мною на опыте бесполезности подобных сообщений, но готов это сделать, если императрица прикажет. «Я вам приказываю», – в шутку отвечала императрица. На другой день я увидел Валуева в Комитете министров и передал ему разговор с императрицей. Вместо ответа Валуев стал что-то насвистывать и вышел из той курильной комнаты, где происходил наш разговор» (*Половцов А.А.* Дневник // ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 20. Л. 59 об. – 60).

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 223.

должно было способствовать повышению обороноспособности страны. Император утвердил доклад. Об это узнал Вышнеградский. Он подал царю свой доклад, в котором отстаивал жесточайшую экономию средств. Александр III согласился и с этим. Вскоре после этого Ванновский, встретившись с Вышнеградским, рассказал ему о своем докладе, прибавив, что «он имел счастье удостоиться высочайшего одобрения». В ответ министр финансов нашел на столе свой доклад и поведал о «своем счастье». Причем его «счастье», как более позднее, «поглощает более ранее счастье» Ванновского[1].

С.Ю. Витте, в свою очередь, не был слишком озабочен социальными последствиями индустриализации. Кроме того, по оценке В.И. Гурко, этого безусловно выдающегося министра финансов интересовала лишь фабрично-заводская промышленность. Все остальные отрасли народного хозяйства волновали его «постольку поскольку». «Витте, – по словам Гурко, – был русским Кольбером, но работавшим на рубеже XIX и XX вв. и притом сохранившим миросозерцание и взгляды на социальные проблемы XVII в. Для него важно было создать условия, благоприятные для работы капитала в крупных промышленных предприятиях: этим одним он и был озабочен. Бесправное положение рабочих, их полная зависимость от работодателей ввиду неразвитости рабочих и их полной неорганизованности в то время вполне отвечали интересам капитала. Изменить это положение, обеспечить за рабочими хотя бы минимальные права ввиду этого вовсе не входило в планы Витте или, вернее, даже не приходило ему на ум»[2]. При этом, министр финансов, пользуясь своим немалым влиянием, активно вмешивался в работу прочих ведомств, например, Министерства иностранных дел[3].

Плеве в качестве министра внутренних дел небезуспешно боролся с попытками Витте явочным порядком расширить сферу своей компетенции[4]. 14 декабря 1903 г. он составил записку императору, в

---

[1] *Ковалевский В.И.* Воспоминания. С. 41.

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 140. См.: *Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987. С. 33.

[3] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 206.

[4] На обеде у князя В.П. Мещерского В.К. Плеве, в частности, заметил С.Ю. Витте: «Сергей Юльевич, – вы уже столько лет правите страной единолично (это слово он отчеканил), что я, признаться, удивляюсь, для чего вам понадобилось согласование деятельности двух ведомств именно теперь, когда его величеству угодно было вручить внутреннюю политику в мои слабые руки? Ведь до меня были такие столпы государственности, как Иван Николаевич (Дурново), Горемыкин, Сипягин. (Слово «столпы» Плеве опять насмешливо отчеканил). Вы не ладили лишь с Иваном Логгиновичем (Горемыкиным). Но вы же его и скушали. Хе-хе! А с другими двумя вы жили в ладу, и плоды вашего сердечного с ними единения, т. е. согласования финансов и политики, о

которой настаивал на невозможности удовлетворить просьбу Витте о расширении его полномочий по ведению переговоров о торговом договоре с Германией. «Не могу в заключение не довести до Высочайшего сведения Вашего Величества, – писал министр внутренних дел, – что для спокойствия государственного и общественного государственную роль с волей министра финансов надлежала бы ускромнению, а не расширению. Со времени возвращения статс-секретаря Витте из-за границы его поведение создает ряд осложнений: в частной и общественной жизни он служит источником тревожных слухов о современном положении наших внешних сношений и внутренних дел и вдохновителем продолжающейся газетной кампании за границей, т. к. двигатели этой кампании, преимущественно евреи и финляндцы, видят в нем энергичного союзника»[1]. Возможно, подобные (и даже более резкие по содержанию) бумаги министр внутренних дел хранил у себя до последних дней. Согласно воспоминаниям Витте, в портфеле Плеве после его смерти было найдено донесение агента полиции, в котором доказывалась связь Витте с революционными организациями. По мнению председателя Комитета министров, оно было специально составлено по поручению министра внутренних дел для компрометации своего оппонента. Витте отвечал Плеве взаимностью[2]. Он узнал о гибели министра внутренних дел в квартире посла России в Берлине. Витте перекрестился и сказал: «О мертвых не следует дурно говорить, но все-таки покойный был великий мерзавец». Посол граф Н.Д. Остен-Сакен недоумевал, что же будет дальше. Витте же его успокаивал: «Вы думаете, граф, что нет людей, которые бы не знали, что нужно делать, да вот я, у меня готов весь план действий

котором вы изволите говорить, – плоды эти налицо. Я со стороны любовался вашими талантами и даже, можно сказать, учился... Заочное обучение, как это называют, хе-хе! Но вот результаты. Бедный Дмитрий Сергеевич в гробу, народ пьян и дик, общество бунтует, Россия взъерошена. Если бы было иначе, меня ведь не призвали бы к власти, – меня, старого, немощного, после того, как меня забраковали молодого и сильного...» (*Колышко И.И.* Великий распад. Воспоминания. С. 74).

[1] Записка В.К. Плеве императору Николаю II 14.12.1903 // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 625. Л. 7 об.

[2] А.А. Лопухин категорически отрицает эту версию событий, изложенную в воспоминаниях С.Ю. Витте. По словам бывшего директора Департамента полиции, речь должна была идти о перлюстрированных письмах, найденных в столе В.К. Плеве после его гибели. Оттуда были извлечены письма С.Ю. Витте с резкой критикой политики министра внутренних дел, а также переписка правых деятелей, которые весьма грубо отзывались о председателе Комитета министров. Эти письма были показаны императору и, видимо, не напрасно. На записке Плеве Николай II отметил, что «тяжело разочаровываться в своих министрах» [*Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 13–14].

для успокоения умов»[1]. В письме же военному министру А.Н. Куропаткину от 19 августа 1904 г. он писал о гибели своего недруга так: «С г-ном Плеве сделалось то, что должно было сделаться, и страшно то, что нигде это преступление не встретило соболезнования. Только послышался вздох облегчения и проклятия его памяти...»[2]

Действительно, ведомственный эгоизм вел к непримиримой борьбе[3]. Столкновения же министерств могли принимать самые разные

---

[1] *Бентковский А.К.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 218. К. 558. Д. 1. Л. 37 об. – 38. С.Ю. Витте был последователен в оценках В.К. Плеве. 25 февраля 1904 г. в частных разговорах он отмечал, «что внутренняя политика Плеве самая губительная для России и что такой политики Русское государство еще никогда не знало. Уверен, что результатом того, что теперь происходит, будет перемена настоящего политического режима» (Там же. Л. 14).

[2] Переписка С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина в 1904–1905 гг. // Красный архив. Т. 6 (19). М.; Л., 1926. С. 71.

[3] По словам В.И. Гурко, правительство России представляло собой ряд конкурировавших ведомств, которые не могли выработать единый курс. Наоборот, они противодействовали друг другу. В сфере законодательства это выражалось в постоянных компромиссных решениях, которые препятствовали реализации любого значительного преобразования. Однако при всех недостатках подобная система управления имела свои очевидные преимущества. «Пререкания между министрами (чем бы они не вызывались, хотя бы не их разным пониманием государственных вопросов, хотя бы не отстаиванием специальных интересов личного дела, которое составляло предмет ведения данного министра, а только личными соображениями), лишало министров возможности окончательно отрезать царя от народа, заключить его в заколдованный круг, не доводить до него сведения, почему-либо для них неблагоприятные. Тут действовал принцип “divide et impera” («разделяй и властвуй». – *К. С.*). Русская конституция. Царь лишен возможности решать хотя бы главнейшие вопросы государственной жизни на основании сведений им лично собранных – в ссоре министров мог видеть тот же вопрос с различных сторон» (Записки В.И. Гурко // РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 217. Л. 121).

М. Вебер так определил характер управленческой системы, сложившейся в России к 1905 г.: «Страна была поделена на департаментские сатрапии. Оспаривая друг у друга сферы влияния, департаменты фактически находились в состоянии войны друг с другом и жили в атмосфере постоянных административных интриг. Перепалки между могущественными чиновниками порождали необъятную – на сотнях страниц – переписку. Эту переписку от имени нападающих и защищавшихся департаментов часто вели обученные в Германии ученые-эксперты, изучавшие для этого в поте лица всю мыслимую российскую и иностранную литературу по государственному праву, экономике и истории. Если иметь ключ к этой переписке, то она может оказаться пусть и не увлекательным, но вполне поучительным чтением» (*Вебер М.* О России: Избранное. М., 2007. С. 64–65). Вебер был знаком с этой проблематикой не понаслышке. Революционные события 1905 г. увлекли его. Он быстро выучил русский язык, ежедневно читал российские газеты, общался с эмигрантами из России (прежде всего с правоведом Б.А. Кистяковским) (*Вебер М.* Жизнь и творчество Макса Вебера / пер. с нем. М.И. Левиной. М., 2007. С. 286–287). При посредничестве Кистяковского познакомился с Ф.А. Степуном, с которым много беседовал о Л.Н. Толстом, о филосо-

формы[1]. Это могла быть бесконечная переписка, бесплодная работа межведомственной комиссии, дискуссии на заседании Государственного совета, попытка убедить императора в собственной правоте. Наконец, оставалась надежда переманить оппонента на свою сторону. Как уже отмечалось выше, добиваясь необходимого результата, С.Ю. Витте не стеснялся идти на подкуп своих коллег. «Кроме большого числа хорошо оплачиваемых должностей – а у всякого есть если не сыновья, то племянники и вообще близкие, которых надо пристроить, – в распоряжении министра финансов имелся государственный кредит. Независимо от Государственного банка, выдававшего не только торговые, но и промышленные ссуды, в ведении Витте были и Дворянский, и Крестьянский земельные банки, причем последний мог приобретать земельные имущества почти по любой цене». Правда, порой Витте встречал отпор. Так, например, он предложил министру иностранных дел князю А.Б. Лобанову-Ростовскому приравнять жалованье руководителя внешнеполитического ведомства и послов Российской империи, которые в среднем получали на 30 тыс. руб. больше. На это Лобанов-Ростовский ответил: «Разве вы слышали, что я об этом хлопочу? В таком случае ваша осведомленность плохая»[2].

Схожим образом мог влиять на своих коллег и министр земледелия и государственных имуществ (до 1893 г. речь шла о министре государственных имуществ). По его докладу руководителям ведомств ассигновались «аренды» – особые денежные выплаты[3]. Правда, этим ресурсом надо было уметь пользоваться. Долгое время занимавший

фии В.С. Соловьева. М. Вебер планировал даже осуществить путешествие по России (*Каубе Ю.* Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох. С. 427).

[1] *Weissman N.B.* Reform in Tsarist Russia. The State Bureaucracy and Local Government, 1900–1914. New Brunswick, New Jersey. 1981. P. 55–56; *Yaney G.L.* The Systematization of Russion Government. Social Evolution in the Administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana, Chicago, London, 1973. P. 320–321.

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 49. Проблему коррупции российского чиновничества конца XIX – начала XX в. непросто изучать на имеющихся в распоряжении исследователей материалах. Трудно строить утверждения на слухах и домыслах, распространенных в обществе и получивших отражение в мемуарной литературе. Иных же источников – очень мало. Проблема заключается еще и в том, что коррупция рубежа столетий приобрела особые формы. Так, С.Р. Минцлов записал в своем дневнике: «Но хотя сами министры и вообще “знать” из чиновников и не берут теперь взяток – это слишком грубо – зато берут их жены» (Минцлов в данном случае намекает на Матильду Витте) (*Минцлов С.Р.* Петербург в 1903–1910 гг. / подг. текста, биографический очерк и примеч. К.Н. Веселовского. М., 2012. С. 20).

[3] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 70.

пост министра А.С. Ермолов (1893–1905) этим «искусством» не владел.

И, конечно, особый инструментарий был в распоряжении министра внутренних дел. Его ведомство перлюстрировало письма всех министров (за исключением, конечно, шефа). С.Ю. Витте жаловался министру внутренних дел И.Л. Горемыкину, что прослушивался его телефон[1]. Министры с удовольствием пользовались агентурой, собирая необходимую им информацию. В связи с этим показателен случай из биографии члена Государственного совета С.Ф. Платонова. В высшем законосовещательном учреждении империи обсуждался вопрос о выделении торговых портов из ведения Министерства финансов и отнесение их к сфере компетенции Главного управления торгового мореплавания. Платонов голосовал против такого решения. После заседания он поехал обедать к своим близким знакомым. Там, вопреки публично высказанной позиции, он усомнился в правильности собственного решения: ведь, в сущности, Витте ничего для портов не сделал. Пару дней спустя Витте в личной беседе с Платоновым начал спорить с ним, доказывая, что его деятельность была очень полезной для торгового флота. Платонову оставалось только удивляться: на заседании Государственного совета он не оспаривал точку зрения министра финансов. «Да я не о заседании говорю, а о том, что Вы рассказывали там-то за обедом», – парировал Витте. Прошло еще несколько дней. На приеме у императора Платонов встретился с Плеве. Тот предложил подвести домой в своем экипаже. В пути речь зашла о поразительной осведомленности Витте, который знал, что говорилось даже во время дружеской беседы. «Да ведь это было там-то?» – спросил Плеве. «Да», – отвечал Платонов. «И присутствовал такой-то». – «Да». «Ну он прямо после обеда был у Витте и рассказал ему это, а, кстати, еще то-то и то-то. Ведь об этом тоже говорилось за обедом? Не правда ли?» – с легкой улыбкой разъяснил Плеве[2].

---

[1] Письмо С.Ю. Витте И.Л. Горемыкину // РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 509. Л. 17–18.

[2] *Путилов А.С.* Граф С.Ю. Витте: Из личных воспоминаний // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 157. 8 мая 1904 г. С.Ю. Витте, в частности, написал графу С.Д. Шереметеву: «Определенных предметов для разговоров, собственно, нет, но хотелось бы только обменяться мыслями. К сожалению, у нас делать это письменно без оказии трудно, если не невозможно, хотя мы с Вами каких-либо замыслов против существующего порядка не имеем и, в частности, убивать Вячеслава Константиновича [Плеве] не собираемся, и хотя он наш хороший знакомый, но все-таки не всегда приятно, чтобы при нашей беседе он присутствовал. Это так естественно, что, вероятно, и ему не было бы особенно приятно, если бы кто-либо из нас присутствовали при его беседах со своими друзьями» [«Для избежания жертв должно не воевать». Письма С.Ю. Витте С.Д. Шереметеву / публ. Л.И. Шохина // Источник. Документы русской истории. 1995. № 2 (15). С. 17].

Так или иначе, добиваясь своего, министры проводили ведомственную политику, которая не складывалась в общегосударственную. Их порой успешная, но мало скоординированная деятельность приводила к асинхронности развития страны и тем самым мало-помалу дезорганизовала жизнь в России.

Комиссии. Искусство договариваться

Межведомственные трения, уравновешивавшие интересы различных бюрократических групп, по остроумному замечанию одного из наиболее видных деятелей эпохи Великих реформ Н.А. Милютина, и составляли подлинную «нашу конституцию»[1]. Эти слова потом не раз повторяли, и они не утрачивали своей актуальности.

Перед Россией стояла почти неразрешимая проблема – найти путь мирного сосуществования враждовавших ведомств. Конфликты между министерствами можно было разрешать при помощи переписки или же создания особых межведомственных комиссий. Первый путь не предполагал быстрого решения. Как вспоминал С.И. Тимашев, чиновник Министерства финансов, управляющий Государственным банком, а затем и министр торговли и промышленности, «сношение вызывало возражение, на него следовало контрвозражение и т. д., иногда на долгие годы, как в старом судебном процессе». Однако чиновник не имел права не возразить, дабы не вызвать сомнение в своей профессиональной пригодности. В связи с этим Тимашев описал случай из собственной практики: «В начале моей служебной деятельности получается на заключение сложный законопроект, разработанный другим ведомством при участии выдающихся специалистов и мало касающийся того ведомства, где я служил. Добросовестно прочитав полученный материал и убедившись в основательной разработке проекта, ограничился кратким отзывом, что по такому-то вопросу у ведомства возражений не встречается. Бумага возвратилась мне неподписанной, с приглашением поговорить. А “переговоры” оказались для меня довольно неприятными: мне поставлено на вид, что на такие сложные проекты нельзя ограничиваться отзывом в две строки, что это доказывает недостаточную пытливость и внимание, что следует углубиться, и тогда несомненно найдутся пункты, дающие повод для замечаний на законопроект. Пришлось подчиниться этим указаниям. В результате получился довольно пространный от-

---

[1] *Бунге Н.Х.* Загробные заметки, 1890–1894 гг. // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999. С. 238.

зыв, в котором, выражая сочувствие общей идее проекта и отдавая должное тщательной его разработке, министр финансов считал нужным коснуться некоторых (таких-то) частностей»[1].

Это все приучало чиновников подмечать мелочи, не «схватывая» главного, выявлять неточности, не понимая общего замысла. В любом случае межведомственная переписка по тому или иному проекту была верным способом его «похоронить». Опытные чиновники знали эту «технологию» и умело ей пользовались. Так, в экспедиции Сената имелось дело по спору графа Н.С. Мордвинова с татарами Байдарской долины. Оно велось с 1799 г. и за 50 лет превратилось в многотомное производство, которое занимало несколько полок в шкафу. Как-то в Сенат пришел запрос о положении дела. Молодой чиновник мог бы смутиться и даже испугаться. Опытный же экспедитор, не теряя времени, подготовил сношение с другими учреждениями. Затем, отвечая на запрос, написал, что дело задерживается по причине неполучения отзывов других ведомств. На этом инцидент был исчерпан.

В межведомственных комиссиях ход дела тоже был небыстрый. Многочисленные заседания всегда были и многоречивыми. Ораторы выступали по ничтожным поводам, останавливались на мелочах, отклоняясь от основной программы. Никто не ставил себе целью убеждать оппонентов. Выступали даже тогда, когда решение уже было принято. При этом всякий выступавший не слушал соседа, а следовательно, часто повторял все то, что тот говорил до него. Бессмысленные возражения становились признаком пытливости ума чиновника, его хорошего знания дела. Все это затягивало работу на долгое время, а следовательно, отрывало государственных служащих от их прямых обязанностей. В итоге могло так оказаться, что в один прекрасный момент министр не мог найти никого из своих ближайших сотрудников, т. к. все они находились на том или ином межведомственном сове-

---

[1] [*Тимашев С.И.*] Автобиографические записки С.И. Тимашева (1903–1906 гг.) // С.И. Тимашев: жизнь и деятельность. Избр. соч. / сост. А.Л. Вычугжанин. Тюмень, 2006. С. 244. В том числе и в этом сказывалась давно заведенная традиция, в огромной степени тормозившая законотворческий процесс. Как вспоминал К.Ф. Головин, «критика была делом обязательным, и плохим считался тот сановник, который не доказал бы, что мнение его коллеги совершенно неосновательно. Точно также сводная записка сколько-нибудь уважающего себя чиновника должна была непременно заключать в себе порицание существующего порядка, примеры из иностранных законодательств, мнения знаменитых ученых и окончательное заключение. Чем больше это мнение содержало оригинальных мыслей и чем неумолимее относилось к законопроекту, тем лучше было для карьеры чиновника, под одним, конечно, условием, чтобы он попал в точку, т. е. понравился начальнику. О России, разумеется, не думал никто» (*Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. 1. С. 158–159).

щании[1]. Таким образом, межведомственные комиссии и разного рода особые совещания зачастую мешали работе ведомства и одновременно с тем являли собой образец «законодательного долгостроя».

Яркий пример тому – Особая комиссия для составления проектов местного управления под председательством М.С. Каханова, иначе говоря, Кахановская комиссия. Она была создана 20 октября 1881 г. по докладу министра внутренних дел Н.П. Игнатьева, который рассчитывал на преобразования в системе местного управления. Комиссия была весьма многолюдной. В ее работе участвовали представители ведомств, сенаторы, «местные сведущие люди», т. е. представители земства и дворянских обществ. По словам К.Ф. Головина, тон задавали представители «либеральной бюрократии», поддерживаемые земцами и профессурой[2]. Лишь комиссия сформировалась в 1882 г., сменился министр внутренних дел. Д.А. Толстой в этом совещании не нуждался и внимания на него не обращал. В ноябре 1882 г. он объяснял А.А. Половцову: «Когда я был назначен министром внутренних дел, то Кахановская комиссия имела две недели существования. Я не хотел ее закрыть для того, чтобы против меня не возникло обвинение в том, что я помешал совершиться великому делу, но теперь я намерен свести результаты ее деятельности к нулю»[3]. Тем не менее комиссия продолжала заседать, приглашать на свои совещания общественных деятелей. В феврале 1885 г. Толстой представил доклад Александру III, в котором подчеркивалась либеральная направленность деятельности комиссии. Император согласился с критическим взглядом на ее работу: «Мне все кажется, что Кахановская комиссия работает

---

[1] [*Тимашев С.И.*] Автобиографические записки С.И. Тимашева (1903–1906 гг.). С. 244–245. Причем, по оценке Г.Б. Слиозберга, служившего юрисконсультом в Министерстве внутренних дел, подобное «блуждание» бумаг по различным ведомствам порой было лишено всякого смысла. «Существо нашей системы управления заключалось в том, что одно ведомство связывалось с другим не только в целях единства управления и единства политики, но и в целях наибольшей централизации – и даже вне всяких целей, а просто по рутине. Одно дело нередко проходило через ведомство юстиции, ведомство путей сообщения, государственных имуществ, конечно, финансов – хотя по существу своему это дело входило в круг компетенции одного лишь ведомства Министерства внутренних дел, которое его окончательно и решало» (*Слиозберг Г.Б.* Дела минувших дней. Записки русского еврея: В 2 т. Париж, 1933. Т. 1. С. 218).

[2] *Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. 2. С. 72. При этом практически в самом начале ее работ было очевидно, что результаты деятельности комиссии не могут быть значительными. Об этом говорил А.А. Половцов императору 29 января 1882 г.: «Будет то же, что было с комиссией о сокращении расходов. Каждый министр, один за другим, будет объявлять, что комиссия не должна касаться его министерства». В итоге сфера прерогатив комиссии будет сведена к нулю (*Половцов А.А.* Дневник // ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 20. Л. 45 об.).

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 162.

безрезультатно. Все эти вопросы должны исходить от Министерства внутренних дел и слишком важны, чтобы предоставлять обсуждать об них такой громадной комиссии. Не пора ли подумать, каким образом прекратить ее деятельность?» Однако на этом деятельность комиссии даже не приостановилась. Она была закрыта 1 мая 1885 г.[1] Это пример того, как заведенный бюрократический механизм уже невозможно остановить. Он живет своей жизнью даже тогда, когда его существование практически бессмысленно. Характеризуя работу Кахановской комиссии, ее член Ф.Л. Барыков говорил так: «Мы играем в большую государственную игру, только на мелочь»[2].

Такого рода комиссии в конце XIX – начале XX в. были в том числе инструментом межведомственной (или даже межличностной) борьбы. Так, Особое совещание по делам дворянского сословия в огромной мере служило интересам председателя Комитета министров И.Н. Дурново, повышая его статус, по крайней мере, в глазах самого сановника[3]. Николай II утверждал журналы совещания в редакции, которая устраивала Дурново. Когда же император передал журналы «Дворянского комитета» в Государственный совет, интерес к этому совещанию пошел на спад[4]. А.А. Половцов характеризовал деятельность И.Н. Дурново в качестве председателя совещания как явный провал[5]. Результаты работы Особого совещания к моменту закрытия совещания в 1902 г. оставались крайне незначительными[6]. Наличие «Дворянского комитета» подразумевало возможность создания аналогичного совещания, посвященного, правда, иными сословным интересам: например, крестьянским. С такой инициативой вышел Витте в 1899 г. Однако тогда его предложение было раскритиковано К.П. Победоносцевым[7].

---

[1] Там же. С. 278, 520. См.: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. С. 217–233; *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. // Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 435–442; *Жукова Л.А.* Земское самоуправление и самодержавие в конце XIX – начале XX в. // Земское самоуправление в России, 1864–1918: В 2 кн. / отв. ред. Н.Г. Королева. М., 2005. Кн. 1. С. 234–253.

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 36.

[3] При этом само совещание было создано по инициативе Д.С. Сипягина с подачи близких ему лиц (прежде всего графа С.Д. Шереметева). См.: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 248–250, 276.

[4] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 206–208. *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. С. 342–343, 357–358.

[5] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. С. 211.

[6] *Беккер С.* Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / пер. с анг. Б. Пинскера. М., 2004. С 247–249.

[7] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. С. 224.

Помимо временных комиссий, существовали также постоянные советы и комитеты, которые включали представителей различных ведомств: Медицинский, По железнодорожным и тарифным делам, Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие, Особое по промысловому налогу присутствие, Управление железных дорог и шоссейных и водяных сообщений. При Комитете Сибирской железной дороги была создана постоянная подготовительная комиссия, в которую вошли чиновники разных министерств[1]. Деятельность подобных комиссий – явный признак неэффективности «регулярных» механизмов законотворчества, прописанных в нормативных документах Российской империи.

Комиссионная деятельность одна из основных в работе чиновников. Она требовала особых умений (в том числе на председательском кресле), которыми обладали немногие. Умудренный опытом Д.М. Сольский был одним из них. Как вспоминал Н.Н. Покровский, «“комиссия Сольского” – это было какое-то нарицательное слово: стоило возникнуть какому-нибудь более или менее сложному вопросу в области финансов, кредита, государственной экономии, а впоследствии – и государственного строительства вообще, – и тотчас для его рассмотрения образовывалась высшая комиссия или комитет из министров и других сановников под непременным председательством графа Д.М. Сольского»[2]. Голос Сольского часто имел решающее значение. Это при том, что он обычно ничего нового не говорил. Он лишь удачно резюмировал все выше сказанное и выбирал ту позицию, которая ему в данный момент представлялась наиболее приемлемой по тем или иным причинам. Он ее пересказывал так, что уже произнесенная мысль в устах Сольского звучала по-новому и в высшей степени авторитетно[3].

Некоторые комиссии возникали без ведома верховной власти. Это были неформальные объединения членов Государственного со-

---

[1] Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. С. 96.

[2] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 54.

[3] Там же. С. 54. По словам К.Ф. Головина, Сольский был «будто рожденный для председательствования. Огромный лоб, скрывавший, по всей вероятности, ум столь же огромный, прекрасная техника слова и умение всегда подыскать такую согласительную формулу, которая объединяла большинство, – вот его отличительные качества». Вместе с тем «ни одного живого дела, ни одной живой мысли из его умной головы не вышло. Россия ему обязана одним только – постоянной поддержкой злополучного С.Ю. Витте». По оценке Головина, Сольский преимущественно интересовался формой, а не содержанием дела, к которому чаще всего был довольно равнодушен (*Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. 1. С. 157–158).

вета, которые собирались частным образом для снятия возможных разногласий: их предпочитали не выносить на рассмотрение императора. Так, в октябре 1883 г. проходили совещания о проекте Университетского устава. На одном из них Н.Х. Бунге[1], К.П. Победоносцев[2], Е.П. Старицкий и Н.И. Стояновский выступали категорически против той формы государственных экзаменов, на которой настаивали Д.А. Толстой и И.Д. Делянов[3]. Это заседание не было бесполезными. Оно позволило понять диспозицию противоборствовавших сил. Следующее совещание собрал у себя великий князь Михаил Николаевич. На нем не смог присутствовать Толстой. Делянов практически остался в одиночестве. Не имея возможности сопротивляться давлению абсолютного большинства собравшихся, он пошел на уступки. Согласился с тем, чтобы экзамен проводился в университете, но при этом сохранил за Министерством народного просвещения право устранять из числа экзаменаторов профессоров, которые вели курс[4]. Впоследствии, 22 октября 1883 г., на заседании соединенных департаментов Государственного совета Делянов уже официально огласил эту позицию[5].

Такого рода совещания проводились по многим наиболее значимым законопроектам. В конце 1886 – начале 1887 г. проходили заседания на квартире Д.А. Толстого. Они были посвящены проекту

---

[1] Н.Х. Бунге, в частности, говорил, «что едва ли кто-нибудь столько экзаменовал и экзаменовался, как он. Сам высказывал убеждение, что экзаменовать может только человек, сам близко знакомый с прочитанным курсом. Он вовсе не боится мнимого понижения уровня науки введением определенных программ и планов. Напротив, он опасается той излишней для студентов свободы, которую намерен ввести новый Устав, уничтожая курсовые экзамены и ограничиваясь одним выпускным государственным экзаменом. Он сомневается, чтобы в экзаменационные комиссии пошли действительно полезные люди. Они будут или слишком суровы, или дело пойдет спустя рукава, пожалуй, хуже теперешнего» (Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 967. Л. 47 об. – 48).

[2] К.П. Победоносцев поддержал Бунге: «Победоносцев всецело присоединился к словам Бунге. Пройдя точно так же профессорскую карьеру, он помнит, что много времени употреблял на то, чтобы явиться экзаменатором пред своими собственными слушателями. Как же будут экзаменовать лица посторонние и для чего пойдут они на такое дело? Если для того, чтобы получить выгоды, то едва ли из этого будет толк. Точно так же Победоносцев присоединился к мысли Бунге, что всего важнее для нас установить строгую дисциплину преподавания, слушания, учения, а что забота о появлении светил науки имеет право лишь на весьма второстепенное внимание нового Устава. Нет у меня веры в ваши экзамены» (Там же. Л. 48).

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 138–140.

[4] Там же. С. 141–142.

[5] Там же. С. 146.

учреждения земских начальников. В этом совещании приняли участие К.П. Победоносцев, М.Н. Островский, Н.А. Манасеин. Согласовав эту законодательную инициативу, ее можно было передать в Государственный совет[1]. Впрочем, эти частные собрания большой пользы не принесли. Победоносцев отказался полностью солидаризироваться с толстовским проектом, т. к. знал его лишь в общих чертах. Манасеин не принимал его от начала и до конца. И даже Островский, соглашаясь с общей концепцией законопроекта, оставлял за собой право критиковать его в Государственном совете[2]. Пришлось проводить новое совещание в январе 1888 г. Толстой согласился пойти на уступки, начал зачитывать бумагу, в которой говорилось, от каких полномочий земских начальников можно отказаться. Присутствовавшие на совещании попросили зачитать весь документ, лежавший перед Толстым, но этому воспротивился начальник канцелярии министра внутренних дел А.Д. Пазухин. Это были его заметки, беглые и неокончательные. Из всего этого вырисовывалась довольно комическая картина: чувствовалась несамостоятельность министра, его полная зависимость от начальника канцелярии. По окончании этого заседания его участники решили собраться уже без Толстого и уже потом предъявить ему свои требования[3].

Комиссии были необходимым механизмом согласования позиций министерств, отношения между которыми были конфронтационными. Тем более примечательно, что, по наблюдению Н.Х. Бунге, комиссии до 1881 г. собирались чаще, нежели после. Следовательно, центр подготовки преобразований окончательно сместился в министерства[4]. На императора в большей степени, чем прежде, возлагались обязанности «медиатора» между противоборствовавшими ведомствами. Это свидетельствовало не об укреплении его власти, а об упрочении позиций министерств, которые все чаще выступали основными экспертными центрами в рамках своих компетенций.

Сенат. Хранитель законов

Это было старейшее государственное учреждение, созданное еще Петром I в 1711 г. За свою сравнительно долгую жизнь оно несколько раз меняло «прописку» и род деятельности. Казалось бы, в

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 7.

[2] Там же. С. 30.

[3] Там же. С. 78.

[4] Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX в. Документы и мемуары государственных деятелей. С. 258.

XIX столетии его участие в выработке законодательных решений было минимальным. Вместе с тем сфера компетенций этого учреждения была довольно широкой, и не кажутся большим преувеличением слова К.П. Победоносцева, сказанные на заседании Государственного совета, согласно которым Сенат – первое учреждение империи, «авторитет которого стоит незыблемо в понятиях народа, что Сенат в России – это замена конституции, что одному Сенату все классы народа равно верят...»[1].

Правительствующий Сенат состоял из департаментов, фактически независимых друг от друга. Прежде всего Сенат был высшей судебной инстанцией. Кроме того, он удостоверял права состояния подданных Российской империи: их сословную принадлежность, чин, титул, герб. Особое значение имел Первый Департамент Сената. Он осуществлял надзор за законностью деятельности административных учреждений. Этой цели должны были служить сенаторские ревизии, в ходе которых выявлялись недостатки в работе местных органов власти. Первый Департамент выступал толкователем законов, фактически имея возможность вносить в них правку[2]. Сенатор, а в прошлом министр народного просвещения А.А. Сабуров объяснял, что Первый Департамент – «самый надежный оплот правительства, так как он спасает министров от слишком опасных увлечений. Кораблю необходим балласт, бросаемый за борт под предлогом, что он отягчает ход корабля, рисковал бы погибнуть при первом порыве ветра»[3]. Наконец, Сенат публиковал законодательные акты. Эта

---

[1] [*Есипович Я.Г.*] Записки сенатора Есиповича // Русская старина. 1909. № 7. С. 36. Впрочем, в данном случае К.П. Победоносцев, возможно, был недостаточно искренен. 25 декабря 1904 г. он писал С.Ю. Витте: «Мы колеблем самый этот принцип [власти] в смысле элемента, сдерживающего всякий порядок. То, что принято у нас в заседании в Сенате, разве не есть в существе подавление идеи власти и ее принципа. Все направлено к проложению путей к критике властей со стороны всех и каждого...» [Письмо К.П. Победоносцева С.Ю. Витте 25.12.1904 // Bakhmeteff archive (BAR). Witte coll. Box. 1].

[2] *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 2008. С. 226. Состав Первого департамента Сената вызывал сильное раздражение в консервативных кругах. В частности, князь В.П. Мещерский предлагал царю путь радикального преображения этого учреждения: «Стоит только министру внутр[енних] дел испросить разрешение войти в соглашение с министром юстиции и затем министру юстиции переместить сенаторов 1 департ[амента] в другие департаменты, а в 1 департамент с 1 января назначить сенаторов по соглашению с министром внутр[енних] дел» (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 57).

[3] *Давыдов Н.В.* Воспоминания об А.А. Сабурове // Архив РАН.Ф. Ф. 646. Оп. 1. Д. 84. Л. 80. У Сената был высокий авторитет среди прочих правительственных учреждений. А.А. Сабуров, в частности, писал: «Какое счастье, что существует учреждение

функция была скорее техническая. Более того, действовавшее в России законодательство позволяло и вовсе не публиковать решения верховной власти. Они могли оставаться тайной для жителей страны. По словам сенатора и видного юриста Э.Н. Берендтса, в этом отношении «Сенат был низведен до значения типографии, публикующей указы»[1]. Более того, с начала XIX в. старейшее государственное учреждение России фактически поступило в ведение Министерства юстиции, т. к. глава этого ведомства, будучи генерал-прокурором, возглавлял Сенат, который теперь совсем не напоминал учреждение петровских времен. И все же в редких случаях его голос мог звучать довольно громко.

Начиная с эпохи Великих реформ, на Сенат ложилась обязанность толкователя законов, а это фактически придавало ему законотворческую функцию. Он определял возможность приложения к жизни устаревшей нормы, ее соответствие новейшему законодательству[2]. Фактически он выступал особым законодателем, когда, например, вопреки существовавшим положениям, предоставил земскому начальнику право выдавать крестьянке вид на жительство без согласия ее мужа[3]. В то же самое время, по оценке К.Ф. Головина, усилиями Второго Департамента Сената, ответственного за законодательство о крестьянах, был упрочен общинный строй в деревне[4]. Так, благодаря его толкованиям был введен институт семейной собственности, отсутствовавший в Положениях 19 февраля 1861 г.[5]

Сенат мог отказываться от данного им толкования, пересматривать его. Например, в 1901 г. Общее собрание Сената дало иную трактовку нормы, регулировавшей временное проживание евреев вне городов, местечек, нежели это случилось в 1897 г.[6]

Правительствующий Сенат был «тихой пристанью», где собирались преимущественно немолодые люди (средний возраст 54 года), часто обладавшие весьма высоким уровнем юридической квалификации и практически лишенные всякой надежды получить новое

[Сенат], для которого святость закона на первом месте, и хотя его деятельность проявляется пока еще не вполне, но все-таки оно держит знамя правды...» (Там же. Л. 79).

[1] *Берендтс Э.Н.* О прошлом и настоящем русской администрации. СПб., 1913. С. 130.

[2] История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг.: В 5 т. СПб., 1911. Т. 4. С. 11.

[3] Там же. С. 13.

[4] *Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. 2. С. 245–246.

[5] Там же. С. 247.

[6] История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 4. С. 136–137.

назначение. К 1917 г. из 65 сенаторов 38 окончили университеты, 24 – Училище правоведения, 3 – Александровский лицей[1]. Высокая юридическая квалификация хотя бы отчасти гарантировала их определенную независимость. Как вспоминал сенатор А.Г. Кильштейн, «лично мне известны случаи, когда попытки “сфер” влиять на решение... не только не имели успеха, но грозили погубить даже правое дело. Поэтому, исправляя часто и подолгу обязанности обер-прокурора, я заявлял категорически всяким искателям и посредникам, что требуемый или просимый “нажим”, если и мог бы иметь какой-либо результат, то лишь обратный»[2]. По свидетельству Н.Н. Покровского, «несмотря на то что Сенат очень стеснен процедурой разбора жалоб на министерства, тем не менее в народе сложилось убеждение, что только через Сенат можно добиться своих прав»[3].

Заседания департаментов Сената проходили в деловой атмосфере. Так, даже весьма критично настроенный наблюдатель А.А. Половцов высоко оценивал заседания Первого Департамента, а также государственных деятелей, активно участвовавших в его работе. 22 октября 1881 г., будучи пока «лишь» сенатором, он записал в дневнике: «[В.А.] Арцимович председательствует с чрезвычайной добросовестностью и трудолюбием. [Ф.М.] Маркус – чрезвычайно умный человек, всегда говорит дело. [А.А.] Сабуров внимательно изучает дела и почти докладывает их, хотя очевидно не привык к судебно-административному производству. [М.Ф.] Гедда с его страшной мнительностью и нескончаемыми сомнениями затягивает прения, но, разумеется, заслуживает полного уважения»[4]. Год спустя, в декабре 1882 г., Половцов отмечал сенаторов Н.С. Абазу, К.К. Петерса, Г.Ф. Пребстинга, А.Д. Шумахера. По словам Половцова, «заседания продолжи-

---

[1] *Кильштейн А.Г.* Мемуары // ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 402. Л. 7.

[2] Там же. Л. 6 об. – 7.

[3] *Покровский Н.Н.* Отжившие бюрократические порядки (К вопросу о реформе Правительствующего Сената) // Русская старина. 1910. Т. 144. № 11. С. 363. А.Н. Куломзин вспоминал: «Не могу здесь не отдать справедливой дани Сенату. Прежде всего большинство сенаторов чрезвычайно добросовестно изучали подлежащие их решению дела. Редко встретишь такого, который является на заседание, или вовсе не ознакомившись с делами или даже поверхностно их изучивши. А дела сложные до чрезвычайности: тут и показания свидетелей о границах описываемых стародавним порядком “от кривой березы до лисьего лога, а далее на прямую ель и до разбойничьей берлоги” и т. д., и юридические тонкости о степенях родства к участникам восстания и о наследственных частях боковых родственников такого участника, и исчисление сроков, когда именно имение было конфисковано, не покрывается ли теми или иными манифестами. Другая высокопочтенная черта Сената – всегда зорко охранять частные интересы против притязаний казны» (*Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 346).

[4] *Половцов А.А.* Дневник // ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 20. Л. 22 об. – 23.

тельны и утомительны, но общее впечатление их чрезвычайно отрадно; дела разбираются основательно, добросовестно, беспристрастно, сенаторы изучают дела предварительно»[1].

Сенат пользовался своего рода популярностью в глазах общественности. Этому не мешало даже то обстоятельство, что состав старейшего государственного учреждения постоянно менялся, а его пополнение могло вызывать серьезные вопросы[2]. Среди новых сенаторов значительную часть составляли министерские креатуры и отставные губернаторы, которые едва ли могли принести большую пользу делу. Но все же тон в Сенате задавали не они, а их более авторитетные коллеги, которые подчас могли преподнести министру неожиданный «сюрприз». Их не меняли, несмотря на все требования руководителей ведомств[3]. Порой влиятельные государственные мужи выражали недовольство Сенатом. В частности, К.П. Победоносцев писал С.Ю. Витте 25 декабря 1904 г.: «А теперь что такое Сенат? Собрание судебных чиновников, переворачивающих на все лады букву законов, не приведенных ни к какому единству – а двигателем всего – присяжный поверенный»[4].

В этом отношении весьма показателен один эпизод. В коридорах Государственной канцелярии и самые могущественные руководители ведомств были беспомощны. Зная это, они искали обходные пути. Так регулярно поступал министр внутренних дел граф Н.П. Игнатьев, рассчитывая на поддержку Комитета министров[5]. Однако в ряде случаев эти надежды были напрасными. Председатель Комитета министров М.Х. Рейтерн не собирался даже ставить на обсуждение игнатьевскую инициативу по упразднению генерал-губернаторства в Западной Сибири. Несмотря на настойчивость министра внутренних дел, Рейтерн планировал передать их в Государственный совет[6]. Казалось бы, существовал и более простой путь обойти высшее законосовещательное учреждение империи. Следовало лишь обратиться к императору за высочайшим повелением. Именно посредством Высо-

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник // ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 20. Л. 106 об. – 107.

[2] Тем не менее, по оценке сенатора В.П. Безобразова, в конце 1880-х гг. большинство его коллег придерживалось принципа законности ([*Безобразов В.П.*] Дневник академика В.П. Безобразова // Русская старина. 1913. № 5. С. 271). Конечно же, далеко не все сенаторы были так настроены. Например, барон И.О. Велио полагал, что «сенатские дела не стоят выеденного яйца» (Там же. С. 272).

[3] Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову // ГА РФ. Ф. 1718. Оп. 1. Д. 8. Л. 33 об.

[4] Письмо К.П. Победоносцева С.Ю. Витте 25.12.1904 г. // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 351. Л. 1.

[5] *Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 292.

[6] Там же. С. 295, 297.

чайшего повеления Игнатьев надеялся добиться своего. Однако этот простой и скорый путь оказался закрытым. Против него восстал как раз Сенат, т. к. согласно законодательству нельзя было упразднять имевшиеся законы императорской волей[1].

Этот случай – скорее исключение из правил. И все же он не был единственным. Например, в 1890 г. Сенат добился корректировки Устава о паспортах[2]. Однако было бы неверным представлять Сенат сборищем оппозиционеров, регулярно ставивших «палки» в «колеса» правительству. Тем не менее такое исключение само по себе очень красноречиво и много говорит о государственной жизни того времени. Механика законотворчества была непростой. В процессе подготовки решений сопрягались различные ведомства, корпорации, интересы. Любая стадия разработки законопроекта могла стать проблемной для его авторов. В «канцелярской засаде» могло оказаться самое неожиданное учреждение, от которого никто не ждал подвоха.

* * *

В конце XIX – начале XX в. институциональная организация власти была такой, что она предусматривала сразу несколько альтернативных путей для законотворчества. Существовали различные «площадки» для обсуждения правительственных инициатив. На каждой из них действовали особые правила. Они создавали видимость упорядоченности процедуры принятия решений. В действительности же, как уже отмечалось, функции законосовещательных учреждений не были четко разграничены, все пути законотворчества, в сущности, оказывались равнозначными, не было ясной, всеми признаваемой иерархии нормативных актов.

Это определяло правила бюрократических «игр», точнее, их предельную размытость, что позволяло наиболее умелым чиновникам пользоваться запутанностью, противоречивостью существовавших норм, добиваясь искомого результата. В такой политической системе нет места правительству как центру принятия решений. В данном случае правительство – это скорее особая социальная среда, которую преимущественно составляли представители высшей бюрократии. Прежде всего ее консолидировали привычные стереотипы поведения сановников империи. В ней отсутствовало (или, вернее, должно было отсутствовать) собственно политическое целеполагание.

---

[1] Там же. С. 304. См. также: *Правилова Е.А.* Административная юстиция в пореформенной России // Английская набережная, 4: Ежегодник. СПб., 1997. С. 185–186.

[2] История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг.: В 5 т. СПб., 1911. Т. 4. С. 100.

Имевшие место бюрократические «игры» в большей степени напоминали неупорядоченное броуновское движение, когда у каждого из участников законотворческого процесса была своя цель, а у системы в целом – нет: она находилась в статическом положении.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПРАКТИКИ

Законотворческий процесс

В современной политической науке существует множество определений политики[1]. Все зависит от точки отсчета, теоретических подходов, методологических предпочтений. «Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике Имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской или сельской общины, о политике правления, руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем. Конечно, сейчас мы не берем столь широкое понятие за основу наших рассуждений. Мы намереваемся в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство политическим союзом, то есть в наши дни – государством». Фактически с этого фрагмента начинается классическое сочинение М. Вебера «Политика как призвание и профессия». Мастер определений, которыми зачастую пользуются гуманитарии до сих пор, в данном случае ушел от каких-либо дефиниций, очевидно подразумевая, что политика в разных обществах, в разные эпохи – явления, очень отличные друг от друга[2]. Одно дело, когда политика реализуется в Средние века, другое – в Новое время. Впрочем, политика эпохи модерна тоже бывает разной. В России конца XIX – начала XX в. наличие публичной политики можно констатировать лишь с высокой долей условности. А это значило, что о российской внутренней политике непросто было писать в газетах, рассуждать на земских или дворянских собраниях. Но главное заключалось в том, что политика (а точнее – общий политический курс) не была предметом обсуждения высшей бюрократии, которая ведала делами исключительно управления. Российский чиновник, каким бы высокопоставленным он ни был, политиком

---

[1] Политология: Учебник / А.Ю. Мельвиль [и др.]. М., 2008. С. 14–55.

[2] *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избр. произведения. М., 1990. С. 644–645.

не являлся. Он не мог поставить вопрос (если только, конечно, не в частной беседе) о векторе развития страны. В сфере его интересов – исключительно родное ведомство и направления деятельности последнего. Выходить за пределы собственной компетенции, значит, вторгаться на «территорию» прочих министерств, которые отнюдь не собирались делиться полномочиями. Хуже того, вмешиваться в дела чужих ведомств – означало подменять собой императора[1].

Вплоть до 1906 г. в Российской империи был один подлинный политик – царь. Лишь он мог определять направления развития страны. Создавать альтернативный императору центр принятия решения побаивались, памятуя турецкий опыт – с всесильным визирем, практически премьер-министром. В 1905 г. министр финансов В.Н. Коковцов доказывал: «Монарх должен иметь возможность выслушивать различные мнения, извлекать общие руководящие начала управления из сравнения выгод и невыгод различных направлений. С учреждением кабинета с первым министром во главе верховная власть лишится этого главнейшего средства для непосредственного знакомства с действительным ходом дел управления. Тогда первый министр, наделенный исключительным правом личного всеподданнейшего доклада, явится для нее единственным источником всех сведений о положении дел государстве»[2].

В России ничего подобного не было. Функции главы правительства должен был исполнять сам государь, который, однако, с ними даже технически не вполне справлялся: слишком уж велики были возложенные на него обязанности. В итоге единственный политик не мог быть полноценным политиком, и, соответственно, политика в России осуществлялась без политиков[3]. 5 апреля 1882 г. посол Германии в России Г.Л. фон Швейниц записал в своем дневнике: «Здесь лишь один девиз: “Будем пить и жрать, потому что завтра умирать”. К “пить и жрать” надо было бы добавить еще “и в карты играть”. К кому бы из знакомых мне помещиков, чиновников, гене-

---

[1] Как уже отмечалось, некоторые амбициозные министры все же вмешивались в сферу компетенции неподотчетных им ведомств, вызывая закономерное раздражение и противодействие со стороны их руководителей.

[2] Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. С. 117.

[3] В литературе XIX–XX вв. под политикой понимается целенаправленная деятельность, основным побудительным мотивом которой оказывается борьба за власть (М. Вебер), противостояние «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов» (К. Шмитт). По определению Л.М. Хартмана, политика – «искусство претворения общественных тенденций в правовые формы». К этому же определению политики тяготел Г. Хеллер, автор работы «Теория государства» (1934) (Словарь основных исторических понятий: Избр. статьи. М., 2012. Т. 1. С. 502–519).

ралов, в столице и провинции, я не задавал вопрос, почему бы людям благородным, достойным, влиятельным не попытаться каким-либо образом объединиться и что-либо предпринять, устно ли, письменно, чтобы как-то обезопасить свое положение, в ответ я всякий раз слышал: “Нет!”, а когда затем спрашивал: “Но чем же они в таком случае занимаются?” Мне отвечали одно и то же: “Играют”. О чудовищной серьезности положения здесь никто не имеет ясного представления, к сожалению, как и в Гатчине. Победоносцев печется о небесах, Катков – о народе, Игнатьев направляет воды Ахерона, остальные, ни о чем не помышляя, живут без всяких забот...»[1].

В словах немецкого посла заключается известное преувеличение. Тем не менее отсутствие политики в традиционном европейском смысле этого слова декларировалось официально, и императоры об этом периодически вспоминали: какая-либо «партийность» в России была немыслима. Так, в мае 1886 г. Александр III исключил даже возможность подачи коллективного прошения об отставке членами Государственного совета, недовольными назначением их сотоварищем И.А. Вышнеградского. По мнению царя, это было бы недопустимой «партийной» выходкой[2].

Абсолютное большинство законопроектов, вносимых в Государственный совет, имело технический характер и прежде всего подразумевало экспертную оценку. Характерно, что в царствование Александра III основное бремя работы ложилось на Департамент государственной экономии.

Распределение дел по департаментам Государственного совета в 1882–1892 гг.

Департаменты / Годы	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892
Законов	135	132	134	102	84	88	97	103	49	102	89
Гражданских и духовных дел	91	85	69	87	119	109	143	153	159	205	174
Государственной экономии	678	619	634	667	635	559	494	508	560	522	455
По всем трем департаментам	904	836	837	856	838	756	734	764	768	829	718

Источник: Собко Е.М. Государственный совет в эпоху Александра III. С. 16.

---

[1] *Швейниц Г.Л.* Дневник // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 180.

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 460.

О преимущественно техническом характере рассматриваемых законопроектов свидетельствует распределение законопроектов за 1900–1901 гг.

Ведомость Государственного совета за 1900–1901 гг.

Ведомства, внесшие законопроекты	Департаменты Государственного совета					Общее собрание Государственного совета	Всего
	Законов	Гражданских и духовных дел	Государственной экономии	Промышленности, науки и торговли	Всего		
Министерство путей сообщения		629	19		648	13	661
Министерство внутренних дел	2	25	56		83	86	169
Министерство народного просвещения			30	51	81	25	106
Министерство финансов		1	26	5	32	64	96
Министерство юстиции		18	21		39	15	54
Военное министерство	1	20	11		32	34	66
Министерство земледелия и государственных имуществ	1	11	23	2	37	32	69
Морское министерство		3	9		12	7	19
Святейший Синод			4		4	5	9
Государственный контроль	1		8		9	5	14
Министерство иностранных дел			3		3	5	8
Главное управление государственного коннозаводства			2		2	2	4
Ведомство императрицы Марии			1		1	4	5
Государственная канцелярия			1		1	3	4
Канцелярия Комитета министров						1	1
Особое совещание о поземельном устройстве Забайкалья		1			1	1	2
Комиссия по принятию прошений						2	2
Всего	5	798	214	58	985	304	1289

Источник: ГА РФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 198. Л. 44.

Таким образом, около половины внесенных в Государственный совет законопроектов было инициировано Министерством путей сообщений, выносившим на обсуждение преимущественно те инициативы, которые нуждались в экспертной оценке. Показательно, что менее трети всех законопроектов было рассмотрено в Общем собрании этого учреждения. Аналогичная ситуация имела место в 1903–1904 гг.

Отчет Государственного совета за сессию 1903–1904 гг.

Ведомство, внесшее законопроект	Департаменты Государственного совета					Общее собрание	Общее число дел, разрешенных Государственным советом	Особое присутствие
	Законов	Гражданских и духовных дел	Государственной экономии	Промышленности, науки и торговли	Всего			
Министерство путей сообщения		529	36		565	8	573	
Министерство внутренних дел	9	16	78		103	148	251	
Министерство народного просвещения	1		72	64	137	47	184	
Министерство финансов	1	5	39	6	51	48	99	
Министерство юстиции		22	17		39	27	66	
Военное министерство	3	26	10		39	44	83	
Министерство земледелия и государственных имуществ	6	6	30	6	48	28	76	
Морское министерство		1	2		3	8	11	
Министерство иностранных дел			9		9	8	17	
Главное управление государственного коннозаводства			1		1	4	5	
Святейший Синод		1	10		11	5	16	
Государственный контроль			5		5	3	8	
Ведомство императрицы Марии			2		2		2	
Государственная канцелярия						2	2	

Ведомство, внесшее законопроект	Департаменты Государственного совета					Общее собрание	Общее число дел, разрешенных Государственным советом	Особое присутствие
	Законов	Гражданских и духовных дел	Государственной экономии	Промышленности, науки и торговли	Всего			
Канцелярия по принятию прошений						1	1	232
Канцелярия Комитета министров						2	2	
С.Е.И.В. Канцелярия						2	2	
Министерства Императорского Двора						1	1	
Главное управление торгового мореплавания		1	13	3	17	5	22	
Императорское Человеколюбивое общество	1				1		1	
Министерство финансов и Государственный контроль			2		2	1	3	
Комиссия по улучшению санитарных условий Царского Села			2		2		2	
Совещание о торговом мореплавании						1	1	
Совещание по переселенческому делу						1	1	
Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности						1	1	
Совещание о загрязнении нефтью Каспийско-Волжских путей						1	1	
Совещание о передаче дел в местные учреждения						1	1	
Совещания о сокращении кредитов в связи с войной			1		1	1	1	

Источник: ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 543. Ч. 1. Л. 34–35.

Наконец, ситуация радикально не изменилась и в весьма напряженную сессию Государственного совета в 1905–1906 гг.

Ведомость о делах Государственного совета за сессию 1905–1906 гг.

Ведомство, внесшее законопроект	Департаменты Государственного совета				Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и вознаграждении их владельцев	Всего внесено в департаменты Государственного совета	Общее собрание Государственного совета	Общее число дел, прошедшее через Государственный совет	Особое присутствие при Государственном совете для предварительного рассмотрения жалоб на определения департаментов Сената
	Законов	Гражданских и духовных дел	Государственной экономии	Промышленности, науки и торговли					
Совет министров							12	12	
Министерство внутренних дел	8	2	37	3	15	65	117	182	
Министерство финансов		1	38	4	5	48	55	103	
Министерство юстиции	1	10	11			22	33	55	
Военное министерство	3	2	8		28	41	43	84	
Министерство путей сообщения	1	6	13		339	359	12	371	
Министерство народного просвещения			12	34		46	21	67	
Главное управление землеустройство и земледелия		2	8	8		18	9	27	
Морское министерство			3		2	5	9	14	
Торговли и промышленности		2	5	3	1	11	16	27	
Министерство иностранных дел							3	3	

Ведомство, внесшее законопроект	Департаменты Государственного совета				Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и вознаграждении их владельцев	Всего внесено в департаменты Государственного совета	Общее собрание Государственного совета	Общее число дел, прошедшее через Государственный совет	Особое присутствие при Государственном совете для предварительного рассмотрения жалоб на определения департаментов Сената
	Законов	Гражданских и духовных дел	Государственной экономии	Промышленности, науки и торговли					
Торговое мореплавание			1		1	2	1	3	
Главное управление государственного коннозаводства							1	1	
Главное управление Генерального штаба			1			1		1	
Государственный контроль			1			1		1	
Ведомство православного исповедания			4			4	4	8	
Ведомство императрицы Марии			1			1	3	4	
Комиссия по принятию прошений							1	1	183
Государственная канцелярия							5	5	
Канцелярия Комитета министров			1			1	1	2	
С.Е.И.В. Канцелярия							1	1	
Алексеевский Главный комитет			1			1	2	3	

Источник: ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 543. Ч. 2. Л. 51.

Порядок принятия законодательных актов в 1905 г.

Месяц	Манифест	Именные указы, данные Сенату (и высочайше утвержденные учреждения и положения)	Международный договор	Высочайшая воля, объявленная министром (или по докладу министра)	Утвержденное мнение Государственного совета	Утвержденное мнение Соединенных Департаментов Государственного совета	Утвержденное мнение Департамента Государственного совета (или Особого присутствия Государственного совета)	Утвержденное решение Комитета министров	Утвержденное положение Совета министров	Утвержденное мнение соединенного присутствия Комитета министров и Департамента Государственного совета	Утвержденное решение Военного совета	Утвержденное мнение Комитета финансов	Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому	Всего
Январь		5	1	57	38	5	11	17			35		8	177
Февраль	2	5	2	38	22		6	33			24		2	134
Март	1	2	2	45	16		3	20			24		10	123
Апрель		9		33	23		2	26		10	18		1	122
Май		8		39	47	8	13	31			21		2	169
Июнь		13		58	38	16	9	28		1	12		4	179
Июль		4	1	34				27			23	2	12	103
Август	1	11		31				30			9		2	84
Сентябрь		5	1	20				1			27		1	55
Октябрь	2	13	1	34				19			37		8	114
Ноябрь	1	12		40	10	1		21	1		27		4	117
Декабрь		12		43	47	3	9	27	2		29	1	13	186
Всего	7	99	8	472	231	33	53	280	3	11	286	3	67	1553

Подсчитано по: Полное собрание законов. Собр. 3-е. Т. 25.

Таким образом, разработка ключевых решений была сравнительно гармонично распределена между основными участниками законотворческого процесса: Государственным советом, Комитетом ми-

нистров, министрами, Военным советом и др. Ритм законотворчества вполне соответствовал традиционным сезонным колебаниям: с повышением интенсивности в предканикулярный период и резким снижением в июле–сентябре. Единственное, что отклоняется от нормы, так это малое участие Государственного совета в процессе принятия решений осенью 1905 г. Пожалуй, это и можно считать своего рода знаком революционного времени, когда законы приходилось писать и утверждать в чрезвычайном порядке.

Аналогичную картину дает разбивка законодательных актов по тематике.

Распределение законов по тематике

Месяц	Государственный совет	Административные и полицейские акты	Правовые преобразования	Военное дело	МПС	Крестьянский вопрос, проблема собственности	Свобода совести	Церковь	По делам печати	Торговля и промышленность	Финансы (в том числе налоги и тарифы)	Просвещение	Социальное законодательство	Пособия	Прочее	Всего
Январь		31		46	7	1			2	13	19	20	13	16	9	177
Февраль	2	12	2	40		3	1		1	25	8	12	14	1	13	134
Март		15	1	31	8	2	1			19	9	13	11		13	123
Апрель		19		24	12	4	2	2		18	16	11	7	3	4	122
Май		26	5	34	6	2		3	1	24	12	7	14	24	11	169
Июнь		19	7	34	24	3	2		1	23	13	28	15	6	4	179
Июль		13	2	46						19	10	2	10	1	0	103
Август	3	9		23				2		21	7	9	5		5	84
Сентябрь	1	10		25	3			1		3		4	7		1	55
Октябрь	4	21	3	43		2				13	5	8	11		4	114
Ноябрь		24	5	27	2	4			1	16	12	4	13	1	8	117
Декабрь	1	49	6	43	5	4		8		22	19	3	13	8	5	186
Всего	11	248	31	416	60	25	6	16	6	216	134	121	133	60	77	1553

Подсчитано по: Полное собрание законов. Собр. 3-е. Т. 25.

Динамики принятия решений, в сущности, нет. Заметен некоторый перевес в сторону решений, связанных с обороноспособностью страны, что представляется вполне естественным, учитывая ход русско-японской войны.

Примечательна разбивка законодательных актов по степени их значимости.

Месяц	«Законодательная вермишель»	Институциональные преобразования	Всего законодательных актов
Январь	154	4 (2 по военному и морскому ведомству)	177
Февраль	117	4	134
Март	109	1	123
Апрель	111	2	122
Май	151	7	169
Июнь	159	7	179
Июль	100		103
Август	68	4	84
Сентябрь	48	1	55
Октябрь	95	6	114
Ноябрь	103	6	117
Декабрь	168	2	186

Подсчитано по: Полное собрание законов. Собр. 3-е. Т. 25.

Понятие «законодательная вермишель» возникло позже, уже в период работы Государственной думы. К нему обычно относили законодательные акты, связанные с утверждением штатов, смет, временных правил и вообще с решением разного рода частных задач. Очевидно, подобных нормативных актов было абсолютное большинство в 1905 г. Институциональных преобразований, благодаря которым возникали новые учреждения или же «правила игры», было сравнительно мало. Таким образом, даже в год революции законотворческий процесс не претерпел существенных изменений.

При этом надо иметь в виду, что и до 1905 г. большинство законов не проходило Государственный совет. Более того, некоторые даже не получали императорской санкции. По сведениям Кодификационного отдела за 1885 г., целый ряд положений Свода законов восходил к административным актам руководителей ведомств[1]. Как уже отме-

[1] Материалы о трудах Кодификационного отдела // ОР РГБ. Ф. 290. К. 45. Д. 7. Л. 13 об.

чалось выше, порой изменения вносились в законы в порядке кодификации: т. е. нормативные акты редактировались при внесении их в Свод законов Российской империи[1]. При подготовке законопроектов его составители редко утруждали себя перечислением действовавших нормативных актов, которые подлежали изменению. Таким образом, ответственность перекладывалась на кодификаторов, которые фактически получали законодательную власть[2]. В ряде случаев они даже решали, что является законом, а что – нет. Главноуправляюший кодификационным отделом мог испрашивать разрешение императора на включение в Полное собрание необнародованных узаконений или же напротив – невключении тех, что были обнародованы[3]. Наконец, у него были самые широкие полномочия исключать из Свода законов нормы, по тем или иным причинам утратившие свою силу[4]. И после преобразования Кодификационного отдела и включения его в Государственную канцелярию (1893) в Государственном совете продолжали писать: «...в изменение, дополнение и отмену подлежащих узаконений постановить...», что фактически предоставляло сотрудникам канцелярии свободу рук[5].

Министерства были самостоятельным и, видимо, важнейшим центром подготовки законодательных решений. Но, как это часто случается, юридическая норма не замечала складывавшейся политической практики. Правительственный курс не мог олицетворять министр, но только сам царь. Правда, иногда министры об этом забывали, пытаясь тянуть одеяло на себя. В конце ноября 1883 г. государственный секретарь А.А. Половцов возмущался поведением министра внутренних дел Д.А. Толстого, который полагал ничтожными все решения, принятые по предложению его предшественника, Игнатьева. Половцов видел ситуацию принципиально иначе. Назначение нового министра не влекло за собой смену политического курса, а слово, единожды сказанное императором, в любом случае остается в силе[6].

Законопроекты, естественно, готовились не самими министрами, а их сотрудниками. Эффективность их труда в рамках сложившей политической системы не могла быть высокой. Так, служивший в

---

[1] Материалы об устройстве Кодификационной части // ОР РГБ. Ф. 290. К. 45. Д. 9. Л. 5 об. – 6.

[2] *Лозина-Лозинский М.А.* Кодификация законов по русскому государственному праву. I. Кодификационные учреждения // Журнал министерства юстиции. 1897. № 4. С. 181.

[3] Там же. С. 171.

[4] Там же. С. 175.

[5] Там же. С. 185–186.

[6] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 162.

Министерстве внутренних дел С.Е. Крыжановский с 1897 по 1904 г. подготовил десять проектов, из которых три в итоге стали законами[1]. Такого рода участие в законотворчестве было во многих отношениях выгодным для чиновника. Ему предоставляли свободное время для этого: он мог располагать собой и, например, переехать для работы в деревню. «В особенности прельщало то, что в подобного рода делах исполнитель фактически пользовался полной почти свободой построения; при обилии накопившихся в Департаменте дел, ожидавших законодательного разрешения, начальство, даже и ближайшее, мало имело возможности с ним ознакомиться, пока дело не разработано, а потому по изготовлении проекта нового закона обычно более или менее соглашалось с направлением ему данным, за исключением, конечно, случаев особых»[2]. Эта работа приносила немалые деньги. Так, директору департамента МВД А.А. Вишнякову за подготовку Городового положения 1870 г. была назначена пожизненная рента в 4000 руб., а начальнику отделения, фактическому составителю документа, – в 1200 руб. Впоследствии, правда, о таких доходах оставалось лишь мечтать. Тем не менее С.Е. Крыжановский за подготовку проекта Положения об устройстве городских и местечковых чиншевиков в губерниях Западного края (1897) получил 500 руб., за проект введения земских учреждений в Западном крае – 2000 руб., за подготовку полемической записки И.Л. Горемыкина о самоуправлении в России (направленной против С.Ю. Витте) – 2000 руб., за проекты положений о Главном управлении по делам местного хозяйства и об Управлении главного врачебного инспектора – по 3500 руб., за отчет о поездке Д.С. Сипягина по России и Положение о Государственной думе и выборах в нее (имеется в виду т. н. булыгинская дума) – по 5000 руб. Наибольшие суммы были выданы за Положение о гужевых дорогах, которое, правда, не получило дальнейшего движения. В этом вопросе столкнулись интересы земства и столичной бюрократии, а главное – Витте и Плеве. Министр финансов выделил на подготовку соответствующего законопроекта 50 тыс. руб. с тем условием, чтобы документ был готов за четыре месяца. За дело взялись вице-директоры Хозяйственного департамента МВД Крыжановский и В.В. Владимиров. Министр внутренних дел В.К. Плеве был крайне недоволен, но приманка была слишком соблазнительной. Причем всю работу по подготовке проекта принял Владимиров, а Крыжановский согласился полностью отвечать за работу Департамента, подменяя таким об-

---

[1] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания // Bakhmeteff archive (BAR). Kryzhanovskii coll. Box. 2. Folder 1.

[2] Ibid. Folder 2.

разом своего товарища. В итоге за отведенные четыре месяца проект был готов. Комиссия его одобрила, а готовившие документ чиновники разделили полагавшееся им награждение. На долю Крыжановского пришлось 17 000 руб. Еще больше денег получили составители Уголовного уложения 1903 г., которое хотя и было утверждено, но фактически не вступило в силу. Главноуправляющий Кодификационным отделом Э.В. Фриш (1883 –1893) получил 100 тыс. руб., а фактический его составитель Н.С. Таганцев – 50 тыс.[1]

Ограниченность публичного пространства задавала определенные правила игры. Поддержка императора – важное, но отнюдь не единственное условие прохождения законопроекта. Надо заручиться согласием своих влиятельных коллег, может быть, в чем-то уступив им. Так вел себя и граф Д.А. Толстой. Хотя и он, опытный бюрократ, сталкивался с неожиданностями. Келейный характер подготовки законопроекта давал о себе знать. 10 апреля 1886 г. Е.М. Феоктистов записал в дневнике: «Пазухин, которому переданы были все бумаги Кахановской комиссии, выработал наконец проект реформы крестьянского управления и земских учреждений. Надо сознаться, что работа происходила несколько странно. В прежнее время назначаемы были многолюдные комиссии, созывались сведущие люди, а теперь все было возложено на одного человека, бесспорно очень умного, но мало знакомого с администрацией. Подобно Ликургу или Солону, он должен был явиться перед публикой с вполне готовым законодательством. Буквально ни с кем не советовался и никого не посвящал в тайну. Даже граф Толстой не составлял исключения. Конечно, Пазухин беседовал с ним, поверял ему свои идеи, но еще в половине марта, перед отъездом моим из Петербурга, когда я говорил Толстому, что редактор “Санкт-Петербургских ведомостей” желал бы познакомиться с главнейшими основаниями реформы, то получил в ответ: “Да я сам еще не освоился настоящим образом с этим делом. Пазухин не предоставлял мне ровно ничего на бумаге. Труд его скоро будет кончен, я возьму его с собой в Москву и буду его изучать”». Толстой ознакомился с содержанием проекта довольно быстро и был очень доволен. Он уже собирался просить императора собрать совещание, которое бы одобрило основные положения пазухинского проекта. И вот тут

---

[1] И это при том, что отношение в бюрократической среде к Городовому положению 1870 г. было довольно скептическим. Как писал С.Е. Крыжановский, оно «являлось фактически переводом или переложением на русские условия такого же Положения Восточной Пруссии, и работа сводилась собственно к обширному комментированию отдельных статей с тщательным умолчанием о первоисточнике» [*Крыжановский С.Е.* Воспоминания // Bakhmeteff archive (BAR). Kryzhanovskii coll. Box. 2. Folder 2].

он решил заручиться поддержкой ближайших коллег. 2 апреля 1886 г. состоялось совещание, в котором приняли участие, помимо Толстого и Пазухина, К.П. Победоносцев, М.Н. Островский и Н.А. Манасеин. По словам Феоктистова, «увы, тотчас же обнаружилось резкое разногласие. Дело в том, что никто не оспаривал коренное начало реформы, все соглашались в необходимости установить твердую власть в крестьянском управлении, поставить земство так, чтобы оно служило одним из органов правительства, а не находилось в какой-то бессмысленной к нему оппозиции, но вместе с тем все указывали на вопиющие недостатки и несообразности проекта. Пазухин возражал далеко не убедительно, а Толстой почти вовсе ничего не возражал. Им овладело крайнее уныние. Оставшись наедине с Пазухиным после того, как министры разъехались, он сказал ему, что намерен тотчас же телеграфировать государю в Ливадию, что вследствие противодействия со стороны Манасеина (как будто один Манасеин находил проект неудовлетворительно разработанным) он не в состоянии вести дело, начатое Кахановской комиссией. К счастью, Пазухин убедил его не делать этой глупости...»[1].

Начальник канцелярии министра А.Д. Пазухин взывал о помощи издателя «Московских ведомостей» Каткова. Очевидно, он должен был повлиять на впавшего в уныние министра внутренних дел в то время, как тот будет в Москве[2]. Через неделю Пазухин писал Каткову в ином тоне. Напряжение нарастало. Управляющий канцелярии чувствовал, что министр готов отказаться от проекта, не желая остаться в совершенном одиночестве. Пазухин прямо говорил, что, если Победоносцев и впредь будет столь критичен к законопроекту, то Толстому придется подать в отставку. Из этого следовало, что руководству МВД надо было пойти на уступки критически настроенным сановникам. В итоге записку императору о земской реформе пришлось переписывать с учетом замечаний обер-прокурора Св. Синода[3]. Более того, к подготовке документа был привлечен товарищ министра вну-

---

[1] *Феоктистов Е.М.* Дневники // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9120. Л. 8. См.: *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. С. 451–453.

[2] Письмо А.Д. Пазухина М.Н. Каткову 31.03.1886 // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 101 об. – 102. Впрочем, и М.Н. Островский не внушал большого оптимизма Пазухину. 6 апреля 1886 г. он писал М.Н. Каткову: «На Островского тоже надеяться нельзя. Твердых принципов он не имеет. Знания народной жизни у него нет. Он склонится туда, где предположит силу» (Там же. Л. 102).

[3] Там же. Л. 102. 7 июня 1886 г. А.Д. Пазухин написал Каткову: «Завтра К.П. Победоносцев едет на юг и остановится в Москве дня на три. Вероятно, Вы его увидите. Хорошо бы было, если бы Вы постарались освободить его из-под влияния Манасеина, который им все более и более завладевает» (Там же. Л. 103).

тренних дел В.К. Плеве, который прежде не знал об этой работе Пазухина. Ознакомившись с проектом, он решил проконсультироваться с Островским, который высказал все то, что прозвучало на совещании министров. По мнению министра государственных имуществ, документ, составленный Пазухиным, был неприемлем. Его следовало полностью переписать, что потребовало бы много времени. Очевидно, Плеве с этим соглашался и собирался учитывать точку зрения Островского при редактировании проекта[1].

Политика такого рода согласований проводилась даже тогда, когда существовала уверенность в поддержке императора – как это было при разработке проекта реформы местного управления. Тогда Александр III заметил Толстому: «Препятствия неизбежны, но надо идти напролом»[2]. А.Д. Пазухину и князю В.П. Мещерскому оставалось лишь сетовать на слабоволие графа Д.А. Толстого[3].

Год спустя уже встал вопрос о внесении законопроекта об учреждении земских начальников. В феврале 1887 г. документ был разослан М.Н. Островскому, И.А. Вышнеградскому и Н.А. Манасеину. От первых двух в Министерстве внутренних дел ожидали одобрения, от третьего – разногласий. Д.А. Толстой нервничал, предчувствуя скорую борьбу. Причем в данном случае Министерство внутренних дел не чувствовало явную поддержку со стороны императора, который даже не прочитал подготовленную ему записку о реформе[4]. Расчет Пазухина оказался оправданным. Островский и Вышнеградский поддержали законопроект. В Министерстве юстиции готовили возражения. Сославшись на трудность стоявших перед ним задач, Н.А. Манасеин не стал посылать свои критические замечания в Министерство внутренних дел, обещая их огласить непосредственно на заседании Государственного совета. Толстому и его сотрудникам оставалось ожидать подвоха[5].

Министр не мог открыто выступить против того мнения, которого с высокой долей вероятности придерживался император. Он не мог заявить об оппозиции тем коллегам, которые были в фаворе у царя. И все же он мог нейтрализовать их усилия, добиться утверждения приемлемого решения. Канцелярские средства борьбы были тем более значимы, что прямое политическое столкновение высоко-

---

[1] *Феоктистов Е.М.* Дневники // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9120. Л. 8.

[2] *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 326.

[3] Там же. С. 327.

[4] Письмо А.Д. Пазухина М.Н. Каткову 05.02.1887 // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 104.

[5] Письмо А.Д. Пазухина М.Н. Каткову 18.02.1887 // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 105 об.

поставленных чиновников было едва ли возможным. Характерно, что последовательный защитник Судебных уставов 1864 г. министр юстиции Д.Н. Набоков так о них публично отзывался: «В основе судебных учреждений лежит фальшь. Но разве я этого не сознаю? Разве судебные учреждения созданы мною? Разве я допустил бы суд присяжных?» Но при этом судебную систему, основанную на фальши, по словам Набокова, не следовало трогать, дабы не расшатывать и так зыбкие основы правопорядка[1]. Иная аргументация в 1880-е гг. со стороны министра юстиции была бы немыслимой. Аналогичную линию вел его приемник Н.А. Манасеин, на которого так надеялся К.П. Победоносцев и сам император. Подобный курс требовал от министра конспирации. Он не мог отправлять откровенные письма судьям в провинцию, зная, что его переписка перлюстрируется. Для переговоров с ними и координации действий он отправлял доверенных лиц на места, советуя им ни в чем не полагаться на губернаторов[2].

В октябре 1883 г. при обсуждении проекта Университетского устава массированная «атака» большинства членов Государственного совета, нацеленная против особого регламента проведения государственных экзаменов, увенчалась успехом. Нельзя найти экзаменаторов вне университета, в конце концов, это оскорбительно для профессоров, – это говорили бывшие министры народного просвещения А.В. Головнин и барон А.П. Николаи, министр финансов Н.Х. Бунге и др. Министр народного просвещения И.Д. Делянов был вынужден уступить. Немалую роль в этой законодательной «победе» сыграл К.П. Победоносцев, который предпочел присоединиться к большинству, т. к. хорошо себе представлял университетскую жизнь[3]. Уступчивость Делянова вызывала нескрываемый гнев его «союзников»: например, Д.А. Толстого и М.Н. Островского[4].

В ноябре 1888 г. Победоносцев признался, что он не мог выступить против Д.А. Толстого при обсуждении подготовленных им проектов реформы местного самоуправления в Государственном совете.

---

[1] Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову 26.11.1884 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 38. Л. 2. Говоря Победоносцеву о невозможности форсирования судебных преобразований, Д.Н. Набоков вспоминал о Государственном совете: он-де не согласится на коренную ломку Судебных уставов 1864 г. Обер-прокурор Св. Синода не видел в этом проблемы: «Подобных вопросов в Государственный совет и вносить не надо, а нужно просто представить их на непосредственное разрешение государя всеподданнейшим докладом» [*Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). С. 322–323].

[2] *Мещанинов И.В.* Воспоминания пережитого. С. 179.

[3] Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 967. Л. 28–31.

[4] Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 38. Л. 25 об. – 26 об.

Тем не менее он был готов содействовать созданию «контрпроектов», альтернативных толстовским. В случае разногласий он должен был уговаривать министра внутренних дел идти на уступки большинству Совета[1].

Речь шла как раз о законопроекте, вводившим земских начальников. Со временем стало понятным, что надежды провести через Государственный совет контрпроект были тщетны. Пришлось поменять тактику. Теперь Половцов рассчитывал перевести разговор в иную плоскость. В связи с этим он попросил председателя Департамента законов барона А.П. Николаи настаивать на необходимости поставить вопрос шире и говорить о реформе всей системы управления, в том числе об учреждении должности уездного начальника[2]. Таким образом, императору на самом раннем этапе обсуждения законопроекта было бы заявлено о наличии существенных разногласий в Государственном совете. При этом должен был сработать традиционный бюрократический механизм торможения законодательных инициатив: нужно было перевести разговор в иную плоскость – высших принципов и основополагающих идей.

Члены Государственного совета попытались реализовать этот прием на заседании Соединенных департаментов 3 декабря 1888 г. Законопроект о земских начальниках нельзя обсуждать, не зная дальнейшего плана преобразований местных учреждений (а он, безусловно, нужен). Эту точку зрения отстаивали А.П. Николаи, И.И. Воронцов-Дашков, Э.В. Фриш. Другие критиковали проект по существу. Д.М. Сольский и Е.А. Перетц предложили создать комиссию, которая пересмотрела обсуждавшийся документ[3].

Была и другая тактика. Строго стоять на своем, не делая никаких уступок, будучи полностью уверенным в поддержке императора. Этой линии собирался придерживаться Д.А. Толстой при обсуждении законопроекта об учреждении должности земских начальников[4]. Однако тяжело больной министр внутренних дел не выдержал испытания[5]. По окончании заседания Соединенных департаментов он отозвал своего товарища В.К. Плеве и сказал ему по секрету (но достаточно громко, чтобы слышали чиновники Государственной канце-

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 107.

[2] Там же. С. 123.

[3] Там же. С. 126–127.

[4] Там же. С. 119.

[5] Кроме того, следует иметь в виду, что сам Д.А. Толстой скорее *играл* роль всесильного министра. Как записал в дневнике И.А. Шестаков, он «диктатор по тону, но легко сдается» (*Шестаков И.А.* Дневники. С. 119).

лярии): «Я устал и уеду. Они, кажется, хотят устроить комиссию для переработки проекта. Вы можете соглашаться, но с тем чтобы председателем комиссии был назначен Старицкий. Впрочем, я посоветуюсь, еще об этом сегодня вечером с Пазухиным»[1]. В итоге комиссия собралась. Толстой в лице своего представителя (а именно Плеве) пошел на определенные уступки, однако до полного единодушия было еще далеко[2].

Тем не менее 10 декабря обсуждение проекта разворачивалось в том же направлении, что и неделю назад. Участники заседания (Е.П. Старицкий, М.С. Каханов, Б.П. Мансуров) настаивали на необходимости более обстоятельного подхода к проблеме. В этот раз Толстой на уступки не шел и возражал каждому своему оппоненту[3]. В то время Толстой был сильно болен. Он скорее разочаровал немногочисленных слушателей. По словам товарища министра финансов Николаева, «Толстой очень вяло и бесцветно защищал свой проект, что несколько раз во время перерывов он совещался с Пазухиным. Николаев в первый раз только по этому вопросу слышит Толстого говорящим и совершенно в нем разочарован. “Он говорит даже не умно”». Примечательно, что на следующий день в газете-журнале «Гражданин» речь Толстого была опубликована. Это было именно то, что говорил министр внутренних дел. Очевидно, эта статья и выступление Толстого были написаны одним человеком, а именно Пазухиным[4].

Большинству Государственного совета приходилось координировать свои усилия. Для этого барон Николаи был вызван к великому князю Михаилу Николаевичу. Туда были приглашены А.А. Абаза, Е.П. Старицкий и А.А. Половцов. Николаи обещал на следующем заседании Департамента поставить принципиальный вопрос о сословном характере проектировавшегося института земских начальников[5]. 17 декабря сценарий заседания недельной давности практически повторился. На этот раз проект Толстого поддержали Островский и Мансуров. Оппонировали ему Сольский и Николаи. Толстой не выдержал и прервал Николаи, т. е. председателя Департамента законов, что поставило того в тупик. Абаза на это отреагировал: «Когда один член прерывает другого, то председатель его останавливает, но когда председателя прерывают, то его положение очень трудное». Толсто-

---

[1] Там же. С. 127.

[2] Там же. С. 129–130.

[3] Там де. С. 132–133.

[4] *Богданович А.В.* Дневник // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 241. Л. 63 об.

[5] *Шестаков И.А.* Дневники. С. 134.

му пришлось извиниться. В конце заседания состоялось обещанное Николаи голосование – за или против сословного характера власти земского начальника, который, согласно проекту Министерства внутренних дел, должен был ведать исключительно крестьянскими учреждениями. За концепцию Толстого проголосовали 4 министра и два члена Государственного совета, против же – 18 их коллег[1]. Причем мотивы голосования тех, кто поддержал Толстого, были разными. Например, министр юстиции Н.А. Манасеин рассчитывал таким образом провалить законопроект. По его мнению, земский начальник, обладавший исключительно властью над крестьянами, лишался всякого смысла[2]. Схожим образом рассуждали М.Н. Островский и К.П. Победоносцев[3]. Они напоминали, что Толстой – на пороге смерти и не смог бы взяться за значительную реформу. Следовательно, то, что им было задумано, нужно утвердить, но в тех скромных пределах, которые обозначены в самом проекте[4].

Тем не менее меньшинство (а точнее, сам Д.А. Толстой) чувствовало себя довольно уверенно. Были все основания полагать, что император согласится с министром внутренних дел и его проектом. Ведь в течение года Толстой в ходе докладов императору сообщал ему все подробности, связанные с подготовкой законопроекта, и Александр III одобрял работу своего министра. Более того, государь призывал Толстого производить разногласие, если Государственный совет не согласился бы с проектом. В этом случае император гарантировал свою поддержку[5]. В беседе с великим князем Михаилом Николаевичем Александр III буквально повторял слова Д.А. Толстого, постоянно ссылался на него. Ведь если не принять в самом скором времени закон о земских начальниках, то, по сведениям Министерства внутренних дел, всю Россию охватят крестьянские бунты[6]. Госу-

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 138.

[2] Там же. С. 139.

[3] В письме императору от 29 декабря 1888 г. Победоносцев так объяснял позицию императору: «Граф Толстой хочет устроить власть для крестьянского мира. Такую власть невозможно обособить и поставить правильно, без связи со всеми прочими властями. Необходимо, по крайней мере, поставить земского начальника так, чтобы он был властью в целом территориальном участке и в прямой зависимости от общих губернских властей. Иначе выйдет путаница» (Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. 2. С. 204).

[4] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 144–145.

[5] Там же. С. 146.

[6] Там же. С. 140.

дарственный совет, который мешал проведению столь нужной меры, вызывал раздражение императора[1].

Министры продолжали вести свою линию. Островский, бывший в начале января на приеме у Александра III, убеждал его (и, казалось, убедил) ввести институт земских начальников в качестве эксперимента в 3–4 губерниях на 2–3 года[2]. Действительно, впоследствии земские начальники вводились в губерниях не одномоментно.

Новое заседание Государственного совета состоялось 16 января 1889 г. Его «сценарий» не отличался новизной. Большинство нападало на проект Министерства внутренних дел, а Толстой отчаянно отбивался, не желая никого слушать. Вновь звучала мысль о необходимости перестройки всего местного управления, а не его отдельных элементов. Вспоминали прежний административный опыт, не учтенный Толстым. Его проект защищал лишь Островский и то весьма оригинальным способом. Он доказывал, что все действительно спорные пункты можно с легкостью выбросить из документа. Следуя этой логике, А.А. Абаза и Е.П. Старицкий предложили не голосовать по проекту, а вносить изменения, обсуждая текст по параграфам. Толстой высказался против и настоял на голосовании. В его пользу высказались 13 членов Государственного совета. 39 были против[3]. Император в беседе с великим князем Михаилом Николаевичем даже порицал Толстого за это разногласие, вроде бы соглашаясь с тем, что следовало рассматривать проект по параграфам. Противники министра внутренних дел вроде могли праздновать победу[4]. Однако в действительности победил он.

28 января царь как будто бы утвердил мнение меньшинства. Более того, своей резолюцией император упразднил мировой суд, передавая его полномочия земским начальникам и волостным судам, что было давним потаенным желанием Д.А. Толстого. Это решение Александра III означало, что концепция проекта была бесповоротно принята. Государственному совету оставалось лишь обсуждать детали этого документа. Фактически в этот раз император, сам того не подозревая, утвердил мнение ни большинства, ни меньшинства, а свое собственное. По словам великого князя Михаила Николаевича, «граф Толстой нас оседлал»[5]. Такое решение возмутило многих. Победоносцев в возбуждении ходил из угла в угол по своему кабинету и

---

[1] Там же. С. 149.

[2] Там же. С. 152.

[3] Там же. С. 155–156.

[4] Там же. С. 158.

[5] Там же. С. 162.

настаивал на отставке великого князя Михаила Николаевича, который лишь таким образом мог выразить свой протест. А.А. Половцов, узнав о таком исходе дела, не мог в тот день заснуть[1].

Этот случай в высшей степени показателен. Проект об учреждении должности земских начальников являлся одним из немногих в царствование Александра III, который был утвержден в целом в том виде, в котором был внесен. Тем не менее его принятие потребовало немалых усилий со стороны Д.А. Толстого. Здесь сказалось все: принципиальные разногласия среди министров; организованная оппозиция в Государственном совете, выискивавшая нестандартные приемы политической борьбы; наконец, колебания самого императора, оказывавшегося под влиянием последнего докладчика.

В этом вопросе сказалась и сила, и слабость Государственного совета. Проект некоторым образом изменился за время его подготовки. Императора расстраивало, что вроде бы не желавший ни в чем отказываться от своих (точнее, А.Д. Пазухина) идей Толстой в итоге отступил от первоначальной позиции и не предоставил земским начальникам полномочия мировых судей[2]. Александру III, в нарушение сложившихся обычаев, своей резолюцией пришлось вводить эту норму, ставя высшее законосовещательное учреждение в предельно неудобное положение[3]. Он думал, что таким образом возвращается первая редакция проекта. В действительности это было не так. Ничего подобного Толстой в Государственный совет не вносил. Половцов сообщил об этом императору, предложив свой вариант высочайшей резолюции, в которой были исключены слова о волостном суде. Александр III задумался и предпочел не торопиться, а лишний раз посоветоваться с Толстым. Так как решение следовало принять как можно скорее, министра вызвали по телефону к императору. Половцов же остался завтракать у государя. Прибывший в Аничков дворец Толстой, как и прежде, на уступки идти не хотел. Чувствовалось, что это он водил рукой императора, который должен был поразить Государственный совет своей резолюцией.

Половцов отметил несовершенство волостных судов, упомянутых государем. Благодаря расширению полномочий, их положение только упрочивалось. «Ну что же, – возразил уверенный в себе Толстой, – если назначенная мною комиссия под председательством М.Н. Любощинского признает даже, что волостные суды надо упразднить, слова высочайшей резолюции упадут сами собой». Этот спор был

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 163.

[2] Там же. С. 162.

[3] Там же.

бесперспективен. Государственному секретарю пришлось напомнить о формальной стороне, о чем уже было сказано императору. Резолюция подразумевала возвращение к первоначальной редакции, которая в действительности не была представлена Государственному совету. Толстому пришлось с этим согласиться. Значит, продолжал Половцов, о мнении большинства или меньшинства не может быть уже речи: император излагает собственную волю. Толстой вроде бы не возражал, но ему очень хотелось, чтобы в резолюции говорилось о согласии Александра III с мнением меньшинства (т. е. прежде всего самого министра внутренних дел). Половцов пытался доказать нелогичность такой постановки вопроса: «Нельзя приказать, чтобы земские начальники были простыми крестьянскими попечителями с прибавкой, чтобы они заменили мировых судей. Это все равно, что сказать: пускай стена эта будет белая, но с тем, чтобы она была черная». Император колебался, перечитывал журнал Государственного совета. Толстой же настаивал на своем и в итоге одержал победу. Это придало ему еще большую уверенность. Теперь он требовал сохранения всего текста резолюции. Участники совещания вернулись к вопросу о волостных судах. Половцов настаивал на бессмысленности их упоминания. При распределении полномочий мировых судей волостные суды, безусловно, не будут забыты. Толстой же просил императора не доверять Государственному совету: если не проговорить значимые вопросы в резолюции, сановники могут придумать «непредвиденную новую комбинацию». Этот аргумент подействовал на царя, который, полушутя, заметил Толстому: «Дмитрий Андреевич, Государственный совет что-то очень настаивает на этом. Я думаю, нам следует ее удержать». Это заседание продолжалось два часа. Толстой был бледен и устал до крайности. Император отпустил своих сотрудников, оставив у себя меморию. Половцову пришлось поддерживать Толстого, когда они спускались по лестнице Аничкова дворца. Когда они дошли до самого низа, Толстой заметил: «Ведь эта мысль самого государя, я никогда бы не имел смелости ее предложить. Резолюцию я вижу сегодня в первый раз». Конечно, Половцов знал, что это не так: «Вы видели ее в четверг». Толстой смутился: «Да, да, ну так сегодня – это второй раз»[1].

В очередной раз Толстой праздновал победу. Ведомое им меньшинство одержало верх. Резолюция была составлена в его редакции. Спустя два дня, 30 января, она была зачитана на заседании Государственного совета. Это было столь неожиданно для большинства собравшихся, что они впали в оцепенение. Царила растерянность,

[1] Там же. С. 165–168.

мысли путались. Сразу после заседания в кабинете председателя собрались министры (Толстой, Вышнеградский, Манасеин, Островский, Победоносцев), члены Государственного совета (Николаи, Старицкий) и государственный секретарь Половцов. Решение императора поставило и министров в тупик. Министр юстиции Манасеин отмечал, что, передав часть дел мировых судей земским начальникам, его ведомство стояло перед неразрешимой задачей: в чьем ведении должны быть 300 тыс. гражданских и 200 тыс. уголовных дел, которые прежде проходили через мировой суд. Волостной суд был для этого не вполне компетентен. Передавать все дела в окружные суды значило заметно осложнять процесс судопроизводства. Примерно то же самое говорил Е.П. Старицкий. Неожиданно смело выступил Победоносцев: «Оператор, отрезывающий руку или ногу, знает, как вести нож так, чтобы не задеть нерв или мускул, а не обращая на то внимание, можно убить организм». Обер-прокурор Св. Синода отмечал, что невозможно переделать судебную систему за четыре месяца, даже если есть на то воля императора. «Государь может приказывать нам исполнять только то, что в наших силах. Если бы государь приказал ему, Победоносцеву, поднять камень в 20 пудов, а у него, Победоносцева, мускульной силы всего на 5 пудов, то, разумеется, высочайшее повеление останется неисполненным». Островский попытался усидеть на двух стульях: он признал правоту Победоносцева и одновременно с тем согласился с Толстым «ввиду высочайшего поведения». Да, рассуждал он, Государственный совет не может поднять столь тяжелый камень, но следует попробовать, дабы продемонстрировать свои верноподданнические чувства. Вышнеградский предложил переложить эту работу на плечи министров внутренних дел и юстиции. Барон Николаи доказывал несостоятельность этой точки зрения. В итоге совещание пришло к компромиссу. Та часть законопроекта Толстого, которая касалась крестьянского управления, должна была рассматриваться в Соединенных департаментах. То, что относилось к судебной части, должно было предварительно обсуждено на совещании министров внутренних дел, юстиции и финансов[1]. 1 февраля во

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 169–171. В Государственном совете существовала точка зрения, что император своей резолюцией поставил крест на всех результатах работ высшего законосовещательного учреждения по обсуждению законопроекта об учреждении земских начальников. «Вышнеградский твердо настаивал на том, что рассмотрение проекта в настоящем положении – дело невозможное. Перемены ввиду резолюции столь существенны, что необходимо возвратить проект министру внутренних дел для того, чтобы он его переписал при участии министра юстиции и внес обратно в Совет, где невозможно писать законоположения, а можно только рассматривать приготовленное министрами» (За-

время доклада великого князя Михаила Николаевича император утвердил это решение. Однако председатель Государственного совета не был уверен, что царь не пересмотрит свою позицию под влиянием предстоявшего доклада Толстого. По этой причине Половцов предлагал Михаилу Николаевичу как можно скорее разослать уведомление о высочайшем повелении. Это отрезало бы все пути назад[1].

Вскоре после всех этих драматических событий, 25 апреля 1889 г., Д.А. Толстой скончался. Исполнять его обязанности был назначен его товарищ И.Н. Дурново. Император поручил ему способствовать скорейшему принятию закона о земских начальниках. Дурново возражал: он практически не был знаком с содержанием проекта. Однако это нисколько не смущало царя. «Государь с горячностью требовал, чтобы это было сделано, утверждая, что если этого не произойдет, то Государственный совет будет “ликовать победу” над ним, государем»[2].

Обсуждение законопроекта продолжалось, и к июлю был подготовлен соответствующий журнал. По общему мнению он был неудовлетворительный: в нем содержалось много неточностей и несуразностей. Ведь в Государственном совете, желая угодить императору, очень спешили. Кроме того, сановники хотели поскорее покинуть летом Петербург и по этой причине старались не возбуждать лишние разногласия. Александр III знал о претензиях к итоговому журналу Государственного совета, но относился к ним спокойно. Он полагал, что со временем можно будет все исправить. Его радовало, что это дело наконец завершилось, хотя могло быть испорчено в самом конце. Император обвинял в этом министра юстиции Н.А. Манасеина, чьи предложения были настолько «неудовлетворительны», что можно было заподозрить его в желании «провалить весь проект»[3].

Борьба вокруг законопроекта об учреждении должности земских начальников весьма показательна. Это было столкновение двух групп бюрократии, имевших собственные козыри и рассчитывавшие на успех. После смерти Толстого партию Министерства внутренних дел стало разыгрывать намного сложнее. И.Н. Дурново, преемника

писки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 1. Л. 104 об.). В этом сказывалось глубочайшее недовольство министра финансов тем, что позиция его коллег по Государственному совету фактически игнорировалась «правящей партией».

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 172. МВД фактически отказалось от разработки вопросов судебной реформы, полагая, что все это входит в сферу компетенции исключительно Министерства юстиции (Там же. С. 177).

[2] Там же. С. 206.

[3] Там же. С. 241.

Дмитрия Андреевича Толстого, в шутку называли «Лжедмитрием»[1]. Он не мог противостоять большинству Государственного совета и был вынужден часто отступать, признавая правоту своих оппонентов. Так случилось при обсуждении нового Земского положения весной 1890 г. 19 марта А.А. Половцов записал в своем дневнике: «Бездарный Дурново отступает по всей линии, не умея привести ни одного аргумента в защиту своего проекта. Плеве [его товарищ], напротив, с ловкостью испытанного, ни перед чем не останавливающегося адвоката приводит на все рассуждения, которые, впрочем, не убеждают собрания». Конечно, столь уступчивому министру в Государственном совете только радовались[2].

Борьба, разворачивавшаяся в Государственном совете, может быть названа политической лишь с высокой долей условности. Обычно считается, что политика – это искусство возможного. В данном же случае перед высшими сановниками империи стояла задача, решение которой кажется практически невозможным. Они должны были добиться определенных политических целей, не имея шансов высказать свои политические убеждения. И большинство, и меньшинство Государственного совета говорили на одном и том же языке, повторяли одни и те же формулы, но при этом расходились друг с другом кардинально. Усеченный вариант публичной политики не позволял надеяться на предметное обсуждение сущностных вопросов государственного курса. Это было неизбежное стояние на ме-

---

[1] Впервые это высказал А.А. Абаза: «Едва ли Дурново успеет уподобиться графу Толстому, по всему вероятию он будет Лжедмитрием» (*Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. № 9112. Л. 2). И.Н. Дурново, как и некоторые другие рязанские помещики, был выдвиженцем Д.А. Толстого. В годы его министерства Рязанскую губернию в шутку именовали «лейб-губернией». Отсюда рекрутировались администраторы разного уровня. Выходцем из Рязанской губернии был министр внутренних дел А.Г. Булыгин. По поводу выдвижения последнего И.И. Колышко написал в мемуарах: «Однажды, едучи к себе, Толстой загляделся на колючую изгородь встречной усадьбы. Оказалось, имение зарайского предводителя дворянства Булыгина. Владелец его был назначен вице-губернатором, губернатором и т. д., вплоть до поста министра внутренних дел и председателя знаменитой Булыгинской комиссии, стряпавшей булыгинскую Думу» (*Колышко И.И.* Указ. соч. С. 61). Э.Ю. Нольде писал Н.С. Таганцеву: «Булыгин – ставленник Толстого, человек хотя и консервативного направления, но стоит за закон и вообще человек умеренный» (Письмо Э.Ю. Нольде Н.С. Таганцеву // ОР РНБ. Ф. 760. Оп. 1. Д. 352. Л. 2).

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 284. И.Н. Дурново чрезвычайно нуждался в помощи В.К. Плеве, который призывал к себе всякий раз, когда приходилось совещаться с министром юстиции Н.А. Манасеиным относительно законопроекта о земских начальниках (Письмо И.Н. Дурново В.К. Плеве // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 688. Л. 121).

сте, то, что Победоносцев назвал: «Ни пру [так в оригинале. – *К. С.*] ни ну»[1].

Не вызывало сомнений и то, что российская бюрократия не была политически монолитной. Этого было трудно ожидать, хотя бы учитывая тот факт, что высшие должности в империи занимались чиновниками, чьи политические взгляды никому не были (да и не могли быть) известными. Бюрократ должен был эффективно выполнять возложенную на него функцию вне зависимости от общего правительственного курса. Такая политическая «аморфность» чиновничества – не исключительно российское явление. Государственный секретарь А.А. Половцов в беседе с Александром III вспоминал, что одни и те же чиновники служили Людовику XVI, Робеспьеру, Наполеону. «Это лишь орудие в руках правительства, а не сила, вне его стоящая»[2]. Проблема была лишь в том, что правительства в России в полном смысле этого слова не было.

Законодательная экспертиза

Усложнявшаяся государственная жизнь требовала специальных знаний, которыми обладали немногие. Эффективный законотворческий механизм должен был предусматривать пути мобилизации этих редких специалистов, способных оценить внесенные проекты. Чиновничество, чувствуя свою недостаточную осведомленность о повседневной жизни России, пасовало перед многими проблемами[3]. Оно нуждалось в подпорке экспертного мнения. Это касалось и Министерства внутренних дел, чье руководство само себе признавалось, что имело весьма туманные представления о местных условиях жизни. Как писал сенатор А.Н. Казначеев министру внутренних дел Н.П. Игнатьеву 3 июля 1881 г., «эта бездна [между правящими верхами и подлинными нуждами населения] становится с каждым днем все глубже и непроходимее от централизации, доводимой до крайности. Она довела Министерство до бюрократического обобщения, до миражей, отражающих официальные фикции, а не действи-

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 164.

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 394.

[3] *Verner A.W.* The Crisis of Russian Autocracy Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, New Jersey, 1990. P. 45; *Yaney G.L.* The Systematization of Russion Government. Social Evolution in the Administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana, Chicago, L., 1973. P. 337; *Sternheimer S.* Administering Development and Developing Administration: Organizational Conflict on Tsarist Bureaucracy, 1906–1914 // Canadian-American Slavic Studies. A quarterly journal devoted to Russia and East Europe. 1975. Vol. 9. № 3. P. 281.

тельность, она развила господствующее в наших министерства неверие в жизнь, ее отрицание и угнетение»[1].

Обычно при обсуждении законопроектов в департаментах Государственного совета в качестве экспертов приглашались чиновники, участвовавшие в разработке министерских инициатив. Общественные деятели присутствовали на этих заседаниях реже. Тем не менее в ряде случаев приглашали и их. 10, 15 апреля 1882 г. эксперты были приглашены на заседания Соединенных департаментов Государственного совета, обсуждавших питейный вопрос. Их присутствие не было формальным. Они сделали замечания на каждый параграф законопроекта[2]. В марте 1883 г. эксперты были приглашены на заседание Государственного совета при обсуждении закавказского транзита[3]. В 1886 г. при рассмотрении вопроса о чиншевом праве в Петербург были вызваны губернаторы и предводители дворянства. Они выступали в качестве экспертов. Сначала Д.А. Толстой сопротивлялся такому приглашению и по итогам обсуждения с долей ехидства спрашивал А.А. Половцова: «Довольны ли Вы театральным представлением, которое устроили?» По мнению же государственного секретаря, результат был в высшей степени позитивным. Чрезвычайно сложный вопрос был успешно разрешен, не вызвав возмущения на местах. Когда в 1887 г. встал вопрос об обсуждении проекта МВД о земских начальниках, ситуация повторилась. Было принято решение о приглашении нескольких губернаторов и предводителей дворянства в качестве экспертов. Для А.А. Половцова было очевидно, что подобный вопрос нельзя решать чисто канцелярским порядком[4]. В феврале 1888 г. в Петербург были вызваны прибалтийские губернаторы и предводители дворянства. Тогда в Государственном совете обсуждался вопрос о реформе полиции в их крае. Они дружно выступили против проекта МВД[5].

Экспертов приглашали в Петербург регулярно. Порой это рассматривалось как предвестник будущих значительных государственных преобразований. Так, например, случилось в 1881 г., когда по инициативе Н.П. Игнатьева 13 земских экспертов были приглашены к участию в Особом совещании министров. Коллегия должна была обсудить в том числе положение о Крестьянском банке[6]. В скором вре-

---

[1] Письмо А.Н. Казначеева Н.П. Игнатьеву 03.07.1881 // РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 358. Л. 9.

[2] *Шестаков И.А.* Дневники. С. 28–30.

[3] Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 967. Д. 26.

[4] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 39.

[5] Там же. С. 87.

[6] *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964. С. 420–421; *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 335.

мени с подачи все того же Игнатьева была учреждена Кахановская комиссия, которой предстояло обсудить проекты реформы местного управления и самоуправления[1]. Работа «сведущих лиц» должна была предварять созыв Земского собора. По словам К.Ф. Головина, работе экспертов в столице на постоянной основе предстояло стать своего рода «гомеопатической конституцией»[2]. Однако участие экспертов в законотворческом процессе было сравнительно скромным. В противном случае «высшие сферы» чувствовали известную опасность. На 20 января 1882 г. министр народного просвещения барон А.П. Николаи назначил заседание комиссии по обсуждению проекта реформы реальных училищ. На него было приглашено 50 человек: среди них представители земств и городов (в том числе В.И. Герье и А.А. Краевский). По словам Е.М. Феоктистова, «вопросы поставленные – ужасные: не следует ли окончившим курс реальных училищ открыть доступ в университет, не следует ли отменить различие между образованием классическим и реальным, не следует ли уравнять низшие четыре класса гимназий и реальных училищ, исключить греческий язык и т. п.» Николаи не скрывал, что являлся противником классической системы образования. Бюрократический Петербург взволновался. «Особенно были встревожены министры, и не подозревавшие, какой сюрприз устроит им коллега, вызвав выборных от земств и городов». В конце концов 18 января императору был представлен доклад великого князя Михаила Николаевича с возражениями против инициативы Николаи[3]. С соответствующим письмом обратился к царю и К.П. Победоносцев[4]. В итоге министру народного просвещения было приказано срочно распустить комиссию. «Барону Николаи нанесен такой удар! Ведь делегаты уже явились, и вдруг... приказано разогнать их!!!» – злорадствовал Феоктистов[5]. Так что «парламент по реальным училищам» не состоялся[6], а затем последовала и отставка Николаи[7].

---

[1] Там же. С. 431–433.

[2] *Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. 2. С. 54.

[3] Письмо Е.М. Феоктистова Н.А. Любимову 19.01.1882 г. // РО ИРЛИ. Ф. 160. Д. 2. Л. 517.

[4] Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. 1. С. 366.

[5] Письмо Е.М. Феоктистова Н.А. Любимову 19.01.1882 // РО ИРЛИ. Ф. 160. Д. 2. Л. 518.

[6] Письмо Е.М. Феоктистова Н.А. Любимову 01.02.1882 // РО ИРЛИ. Ф. 160. Д. 2. Л. 519.

[7] См.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964. С. 446–449.

«Сведущие лица» должны были знать свое место. В.И. Гурко вспоминал случай в 1900 г., когда представители городского самоуправления наиболее значимых приморских городов были экспертами при рассмотрении положения о портовых сборах. Причем им дали высказаться в самом начале заседания. После этого они были выведены из зала. Обсуждение вопроса продолжалось без них[1].

Изредка приглашение экспертов способствовало пополнению штата государственных служащих. Пожалуй, самый яркий пример того – карьера А.Д. Пазухина, который будучи алатырским уездным предводителем дворянства был приглашен в качестве эксперта в Кахановскую комиссию[2]. Там он обратил на себя внимание и некоторое время спустя стал ближайшим помощником Д.А. Толстого[3].

За общественными деятелями, в особенности заявившими о себе в столице, внимательно наблюдали, порой даже «охотились». Иногда в столице проводились довольно многочисленные собрания экспертов, вызывавшие живой интерес у различных ведомств. Так, в мае 1897 г. Министерство финансов организовало совещание с предводителями дворянства. Министр внутренних дел И.Н. Дурново пытался «перехватить» дворянских депутатов, предлагая им поддержать законопроект, который шел вразрез с интересами казны[4].

В ряде случаев представители различных групп интересов пользовались своими контактами с влиятельными министрами, фактически выступая в качестве лоббистов. Например, в 1892 г. в Государственный совет был внесен законопроект об ответственности предпринимателей за увечье и смерть рабочих от несчастных случаев при производстве фабрично-заводских работ. Инициатива исходила от Министерства финансов. Категорически против выступил К.П. Победоносцев. Он оппонировал (и в итоге успешно) законопроекту по просьбе промышленников западных губерний Российской империи[5].

---

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 42.

[2] По словам В.П. Мещерского, «про Кахановскую комиссию нельзя сказать, что гора родила мышь. Она родила Пазухина, а Пазухин родил земского начальника» (*Мещерский В.П.* Воспоминания. М., 2001. С. 583).

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 65. Сами эксперты, включенные в Кахановскую комиссию, вызывали большие сомнения у представителей либеральной общественности. И.И. Петрункевич по этому поводу писал: «Пятнадцать экспертов из числа не примирившихся с освобождением крестьян и с земством губернаторов и помещиков, кричавших, что в деревне нет житья от крестьян, а в земстве хозяйничает революция: можно ли придумать экспертизу, менее способную внушить доверие обществу» (Цит. по: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. С. 219).

[4] Письмо Алексея Д. Оболенского Александру Д. Оболенскому 11.05.1897 // РГИА. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 95. Л. 24–25.

[5] *Ковалевский В.И.* Воспоминания. С. 47–48.

Министерство финансов сотрудничало со съездами промышленников. Министерство государственных имуществ даже участвовало в организации подобных совещаний, хотя их значение при разработке законодательных актов не было существенным[1]. Тем не менее в 1896 г. на Всероссийском торгово-промышленном съезде в Нижнем Новгороде член Совета министра финансов Д.Ф. Кобеко отметил: «Министерство финансов признало нужным ознакомиться со взглядами представителей торгово-промышленного класса по вопросам, наиболее их интересующим. Так поступало оно и прежде. Свыше чем 40-летняя деятельность моя по Министерству финансов дает мне право и основание засвидетельствовать, что Министерство всегда чутко прислушивалось к голосу промышленников и купечества»[2].

Несмотря на постоянное участие общественных деятелей или представителей местной администрации в разработке законодательных решений, правительство не спешило вывести институт общественной экспертизы на качественно новый уровень: например, сделать ее обязательной, привлечь более широкий круг специалистов, учредить для этого постоянно действующие совещания или комиссии[3]. Ведь многим виделся в этом первый шаг к политической реформе[4].

Впрочем, ее необходимость мало кем ставилась под сомнение. Как это ни парадоксально, бюрократия привыкла не доверять бюрократии и рассчитывала на общественных деятелей, на их опыт, знание положения дел на местах. Об их участии в законотворчестве заговорили громче в преддверии Первой революции, когда кризисные явления все чаще давали о себе знать.

14 января 1902 г. на Министерство внутренних дел была возложена обязанность пересмотреть законодательство, регламентировавшее

---

[1] См.: *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981. С. 163–166.

[2] Цит. по: Там же. С. 216.

[3] Это специально обосновывал министр внутренних дел граф Н.П. Игнатьев (Записка Н.П. Игнатьева Александру III // ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1 Д. 1457. Л. 3; Записка Н.П. Игнатьева Александру III 15.01.1882 // Там же. Д. 1474. Л. 1–2; Доклад Н.П. Игнатьева 04.09.1881 // Там же. Д. 1539. Л. 3).

[4] Так эта ситуация оценивалась и в общественных кругах. В этой связи князь П.Д. Долгоруков писал князю П.Н. Трубецкому 3 ноября 1903 г.: «Чтобы положить начало мало-мальски правильному представительству, хотя бы и совещательного характера, необходимо, чтобы представители дворянства и земства призывались в Петербург в различные комиссии не по выбору Министерства [внутренних дел], а из всех губерний и, по возможности, по выбору дворянских и земских собраний, а не ex officio» (Письмо П.Д. Долгорукова П.Н. Трубецкому 3.11.1903 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 380. Оп. 3. Д. 18. Л. 22 об.).

жизнь крестьянства. С.Ю. Витте не собирался выпускать это дело из своих рук. И 23 января 1902 г. уже под председательством самого Витте было образовано сельскохозяйственное совещание, получившее характер надведомственного учреждения. Министр финансов рассчитывал энергично и быстро решить вопросы, волновавшие сельскую Россию. Конечно, он бы опередил МВД во главе с его руководителем Сипягиным. Однако случилось непредвиденное: Сипягин был убит. Новый министр – Плеве – был настроен решительнее и делиться сферой своих прерогатив с министром финансов не собирался[1]. Желая сохранить инициативу в своих руках, Витте перевел работу своего совещания на качественно новый уровень, инициировал создание местных сельскохозяйственных комитетов. Причем к удивлению многих им была предоставлена возможность коснуться «вопросов общего правопорядка и общего управления, поскольку таковые отражаются на сельском хозяйстве и местной жизни вообще».

Обосновывая необходимость подобных совещаний, Витте говорил Плеве буквально словами земских людей: «...в данном случае, никакими репрессиями и мерами полицейского воздействия (Витте особенно упирал на это слово) ничего достигнуть нельзя. Движение гораздо глубже, чем думают. Невозможно думать, что движение, ныне наблюдаемое в обществе, создано сельскохозяйственными комитетами. Корни его в нашем прошлом, ближайшее в реформах Александра II. Здание перестроено, а купол остался нетронутым. Отсюда понятно стремление к увенчанию здания. Понятно желание свобод, самоуправлений, участия общества в законодательстве и управлении. Нельзя не опасаться, что если Правительство, тем или иным способом, не даст выхода этому чувству легальными путями, оно пробьется наружу другим способом. Поэтому Правительство не только должно

---

[1] Чиновник Министерства Е. Дементьев писал И.Х. Озерову в 1902 г.: «Назначение Плеве для нас было ударом; наше Министерство не знает, как к нему подступиться, и положительно боится его, а Ковалевский, в частности, ненавидит его и боится вдвойне (из довольно компетентного источника я слышал, что Плеве считает его не государственным деятелем, а “государственным шарлатаном”). Какой политики будет держаться Плеве, никто не знает, и даже сплетен по этому поводу мало. Ясно одно: он слишком умен, тактичен и осторожен, чтобы ограничиться одними репрессалиями и прать [так в оригинале. – *К.С.*] на рожон, как Сипягин. Не подлежит сомнению, что он даст нечто положительное. Очень и очень многие думают, что он переведет фабричную инспекцию к себе. А наш несомненно ее отдаст (знаю это положительно), ибо ему надоело, да и вредно для его положения ссориться с Министерством внутренних дел из-за инспекции, когда ему по более серьезным причинам надо быть с ним в дружбе. Но пока Плеве флага еще не выкинул, а потому все вопросы и дела отложены, говорится откровенно “до выяснения, какое займет положение Плеве”» (Обзор результатов перлюстрации писем по важнейшим событиям и явлениям в государственной и общественной жизни России в 1902 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 308. Д. 40. Л. 78 об. – 79).

пойти навстречу движению, но должно, по возможности, встать во главе его, овладев им. Другого способа он не видит. Невозможно в настоящее время не считаться с общественным мнением; правительству необходимо опереться на образованные классы»[1].

Этот подход обеспечивал Витте стратегическое преимущество. Во-первых, комитеты могли рассматривать самый широкий круг вопросов. Эти же проблемы выносились и на петербургское совещание под председательством Витте, который только и имел право снимать их с обсуждения. Во-вторых, проект, впоследствии подготовленный Министерством внутренних дел, также должен был быть обсужден «на местах». Он должен был поступить к тем же самым лицам, которые уже обсудили, в сущности, те же вопросы, но в сельскохозяйственных совещаниях. Таким образом, Витте с неизбежностью опережал своего конкурента. Наконец, министр финансов рассчитывал обрести популярность в земских кругах и прикладывал к этому определенные усилия.

Однако во время работы местных комитетов петербургское совещание должно было сделать паузу. У Витте возникло вполне оправданное опасение, что Плеве и его сотрудники могли всех опередить. Дабы этого не случилось, Витте настоял на учреждении межведомственного совещания при Крестьянском поземельном банке, которое должно было определить линию поведения банка по продаже крестьянам земли. Естественно, этой коллегии предстояло обсудить самый широкий круг вопросов. Плеве никак не мог помешать осуществлению этого замысла. Витте же допустил серьезный просчет, пригласив в качестве председателя А.Д. Оболенского, под руководством которого сложно было прийти к каким-либо конкретным суждениям[2].

Плеве старался не отставать от Витте, привлекая представителей местного самоуправления к обсуждению инициатив собственного ведомства. Так, при подготовке новых законоположений о крестьянстве в 1903–1904 гг. к их обсуждению привлекались особые губернские совещания, в значительной своей части составленные из земцев[3].

---

[1] *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906: Воспоминания // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 56.

[2] См.: *Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987. С. 148–151.

[3] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 215–216. При этом Министерство внутренних дел проводило репрессивную политику в отношении местных сельскохозяйственных комитетов. Сам Плеве по этому поводу говорил: «Несомненно также, что оно имеет корни в прошлом и я никогда не думал, что нынешнее брожение вызвано сельскохозяйственными комитетами, но я утверждаю, что комитеты являются удоб-

В 1903 г. В.К. Плеве пригласил к себе академика И.И. Янжула. Он заслушал точку зрения ученого на рабочий вопрос, в чем-то согласился с ним, а потом попросил разработать экзамен для чиновников Министерства внутренних дел. «Этим делом я теперь поглощен благодаря ему, – писал И.И. Янжул своему приятелю социологу А.И. Чупрову, – мы по временам видимся с В.К. [Плеве] и беседуем по разным вопросам и, скажу откровенно, с истинным с моей стороны

ной ареной для его проявления и потому не могут быть оставлены без надзора. Очень может быть, что мы накануне больших потрясений, которые поколеблют государство. Все это я не отрицаю. Но именно поэтому я и думаю, что мы не только можем, но и обязаны бороться с таким положением вещей. Если мы не в силах изменить историческое течение событий, ведущих к колебанию государства, то мы обязаны поставить ему преграды, дабы задержать его, а никак не плыть по течению, стараясь быть всегда впереди. Если у нас, не дай Бог, будет революция, то не такая, какие бывали на Западе, где ее делали восставший народ и войска. У нас до сих пор, слава Богу, еще крепок в народе престиж царской власти и есть у Государя верная армия. Революция у нас будет искусственная, необдуманно сделанная так называемыми образованными классами, общественными элементами, интеллигенцией. У них цель одна: свергнуть Правительство, чтобы самим сесть на его место, хотя бы только в виде конституционного правительства. У Царского Правительства, что ни говори, есть опытность, традиции, привычка управлять. Заметьте, что все наши самые полезные, самые либеральные реформы сделаны исключительно правительственною властью, по ее почину, обыкновенно даже при несочувствии общества. Вы сами, Сергей Юльевич, яркий пример тому, что может сделать для своей родины талантливый и энергичный русский министр без всяких конституций. А у лиц, из общественных элементов, которые заменят нынешнее правительство – что будет? – одно лишь желание власти, хотя бы даже одушевленное, с их точки зрения, любовью к родине. Они никогда не смогут овладеть движением. Им не усидеть на местах уже по одному тому, что они выдали так много векселей, что им придется платить по ним и сразу идти на все уступки. Они, встав во главе, очутятся, силою вещей, в хвосте движении. При этих условиях они свалятся со всеми своими теориями и утопиями при первой осаде власти. И вот тогда, выйдут из подполий все вредные преступные элементы, жаждущие погибели и разложения России, с евреями во главе. Что будет тогда? Трудно себе даже представить. Потому стремление к власти общественных элементов не нормальным путем, – т. е. путем приглашения их для совета и содействия Правительству, – а путем осады и захвата власти, очевидно, не может быть допущено, и всякая игра в конституцию должна быть в корне пресекаема. Я не хочу этим сказать, что реформы не нужны, но я убежден, что обновить Россию по плечу только исторически сложившемуся самодержавию. Это наглядно доказано реформами Александра II. Всюду был почин Правительства Самодержавного Государя. Какие реформы были проведены по почину общества? В большинстве случаев оно было против реформ. Отсюда, казалось бы, что все, что в России жаждет реформ, должно было бы быть за самодержавие, а у нас наоборот. В настоящее время поход на бюрократию общественных элементов есть лозунг борьбы, прикрывающий другую цель – разрушение Самодержавия. Вот, в сущности, весь смысл нынешнего движения. Как не может министр внутренних дел Самодержавного Государя с ним не бороться?» (*Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906: Воспоминания // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 59).

удовольствием. В.К. [Плеве] сделался с годами во всех отношениях симпатичнее, мягче, терпимее и взгляды его шире и глубже: большой выигрыш для России, что она приобрела такого министра!»[1].

В том же году при Министерстве внутренних дел начала работать комиссия по подготовке губернской реформы. В ней приняли участие семь губернаторов[2]. Кроме того, циркулярным письмом было запрошено мнение всех губернаторов и некоторых предводителей дворянства[3]. Правда, вся эта масштабная работа в итоге оказалась напрасной. С началом русско-японской войны деятельность комиссии фактически приостановилась. После же гибели В.К. Плеве о ней забыли вовсе[4].

Привлечение экспертов – важный тактический прием в ведомственной борьбе за общественное мнение[5]. Не случайно, что Витте прибегал к помощи экспертов и впоследствии, уже после гибели Плеве. 8 декабря 1904 г. возобновились заседания Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Состав коллегии существенно обновился. К ее работе в условиях «правительственной весны» осени 1904 г. были привлечены известные профессора: И.И. Иванюков, Н.А. Каблуков, Л.И. Петражицкий, Д.И. Пихно, А.С. Посников и др.[6]

Эксперты приглашались не только министрами, но и сановниками, заседавшими в Государственном совете. В конце XIX – начале XX столетия некоторые его члены, интересовавшиеся экономиче-

---

[1] Обзор результатов перлюстрации писем по важнейшим событиям и явлениям в государственной и общественной жизни России в 1902 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 308. Д. 41. Л. 34. Как записал в дневнике С.Р. Минцлов 6 декабря 1903 г., «либеральные кружки негодуют на Ивана Ивановича Янжула, когда-то ярко красного (в московские времена его деятельности), а теперь перешедшего под правительственный стяг. Мещерский оказался пророком: “Лучший способ борьбы с российскими либералами – это производить их в действительные статские советники”» (*Минцлов С.Р.* Петербург в 1903–1910 гг. Б. м., 2012. С. 41).

[2] *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906: Воспоминания // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 33–34.

[3] Там же. Л. 36.

[4] Там же. Л. 37.

[5] Проблематика общественного мнения чрезвычайно занимала мыслителей рубежа XIX – начала XX вв. – и в России, и за рубежом (*Гольцендорф Ф.* Роль общественного мнения в государственной жизни. СПб., 1881; *Bryce J.* The American Commonwealth. N.Y., 1903. Vol. 2. P. 250; *Dicey A.V.* Lectures on the relations between law and public opinion in England. L., 1905; *Новгородцев П.И.* Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьев. М., 2010. С. 73–74).

[6] *Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987. С. 172–173.

скими вопросами, собирались на особые, «экономические» обеды. Собирались десятки человек: чиновников, общественных деятелей, банкиров, концессионеров[1]. Обычно встречи происходили раз в месяц в отдельном зале ресторана Донона. У этого неформального объединения был свой секретарь Я.Н. Ростовцев. На заседания кружка приглашались представители общественности (например, профессор Л.В. Ходский). Частым докладчиком был П.Х. Шванебах. В данном случае и экспертов, и представителей сановного мира объединяло неприятие финансовой политики С.Ю. Витте[2].

Это частный случай конкуренции за экспертов, которая разворачивалась между различными бюрократическими группами. Знание – это власть, в особенности тогда, когда чувствовалась его явная нехватка. В связи с этим поддержка той или иной инициативы экспертным сообществом могла стать козырем в межведомственной борьбе. Помимо этого, борьба за экспертов нередко оборачивалась сражением за популярность в общественном мнении, которое также могло стать полезным рычагом влияния на оппонентов. Но в этом отношении ключевую роль, пожалуй, играла пресса, которая худо-бедно и тогда осуществляла связь между властью и обществом.

Пресса и власть

Традиционно считать, что публичная политика в самодержавной России была невозможна. Она предполагала радикальный поворот в обществе, который, по крайней мере, до 1905 г. был невообразим в стране, где законы принимались волею одного человека. По мнению Ю. Хабермаса, «публичная сфера» – достояние развитого буржуазного общества[3], с парламентом и более или менее свободной печатью[4]. Там партийная газета становится важным рычагом борьбы за власть и политическое влияние[5]. До 1906 г. в Российской империи парламентских дискуссий не было. Пресса находилась под бдительным контролем государственной цензуры. И все же, несмотря на эти

---

[1] *Скальковский К.А.* Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Т. 1. С. 198.

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 211.

[3] *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В.В. Иванова; под ред. М.М. Беляева. М., 2016. С. 63–77.

[4] Там же. С. 82–97.

[5] Там же. С. 254–270.

явные ограничения, пускай незначительное, но пространство у публичной политики в России было[1].

В России пресса не была четвертой властью. Таковы были правила игры в стране, где политические вопросы публично не обсуждались. За периодической печатью строго следила цензура. По словам К.П. Победоносцева, сказанным на заседании Комитета министров 18 апреля 1883 г., даже думать об облегчении положения газет и журналов – преступление[2]. Из этого, однако, не следует, что периодические издания вовсе не оказывали влияние на власть придержавших.

Их вес не мог измеряться тиражом, который отнюдь не был велик. Круг читателей газеты или журнала – это «общество», но не вся совокупность подданных Российской империи, а лишь ее «образованное меньшинство». По сведениям на 1867–1868 гг., грамотных среди рекрутов было 9–10 % (в Московской губернии – около 20 %)[3]. К 1879 г. грамотных в Петербурге было более 55 % (62 % мужчин и 46,4 % женщин)[4]. Всего же в стране их было едва ли более 6 %[5]. К концу века грамотных в России – более 21 %. Однако не все умевшие читать и писать могли быть однозначно приписаны к «обществу», хотя бы потому что «грамотными» были и выпускники университетов, и едва умевшие подписываться «сельские обыватели». Изучая «общество» в России, вероятно, следует учитывать и другие критерии, помимо наличия элементарного образования: например, род деятельности представителей читающего меньшинства. К 1881 г. В Петербурге 5,2 % населения столицы так или иначе получали доход на государственной службе, еще 5,2 % – принадлежали к свободным профессиям[6], в совокупности около 11 %. Их едва ли можно однозначно приписать к «обществу»: неизвестно, все ли они были вовлечены в коммуникативный процесс, в результате которого и формировалась общественная мысль. К обществу можно с уверенностью причис-

---

[1] По мнению А. Шеффле, высказанном еще в 1875 г., «публичность есть социально-психологическая природная необходимость, которая превыше всякого произвола законодателей». Публика же, по оценке того же Шеффле, «предмет интеллектуальной обработки и резонатор всех направляющих и ведущих умственных сил» (Словарь основных исторических понятий. М., 2014. Т. 1. С. 382). Согласно этому определению, «публичность» – необходимое условие общественной жизни.

[2] *Шестаков И.А.* Дневники. С. 103.

[3] *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 287.

[4] Там же. С. 295.

[5] Там же. С. 289.

[6] Там же. С. 324.

лить представителей «свободных профессий», т. е. 3296 человек на всю Россию к 1897 г.[1] Эту цифру можно увеличить за счет 15 237 художников, актеров, музыкантов, 16 742 врачей, 4639 инженеров[2], 12 174 юристов на частной службе и, наконец, с некоторой долей условности 103 760 человек, состоявших на земской, городской и сословной службе[3].

Можно попытаться «демаркировать» общество, отталкиваясь от вероятного круга чтения его представителей. Очевидно, что в первую очередь речь должна идти о «толстых журналах», которые неизменно претендовали на то, чтобы быть глашатаями «общественной мысли»[4]. Самые популярные органы периодической печати 1830-х – 1840-х гг. имели весьма ограниченный круг читателей. Так, «Библиотека для чтения» издавалась тиражом до 7 тыс. экз., «Отечественные записки» (в 1840 г.) – до 4 тыс., «Современник» (в 1848 г.) – до 3,1 тыс. Тираж наиболее читаемой газеты «Московские ведомости» в это же время колебался от 6 до 9 тыс. экз.[5] Со временем тиражи росли. Так, в 1890-е гг. средний тираж «толстого журнала» колебался между 3 тыс. и 5 тыс. экз., тираж «тонкого журнала» достигал 50 тыс., газеты – 25 тыс.[6] Согласно оценке редакции журнала «Современный мир», один экземпляр «толстого журнала» читали 8 человек, если же он хранился в библиотеке – 30. Соответственно, по расчетам А.И. Рейтблата, круг читателей популярного журнала с тиражом 15 тыс. экз. приближался к 200 тыс. чел.[7]

Таким образом, круг читателей постепенно расширялся, но при этом оставался не слишком большим. Влияние того или иного издания на государственную жизнь определялось политическим весом его читателей. Конечно, читатель-император мог перевесить всех остальных.

О влиянии прессы регулярно вспоминали в «высших сферах», ее боялись, рассчитывали установить над ней строгий контроль: например, так было при назначении министром внутренних дел не-

---

[1] *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. С. 89.

[2] Там же. С. 90.

[3] Там же. С. 98.

[4] *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 39–40.

[5] *Дергачева Л.Д.* Периодическая печать // Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3. С. 451.

[6] Там же. С. 468–469.

[7] *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. С. 48.

популярного графа Д.А. Толстого[1]. Нового министра спрашивали, не собирается ли он мстить своим недругам, способствовавшим его недавней отставке с должности министра народного просвещения. Толстой отвечал отрицательно, при этом замечая: «Но я приструню прессу»[2].

Как уже отмечалось, печать в России не была свободна и строго цензурировалась. Следовательно, и влияние ее на правительство могло быть лишь весьма ограниченным. Тем не менее председатель Комитета министров, а в прошлом министр финансов Н.Х. Бунге полагал прессу одним из важнейших источников информации для императора. Ее сила была в том, что она могла играть на разногласиях министров. Главное было заручиться поддержкой Министерства внутренних дел, от которого она в первую очередь зависела. Газета, регулярно оказывавшаяся на столе у императора, могла и не слишком считаться с требованиями цензуры. Такие издания часто становились средствами «подпольной борьбы» между министрами и даже дезинформации самого царя[3].

Рассуждая об этом, Бунге имел в виду конкретное издание – «Московские ведомости» М.Н. Каткова[4]. Д.А. Толстой объяснял, что он мог заставить замолчать любое издание, но не «Московские ведомости»[5]. Эта газета разворачивала целые кампании в прессе с обвинениями в адрес Государственной канцелярии[6]. У Каткова были свои информа-

---

[1] *Шестаков И.А.* Дневники. С. 43.

[2] Там же. С. 47. Принимая назначение министром внутренних дел, Д.А. Толстой так определил свое «кредо» императору: «Я не признаю мужицкой России, я дворянин, считаю дворянство опорою трона, и думаю, что сами государи могли мерами своими принести пользу России только при помощи дворянства; я признаю никуда не годными земство; считаю необходимым самые строгие мероприятия в отношении прессы» (*Половцов А.А.* Дневник // ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 20. Л. 79).

[3] Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX в. Документы и мемуары государственных деятелей. С. 220. При этом, по словам В.Н. Ламздорфа, Александр III ориентировался на общественное мнение и даже побаивался его (*Ламздорф В.Н.* Дневник, 1891–1892. М., 1934. С. 61).

[4] Такая газета была серьезным и для многих выгодным предприятием. С ней, с пользой для себя, сотрудничали представители бюрократического мира. В то же самое время они обеспечивали газете правительственные объявления, что приносило немалый доход (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 545–546).

[5] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 235.

[6] Там же. С. 237. Сам М.Н. Катков считал свою газету «органом государственной деятельности. В ней не просто отражались дела, в ней многие дела делались» (Цит. по: *Барковец О.Н., Крылов-Толстикович А.Н.* Александр III – царь-миротворец. СПб., 2007. С. 183).

торы в бюрократической среде: Е.М. Феоктистов[1], Н.А. Любимов[2], А.Д. Пазухин[3]. Порой уникальные сведения проникали на страницы «Московских ведомостей»[4]. В 1886 г. А.Д. Пазухин специально ездил в Москву, чтобы поделиться с Катковым своими планами относительно предстоявшей реформы местного управления[5].

В бюрократических сферах было устойчивое и вполне оправданное представление, что М.Н. Островский находится под сильным влиянием Каткова и зачастую воспроизводит идеи его передовиц в «Московских ведомостях»[6]. Вполне показательно, что, когда в декабре 1886 г. Катков приехал в Петербург, его на станции встречал министр народного просвещения И.Д. Делянов. Сразу же после приезда к нему, к частному лицу, явились М.Н. Островский, Е.М. Феоктистов, И.А. Вышнеградский, А.Д. Пазухин. В беседах с ними Катков заявил, что вскоре свергнет А.А. Абазу, Н.Х. Бунге и Н.К. Гирса[7]. По словам министра юстиции Д.Н. Набокова, Победоносцев, Островский, Толстой и Делянов чрезвычайно боялись Каткова и «тайно» сочувствовали его направлению[8]. Катков зорко следил за своими товарищами по правительству и не прощал им слабости. Он всячески содействовал назначению министром народного просвещения И.Д. Делянова. 29 января 1882 г., будучи на приеме у императора, М.Н. Катков «пошел напролом, попросил позволения от государя говорить откровенно и, когда позволение было дано, высказал ему начистоту все, все, все... Он, не стесняясь ничего, изобразил что такое [А.П.] Николаи, что это орудие [А.В.] Головнина, губитель нашей мо-

---

[1] По сведениям В.П. Мещерского, Е.М. Феоктистов находился на содержании у М.Н. Каткова как столичный корреспондент газеты «Московские ведомости» (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 541).

[2] Письма Н.А. Любимова М.Н. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 108–143.

[3] Письма А.Д. Пазухина М.Н. Каткову // Там же. Л. 101–106.

[4] Письмо Н.А. Любимова М.Н. Каткову 17.11.1882 // ГА РФ. Ф. 1718. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

[5] *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 263.

[6] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 350. М.Н. Островский принадлежал к кругу Каткова. Его приятелями, с которыми он любил проводить вечера, были Н.А. Любимов и Е.М. Феоктистов – ближайшие конфиденты издателя «Московских ведомостей» (*Скальковский К.А.* Сатирические очерки и воспоминания. С. 341).

[7] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 498.

[8] *Милютин Д.А.* Дневник, 1882–1890. С. 146. Впрочем, эта тайна относилась к числу «секретов Полишинеля». Современный исследователь А.Э. Котов определяет идейное направление М.Н. Каткова как «бюрократический национализм» *(Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016. С. 12).

лодежи, что будет великая беда, если он возьмется изменить Университетский устав, что это будет новый обман с его стороны, что только Делянов способен на такое дело...». Государь слушал внимательно и во всем соглашался: «Да, действительно... только Делянов это может, только Делянов... Я этим делом займусь, это дело очень важное, я его не упущу»[1].

Когда впоследствии это назначение ставили в упрек Каткову, тот парировал: «За кого же вы меня принимаете?.. Для меня вовсе не тайна, что Иван Давыдович – беспомощный человек, что всякое дело валится у него из рук, но мой глаз будет зорко следить за ним, пока я здесь, он не решится сделать ни одного шага, не посоветовавшись со мной»[2]. Примечательно, что после смерти издателя «Московских ведомостей» И.Д. Делянов с легкостью отказался от некоторых «своих» инициатив[3], а в 1890 г. лишь отступал при обсуждении в Государственном совете вопроса о часах преподавания мертвых языков в классических гимназиях (эта проблема имела первостепенную значимость для издателя «Московских ведомостей»)[4].

Политическое влияние Каткова ни у кого не вызывало сомнений. Государственный деятель и публицист сравнивал его с Вольтером, «конечно, принимая в расчет пропорции таланта, различие в распространенности французского языка и в других условиях среды, где

---

[1] Письмо Е.М. Феоктистова Н.А. Любимову 01.02.1882 // РО ИРЛИ. Ф. 160. Д. 2. Л. 519–520.

[2] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9122. Л. 14. Когда М.Н. Катков бывал в Санкт-Петербурге, он многие часы проводил в кабинете И.Д. Делянова, выводя из себя чиновников министерства. Один из них более двух часов ждал приема, пока Катков наконец не вышел из кабинета в сопровождении министра. Делянов хитро улыбнулся своему сотруднику: «Сейчас, ваше превосходительство, сейчас». Он проводил Каткова до лестницы, а в это время по ней поднимался попечитель Киевского учебного округа С.П. Голубцов. «Ах, вот и он! – воскликнул Делянов. – Ну, уж, батюшка, Михаил Никифорович [Катков], теперь вернитесь: наставьте, научите!» И они уже втроем шли в кабинет. Проходя мимо ожидавшего, Делянов вновь улыбнулся: «Ну, уж теперь, ваше превосходительство, извините!» Каткову же предстояло наставлять и поучать ([*Есипович Я.Г.*] Записки сенатора Есиповича // Русская старина. 1909. № 8. С. 217–218).

Такое отношение И.Д. Делянова или Е.М. Феоктистова к М.Н. Каткову вызывало у многих раздражение. Например, князь В.П. Мещерский писал в декабре 1886 г.: «Делянов, стоя на задних лапках пред ним, и [Е.М.] Феоктистов, стоя на коленях перед ним, больно его избаловали, и невзирая на весь свой ум и на всю мощь своего таланта, грустно сознаться, что Катков входит в незавидную роль зазнавшегося слуги у своего барина и забывается...» (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 396).

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 81–82.

[4] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9122. Л. 15–16.

приходилось действовать. Как Вольтер, Катков изображал из себя не человека только, но целое направление, целую партию»[1]. Даже посол Германии в Петербурге возмущался тем, что в России пресса (и в первую очередь Катков) с очевидностью влияла на внешнеполитический курс[2]. Зная об этом, посол Г.Л. Швейниц поддерживал контакты с могущественным издателем «Московских ведомостей», информировал его о внешнеполитическом курсе собственного правительства[3]. Сын канцлера Германии, секретарь немецкого посольства в Петербурге Герберт Бисмарк жаловался на то, что сложно иметь дело с российским правительством, учитывая колоссальное влияние Каткова[4]. Значение Каткова высоко ставили и в самой России. Незадолго до его смерти А.А. Киреев в ужасе писал: «Смерть Каткова будет для нас такое же несчастье, как для Германии смерть Бисмарка, почти такое же. Государь останется совершенно один против разных Зиновьевых, Шуваловых, Черевиных и т. п.»[5].

С помощью «Московских ведомостей» можно было организовывать настоящие кампании, влиявшие на формирование общественного мнения, а главное, на мнение самого императора и его ближайшего окружения. В феврале 1887 г. А.Д. Пазухин просил Каткова опубликовать статью, в которой было бы отмечено значение задуманного преобразования в области организации местного самоуправления, а также вред уступок при его проведении. Это было прежде всего послание «высшим сферам» и, может быть, даже Д.А. Толстому, отчасти готовому к соглашению с оппонентами[6]. Каткова просили приехать в столицу, чтобы поддержать то или иное решение, чтобы оказать давление на слабовольного сановника[7].

Высших чиновников империи могущество Каткова неизменно возмущало. В декабре 1886 г. А.А. Абаза жаловался императору на «Московские ведомости», от которых зависела участь и доброе имя министров. Александр III разводил руками: весьма трудно обуздать прессу. На это Абаза возражал: «Если бы Катков во времена Николая Павловича, на которые в последнее время любят ссылаться, написал

---

[1] *Скальковский К.А.* Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. С. 134–135. См. также: *Твардовская В.А.* Царствование Александра III // Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М., 2000. С. 286–287.

[2] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 485.

[3] Там же. С. 496–497.

[4] Там же. Т. 2. С. 11.

[5] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 11. Л. 5.

[6] Письмо А.Д. Пазухина М.Н. Каткову 05.02.1887 // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 104.

[7] Письмо Н.А. Любимова М.Н. Каткову 01.05.1884 // Там же. Л. 119 об.

$^{1}/_{100}$ долю того, что пишет теперь, то давно был бы сослан в Вятку»[1]. Министров охватила радость в марте 1887 г., когда Катков решился в своей газете критиковать правительственное сообщение, публично выступив против внешнеполитического курса страны. Это был не только выпад против министра иностранных дел (к чему уже многие привыкли), но и против императора. Александр III возмутился, написав, что сведения, разглашенные в газете, мог сообщить Каткову только изменник[2]. Эти царские слова держались под строгим секретом, публично не разглашались. В Москву их повез начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов, чтобы познакомить с ними Каткова. «Так Вы думали, что Феоктистов может вымыть голову Каткову, когда он привык чистить ему сапоги», – язвительно заметил Половцов товарищу министру внутренних дел В.К. Плеве[3]. Казалось бы, должно было последовать предостережение «Московским ведомостям»[4]. Однако случилось не так. Катков, не теряя времени, отправился в столицу. Он поехал к Победоносцеву, у которого нашел

---

[1] *Шестаков И.А.* Дневники. С. 372. Как раз тогда, 17 декабря 1886 г., экономист, сенатор В.П. Безобразов записал в дневнике: «Но всего тягостнее – это роль Каткова. Он опять приехал сюда, чтобы ворочать делами. Очень серьезно высокостоящие люди говорят по поводу всякого слуха и всякого назначения: “этого нельзя, этот человек будет неприятен Каткову” или наоборот и т. д.» ([*Безобразов В.П.*] Дневник академика В.П. Безобразова // Русская старина. 1912. № 1. С. 66).

[2] Д.Н. Любимов (сын ближайшего сотрудника М.Н. Каткова Н.А. Любимова) в связи с этим вспоминал: «Статья касалась Тройственного союза, в ней были прямые намеки на желательность на возобновления его и заключения союза с Францией. Экземпляр газеты с этой статьей весь испещренный резкими резолюциями Государя был прислан Министру Внутренних Дел (граф Д.А. Толстой). Резолюции были: “Статья в высшей степени не приемлема”, “Всему есть мера”, “Вообще Катков забывается и играет роль какого-то диктатора, забывая, что внешняя политика зависит от меня и что я отвечаю за последствия, а не Катков”, “Приказываю дать Каткову предупреждение”. Предупреждение не было, однако, дано. Государь на следующий день отменил свое приказание, похоже после разговора с Победоносцевым и Толстым» (*Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906: Воспоминания // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 107).

[3] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 44.

[4] В сановном мире Санкт-Петербурга на это многие рассчитывали. В этой среде М.Н. Катков чаще всего симпатиями не пользовался. В связи с этим Т.И. Филиппов писал К.Н. Леонтьеву 24 марта 1887 г.: «Анархическая выходка Каткова меня не удивила: мне очень хорошо известно притворство его охранительного исповедания, которое он принял с 1863 г. ... Он проповедует самодержавие только своим ближним, пока Власть идет с ним по одному пути. Лживая изворотливость, с которой он производил раздельную черту между Правительством и ведомствами, достойна омерзения. Во всем этом деле радоваться можно лишь одному: что истинная природа Каткова обнажилась и что его нравственный кредит утрачен навсегда» [Пророки византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891). СПб., 2012. С. 412].

безусловную поддержку. Добился приема у императора. В результате царь буквально словами Победоносцева защищал московского издателя, говоря, «что Катков – искренний человек, что ему 73 года, что его нервы так расстроены, что он не спит ночей»[1].

Этот случай только подчеркнул значение Каткова в окружении императора, и таких эпизодов было много. Издатель «Московских ведомостей» был решительным и часто настаивал на своем. 7 мая 1885 г. в Государственном совете обсуждался вопрос об учреждении дисциплинарного присутствия, которое состояло бы из сенаторов кассационных департаментов. Оно должно было получить право увольнять судей за проступки, роняющие честь судебного звания. Проект был внесен министром юстиции Д.Н. Набоковым. Это был весьма сдержанный ответ судебного ведомства на требования консерваторов преобразовать судопроизводство в России, отказаться от Судебных уставов 1864 г., в том числе вводивших принцип несменяемости судей. Каткову эта мера казалась недостаточной. В Государственном совете он говорил устами Островского, который изначально планировал выступить решительно против набоковской инициативы. По мнению министра, император не должен был ограничивать свой выбор членов этого присутствия только сенаторами.

Островский и Набоков были приглашены на предварительное совещание к председателю Государственного совета великому князю Михаилу Николаевичу. Обычно сдержанный Набоков не смог сдержать своего раздражения: «Все это идет из редакции “Московских ведомостей”, бросающих грязью и в судебное ведомство, и в Государственный совет». Островский, в свою очередь, был настолько возбужден, что напал на великого князя: «Вы оскорбляете государя императора, намереваясь ограничить его право выбора в это присутствие». На заседании Общего собрания Государственного совета Островский остудил свой пыл и уже не казался столь решительным. Он предлагал, чтобы дисциплинарное присутствие формировалось из сенато-

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 47–48. В письме императору от 11 марта 1881 г. Победоносцев отстаивал позицию издателя «Московских ведомостей»: «Катков – высокоталантливый журналист, умный, чуткий к истинным русским интересом и к твердым охранительным началам. В качестве журналиста он оказал драгоценные услуги России и правительству в трудные времена. Он стал предметом фанатической ненависти у всех врагов порядка и предметом поклонения, авторитетом у многих русских людей, стремящихся к водворению порядка... Падение “Московских ведомостей” есть великое торжество одной партии (к сожалению, именно партии врагов России и порядка) и великое уныние для другой партии, противоположной» (Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. 2. С. 141–142).

ров всех департаментов (правда, только из сенаторов). Однако и в этом случае он поддержки в Государственном совете не нашел. В его защиту выступил лишь Победоносцев. Почувствовав полное одиночество, Островский пошел на попятную и не стал настаивать на том, чтобы было зафиксировано его (и Победоносцева) особое мнение. Таким образом, точка зрения Набокова прошла в Государственном совете единогласно.

В отличие от своих приятелей по правительству М.Н. Катков не собирался уступать. Ходили слухи, что он срочно выехал в столицу, прибыл в Гатчину, добился приема у императора, которого старался убедить, что нововведения Набокова лишь ухудшают ситуацию. Будто бы император согласился с Катковым и попросил его переговорить с Островским и Победоносцевым, дабы те возбудили разногласие. Иными словами, в данном случае предполагалось нарушить процедуру законотворчества. Узнав об этом, великий князь Владимир Александрович и А.А. Половцов решили посоветовать великому князю Михаилу Николаевичу «1) просить государя назначить Каткова членом Государственного совета с тем, чтобы мнения человека, пользующегося авторитетом в его глазах, высказывались открыто, были опровергаемы другими и вместе с этим опровержением подносились государю; б) в случае несогласия на такое назначение просить у государя обещания прекратить эти закулисные свидания; в) в случае отказа и на это просить увольнения от обязанностей председателя Совета». Михаил Николаевич согласился с этим и все же опасался прямого разговора с царем. На пути в Гатчину великие князья Владимир и Алексей Александровичи убеждали своего дядю высказать все императору, что он в итоге и сделал. Александр III отрицал факт своего общения с Катковым, но вспомнил о недавнем докладе М.Н. Островского, который возмущался тем фактом, что Государственный совет вольно или невольно ставил вопрос об ограничении царской власти. Ведь будто бы дисциплинарное присутствие, задуманное Набоковым, могло без всякой санкции императора отстранять от должности судей, им назначенных[1]. В скором времени Половцов внес соответствующее разъяснение в журнал Государственного совета: решение дисциплинарного присутствия должно представляться на рассмотрение царя. Тем не менее Островский не унимался. Он собирался приехать на заседание Государственного совета и возбудить разногласие,

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 350–352.

в сущности, реализуя программу Каткова. Половцову потребовалось немало времени, чтобы переубедить Островского[1].

Вне зависимости от того, встречался ли Катков в те дни с Александром III или нет, его влияние пугало членов августейшей фамилии и представителей высшей бюрократии. Они не исключали того, что московский публицист может сам решительным образом вторгаться в сферу законотворчества и кадровой политики. Так, по мнению современников, его роль была ключевой при назначении членом Государственного совета И.А. Вышнеградского[2]. Правда, в данном случае, видимо, не обошлось и без другого знаменитого издателя.

Катков не был единственным журналистом, пользовавшимся влиянием в «высших сферах». В годы последних двух царствований у многих на слуху было имя князя В.П. Мещерского, издателя газеты «Гражданин». Его газета пользовалась немалой финансовой поддержкой правительства[3]. Наконец, у князя были серьезные связи в «высших сферах». У него на квартире собирался салон, завсегдатаями которого являлись весьма влиятельные лица: например, И.А. Вышнеградский[4], И.Д. Делянов, товарищ министра внутренних дел (а впоследствии и министр) И.Н. Дурново, государственный контролер Т.И. Филиппов[5], который (а не чиновники Государственной канцелярии) как раз сообщал издателю «Гражданина» о подробностях заседаний Государственного совета[6]. Все эти видные государствен-

---

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 353–354. По сведениям К.Ф. Головина, М.Н. Каткову дважды предлагали стать членом Государственного совета, но он всякий раз отказывался (*Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. 2. С. 129).

[2] Там же. С. 459.

[3] Сам В.П. Мещерский в письме С.Ю. Витте интерпретировал ситуацию так: «В 1887 г. умирает Катков. В разговоре с государем я высказал мысль, что со смертью Каткова прекратится последняя газета ежедневная, а так как ежедневная газета есть орудие пропаганды сильнее еженедельного издания, то я полагал бы нужным “Гражданина” превратить в ежедневную газету. Но так как расходов на нее требовалось гораздо более, то государь назначил мне составить смету и доложить ему через И.Н. Дурново. По смете оказалось нужным к 36 тыс. руб. прибавить 62 тыс. Государь поручил Дурново передать смету Вышнеградскому. Последний согласился и начался третий период издания “Гражданина”. Через год оказалось возможным сбавить субсидию на 32 000 руб. И я стал получать 36 тыс. от МВД и 30 тыс. от М[инистерства] ф[инансов]» [*Мещерский В.П.* Доклад, адресованный С.Ю. Витте, по поводу Санкт-Петербургской прессы // Bakhmeteff archive (BAR). Witte coll. Box. 1]. См.: *Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017. С. 242–243.

[4] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 511.

[5] Там же. Т. 2. С. 52.

[6] Там же. С. 99–100. См. также: *Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX века. Князь В.П. Мещерский. СПб., 2004. С. 340–367; *Сто-*

ные деятели (пускай порой и напрасно) рассчитывали на влияние Мещерского на императора. Во всяком случае они знали, как много себе позволяет в «Гражданине» его издатель, беспощадно критикуя Государственный совет и видных сановников. Попытки же Главного управления по делам печати поставить предел этой «вседозволенности» вызывали неодобрение царя. И сам Мещерский подчеркивал свои особые отношения с государем. В 1886 г. он хвастался Феоктистову, что многие часы беседовал с Александром III, доказывая ему вредность экономического курса Н.Х. Бунге. Тогда же он предложил кандидатуру нового министра финансов – И.А. Вышнеградского. Мещерский не скрывал этого, а, напротив, желал, чтобы как можно больше людей знали о данном факте. Его не отрицал и сам император[1]. По словам Е.М. Феоктистова, у него были все основания утверждать, что император внимательно читал «Гражданина»[2]. Так или иначе Мещерский получал от правительства средства на это издание[3].

На Мещерского и его «Гражданина» регулярно жаловались Александру III Н.Х. Бунге[4], И.А. Шестаков[5], великий князь Михаил Николаевич[6]. Мещерским был недоволен граф Д.А. Толстой[7]. М.Н. Островский жаловался В.К. Плеве на Мещерского, который пытался влиять на обсуждение законопроекта о мелиоративном кредите в 1892 г.[8]

Об огромном влиянии В.П. Мещерского много говорили в «высших сферах»[9]. В августе 1892 г. царь принимал Мещерского 1 час 20 минут, что было ясным сигналом для ближайшего окружения им-

---

гов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2007. С. 47–105.

[1] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 148–149; См.: *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 260; *Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. С. 316–317.

[2] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9120. Л. 7.

[3] [*Суворин А.С.*] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 305.

[4] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9120. Л. 1.

[5] *Шестаков И.А.* Дневники. С. 282.

[6] Письмо Д.А. Толстого В.К. Плеве 24.02.1886 // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1156. Л. 55.

[7] Письмо Д.А. Толстого В.К. Плеве 06.05.1888 // Там же. Л. 114.

[8] Письмо М.Н. Островского В.К. Плеве 13.03.1892 // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 983. Л. 149 об.

[9] *Барк П.Л.* Воспоминания последнего министра финансов Российской империи / вступ. ст. и коммент. С.В. Куликова: В 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 155–156.

ператора: издатель «Гражданина» пользуется немалым влиянием[1]. Впрочем, сам Александр III это отрицал. Вскоре после назначения министром внутренних дел И.Н. Дурново император говорил новому руководителю ведомства: «Надеюсь, что вы не пойдете по стопам вашего предшественника; неизвестно почему граф Толстой вообразил, кажется, будто государь питает какое-то особое расположение к князю Мещерскому; но ведь это не имеет ни малейшего основания». Об этом же говорил и граф И.И. Воронцов-Дашков. Вполне возможно, полагал Е.М. Феоктистов, что слухи о влиянии Мещерского на императора распускал сам издатель «Гражданина», повышая таким образом свою «политическую капитализацию»[2]. Впрочем, Феоктистов приводил примеры, доказывавшие обратное. Так, когда к Победоносцеву в 1890 г. обратились с жалобой на то, что на должность земских начальников брали лишь лиц с высшим образованием, он переправил просителей (а именно княгиню Мещерскую) к князю В.П. Мещерскому. В «Гражданине» в скором времени появились соответствующие статьи, на которые не замедлил отреагировать царь, принявший позицию княгини[3].

Так или иначе о большой роли при дворе князя Мещерского продолжали говорить и в новое царствование. В 1903 г. С.Ю. Витте сообщал А.Н. Куропаткину, что император не утверждал мнение Государственного совета об упразднении круговой поруки именно под влиянием Мещерского[4]. Впрочем, жалуясь на князя, Витте сам поддерживал с ним тесные отношения, порой даже печатал в его «Гражданине» свои заметки[5]. Пытался использовать влияние Мещерского и государственный контролер Т.И. Филиппов[6]. Мещерский становился неизменным героем политических игр начала XX в. Он был один из инициаторов издания Манифеста 26 февраля 1903 г., в котором провозглашалась программа преобразований[7]. К Мещерскому обратился глава Особого отдела Департамента полиции С.В. Зубатов

---

[1] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 11. Л. 394.

[2] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9122. Л. 9 об. – 10.

[3] Там же. Л. 11.

[4] [*Куропаткин А.Н.*] Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1923. № 2. С. 31.

[5] Письма С.Ю. Витте к Д.С. Сипягину // Красный архив. 1926. № 5. С. 36.

[6] Письмо Т.И. Филиппова В.П. Мещерскому 23.10.1883 // РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 8. Л. 23; Письмо Т.И. Филиппова В.П. Мещерскому // РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 10. Л. 10, 18.

[7] [*Куропаткин А.Н.*] Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1923. № 2. С. 38. См.: *Соловьев Ю.Б.* К истории происхождения Манифеста 26 февраля 1903 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. № 11. С. 196–199.

с жалобой на своего начальника – Плеве[1]. Следующий министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский ставил в упрек царю сотрудничество с Мещерским. На это император отвечал: «Я знаю, что он развратный человек, но ведь он и у отца бывал»[2]. И спустя некоторое время, при рассмотрении проекта реформ Святополк-Мирского, император вновь обратился за советом к издателю «Гражданина»[3].

По словам весьма близкого к Мещерскому журналиста И.И. Колышко, князь приложил руку к назначениям С.Ю. Витте, Т.И. Филиппова, А.К. Кривошеина, В.К. Плеве, Г.Э. Зенгера, Н.А. Маклакова, П.Л. Барка, А.Н. Хвостова и др.[4] По мнению И.Н. Дурново, именно с подачи Мещерского членом Государственного совета был назначен А.К. Анастасьев, причем сам Дурново был категорически против этого кадрового решения[5]. П.С. Ванновский винил Мещерского в своей отставке с должности министра народного просвещения[6]. По сведениям К.П. Победоносцева, Мещерский способствовал назначению В.В. фон Валя товарищем министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов[7]. Газета «Гражданин» использовалась для развертывания кампаний, направленных против того или иного государственного деятеля. Так, резкие статьи, «бившие» по Н.Х. Бунге, позволили Д.А. Толстому поставить вопрос перед императором о негодности финансовой политики в России[8]. Вероятно, молва преувеличивала меру влияния Мещерского на государей. И все же в любом случае сильной стороной издателя «Гражданина» было его умение преподнести себя как великого знатока России, способного научить императора ее пониманию.

«Московские ведомости» М.Н. Каткова и «Гражданин» В.П. Мещерского – исключительные случаи прямого влияния периодических изданий на политическую жизнь страны конца XIX – начала XX вв. Роль других газет и журналов была существенно скромнее. И все же она была. Большая столичная газета – дорогое удовольствие. По расчетам Д.И. Пихно на 1882 г., она должна была стоить не

---

[1] Там же. С. 82; [*Витте С.Ю.*] Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: в 2 т. Т. 2. СПб., 2003. С. 26–27.

[2] [*Святополк-Мирская Е.А.*] Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. С. 252.

[3] Там же. С. 260.

[4] *Колышко И.И.* Великий распад: Воспоминания. С. 169.

[5] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9122. Л. 50.

[6] *Куропаткин А.Н.* Дневник // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1871. Л. 73 об.

[7] *Киреев А.А.* Дневник за 1902 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 171 об.

[8] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9120. Л. 1; См. также: *Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 228–234.

менее 100 тыс. руб.[1] Правительство не планировало на это тратиться[2]. Общественных сил в Санкт-Петербурге, способных потянуть такое издание, явно было недостаточно. Запрос читающей публики был скорее на либеральные издания. Ведь их тоже читали высокопоставленные чиновники. Например, в конце XIX в. К.П. Победоносцев считал «Русские ведомости» лучшей отечественной газетой[3]. Заметным влиянием пользовалось «Новое время» А.С. Суворина. В 1880-е гг. газета поддерживала финансовую политику Н.Х. Бунге. По сведениям князя В.П. Мещерского, это было связано с тем, что писавший статьи на эту тему К.А. Скальковский рассчитывал, что будет назначен директором Департамента мануфактур и внутренней торговли[4]. Впоследствии Суворин поддерживал связи и с В.К. Плеве, и с С.Ю. Витте[5].

Правительство пыталось задействовать и провинциальную печать, а именно губернские ведомости, превратив их в эффективный инструмент государственной пропаганды. Ради этого проводились совещания с редакторами печатных органов. Однако пользы было немного. Совещавшиеся были слишком непохожи друг на друга.

---

[1] Письмо Д.И. Пихно Т.И. Филиппову 07.11.1882 // ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 2404. Л. 2 об. В 1880 г. Т.И. Филиппов оценивал расходы на издание газеты в 150 тыс. руб. (*Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 8. Кн. 2. С. 825).

[2] Правда, министр внутренних дел граф Д.А. Толстой задумался о возможности подкупа периодических изданий. На этот «проект» он рассчитывал тратить до 20 тыс. руб. в год. «Зачем вы это делаете, граф? – недоумевал главноуправляющий по делам печати Е.Ф. Феоктистов. – Примите энергические меры против нашей подлой печати, и вы увидите, что часть ее пропадет вовсе, а другая совершенно подожмет хвост. Без всяких подкупов несколькими решительными ударами вы достигните самых лучших результатов». «Нет, это не то, – объяснял министр. – Такими мерами достигну только того, что газеты не будут проповедовать вредных теорий. Это только отрицательная сторона дела, а я имею в виду положительную. Хочу, чтобы газеты хвалили меня». Последние слова особенно поразили Феоктистова: «Клянусь, что это слово в слово его ответ» (Письмо Е.М. Феоктистова Н.М. Каткову // ОР РГБ. Ф. 120. К. 37. Л. 24 об. – 25). Феоктистов категорически отказался от осуществления этого замысла своего начальника, убедив его в бессмысленности задуманного (Там же. Л. 25).

[3] По словам А.А. Киреева, «сам Победоносцев сознался [Д.А.] Хомякову, что единственная газета, которую можно читать, – это архилиберальные “Русские ведомости”». Об этом Киреев вспомнил в связи с высказыванием племянника А.И. Новикова, «что все умные, способные люди на нашей, революционной стороне, на стороне правительства – посредственности или даже дрянь». Сановный дядя согласился, что «это действительно верно» (*Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 158).

[4] Как только пошли слухи о скором увольнении Н.Х. Бунге с должности министра финансов, позиция «Нового времени» радикально изменилась (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 402).

[5] *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 72–102.

Как вспоминал И.Я. Гурлянд, участвовавший в этих консультациях, местные журналисты «делятся на три группы: одна – дельцы мелкого разбора, которые смешивают объявления с направлением, другая – угрюмые, но бестолковые семинары-либералы, которые искренне убеждены, что редактируемые ими капустные листы – идейные органы печати, третьи – ловкие чиновники, которые в жизни знают одно правило: надо слушаться, чтобы сохранить место. Есть еще один статский советник в мундире (совершенный картофель в мундире), который все время молчит, приятно улыбается...»[1] При таком раскладе сил правительству достичь видимого успеха было затруднительно: велико было сопротивление чересчур разнородного «материала». Куда эффективнее было договариваться с влиятельными (а следовательно, столичными) изданиями.

С.Ю. Витте тесно взаимодействовал с печатью, работая над своим образом на страницах газет и журналов[2]. У него были близкие контакты с публицистами ведущих изданий (например, журналистом «Нового времени» А.В. Румановым[3], редакторами «Киевлянина» Д.И. Пихно, «Киевского слова» А.Я. Антоновичем, «Русского слова» В.М. Дорошевичем и др.[4]). Частым гостем С.Ю. Витте был издатель газеты «Биржевые ведомости» С.М. Проппер[5]. Министр финансов пытался влиять на редакторскую политику издателя «Нового времени» А.С. Суворина[6]. Уже в 1893 г. В.К. Плеве говорил Е.М. Феоктистову: «Вы заметили, конечно, что князь Мещерский, Петровский, Грингмут, Суворин – все это друзья Сергея Юльевича. Еще вскоре по приезду своему в Петербург он выражал мне удивление, что правительство у нас не умеет пользоваться прессой. По его мнению, заручившись ею, можно достигнуть чрезвычайно важных результатов,

---

[1] Письмо И.Я. Гурлянда Б.В. Штюрмеру // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 751. Л. 52.

[2] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 51–52; *Сагинадзе Э.О.* Реформатор после реформ. С.Ю. Витте и российское общество. 1906–1915 годы. М., 2017. С. 36–42.

[3] Письмо С.Ю. Витте А.В. Руманову // РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 135. Л. 6–7.

[4] *Кауфман А.Е.* Черты из жизни графа С.Ю. Витте // Исторический архив. 1915. Т. 140. С. 225. «Ко всякому печатному слову Витте относился очень чутко. Когда он, живя еще на юге, занял уже видное положение, «Новое время» отметило его нерусскую фамилию. С.Ю. разыскал корреспондента газеты В.А. П-ва и просил его протелеграфировать от его имени лично А.С. Суворину, что в его, виттевских, жилах течет кровь русского архипатриота генерала Фадеева» (Там же. С. 227).

[5] *Проппер С.М.* Первый день министра: листки из воспоминаний // Сегодня. Рига. 7 окт. 1928. № 272. С. 7.

[6] Письма С.Ю. Витте А.С. Суворину 18.11.1893 г., 1897 г., // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719. Л. 15, 16, 59, 60, 61, 62; [*Суворин А.С.*] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 276.

необходима только известная ловкость, чтобы ее эксплуатировать»[1]. Витте был хорошо знаком и с иностранными журналистами, за что его нещадно критиковал В.К. Плеве во всеподданнейших докладах императору[2].

Сотрудничество высокопоставленных чиновников и журналистов было взаимовыгодным делом. Так, в 1905 г. министры сообщали газетчикам конфиденциальную информацию о работе правительственных совещаний[3]. В то же самое время правительственные объявления, размещенные в периодическом издании, часто были для него главным источником доходов[4]. Между редакцией газеты и министерской канцелярией не было непреодолимой стены. Бюрократы жили в том же кругу идей, что и их критики. Они были столь же подвержены интеллектуальной моде, конъюнктуре, веяниям времени, чем можно было с успехом пользоваться.

Бюрократия и общественность. «Мы» и «они»

В прошлом видный государственный деятель В.И. Гурко писал в своих воспоминаниях: «С самого начала царствования [Николая II] выявилась неизбежность конфликта между теми двумя силами – правительством и общественностью, – под знаком взаимной борьбы которых прошла большая часть царствования Николая II»[5]. Борьба общественности и правительства, чиновников и земцев проходит «красной нитью» и в мемуарной литературе, и в историографии. В действительности же четкой грани, отделявшей общественность от представителей власти, не было. В качестве примера можно привести семью князей Трубецких, братьев Сергея и Евгения, двух известных философов, общественных, оппозиционных деятелей, членов кружка «Беседа». Их сводный брат князь П.Н. Трубецкой был предводителем московского губернского дворянства. Московский губернатор Г.И. Кристи был женат на их сестре М.Н. Трубецкой. Московский обер-полицмейстер, а затем петербургский генерал-гу-

---

[1] *Феоктистов Е.М.* Дневник // РО ИРЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9122. Л. 56.

[2] Доклад В.К. Плеве императору 14.12.1903 // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 62. Л. 7 об.

[3] Письмо С.Ю. Витте Николаю II 17.03.1905 // ГА РФ. Ф. Р8091. Оп. 71. Д. 18. Л. 1 об.

[4] *Громова Л.П.* Печать периодическая // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. Т. 2: Девятнадцатый век. СПб., 2006. Кн. 5. С. 334; *Дергачева Л.Д.* Периодика // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. М., 2011. Т. 1. С. 290–291.

[5] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 35. См. также: *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX в. М., 2008. С. 23–26.

бернатор Д.Ф. Трепов также породнился с семьей Трубецких, выдав свою дочь за племянника князей Сергея и Евгения П.В. Глебова. Их двоюродный брат А.А. Лопухин был директором Департамента полиции. А.Д. Оболенский, товарищ министра внутренних дел (1897–1901), с 1902 г. товарищ министра финансов, а впоследствии (с 1905 г.) обер-прокурор Синода, был двоюродным братом их матери[1]. Это лишь один пример, которых можно привести довольно много. Так, родственные отношения связывали В.Н. Коковцова с семьей Петрункевичей[2]. У правителя канцелярии, министра внутренних дел Д.Н. Любимова мужем сестры был граф В.Ф. Доррер, один из лидеров правых, депутат Третьей Думы от Курской губернии. Братом жены был экономист, близкий к социал-демократическим кругам, а впоследствии член партии кадетов М.И. Туган-Барановский. Некоторых лидеров партии кадетов – братьев Долгоруковых, председателя Второй Думы Ф.А. Головина – Любимов знал с детства[3]. Видный член партии кадетов, депутат Первой Думы В.Д. Набоков (кроме того, сын министра юстиции Д.Н. Набокова) был сослуживцем Любимова по Государственной канцелярии[4]. Причем неразрывную связь между земством и бюрократией можно проследить не только на примере семьи, но и отдельных персоналий. Например, сам В.И. Гурко, столь решительно разделявший «их» и «нас», в прошлом товарищ министра внутренних дел, отстраненный в 1906 г. от государственной деятельности, стал видным представителем Тверского земства[5].

Многие представители высшей бюрократии были деятельными земцами: министр внутренних дел И.Л. Горемыкин (в Боровичском уезде Новгородской губернии), министр земледелия А.С. Ермолов (в Ряжском уезде Рязанской губернии), министр путей сообщения князь М.И. Хилков (в Бежецком уезде Тверской губернии), председатель департамента Государственного совета Д.М. Сольский (в Санкт-Петербургском земстве), члены Государственного совета князь Л.Д. Вяземский (в Тамбовском земстве), Н.С. Абаза (в Санкт-Петербургском земстве), попечитель Московского учебного округа граф П.А. Капнист (в Миргородском уезде Полтавской губернии), попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Ф.М. Дми-

---

[1] *Трубецкая О.Н.* Из пережитого // Современные записки. 1937. № 64. С. 284.

[2] *Ивановский А.В.* Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 414. К. 2. Д. 2. Л. 196–197.

[3] *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906: Воспоминания // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 25.

[4] *Он же.* События и люди // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 34.

[5] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни. Обрывки воспоминаний. С. 249–253. См. также: *Fallows T.* The zemstvo and the bureaucracy // The zemstvo in Russia. Cambridge, 1982. P. 177–242.

триев (в Сызранском уезде Симбирской губернии), сенаторы князь М.Н. Шаховской (в Новгородском земстве), Н.С. Таганцев (в Вышневолоцком уезде Тверской губернии), М.В. Красовский (в Козелецком уезде Черниговской губернии), М.Н. Любощинский (в Санкт-Петербургском земстве) и многие другие[1].

Случалось и иное. Нередко земские деятели становились высокопоставленными администраторами. В 1885 г. председатель Алатырской уездной земской управы А.Д. Пазухин возглавил канцелярию министра внутренних дел, став ближайшим сотрудником графа Д.А. Толстого. В 1886 г. волоколамский уездный предводитель дворянства Д.С. Сипягин получил должность харьковского вице-губернатора. С этого началась его государственная карьера. Примечательно, что в том же году тамбовским вице-губернатором стал другой будущий министр внутренних дел, а тогда зарайский уездный предводитель дворянства А.Г. Булыгин. В 1895 г. харьковский уездный предводитель дворянства князь П.Д. Святополк-Мирский был назначен пензенским губернатором. Симбирский гласный Ю.Д. Родионов стал нижегородским вице-губернатором (1895). Верейский предводитель дворянства В.К. Шлиппе – екатеринославским губернатором (1889). Тверской губернский предводитель дворянства А.А. Ладыженский – рязанским вице-губернатором (1893). В 1897 г. симбирский губернский предводитель дворянства князь И.М. Оболенский был назначен херсонским губернатором. Председатель херсонской губернской земской управы Ф.П. Никитин стал директором департамента (1895), а впоследствии товарищем министра земледелия и государственных имуществ (1904). Примерно тогда же смоленский губернский предводитель дворянства (а в недалеком будущем председатель Третьей Думы) Н.А. Хомяков возглавил департамент того же министерства (1896). Таких примеров было довольно много[2].

Власть и оппозицию объединяли бесконечные нити семейных, родственных, дружеских связей. Иногда так случалось, что противоправительственные объединения складывались в самой близи престола. По воспоминаниям видного земского деятеля, а впоследствии председателя Второй Думы Ф.А. Головина, в мае 1896 г., во время коронационных торжеств, граф П.С. Шереметев, лично хорошо знавший Николая II, много говорил «о борьбе земского начала с бюрократическим, о ничтожности личности государя. Весь этот разговор

---

[1] *Веселовский Б.Б.* История земства. Т. 3. С. 588–589. См. также: *Савельев В.В.* Начало земской карьеры Б.В. Штюрмера // Исторические записки. М., 2006. № 9 (127). С. 74–92.

[2] Там же. С. 585–588.

вел к приглашению меня в состав тайного общества под названием “Беседа”»[1]. Так – на официальном празднестве при участии высшей российской аристократии – начинало складываться первое политическое объединение русской либеральной оппозиции.

«Что такое у нас общество? – задавался вопросом К.П. Победоносцев в письме к Николаю II от 22 мая 1899 г. – Смешение лиц, принадлежащих к так называемой интеллигенции, очень пестрое, шатающееся во все стороны смешение чиновников с праздной толпой обывателей мужчин и женщин»[2]. Чиновник, порой даже высокопоставленный, – неотъемлемая часть такого общества, которое в значительной своей части было оппозиционно и сильно недолюбливало бюрократию, в особенности столичную.

«Все зло у нас имеет своим источником Петербург, его чиновничество, его дворцы и проч. Зло это так глубоко въелось в наши отношения, что искоренить его может только катастрофа. Видно это всего лучше со стороны, ибо когда попадаешь в эту атмосферу, то она ослепляет, заволакивает глаза», – записал 18 сентября 1902 г. в дневнике бывший московский губернатор и действующий московский городской голова князь В.М. Голицын[3]. Бюрократию традиционно обвиняли в органическом неприятии земства и вообще всякого общественного самоуправления. Эта оценка не вполне соответствовала реальности, однако определенные основания у нее были. Недолюбливал земство сам Александр III. На всеподданнейшем отчете олонецкого губернатора за 1887 г. против того параграфа, где говорилось, что земство «строго держится закона и в действиях своих постоянно идет рука об руку с администрацией», Александр III поставил помету: «Утешительное исключение». «Походом» на местное самоуправление пошел Д.А. Толстой. Весьма определенную точку зрения высказывал К.П. Победоносцев: «Земские учреждения в нынешнем виде вносят в отправления государственные безнравственные начала безответственности – разрушая сознание долга и необходимую определительность и способность к учету хозяйственных операций»[4].

---

[1] Государственные деятели России глазами современников. Николай II: Воспоминания, дневники. СПб., 1994. С.82; См.: *Соловьев К.А.* Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. С. 32.

[2] Письма К.П. Победоносцева к Александру III.Т. 2. С. 319.

[3] *Голицын В.М.* Дневник за 1902 г. // ОР РГБ. Ф. 75. Д. 24. Л. 6. Еще в ноябре 1899 г. Голицын записал: «Итог пятилетнего царствования [Николая II] – все больший и больший раскол между правительством и народом, между Петербургом и Россией, какое-то особенное преобладание двора, придворной сферы в правительственной деятельности и в общем строе дела» (Там же. Л. 126 об. – 127).

[4] Переписка С.Ю. Витте и К.П. Победоносцева // Красный архив. 1928. № 5. С. 103.

В этом обер-прокурор Св. Синода соглашался с Витте, который, видимо, сам не во всем был с собой согласен. И все же в ответном письме министр финансов счел необходимым отметить: «Что касается записки о земстве, то я, конечно, совершенно с вами согласен, что терпеть нынешнее земство нельзя. Но одно дело распространять эту заразу, а другое излечить ее там, где она внедрилась более 30 лет тому назад. Иными словами, пока не стоит ставить вопрос об упразднении земства. Слишком уж в высших сферах заворожены идеей местного самоуправления». На практике же, по мысли Витте, следовало усовершенствовать работу местной администрации, что сделало бы земство излишним[1].

Одновременно с тем в бюрократической среде была популярна идея протянуть руку дружбы земству. В ноябре 1902 г. министр юстиции Н.В. Муравьев в разговоре с военным министром А.Н. Куропаткиным говорил о необходимости «вернуть доверие земству» и «начать допускать земских людей (людей от земли, по Муравьеву) к участию в том или другом виде в обсуждении государственных дел». С этой точкой зрения соглашался и сам Куропаткин: «Россия должна управляться при гармоничном развитии трех сил: бюрократии, дворянства, земства. Это наши три кита». В стране же, вопреки этому, установилась абсолютная гегемония бюрократии[2]. Примечательно, что на этот момент противником любых уступок земству являлся С.Ю. Витте, который чуть позже стал восприниматься как едва ли не главный защитник земских учреждений[3].

Значение общественной службы признавалось и его критиками. В 1880-е гг. Д.А. Толстой обосновывал необходимость земских начальников именно тем, что «приличные люди», подобно его сыну, не пойдут в полицейские чиновники. Их могла привлечь лишь обще-

---

[1] Переписка С.Ю. Витте и К.П. Победоносцева // Красный архив. 1928. № 5. С. 104.

[2] [*Куропаткин А.Н.*] Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1923. № 2. С. 11. А.Н. Куломзин отметил в своих воспоминаниях: «Начало 1901 года не предвещало ничего хорошего. Вот что у меня записано под 21 января 1901 года. Вечером 21 января после заседания дворянской комиссии министр юстиции Н.В. Муравьев завел меня в полутемный зал заседаний Комитета министров и сказал мне, что, по его опыту и чутью, революционной партией подготовляется опасное движение, которое Министерство внутренних дел по своему неумению выпустило из рук, что по обстоятельствам времени, если и нужны некоторые одерживающие меры, то рядом должна быть проводима широкая либеральная политика во внутренних делах, иначе государству грозят серьезные замешательства» (*Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 808–809).

[3] [*Куропаткин А.Н.*] Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1923. № 2. С. 13.

ственная служба, на которой они получили бы известную независимость от министра внутренних дел[1].

Бюрократия и общественность имели возможность поддерживать контакты, регулярно встречаясь в салонах Богдановичей[2], В.П. Мещерского, писателя К.Ф. Головина и даже либерального журналиста К.К. Арсеньева. Например, завсегдатаями салона Головина были обер-прокурор Второго департамента Сената Н.А. Хвостов, сенатор (в прошлом товарищ министра земледелия) А.А. Нарышкин, товарищ министра земледелия (в будущем государственный контролер) П.Х. Шванебах, а вместе с ними лидер Псковского земства граф П.А. Гейден, суджанский предводитель дворянства А.В. Евреинов и др.[3]

---

[1] Записки А.А. Половцова Александру III // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 3. Л. 114.

[2] Обычно около 20 человек собирались у генерала Е.В. Богдановича на завтраках, которые отличались особой изысканностью. Иногда там бывали специальные приглашенные. Тогда на завтраки приходили уже несколько десятков человек. «Завтраки Богдановича очень привлекали служебных и деловых людей, которые старались получить приглашение “бывать” у генерала. Во-первых, Богдановичи жили в весьма центральном пункте – на Исаакиевской площади, дом № 9. Заходить к ним было удобно. Во-вторых, у Богдановича бывали на завтраках разные влиятельные его приятели из высших учреждений, иногда даже министры. Гости сами собой создавали интересный круг, который привлекал каждого из них. Можно было встретить нужного человека, закинуть словечко просьбы в удобной обстановке, разузнать кучу новостей в разных ведомствах» (*Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. М., 2000. С. 681–682; См. также: *Леонов М.М.* Застолья в российских салонах второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2011. Вып. 1. С. 35–44). См. также: *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XIX – начало XX в.). С. 137–174).

[3] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 279–280. 29 ноября 1897 г. Н.А. Хвостов писал Ф.Д. Самарину: «Я хочу предложить Вам в среду вечером отправиться со мной вместе на журфикс к одному моему близкому приятелю Константину Федоровичу Головину. Это очень умный образованный человек. Будучи в параличе и совсем слепым, он пишет романы и финансовые статьи. По средам у Головина собирается всегда человек десять, редко больше. Там бывают и приезжие предводители, и профессора. Иногда бывает сенатор [Н.С.] Таганцев и [С.С.] Гончаров, бывали [А.Н.] Куломзин и оба Оболенских. Бывал [А.С.] Ермолов до назначения в министры, бывает [А.А.] Нарышкин. По отношениям моим к Головину я уполномочен водить к нему всех своих знакомых, за то он бывает премного благодарен» (Письмо Н.А. Хвостова Ф.Д. Самарину // ОР РГБ. Ф. 265. К. 206. Д. 6. Л. 3). Ф.Д. Самарин последовал совету и 3 декабря зашел к Головину, в его квартиру на Сергиевской улице Санкт-Петербурга. На следующий день он написал жене: «Головин занимает нарядную квартиру в первом этаже. Собираются у него в большой гостиной, отделанной очень хорошо, хотя не помодному, а скорее на старинный лад. Сам он сидит неподвижно в кресле. Одет он в какую-то блузу или куртку, а ноги покрыты пледом. Вид у него крайне жалкий – худой, измученный, на лице ни кровинки. Левая рука и правая нога не действуют, а в другой ноге часто происходят какие-то судороги, по-видимому, для него очень мучительные.

Министр внутренних дел И.Л. Горемыкин (1895–1899), имея опыт работы в Боровичском земстве, хотел поддерживать добрые отношения с деятелями местного самоуправления. Именно по этой причине он отстранил от должности крайне непопулярного среди общественности тверского губернатора П.Д. Ахлестышева, несмотря на его многочисленные связи в столичных кругах[1]. Горемыкин приостановил введение в действие лечебного устава, который существенно ограничил прерогативы органов местного самоуправления. Из Государственного совета был отозван министерский законопроект, предусматривавший изъятие продовольственного дела из сферы компетенции земств. А в 1898 г. инициировал обсуждение вопроса о введении земства в Западном крае, а также в Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях[2]. Именно на эти проекты Министерства внутренних дел С.Ю. Витте разразился своей известной запиской, в которой доказывалась невозможность совместить самодержавие и самоуправление[3].

Глаза, как мне показалось, полузакрыты. Не видит он ровно ничего. Словом, он производил бы впечатление страдальца, умирающего, если бы он не говорил. А говорит он безумолку буквально. Он, очевидно, человек образованный, очень начитанный, память у него громадная, и есть некоторая доля остроумия. Он привык, чтобы его слушали, и сам себя слушает. Надо признаться, что это производит несколько неприятное впечатление» (Письмо Ф.Д. Самарина А.Н. Самариной 04.12.1897 // ОР РГБ. Ф. 265. К. 155. Д. 2. Л. 69).

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 79.

[2] Там же.

[3] Понимать эту записку можно было по-разному, например, буквально, полагая С.Ю. Витте апологетом самодержавия и принципиальным противником земских учреждений. Д.Н. Шипов оценивал ее иначе. В декабре 1899 г. он писал Ф.Д. Самарину: «Эта записка, составленная как будто в защиту принципа самодержавия, в действительности несомненно преследует диаметрально противоположные цели и имеет в виду установить и доказать неизбежность конституционного режима. Витте ставит вопрос так: земские учреждения, обеспеченные в своей самостоятельности, вполне отвечают своему назначению на представление участия народному представительству в местном управлении, [что] обусловливает такое же участие в управлении верховном, а это противоречит самодержавию, следовательно, нужно выбирать одно из двух. Хотя он и говорит, что, по его убеждению, конституция – великая ложь нашего времени, он не указывает никакого выхода» (Письмо Д.Н. Шипова Ф.Д. Самарину 26.12.1899 // ОР РГБ. Ф. 265. К. 208. Д. 29. Л. 30). По сути, схожим образом рассуждал Б.Н. Чичерин, подозревая Витте в неискренности. 7 марта 1899 г. он писал Д.А. Милютину: «Один человек, который прежде произвел на меня впечатление живого и сильного, хотя весьма неподготовленного ума, С.Ю. Витте, в нынешний приезд представился мне с весьма невыгодной стороны. Он представил совершенно невежественную и раболепную записку о несовместимости земских учреждений с самодержавием и защищает эту точку зрения так, что я не могу верить, чтобы он при своем уме мог действительно так думать» (Письмо Б.Н. Чичерина Д.А. Милютину 07.03.1899 // ОР РГБ. Ф. 169.

Сменивший Горемыкина в должности министра внутренних дел Д.С. Сипягин симпатий к земству не испытывал, зато в своей политике хотел сделать ставку на поместное дворянство. С этой целью он планировал учредить при министерстве особый департамент по делам дворянства, который должен был возглавить екатеринославский губернский предводитель А.П. Струков[1].

С общественными деятелями пытались наладить отношения не только министры внутренних дел. В 1902 г. по инициативе министра земледелия А.С. Ермолова состоялся Всероссийский кустарный съезд в Петербурге, на котором председательствовал граф П.А. Гейден. При Министерстве же земледелия был образован особый Сельскохозяйственный совет. На его заседания, обычно продолжавшиеся около двух недель в году, приглашались общественные деятели и сельские хозяева[2]. Д.А. Философов, статс-секретарь Департамента торговли и промышленности, был гласным в псковском губернском земском собрании, где считался представителем либерального крыла. Не случайно в 1905 г. он однозначно высказывался в пользу т. н. четыреххвостки – всеобщих, прямых, равных и тайных выборов[3]. Другой статс-секретарь, П.А. Харитонов, в начале века вроде бы принадлежал к «реакционерам». Он был ближайшим сотрудником Плеве и готовил проекты, целью которых было низведение финляндской автономии к нулю. В полемическом задоре он доказывал своим сослуживцам, что и земство должно подчиняться губернаторам. Более того, по его мнению, между органами местного самоуправления и правительственной администрацией не было никакой разницы, т. к. они все занимались делами государственного управления. Один из возражавших парировал: «А ведь разницу-то легко определить. Сводится она к тому, что, когда здесь, в правительственном учреждении,

---

К. 77. Д. 54. Л. 1). В январе 1900 г. в беседе с П.С. Шереметевым Чичерин так высказался о Витте: «У этих людей нельзя знать, куда они ходят. Он также будет защищать другое, если нужно» (Сообщение П.С. Шереметева о своем разговоре с Б.Н. Чичериным 15 января 1900 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 5 об.).

Сам же Витте весьма откровенно высказывался о своем критическом отношении к земской деятельности. В частности, он говорил князю П.Н. Трубецкому, что «находит, что высокое земское обложение служит одним из главных причин земельного кризиса, что поэтому он готовит проект запрещения земствам повышать дальше обложения и об изъятии из их ведения больничного и школьного дела» (Письмо В.В. Мусина-Пушкина И.И. Воронцову-Дашкову 31.03.1897 // ОР РГБ. Ф. 58. Р. I. К. 55 Д. 2/1. Л. 7 об.).

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 86.

[2] Там же. С. 74.

[3] Там же. С. 116.

вы что-либо мне заявляете, я должен вам сказать – слушаюсь, ваше превосходительство. Состоя же с вами в земстве, я бы вам сказал: изволите завираться, Петр Алексеевич». В 1905 г. столь решительный противник земства Харитонов неожиданно полевел и уже вместе с Философовым настаивал на необходимости всеобщих выборов, а в 1906 г. выступил сторонником принудительного отчуждения земли[1], что не помешало ему в 1907 г. стать государственным контролером.

Борец с земством в конце XIX в. С.Ю. Витте был его надеждой в начале XX столетия. По сведениям Гурко, в то время министр финансов находился под сильным влиянием А.Д. Оболенского и орловского губернского предводителя дворянства М.А. Стаховича. Обе эти фигуры имели немалые связи в земских кругах. «Для Витте князь Оболенский и Стахович были в течение нескольких лет нимфами Егериями – истолкователями внутреннего строя русской жизни, обладателями дара распознания смысла и сущности господствующих в стране общественных течений. Происходило это, разумеется, от того, что сам Витте не был вовсе знаком с русской провинциальной жизнью и вообще с бытовыми условиями страны»[2].

Непримиримый противник Витте министр внутренних дел В.К. Плеве встречался с земцами с первых дней своего руководства ведомством[3]. Сам Плеве говорил: «Я, конечно, готов ис-

---

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 116–117.

[2] Там же. С. 253.

[3] В историографии имя В.К. Плеве с реформами не ассоциируется (разве только с полицейскими). Напротив, у него прочная репутация реакционера и, соответственно, непримиримого противника подлинного реформатора С.Ю. Витте. Впрочем, можно предложить и другую интерпретацию фигуры Плеве, которой придерживались многие в начале XX в., в том числе и сам Витте. Плеве – отнюдь не идейный реакционер, а карьерист, с легкостью менявший свои убеждения ради успешного продвижения по службе. Согласно дневнику А.Н. Куропаткина, в ноябре 1903 г. «Витте сделал следующую характеристику Плеве: человек не государственного склада ума, никаких новых широких путей не изобретет и России не выручит. Но очень умен, опытен, обладает сильным характером, лично смел, очень хитер и чрезвычайно способен к интриге. Необычайно умеет скрывать свои мысли и планы» ([*Куропаткин А.Н.*] Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1923. № 2. С. 82). Спустя два месяца Витте дал расширенную характеристику своему вечному оппоненту: «Великий человек на малые дела; глупый человек на дела государственные. Неоткуда явиться у него достаточному кругозору. Прошлое к тому не подготовляло. Домашнего воспитания не получил, в семейной жизни ничего не нашел. 20 лет был прокурором и упражнялся в красноречии без внутреннего убеждения в справедливости им произносимого; 20 следующих лет ведал делами полиции и полицейским сыщничеством на политической подкладке. Все, что имеет, добился своим трудом. Огромная, почти невероятная выдержка; исключительное уменье владеть собою; никто не знает, что он думает; личное мужество. Низкопоклонство сверху. Политика с государем – одно поддакиванье. Отсюда ряд неудачных назначений. Там, где сам выбирает, – люди дельные и ему нужные, но

кать опоры в дворянстве и в земстве – в людях направления [Ф.Д.] Самарина»[1].

Уже разбирая причины крестьянских беспорядков в Полтавской губернии, он провел совещания с деятелями местного самоуправления. Плеве убеждал их в готовности правительства привлечь общественность к обсуждению вопросов государственной важности. Земцы же, вопреки всем ожиданиям, просили министра внутренних дел совсем о другом: о введении в губернии положения об усиленной охране[2].

Знаковым событием стала беседа Плеве с председателем московской губернской земской управы Д.Н. Шиповым 2 июля 1902 г.[3] Не-

---

хамы» (Там же. С. 101). По словам Витте, Александр III несколько раз отказывался назначать Плеве на «самостоятельную должность», т. к. он «отличный полицейский, но не имеет никаких убеждений» ([*Витте С.Ю.*] Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: В 2 т. Т. 2. СПб., 2003. С. 33). Командовавший корпусом жандармов П.В. Оржевский говорил так про Плеве: «По течению и мертвая рыба плывет» (*Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 131). А будущий министр земледелия А.А. Риттих, считал Плеве только «отчаянным карьеристом» (*Остен-Сакен Ф.Р.* Дневник // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1073. Л. 64).

Впрочем, была и совсем другая оценка. Сотрудник Министерства внутренних дел В.Ф. Романов, в частности, писал: «Плеве знал, что за опоздание в реформах расплата близка, он высчитывал, сколько обычно бывает неудачных покушений, и высчитал, что следующее покушение на него будет его смертью. Не проще ли в такой обстановке даже заядлому карьеристу уйти со сцены? Никто, обвиняя Плеве, никогда не подумал, особенно Витте в своих воспоминаниях, какие же причины побуждали Плеве оставаться на своем посту, уже будучи приговоренным к смерти. Не следует ли эти причины назвать их настоящим именем – “благородное сознание своего долга”? Ведь если карьерист-воин, дослужившись до высоких должностей, не бежит от службы после объявления, хотя бы и гибельной беспобедной войны, то он получает к названию “карьерист” еще и эпитет “герой”» (*Романов В.Ф.* Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. С. 111–112).

[1] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 209. См. также: ОР РГБ. Ф. 440. К. 2. Д. 27. Л. 1. В начале мая 1902 г. состоялся разговор между В.К. Плеве и А.Н. Куропаткиным: «Плеве считает, что Сипягиным наделано много ошибок. Зная, что я стою за земство, Плеве спрашивал меня, глубоко ли запало у государя недоброжелательство к земству. Я ответил, что не верю, чтобы глубоко. Что государь введен в заблуждение главным образом талантливо написанной запиской С.Ю. Витте против земства, где доказывалось, что самоуправление и самодержавие несовместимы. Что если государю докажут, что Сипягин смешал самодержавие с самоуправством и возмутил всех против существующего порядка... докажут, что и в земстве, как и в офицерской семье, и в Государственном совете могут быть вредные и даже опасные для самодержавия люди, но масса земцев верноподданные, горячо любящие свою родину, самостоятельные, способные скорее, чем чиновники... Плеве высказался, но осторожно, что он согласен с моим мнением о земстве» (*Куропаткин А.Н.* Дневник // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1871. Л. 75 об.).

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С 148.

[3] *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. С. 192–193.

задолго до этого Плеве убедил императора объявить Высочайший выговор всем участникам земского съезда 23–25 мая, в том числе и самому Шипову. Буквально за три дня до Шипова Плеве принял предводителя орловского дворянства М.А. Стаховича, также присутствовавшего на том земском съезде[1]. Министр весьма грубо обошелся с ним и отчитал за участие в этом форуме[2]. Казалось бы, Шипову был уготован такой же неприятный разговор. Однако, наоборот, министр на этот раз был чрезвычайно любезен и обходителен, во многом соглашался с московским земцем и просил незначительные уступки в обмен на серьезные обещания.

«Я сторонник земских учреждений и убежден, что никакой государственный строй немыслим без привлечения общества к местному самоуправлению, – утверждал Плеве. – Я не признаю возможным управлять страной при посредстве армии чиновников и не признаю, чтобы земские учреждения противоречили нашему государственному строю». И, по мнению министра, земству только не стоило вмешиваться в политику, а надо было ограничиться местными делами[3]. Но из это вовсе не следовало, что земцы будут отстранены от разработки решений общегосударственного значения. Плеве высказал желание время от времени консультироваться с деятелями местного самоуправления, высказывая лишь сомнение относительно того, что это обязательно должны быть избранные представители земства. Например, ими могли быть председатели губернских управ – по определению сведущие и уважаемые люди, достойные всяческого внимания[4].

Основная мысль, которую вынес Шипов из этого разговора, заключалась в том, что в обмен на обещание не возбуждать политических вопросов на земских собраниях (и прежде всего забыть об общеземском представительном собрании) Плеве гарантировал устранение всего того, что мешало нормальной работе органов местного самоуправления. В будущем же он обязательно пригласит председателей губернских управ к участию в разработке важнейших для страны законопроектов[5].

Вернувшись в Москву, Шипов в первую очередь рассказал о случившимся членам губернской управы. 18 июля он встретился с пред-

---

[1] Письмо М.А. Стаховича Д.Н. Шипову // ОР РГБ. Ф. 440. К. 6. Д. 36. Л. 7 об.

[2] *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. С. 193.

[3] Там же. С. 197.

[4] Там же. С. 201.

[5] Письмо Д.Н. Шипова Д.И. Шаховскому 27.07.1902 // РГАСПИ.Ф. 279. Оп. 2. Д. 123. Л. 1–2.

седателями земских управ и гласными[1]. Шипов прекрасно понимал, что съезд в данных условиях провести невозможно, а все же следовало сообщить земцам о состоявшихся беседах и узнать их точку зрения. Присутствовавшие распределили между собой губернии, с которыми они обещали связаться по этому вопросу[2]. Шипов также разослал письма хорошо знакомым земским деятелям, в которых пересказывал содержание своей беседы с Плеве и просил последовать совету министра. «Мне представляется несомненным, что если даже все то, что говорилось ими (В.К. Плеве и С.Ю. Витте. – *К. С.*) об участии общества в государственной жизни, не соответствует их искренним взглядам, однако они не видят возможности идти прежним курсом, и если постройка моста через пропасть, отделяющую правительство от общества, и не составляет их искреннего желания, тем не менее они постройку этого моста признают неизбежной, чтобы самим не свалиться в эту пропасть, – писал Д.Н. Шипов М.А. Стаховичу 20 июля 1902 г. – Земству эту перемену необходимо принять во внимание и, думается мне, следует выполнить указания Плеве, т. е. постараться, чтобы в ближайшем, по крайней мере, будущем земскими людьми нигде не возбуждались вопросы политического характера, под которыми в данное время понимаются вопросы о выборном представительстве в центральных учреждениях... а также открыто не ставить вопросов, имеющих целью объединить деятельность всех земских губерний»[3].

В земских кругах к беседе Д.Н. Шипова и В.К. Плеве отнеслись со всей серьезностью. «Во всяком случае такие переговоры министра внутренних дел с представителем земских учреждений являются знаменательным фактом – это что-то вроде договора, совершенно не свойственного министрам самодержавия, привычным лишь к приемам грубой расправы», – говорилось в письме Н.Н. Львова П.Б. Струве от 11 сентября 1902 г. При этом, согласно Львову, земство в данном случае раскололось. Одни, подобно Д.Н. Шипову, говорили о необходимости пойти на определенные уступки, рассчитывая на ответные шаги со стороны правительства. Другие видели в предложении В.К. Плеве ловушку и начало «земской зубатовщины». Но даже многие скептики «готовы в настоящее время смолкнуть в расчете, что раз только состоится съезд представителей губернских управ, то один этот факт сам по себе явится столь

---

[1] *Савельев А.А.* В.К. Плеве и земство // Земство и власть. Арзамас, 1995. С. 69.

[2] Там же. С. 70.

[3] Письмо Д.Н. Шипова М.А. Стаховичу 20.07.1902 // ОР РГБ. Ф. 440. К. 5. Д. 13. Л. 2.

важным событием в жизни земства, что он неминуемо повлечет за собою такие последствия, которые трудно себе представить в настоящее время. При всеобщем возбуждении министру ни в коем случае не удастся втиснуть земство в сферу одной хозяйственной деятельности, хотя бы в расширенных размерах»[1]. Таким образом, земцы, в большинстве своем, так или иначе рассчитывали на партнерские отношения с властью.

Однако надежды на компромисс с могущественным министром быстро таяли. В июне 1902 г. Плеве испросил у императора право отменить земские статические обследования в некоторых губерниях, т. к. видел в земских статистиках революционных агитаторов[2]. 20 июля Плеве запретил обсуждение на земских собраниях докладов председателей и членов управ, внесенных в виттевское Особое совещание по нуждам сельскохозяйственной промышленности (о котором речь была выше). Очевидно, министр опасался единовременного возбуждения однотипных ходатайств о привлечении выборных представителей земств к работе в этом совещании[3]. В московский комитет по нуждам сельскохозяйственной промышленности губернатор Г.И. Кристи ввел значительное число чиновников, формируя тем самым послушное себе большинство и обессмысливая работу земцев в этом совещании[4]. А в начале сентября Шипов из достоверных источников узнал, что Плеве уговорил Витте дать свое согласие на изъятие оценочного дела из ведения земства. «Да, тяжелое время приходится нам переживать, – писал Шипов Челнокову 18 сентября 1902 г., – и к чему... приведет Россию бессмысленная политика, которую хочет проводить Плеве. Он, очевидно, хочет лавировать, хочет богатство приобрести, и невинность соблюсти...»[5].

Впрочем, ненависть общественных деятелей к Плеве была оправдана лишь отчасти. Многие решения принимались не по его воле. Так случилось и с неутверждением А.А. Муханова в должности предводителя черниговского дворянства. Император вопреки сложившейся традиции утвердил второго кандидата, набравшего меньшее число голосов. Плеве дважды просил императора этого не делать, но напрасно. В итоге министру пришлось отвечать за императорское решение. Подчиненные предлагали Плеве дать понять черниговскому дворянству, что эта суровая мера была принята не по его инициативе.

---

[1] Письмо Н.Н. Львова П.Б. Струве // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 82. Л.103 об.

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 287.

[3] Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. С. 122–123.

[4] *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. С. 217.

[5] Переписка Д.Н. Шипова с М.В. и Е.К. Челноковыми (1897–1914). С. 214–215.

Плеве на это отвечал: «Моя обязанность – защищать государя, а не подвергать его нападкам общественности»[1].

Впрочем, и самому Плеве далеко не всегда хватало такта[2]. Желая поставить земцев «на место», он организовал ревизии органов местного самоуправления, которые должны были производить сотрудники министерства Н.А. Зиновьев и Б.В. Штюрмер. Первый, ревизуя деятельность Московского земства, проявлял непомерную грубость. В своем отчете преимущественно останавливался на недостатках земской работы, практически игнорируя ее достижения. Да и недостатки, отмечаемые Зиновьевым, в значительной своей части были мнимыми (например, то, что губернское земство проводило совещания председателей уездных земских управ и что это противоречило законодательству, но было обусловлено жизненной необходимостью). Б.В. Штюрмер ревизовал Тверское земство. Беседуя с его представителями, Штюрмер показывал себя либералом. Его же отчет (в действительности составленный И.Я. Гурляндом) состоял из перечисления недостатков работы земства. Для тверичей это стало неприятной неожиданностью. Итогом доклада Штюрмера явилось то, что 16 января был установлен особый режим управления Тверским земством, чья управа на следующие три года была назначена правительством. Министр внутренних дел получил право высылать из губернии тех, кто дурно воздействовал на земское управление. Среди высланных был и лидер «либеральной партии» И.И. Петрункевич[3].

---

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 284–285.

[2] С подчиненными Плеве вел себя начальственно и даже «величественно». Вызов в кабинет Плеве неизменно становился настоящим событием для чиновников канцелярии, и его побаивались, опасаясь злого языка государственного секретаря (*Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 123). О сарказме Плеве ходили легенды. Прежде всего по этой причине подчиненные его недолюбливали. Вместе с тем Плеве с большей симпатией относился к тем, кто был способен отвечать на его едкие остроты, а не к подобострастным исполнителям. По мнению Гурко, к числу последних принадлежал Б.В. Штюрмер, директор Департамента общих дел МВД. Он был готов выносить любые оскорбления начальства (Там же. С. 134–135).

Плеве побаивались в собственном ведомстве. Порой он бывал тверд и даже жесток с подчиненными. Однажды один из них возмущался тому факту, что на вакантное место был назначен не он, а некое другое лицо. Этот чиновник был полон решимости поставить предел этим безобразиям и пошел на прием Плеве. Государственный секретарь вскоре позвал курьера, дабы тот помог этому служащему. После краткого внушения со стороны Плеве ему сделалось дурно и он «впал в обморочное состояние» (*Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 118).

[3] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 290–292. Надо иметь в виду, что на положение в Тверском земстве жестко отреагировал сам император. 1 января 1904 г. он написал В.К. Плеве: «Прошу Вас приехать ко мне завтра в пятницу в 3 часа по делу

Идя на эти меры, правительство нарушало закон. Петербург мог назначать состав земской управы лишь после двукратного неутверждения выборного состава управы. Плеве, прежде чем пойти на этот шаг, обсуждал его с ближайшими сотрудниками. Практически все высказались против. Исключение составил Штюрмер. Вместо того чтобы высказать свое суждение по этому вопросу, он прочел свой проект всеподданнейшего доклада, в котором предлагалось не только назначить состав управ, но и ввести в Тверской губернии положение о чрезвычайной охране. Ни слова не говоря, Плеве взял эту бумагу, разорвал ее на части и бросил в корзину[1].

Репрессивная деятельность министерства не могла не остаться незамеченной. Оценки его руководителя земцами стали жестче и категоричнее. «Очевидно только одно, что на постройку моста через пропасть, отделяющую правительство от общества, о чем говорил Плеве, рассчитывать в близком будущем нельзя и скорее можно предвидеть расширение этой пропасти, пока в нее не свалится наша самодержавная бюрократия», – писал Шипов жене друга, Е.К. Челноковой, 7 октября 1902 г.[2] Впрочем, и В.К. Плеве «разочаровался» в Д.Н. Шипове. «Всеподданнейше представляю Вашему Императорскому Величеству копию письма одного из редакторов “Освобождения”, адресованное Марии Александровне Стахович, но предназначенное ее брату. Из письма следует заключить, что Шипов и Стахович организовали земскую партию для борьбы с существующим порядком, снабжают журнал “Освобождение” материалами», – докладывал министр царю 4 ноября 1902 г.[3]

И все же слова Плеве, сказанные Шипову летом 1902 г., не были просто словами. В январе 1903 г. председатели земских управ съехались в Петербург для консультаций в Министерстве внутренних дел по организации ветеринарного дела в России. Плеве обещал идти на уступки, говорил о «необходимости взаимного доверия и понимания»[4]. Земцы разбирали закон – статью за статьей[5]. Плеве же в частных беседах с земскими предводителями ругал закон. Говорил о том, что он результат работы Государственной канцелярии

о Тверском губернском земстве и особенно Новоторжском. Настало время треснуть неожиданно и крепко» (Письмо Николая II В.К. Плеве 01.01.1904 // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 950. Л. 11).

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 293.

[2] Переписка Д.Н. Шипова с М.В. и Е.К. Челноковыми (1897–1914). С. 218.

[3] Доклад В.К. Плеве Николаю II 04.11.1902 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 859. Л. 3.

[4] Письмо М.В. Челнокова Д.Н. Шипову 18.01.1903 // ОР РГБ. Ф. 440. К. 6. Д. 54. Л. 1.

[5] Там же. Л. 4.

и в его подготовке принял участие товарищ Витте – князь А.Д. Оболенский[1]. «Вы понимаете, – объяснял министр внутренних дел, – что простое чувство приличия по отношению к Государственному совету не позволяет сказать: закон, Вами утвержденный, никуда не годится, его надо ломать весь. Было бы хорошо, если бы удалось внести хотя и самые существенные, но, по возможности, немногочисленные изменения, расширить область инструкционных распоряжений...»[2]

Плеве порицал бюрократию, как будто бы не причисляя себя к ней: «Странные люди – эти чиновники. Они никак не могут понять, что нужно очень и очень ценить в людях охоту работать, любовь к своему делу... Мы здесь обязаны относиться к работе местных людей благожелательно, с вниманием и уважением. Наши чиновники все уповают на инструкции. Можно написать 100 инструкций и приказов, и все это останется мертвой буквой»[3].

При этом министр был последователен в отстаивании своей точки зрения: земства должны были заниматься хозяйственной деятельностью и не вмешиваться в политику. Плеве спрашивал М.В. Челнокова: «Прошу Вас сказать откровенно, действительно падает работа, муравьиная работа, если можно так выразиться, земства и оно устремилось теперь к большим вопросам, всеобъемлющим, оставляя без внимания ежедневную работу?»[4]

Земцы шли на диалог с Плеве, но при этом рассчитывали сыграть на противоречиях, имевших место среди бюрократии. В начале 1903 г. среди них упорно ходили слухи, что Витте в своем противоборстве с Плеве искал поддержку со стороны представителей органов местного самоуправления. Так, в письме от 19 января 1903 г. Челноков сообщал Шипову о задуманных Витте серьезнейших преобразованиях, направленных на поддержку земства: «Суть его (проекта Витте. – *К. С.*) вот в чем: инспекция (дорожная. – *К. С.*) уничтожается, все дороги переходят к земству, в Петербурге учреждается совет по дорожным делам с участием представителей земства, поставленный совершенно самостоятельно. Земству передаются огромные денежные средства...»[5].

Плеве же продолжал собирать земцев, консультироваться с ними по самым разным вопросам. 8 апреля 1903 г. он принимал делегацию предводителей и депутатов дворянства. Министр их опрашивал о

---

[1] Письмо М.В. Челнокова Д.Н. Шипову 20.01.1903 // Там же. Л. 9 об. – 10.

[2] Там же. Л. 10.

[3] Там же. Л. 21–22.

[4] Там же. Л. 13.

[5] Там же. Л. 8 об.

перспективах создания в России мелкой земской единицы, о взаимодействии земцев с земскими служащими, т. н. «третьим элементом»[1].

В начале августа 1903 г. земцы собрались в Петербурге, чтобы обсудить проект дорожной реформы, разработанный уже Министерством внутренних дел. Он был значительно менее благоприятен для органов самоуправления, чем тот, что вроде бы подготовил Витте. Совещание было созвано Плеве, который обещал пойти земцам на уступки и в этом обсуждаемом вопросе[2]. Министр всячески демонстрировал свою готовность к диалогу, при этом строго оставаясь в сфере управления, но не политики. По словам земца Раевского, «Плеве совершенно незнаком с вопросом, сказал, что ничего не имеет против обсуждения вопроса на земских собраниях, ибо это “не конституцию писать”». Впрочем, и Витте занимал схожую позицию[3].

Управление должно было стать более эффективным, что сняло бы остроту многих социальных вопросов. Это, в свою очередь, должно было привести к упрочению политического режима – так казалось Плеве в дни его министерства. В том числе и в связи с этим он задумывался о реформе местного управления. Плеве планировал ее выстроить в соответствии с французским образцом, подразумевавшим тесную связь местной администрации с органами самоуправления[4]. В Министерстве внутренних дел обдумывался вопрос преобразования губернской администрации, учреждения полноценной власти на уровне уезда и создания мелкой земской единицы, в качестве которой Плеве рассматривал приход. Он командировал своих сотрудников в западноевропейские страны для изучения постановки там местного управления[5].

При этом министр поставил вопрос о децентрализации власти, передачи максимальных полномочий губернаторам. То, что можно было предоставить им без санкции Государственного совета, они получили согласно высочайшему повелению 10 декабря 1903 г. Остальное было отдано на обсуждение специальной комиссии Государственного совета под председательством С.Ф. Платонова[6]. Ее решения

---

[1] Письмо Ф.А. Головина Д.Н. Шипову 08.04.1903 // ОР РГБ. Ф. 440. К. 5. Д. 47. Л. 1–2.

[2] Письмо Н.Н. Раевского Д.Н. Шипову // ОР РГБ. Ф. 440. К. 6. Д. 22. Л. 5 об. – 6.

[3] Там же. Л. 5.

[4] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 149.

[5] [*Любимов Д.Н.*] Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. СПб., 1904. С. 48–49.

[6] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 155–156. При этом далеко не все губернаторы соглашались с мыслью о необходимости децентрализации системы управления и предоставлении новых полномочий «хозяевам губерний». Так, по мнению А.В. Бельгарда, который в тот момент занимал должность эстляндского губернатора, дополни-

император утвердил 19 апреля 1904 г.[1] По оценке В.И. Гурко, эти постановления, уменьшившие объем канцелярской переписки и отчасти ускорившие принятие решений, все же едва ли предоставили большую свободу действий местной администрации[2]. Тем не менее за годы министерства Плеве губернаторы действительно получили новые полномочия. Так, им были подчинены жандармские управления и местная фабричная инспекция[3].

Плеве готовил реформу и собственного Министерства. Он планировал объединить некоторые из департаментов своего ведомства и превратить их в главные управления, во главе которых стояли бы начальники, во многом независимые даже от министра. В частности, им следовало предоставить право самостоятельно защищать внесен-

---

тельные прерогативы не могли быть полезными, учитывая тот факт, что губернаторы в большинстве своем не могли должным образом распорядиться теми полномочиями, которыми и так располагали. «Децентрализация в общем порядке государственного управления и, по моему мнению, представлялась настоятельно необходимой, но она должна была бы начаться с децентрализации самой центральной власти и выразиться в разделении делопроизводства всеобщего государственного управления не по роду дел, а по районам, с выделением, конечно, в особый центральный орган всех вопросов законодательного характера, а также всех тех отраслей управления, которые связаны с прерогативами верховной власти и имеют общегосударственное значение» (*Бельгард А.В.* Воспоминания / вступ. ст., подг. текста Е.Н. Андреевой; коммент. Г.М. Пономаревой, Т.К. Шор, Н.Г. Патрушевой. М., 2009. С. 146–147).

[1] Письмо Николая II великому князю Сергею Александровичу 30.04.1904 // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 71. Л. 80 об. – 81.

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 156–157.

[3] *Корелин А.П.* Проблемы местного управления в России на рубеже XIX–XX вв. // История и историки: историографический вестник. 2005. М., 2006. С. 195. Примечательно, что проект реформы встревожил предводителей дворянства, о чем писал князь П.Д. Долгоруков князю П.Н Трубецкому 3 ноября 1903 г.: «Предстоящая губернская реформа не может не озаботить предводителей дворянства, так как по достигающим публику сведениям в этом усиливающем бюрократический строй проекте предполагается, что Губернский училищный совет будет происходить под председательством губернатора, а уездный – инспектора, т. е. все училищное дело отнимается у дворянства» (Письмо П.Д. Долгорукова П.Н. Трубецкому // ЦГА г. Москвы. Ф. 380. Оп. 3. Д. 18. Л. 22 об. – 23). Весьма критично оценивал наметившиеся тенденции и опочецкий предводитель дворянства П.А. Гейден: «Я со страхом смотрю на то, как элементы порядка тщательно оттираются, а бездомное и беспринципное чиновничество все забирает в свои руки. Может быть, это основано на добросовестном убеждении руководителя этой политики. Но тогда это несомненно доказывает его умственное убожество. Я думаю, что физические и математические законы в общем применимы и к общественному организму... Равновесие лишь тогда устойчиво, когда центр тяжести ниже центра фигуры. Теперешнее обратное положение вещей не может не грозить катастрофой» (Письмо П.А. Гейдена А.Ф. Кони 18.10.1903 // РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 6. Д. 2. Л. 20).

ные ими законопроекты в Государственном совете[1]. Плеве задумывал создать в рамках своего ведомства особый «Департамент труда», который сосредоточил бы в своих руках решение рабочего вопроса. Именно это новое учреждение должно было «расширить права рабочих и удовлетворить многие их требования»[2]. Как уже отмечалось выше, в 1903 г. известный экономист И.И. Янжул по просьбе Плеве подготовил проект государственных экзаменов для чинов Министерства внутренних дел. Его реализация должна была способствовать повышению образовательного уровня сотрудников ведомства[3].

Наконец, Плеве обдумывал возможность реформы высших законосовещательных органов империи. Так, он полагал необходимым включить представителей общественности в состав Государственного совета[4]. Еще будучи государственным секретарем, В.К. Плеве подготовил новое Учреждение Государственного совета, допускавшее их участие в особых совещаниях, которые могли предварять обсуждение наиболее сложных вопросов[5]. Плеве извлек из архивов записки П.А. Валуева, М.Т. Лорис-Меликова, Н.П. Игнатьева с предложениями преобразования государственного строя и планомерно знакомил императора с их содержанием[6].

Как писал министр публицисту генералу А.А. Кирееву 31 августа 1903 г., помимо «борьбы с крамолой», целью его политики является усовершенствование «органических норм гражданского общежития»[7]. В личном разговоре с Киреевым он обрисовал целую программу реформ, предполагавшую большее участие общества в политической жизни страны[8]. Частью этого проекта было как раз

---

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 157.

[2] [*Янжул И.И.*] Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном за 1864–1909 гг. СПб., 1911. Вып. 2. С. 67.

[3] Там же. С. 61. В личной беседе с В.К. Плеве И.И. Янжул описал целую программу реформ, которая включала преобразования в области рабочего вопроса, высшего образования и правового положения евреев. По словам Янжула, министр внутренних дел в целом с ним соглашался и был готов к серьезным подвижкам по этим направлениям.

При этом И.И. Янжул способствовал привлечению статистика и публициста А.В. Погожева на службу в Министерство внутренних дел. Тот должен был заняться изучением рабочего вопроса и составлением аналитических записок на сей счет (*Погожев А.В.* Из воспоминаний о В.К. фон Плеве // Вестник Европы. 1911. № 7. С. 259–280).

[4] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 148.

[5] [*Любимов Д.Н.*] Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. С. 24–25.

[6] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 148.

[7] Письмо В.К. Плеве к А.А. Кирееву // Красный архив. Т. 5. 1926. С. 201–203; *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 259.

[8] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 312 об. – 314.

учреждение Совета по делам местного хозяйства, куда входили бы представители правительственной администрации, земств и городов[1]. Причем все вопросы, касавшиеся местного хозяйства, должны были рассматриваться в этом учреждении. В ходе беседы Плеве с Киреевым министр внутренних дел отметил, что «центр тяжести реформы лежит в призыве на помощь администрации земских людей. Их состав будет предъявляться правительством. Оно берет известные лица, правда, из числа выбранных землею, но все же им избранных... Удачен ли будет выбор?! И как они будут действовать, говорить? Если над ними будет висеть дамоклов меч ссылки за их слова, то, конечно, их деятельность будет равна нулю...»[2].

23 сентября 1903 г. генерал А.А. Киреев написал письмо министру, в котором фактически пересказал программу политических преобразований, задуманных министром. В частности, Киреев писал: «Вы говорите (и в этом заключается большая сила Вашей аргументации): широковещательная программа и замена одного строя другим не вызовет и поставит на “государево дело” все пригодные силы (общественные) России!.. В конце Вашего письма Вы говорите о великом деле “обновления” нашего государственного строя (материального, умственного и религиозно-нравственного) и прибавляете, что такой гигантский труд под силу только “нашему историческому самодержавию”!»[3] Иными словами, речь шла о привлечении общественных деятелей к законотворческому процессу, что должно было способствовать постепенной трансформации политического режима.

По словам С.Е. Крыжановского, Плеве таким образом хотел «сблизиться с общественными кругами», для того «чтобы освободить

---

[1] Примечательно, что учрежденный по инициативе В.К. Плеве Совет по делам местного хозяйства очень напоминал задуманный в начале 1903 г. В.П. Мещерским Губернский совет, в который, помимо представителей различных ведомств и губернаторов, должны были войти руководители органов местного самоуправления (предводители дворянства и председатели земских управ). Результатом работы этого учреждения стало бы «устранение причин, препятствующих приближению народных нужд к престолу и ускорение хода дел по их удовлетворению в центральных учреждениях». Иными словами, Губернский совет стал бы постоянно действующим экспертным центром (*Мещерский В.П.* Проект создания Совета по делам местного хозяйства // РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 25. Л. 1–2). В аналогичном проекте Мещерского эта коллегия была названа Советом по местным делам (*Мещерский В.П.* Рукопись статьи о создании Губернского совета // РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 26. Л. 3–4). В отличие от Совета по делам местного хозяйства она действовала бы при императоре, став фактически надведомственным учреждением.

[2] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К.13. Л. 267.

[3] Письмо А.А. Киреева В.К. Плеве // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 767. Л. 4–5.

себя от постоянной войны с третьим элементом»[1]. Впоследствии Крыжановский формулировал позицию Плеве так: «Россия представляется ему в виде огромного воза, влекомого по скверной дороге тощими клячами – чиновничеством. На возу сидят обыватели – общественные деятели – и на чем свет ругают лошадей, ставя им в вину и плохую езду, и дурную дорогу. Вот этих-то господ, – прибавлял покойный, – следует снять с воза и поставить в упряжку, пусть попробуют сами везти, а чиновника посадить с кнутом на козлы – пусть подстегивает»[2].

Именно тогда, при Плеве, Совет по делам местного хозяйства действительно был создан, но работать он начал лишь несколько лет спустя после смерти своего «родителя»[3]. Что сталось бы с ним, начни он функционировать уже в 1904 г., можно только догадываться. Прочие министры побаивались этой инициативы Плеве. Они видели в ней попытку расширить сферу компетенции МВД[4]. Возможно, именно Совет по делам местного хозяйства имел в виду В.Н. Орлов, когда говорил, что перед смертью Плеве даже обдумывал возможность создания «Государственной думы»[5]. В любом случае одиозный в глазах оппозиционной печати министр внутренних дел пытался найти modus vivendi власти и общества в чуть расширенном по сравнению с прежним коридоре возможностей. Ему казалось, что таким образом можно уйти от политических вопросов, сконцентрировавшись на более важных: социальных и экономических.

15 июля 1904 г. в 10 часов утра прогремел взрыв, очевидно, ускоривший ход событий: в тот день В.К. Плеве был убит членом бое-

---

[1] Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 387.

[2] *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 118.

[3] См.: *Могилевский К.И.* Столыпинские реформы и местная элита. Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008. С. 24–44.

[4] *Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 448.

[5] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 121–122. Значение этой задумки В.К. Плеве вполне оценили современники: например, В.И. Ковалевский (ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 420. Л. 12). В апреле 1902 г. А.С. Суворин говорил с В.К. Плеве о возможности созыва «маленького Земского собора, человек в 200–300». Министр внимательно выслушал и сказал: «В кабинете министра внутренних дел можно говорить о представительстве, но в печати нельзя». «А когда вы служили при графе Лорис-Меликове, я называл себя земско-соборником,» – отмечал Суворин. «Времена переменчивы», – констатировал Плеве [*Суворин А.С.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). С. 206].

вой организации эсеров Е.С. Сазоновым. Смерть государственного деятеля, воспринимавшегося как паладина реакции, породила надежду на смену курса и либерализацию внутренней политики. «Как ни ужасно, но убийство Плеве у всех вызвало вздох облегчения, а у многих радость, и, пожалуй, прежде всего в рядах самой бюрократии, непосредственно знавшей и чувствовавшей, что, как выразился Крыжановский (С.Е. – *К. С.*), с Плеве никакого дела иметь нельзя было», – впоследствии вспоминал И.В. Гессен[1]. «Но ведь Россия – не революционерка, и она, действительно, нуждается в глубоких улучшениях жизни. Он же (В.К. Плеве. – *К. С.*) не хотел ничего делать. Почему? Да, вероятно, просто потому, почему и все министры не хотят: не желают уменьшать своей власти, не хотят перестать быть владыками над царем и народом», – записал 9 августа 1904 г. в дневнике публицист «Московских ведомостей», один из идеологов консерватизма Л.А. Тихомиров[2]. Примерно в это же самое время М.В. Челноков в письме к Д.Н. Шипову делился своими надеждами на коренное преобразование государственного строя, а Д.Н. Шипов, отвечая товарищу, рассказывал, что «в Москве видел графиню В.Н. (Бобринскую – *К. С.*), носится по городу и повсюду ораторствует о необходимости общественным представителям подать коллективное заявление государю, что он должен разделить ответственность перед страной и представителями общества и что должно быть немедленно учреждено временное правительство»[3]. О серьезных преобразованиях думали и в «высших сферах». Так, согласно записи в дневнике А.С. Суворина от 4 августа 1904 г., через два-три дня после

---

[1] *Гессен И.В.* В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. М., 1993. Т. 21–22. С. 175. Практически о том же писал С.Ю. Витте А.Н. Куропаткину 19 августа 1904 г. (Переписка С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина в 1904–1905 гг. // Красный архив. 1926. Т. 6. С. 71). Впрочем, могла быть совсем иная оценка жизни и деятельности Плеве. Будущий главноуправляющий землеустройством земледелием А.В. Кривошеин писал на следующий день после гибели министра внутренних дел: «Я считаю смерть Плеве огромной потерей, это был самый выдающийся по уму и твердой воле человек из всех современных сановников. Заменить его более чем трудно. Как начальник он часто бывал труден, но зато при нем была полная уверенность, что когда нужно, он не даст в обиду и не обидит сам» (Письмо А.В. Кривошеина Е.Г. Кривошеиной 16.07.1904 // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 27. Л. 97).

[2] [*Тихомиров Л.А.*] 25 лет назад: Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 1. С. 59. Аналогичная точка зрения традиционно доминирует и в историографии (См.: *Judge E.H.* Plehve: Repression and reform in Imperial Russia. Syracuse. 1983. P. 244–245).

[3] *Шелохаев С.В.* Д.Н. Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность. С. 255–256.

гибели В.К. Плеве министр юстиции Н.В. Муравьев во время доклада императору обрисовал отчаянное положение в России, указал на деспотический характер власти покойного министра внутренних дел и говорил о неотложности реформы системы управления страной[1]. Даже директор Департамента полиции А.А. Лопухин не испытывал симпатий к Плеве и его политике и, беседуя с Гурко о его гибели, отметил: «Так дальше продолжаться не могло»[2]. Новый курс должен был стать «земским», нацеленным на диалог с обществом. Это было провозглашено министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским в самом скором времени после того, как он получил назначение.

В общественных кругах ожидали нового министра, способного предложить реальную альтернативу политике В.К. Плеве. Не случайно, что назывались имена И.Л. Горемыкина, запомнившегося в качестве государственного деятеля «проземской» ориентации[3], и его оппонента конца 1890-х гг. С.Ю. Витте, считавшегося основным противником В.К. Плеве[4]. Однако 25 августа был назначен князь П.Д. Святополк-Мирский. Близкий ко двору генерал А.А. Киреев, беседовавший со Святополком 13 августа (т. е. за две недели до назначения), остался крайне высокого мнения об этой кандидатуре и рассчитывал, что как раз новому министру удастся провести преобразования в духе славянофильской теории[5]. И действительно уже при назначении Святополк-Мирский изложил государю своего рода программу реформ, которая полностью соответствовала чаяниям публицистов славянофильского толка. Новый министр внутренних

---

[1] *Суворин А.С.* Дневник. С. 466.

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 218. Командир отдельного корпуса жандармов (1902–1904) В.В. фон Валь подозревал А.А. Лопухина в причастности к убийству Плеве. 26 января 1909 г. он писал: «Роль Азефа в революционном деле была настолько видная, что он не мог не знать о том, что готовится покушение на Плеве – когда, кем и в каком месте. Имеются данные, что он даже руководил этим делом. Но как агент он должен был предупредить Лопухина. Если он этого не сделал, то его следовало немедленно привлечь, но ничего подобного не было сделано и он продолжал получать богатое содержание. Является сомнение, что он предупредил Лопухина, а тот, заметив некоторую к нему перемену Плеве, допустил совершение. Это подозрение подкрепляется словами, сказанными Лопухиным В.И. Гурко и министру юстиции Муравьеву. В обоих случаях он сказал, что в этом убийстве нет ничего странного, так должно было кончиться и слава Богу, то конец настал. Слова его были различны, но смысл был именно такой. Затем, в день погребения Плеве, он подошел к сыну и стал его уверять, что он, Лопухин, ни в чем не виноват и просил его ни в чем не винить» (Письмо В.В. фон Валя Юрьеву 26.01.1909 // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 366. Л. 119).

[3] *Мельгунов С.П.* Из истории русской печати: К 50-тилетию «Русских ведомостей» // Голос минувшего. 1913. № 10. С. 221.

[4] *Суворин А.С.* Дневник. С. 467.

[5] [*Тихомиров Л.А.*] 25 лет назад: Из дневника Л. Тихомирова. С. 62.

дел настаивал на необходимости проведения политики веротерпимости, расширения компетенции органов местного самоуправления, либерализации политики в отношении печати, национальных окраин. Наконец, Святополк-Мирский коснулся и политического вопроса, сказав о важности «призыва выборных в Петербург» для обсуждения общегосударственных вопросов. Император как будто бы во всем с ним соглашался[1].

Замыслы нового министра не стали секретом для публики. Как вспоминал Д.Н. Любимов, «газета “Русь”, с каждым днем делавшаяся все более левой, писала: “Это министерство перелома от бюрократического насилия к правовому порядку...”. А.С. Суворин в своих тогда пользовавшихся широкою популярностью “маленьких письмах” (в “Новом Времени”) пошел еще дальше. Среди хмурого сентября он прямо объяснил весну. “Разве – восклицал Суворин – речь нового министра внутренних дел, сказанная 16 сентября, не веяние весны? Не ясный ее признак? Она дает прекрасное настроение, повышает русского человека?..” Даже в крайней оппозиционных газетах были сочувственные отзывы. Объявлялось, как бы перемирие. Речь Мирского рассматривалась как предисловие и нервно ожидалось объявление коренных реформ, которые за этим вступлением должны были, по их мнению, последовать»[2].

Осенью 1904 г. возбуждение общества неуклонно росло, подпитываясь одновременно завышенными ожиданиями успехов реформаторского курса Святополк-Мирского и вместе с тем неуверенностью в положительном исходе дела. «Вчера провел два часа у Мирского взаимное интервью... О “ней”, Костиной жене (т. е. о конституции. – *К. С.*), говорили много и свободно... Созыв выборных губернских земских собраний, местных людей для разработки совместно с министерством разных вопросов – в его программе», – писал орловский земец А.А. Стахович издателю журнала «Освобождение» П.Б. Струве. И, тем не менее, продолжал Стахович, «дремать нельзя, а, напротив, спешить... так как осенняя “весна” может быть, как все весны, больно коротка и заменят штюрмеровской или другой какой-либо... “зимою”...»[3]. «Я боюсь, что нахожусь в положении человека, который

---

[1] [*Святополк-Мирская Е.А.*] Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. С. 241–242.

[2] *Любимов Д.Н.* Русское смутное время.1902–1906: Воспоминания // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 158. А.С. Суворин в связи с этим вспоминал В.К. Плеве, который, в частности, говорил: «Вы хотите весну, а я предпочел бы лето, когда все созрело и плоды готовы» [*Суворин А.С.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). С. 181].

[3] Письмо А.А. Стаховича П.Д. Долгорукову // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 90. Л. 53.

выдал вексель на сумму, которую он уплатить не может», – еще 3 октября говорил сам П.Д. Святополк-Мирский. «Метаморфозы столь неожиданные, что все словно растерялись и в глубине души мало кто верит в ее (новой эры. – *К. С.*) прочность, – записала в своем дневнике О.Н. Трубецкая, сестра философов и общественных деятелей С.Н. и Е.Н. Трубецких. – Каждый день слухи о падении Мирского, и в преемники ему прочат фон Валя, Клейгельса или Штюрмера. Заранее уже отпетых или отпеваемых»[1]. Подобное ощущение зыбкости ситуации в стране сохранялось в течение всей правительственной «весны».

9 октября 1904 г. у П.Д. Святополк-Мирского был очередной всеподданнейший доклад. Министр удивился тому, что царь высказал желание дать ему рескрипт, в котором бы утверждалась незыблемость существующего порядка. «Как же, Ваше Величество, ведь я говорил, какие перемены я нахожу нужными, и Вы согласились». Николай II на это ничего не ответил, а Святополк-Мирский вновь вернулся к теме участия земцев в подготовке важнейших решений (например, касавшихся крестьянского вопроса). Напомнил о Земском соборе, по его мнению, удачно сочетавшимся с самодержавным правлением. И император по обыкновению не возражал[2]. Правительство старалось идти на уступки земству. Так, согласно письму С.Н. Гербеля Д.Н. Шипову от 15 октября 1904 г., «вопрос о Тверском земстве отчасти улажен и последует разрешение возвратиться в губернию земским деятелям»[3].

Россия вступала в острую фазу политического кризиса, когда любой новый шаг – вперед или назад, влево или вправо, или даже просто стояние на месте – предопределял его эскалацию. Об этом в том числе писал К.Ф. Головин Святополк-Мирскому: «Для власти одинаково опасно оставаться неподвижно на месте и идти навстречу к так называемому общественному мнению. В первом случае недовольство, становясь затяжным, грозит постепенно заразить весь народный организм, во втором – многие из самых благонамеренных и разумных могут при теперешнем настроении быть увлечены потоком гораздо далее, чем сами бы того хотели»[4]. Периодически хо-

---

[1] *Трубецкая О.Н.* Из пережитого // Современные записки. 1937. № 64. С. 287.

[2] [*Святополк-Мирская Е.А.*] Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. С. 247.

[3] Письмо С.Н. Гербеля Д.Н. Шипову // ОР РГБ. Ф. 440. К. 5. Д. 40. Л. 2.

[4] Письмо К.Ф. Головина П.Д. Святополк-Мирскому 08.11.1904 // ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 609. Л. 1. Спустя пару месяцев, в феврале 1905 г., С.Л. Толстой писал отцу Л.Н. Толстому о схожем понимании современной ему политической ситуации: «Когда правительство не соответствует требованиям народа и его нравственному уровню, – а русское правительство, по-видимому, именно таково, – то оно приходит в

дили слухи, что вот-вот дадут конституцию. «Конституция висит в воздухе», – записал 27 октября в своем дневнике А.А. Киреев[1]. 31 октября княгиня А.П. Ливен говорила жене министра Е.А. Святополк-Мирской, что в Москве на днях ждут конституцию[2]. О тех же самых настроениях во второй столице сообщал и князь Б.А. Васильчиков две недели спустя, 14 ноября[3]. «Повторяют с разных сторон, что молодая императрица принимает активное участие в политике и стоит во главе конституционной партии», – записал 27 ноября в дневнике граф А.А. Бобринский[4]. Пройдет несколько дней, и 2 декабря он напишет, что 6-го все ожидают оглашения конституции[5].

Вместе с тем в обществе говорили и о возможности скорой политической катастрофы. К.П. Победоносцев еще в сентябре предрекал, что курс, выбранный Святополк-Мирским, неизбежно приведет к кровопролитию как на улицах столицы, так и в провинции[6]. 19 октября в салоне Е.В. Богдановича на тот момент один из видных чиновников Министерства внутренних дел Б.В. Штюрмер предрекал скорую революцию[7]. Неделю спустя, 25 октября, публицист крайне правого толка Н.А. Павлов делился с Богдановичами своими планами по продаже имения и перевода всех денег за границу, «так как близится время, когда надо будет бежать из России»[8]. В конце ноября по Невскому проспекту ходили толпы с красными флагами. Пока по-

---

упадок, разлагается; в нем нет сильных людей, нет единодушия между правителями, и главное, у него нет уверенности в себе и оправдания своим поступкам. Приходит время, когда правительству выгоднее идти на уступки, чем не уступать, а одни уступки влекут за собой новые уступки. Наконец, вся организация и сила правительства, даже войско может обратиться против него же» (Письмо С.Л. Толстого Л.Н. Толстому 06.02.1905 // Отдел рукописных фондов Государственного музея Л.Н. Толстого. Ф. 1. А7. № 110/5. Л. 2 об. – 3).

[1] *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 353.

[2] [*Святополк-Мирская Е.А.*] Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. С. 251.

[3] Там же. С. 253.

[4] *Бобринский А.А.* Дневник // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 292. Л. 142.

[5] Там же. Л. 144 об.

[6] *Богданович А.В.* Три последних самодержца. С. 295. Как уже отмечалось, в начале 1904 г. катастрофические ожидания разделял С.Ю. Витте. Тогда же, в феврале 1904 г., князь В.П. Мещерский тоже утверждал, «что теперешняя анархия кончится переменой политического режима» (*Бентковский А.К.* Дневник // ОР РГБ. Ф. 218. К. 558. Д. 1. Л. 14 об. – 15).

[7] *Богданович А.В.* Три последних самодержца. С. 299.

[8] Там же. С. 301. С.Ю. Витте так определял проблему, с которой столкнулся П.Д. Святополк-Мирский: «Повернул корабль, но не справился... Его корабль за собой потащил» ([*Шереметев С.Д.*] Дневниковые записи С.Д. Шереметева о С.Ю. Витте / публ. Л.И. Шохина // Отечественная история. 1998. № 2. С. 156).

лиции еще удавалось справиться с этими выступлениями[1]. «На днях я имел счастье представляться царю и докладывал ему искренно и правдиво, как мог и умел, о состоянии, в котором находится общество, – писал 15 декабря П.Д. Святополк-Мирскому московский предводитель П.Н. Трубецкой. – Я старался объяснить ему, что то, что происходит, n'est pas une émeute, mais une revolution (не мятеж, но революция. – *К. С.*); что вместе с тем русский народ толкают в революцию, которую он не хочет и которую государь может предотвратить». Но это можно сделать, продолжал П.Н. Трубецкой, лишь доверившись общественным силам, пойдя им на серьезные уступки[2].

1 ноября Святополк-Мирский вновь у императора. Опять он говорил о необходимости участия выборных в законотворческом процессе. «Да, это необходимо, – соглашался государь, – вот им можно будет разобрать ветеринарный вопрос». «Ваше Величество, да я не о том говорю, – тут же отреагировал министр, – а о праве постоянного участия в законодательстве»[3]. Спустя несколько дней, 4 ноября, Святополк-Мирский дал указание помощнику начальника Главного управления по делам местного хозяйства С.Е. Крыжановскому составить соответствующую записку. «Исходная точка – невозможность двигаться дальше по старому пути и необходимость привлечь общество к участию в делах законодательства. Указания князя были весьма неопределенны: ни в чем не затрагивать основ самодержавного строя, не намечать никаких новых учреждений, не касаться земских начальников, а с тем вместе облегчить общественную самодеятельность и наметить ряд льгот, могущих быть благоприятно принятыми общественным мнением и не угрожающих прочности ни государственного строя, ни порядка управления. Все это было высказано отрывочно и в значительной части в виде ответов на вопросы»[4].

---

[1] Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1930. № 6. С. 99. Ситуация разворачивалась в неизвестную для правительства сторону. Согласно воспоминаниям Д.Н. Любимова, «в Харькове, 6 ноября, после заседания юридического общества состоялся на улице митинг и устроилась процессия. Несли флаги с надписями "долой войну", "долой самодержавие", "да здравствует учредительное собрание", "да здравствует республика!.." То же самое было 20 ноября в Одессе и в Саратове, причем несли флаги с надписями "да здравствует социальная революция!". Никаких энергичных мер не принималось, и престиж министра внутренних дел быстро шел на убыль» (*Любимов Д.Н.* Русское смутное время.1902–1906: Воспоминания // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 100).

[2] *Шаховской Д.И.* «Союз Освобождения» // Либеральное движение, 1902–1905 гг. М., 2001. С. 578.

[3] Там же. С. 251.

[4] *Крыжановский С.Е.* Записки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 119.

Если правительственная «весна» осени 1904 г. внушала обществу одновременно надежды и опасения, то полицейские чины и цензурные власти она полностью дезориентировала. Так, по воспоминаниям современника, местные власти Саратовской губернии вполне благосклонно относились к организации банкетов, на которых открыто заявлялось о необходимости введения конституции. Например, такого рода банкет состоялся 2 ноября в здании вокзала при проводах делегатов на ноябрьский земский съезд. Собралось около 150 человек: земцы, представители «третьего элемента»[1], врачи, адвокаты. Открыли шампанское, звучали тосты, советы, наказы. Кто-то из земских служащих прочел адрес с изложением политических требований «третьего элемента». Когда же собравшиеся вышли на перрон, некоторые даже затянули «Марсельезу». И вот только тут терпению жандармов, спокойно наблюдавших за всем происходившим, пришел конец. Они подбежали к толпе и пригрозили, что могут принять суровые меры[2]. «Год назад ссылали в места за допущение желаний самых законных, высказанных в тайных совещаниях в губерниях, а теперь статья в журнале “Права”, кажется, – целиком из “Освобождения”», – писал орловский земец, человек, влиятельный в столичных кругах, А.А. Нарышкин историку Н.П. Барсукову 6 декабря 1904 г.[3] По всей видимости, Нарышкин имел в виду весьма резкую по тону статью Е.Н. Трубецкого «Война и бюрократия», опубликованную 26 сентября и вызвавшую настоящий фурор в обществе[4]. Она понравилась как человеку весьма умеренных взглядов А.В. Олсуфьеву[5], так и неославянофилу А.А. Киреев[6]. Как вспоминал И.В. Гессен, ее всюду цитировали, выражения Трубецкого стали крылатыми, а редакция получала множество писем с выражением сочувствия и одобрения[7]. «Статья брата Евгения в № 39 “Права” “Война и бюрократия” имела совершенно исключительный успех, – сделала пометку в записной книжке О.Н. Трубецкая. – Не только со всех сторон сыпались ему приветствия, но учреждались стипендии его имени в университетах и

---

[1] Так в 1899 г. самарский губернатор Г.В. Кондоиди назвал земских служащих (*Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1917 / вступ. ст. и коммент. М.Г. Вандалковской. М., 1997. С. 163).

[2] *Л-аго И.* Банкетная кампания в Саратове // Минувшие годы. 1908. № 12. С. 30–31.

[3] Письмо А.А. Нарышкина Н.П. Барсукову 6.12.1904 г. // ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 318. Л. 130.

[4] *Трубецкой Е.Н.* Война и бюрократия // Право. 26.09.1904. № 39. Стб. 1871–1875.

[5] Письмо А.В. Олсуфьева А.А. Гирсу // ГА РФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 204. Л. 46.

[6] [*Тихомиров Л.А.*] 25 лет назад: Из дневника Л. Тихомирова. С. 63.

[7] *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 181.

других высших учебных заведениях. Он блестяще открыл эру нового направления внутренней политики – “эру попустительства”, как ее называет здешний Трепов, “эру доверия к общественным силам”, как называют ее земцы»[1].

То, что опубликование такой статьи не повлекло за собой санкции цензурного ведомства, было симптоматичным. «Зверев (начальник Главного управления по делам печати. – *К. С.*) сегодня говорил, – записала 4 ноября в своем дневнике А.В. Богданович, – что печать страшно разнуздалась, но поделать он ничего не может – этих писателей надо наказывать, а ему дано теперь только право их увещевать и просить»[2]. Со стороны же правительственная политика по отношению к периодическим изданиям казалась противоречивой и лишенной всякой определенности. «Отношение к печати в лице Зверева самое неустойчивое: нынче дозволено одно, а завтра за это наказывают журнал и т. д. Но публика совсем сходит с ума, и слышатся рассказы довольно странные; в Москве обедал в “Русских ведомостях” и тоже наслушался массы странностей и противоречий», – писал 22 ноября И.И. Янжул А.И. Чупрову[3]. Иными словами, значительное смягчение полицейского контроля и реальные завоевания общества серьезно повышали градус настроения в стране. И оно постепенно доходило до точки кипения. 4 декабря великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике: «У нас точно плотину прорвало: в какие-нибудь два-три месяца Россию охватила жажда преобразований; о них говорят громко. Калуга, Москва, а теперь и Петербургская дума единогласно постановили адрес, в котором всеподданнейше требуют всякой свободы. Революция как бы громко стучится в дверь. О конституции говорят почти открыто. Стыдно и страшно»[4].

А.В. Тыркова в январе 1905 года вспоминала, какое сильное впечатление на нее произвели прошлогодние сентябрьские газеты с туманными намеками на учреждение народного представительства. Она тогда жила в эмиграции и входила в круг П.Б. Струве. Как раз тогда к издателю «Освобождения» приехали П.Н. Милюков и князь П.Д. Долгоруков. Они чрезвычайно скептически отнеслись к слишком эмоциональному отклику Тырковой на газетные заметки, а Милюков заявил, что «нам еще надо годами, а не месяцами считать

---

[1] *Трубецкая О.Н.* Из пережитого. С. 286–287.

[2] *Богданович А.В.* Три последних самодержца. С. 304.

[3] Письмо И.И. Янжула А.И. Чупрову 22.11.1904 // ЦГА Москвы. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 3039. Л. 96 об.

[4] Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1930. № 6. С. 100–101.

ход политического освобождения России». А в октябре П.Н. Милюков сам побывал в Петербурге и вернулся совсем в другом настроении: «То, что мы задумывали с таким трудом, лепили по маленьким кирпичикам ценой усилий и ухищрений... считая, что еще годы и годы придется вести черную политическую работу, – все это уже есть... И больше того. Жизнь ушла вперед. Надо догонять, чтобы не отстать». И, по словам А.В. Тырковой, он говорил «с удивлением и почти жаром, насколько горячность возможна для такого рассудочного, осторожного человека»[1].

Настроения же в земской среде, действительно, очень быстро менялись. Так, еще 9 октября И.В. Гессен писал П.Б. Струве, что земские деятели, общавшиеся с П.Д. Святополк-Мирским, подлаживались под взгляды министра и не решались выразить собственную точку зрения. Например, П.Д. Святополк-Мирский в разговоре с Ф.А. Головиным заметил, что многие опасаются, как бы превращение задуманного еще Плеве Совета по делам местного хозяйства в совещательное представительное учреждение не стало бы прелюдией к введению конституции. На это Головин ответил, что абсолютное большинство земцев – противники конституции, и лишь крайние элементы, составляющие меньшинство земских собраний, не удовлетворятся реформой Совета. Долго с министром общался и князь Г.Е. Львов. Он заявил, что у деятелей местного самоуправления «нет никакой программы», и выразил опасение, «что если земство будет спрошено, оно окажется несостоятельным»[2]. Иначе говоря, в начале октября 1904 г. земские лидеры не чувствовали себя слишком уверенно: прежде всего они пока не верили в возможность широкой поддержки радикальных политических требований в земской среде.

В начале ноября должен был состояться земский съезд, в сущности, санкционированный самим министром внутренних дел. К этому моменту общественные настроения в корне изменились, качнувшись влево. В «высших сферах» эту перемену явственно ощущали. Так, жена министра внутренних дел Е.А. Святополк-Мирская 30 октября 1904 г. записала в своем дневнике: «По-моему, они (земцы. – *К. С.*) делают большую ошибку, и, по-моему, тут есть даже доля подлости: пока их держали в страхе – молчали, а теперь, когда человек явился,

---

[1] Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост., автор предисл., введ. и коммент. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 68.

[2] Письмо И.В. Гессена П.Б. Струве 09.10.1904 // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 77. Л. 54.

который хочет удовлетворить все разумные требования, они все портят тем, что торопятся и хотят скандалы делать»[1].

На земском съезде в ноябре 1904 г. возобладали конституционалисты. «Факт тот, что резолюция нашего съезда сыграла огромную роль. Прежде запретные мысли после нее стали везде выражаться открыто и приобрели права гражданства», – писал 27 ноября жене П.А. Гейден[2]. Теперь идеи конституционализма становились общераспространенными. «Иногда, когда вдумываешься в то, что творится, когда смотришь на это мгновенное, почти чудесное преображение страны, кажется, что находишься накануне Великой французской революции, – утверждал освобожденец В.Я. Богучарский 3 декабря 1904 г. – Как там в [17]89 году не было ни одного республиканца, а вскоре не осталось уже ни одного монархиста, так у нас сейчас профессора, чиновники, домовладельцы, думцы, еще вчера не интересовавшиеся конституцией и почти не слыхавшие про нее, сегодня вдруг совершенно необычайным образом единогласно вотируют конституционные резолюции»[3].

И все же и в конце ноября Святополк-Мирский продолжал настаивать на своем. Он убеждал императора в необходимости «либеральных реформ». Если «не удовлетворить вполне естественных желаний всех, то перемены будут и уже в виде революции». Как и прежде, министр сводил свою программу к трем пунктам: законность, веротерпимость и участие представителей общественности в законотворческой деятельности. Реализация этих положений позволила бы ограничить административный произвол. На этот раз Николай II уже возражал. Он был уверен, что перемен желали лишь интеллигенты. Народ же в своем большинстве оставался предан монарху[4].

Записка императору с подробным изложением программы реформ была подготовлена Крыжановским к 19 ноября. Помимо пункта о призыве выборных, она заключала в себе мысль об обеспечении начал веротерпимости в России, отмене правовых норм, дискриминировавших сословные (крестьяне) и национальные (евреи) группы, об объединении правительственной власти (т. е. создании кабинета министров), расширении контрольных полномочий Сената, сферы

---

[1] [*Святополк-Мирская Е.А.*] Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. С. 251.

[2] Письмо П.А. Гейдена С.М. Гейден 27.11.1904 // ГА РФ. Ф. 887. Оп. 1. Д. 102. Л. 59.

[3] Письмо В.Я. Богучарского Н.А. Герд 03.12.1904 // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 20.

[4] [*Святополк-Мирская Е.А.*] Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. С. 259.

прерогатив органов местного самоуправления, о замене общинной собственности частной[1].

На заседании особого совещания 2 декабря 1904 г. проект Святополк-Мирского провалился. Против него выступили С.Ю. Витте и В.Н. Коковцов, видимо, не без успеха убеждая императора, что самодержавие и представительный строй несовместимы. Святополк-Мирского поддержали Д.М. Сольский, Э.В. Фриш и А.С. Ермолов. Царь же явно склонялся к точке зрения их оппонентов. Он отмечал, «что власть должна быть тверда и что во всех разговорах земцев он видит эгоистическое желание приобрести права и пренебрежение к нуждам народа»[2]. К 5 декабря Витте подготовил свой проект, куда менее определенный, чем проект Святополк-Мирского, но все же предполагавший реформу Государственного совета с приглашением представителей общественности[3].

Судя по записям графа А.А. Бобринского, еще в начале декабря лица, близкие к престолу, рассчитывавшие на Земский собор, были уверены, что государь все же подпишет необходимый указ. 8 декабря Бобринский нарисует в своем дневнике известную ему по слухам идиллическую картину совещания высших сановников империи: великие князья (в том числе и Сергей Александрович), П.Д. Святополк-Мирский, С.Ю. Витте, К.П. Победоносцев – все дружно выступили в пользу участия выборных в Государственном совете, а также наметили целый ряд других либеральных реформ. «Словом, историческая минута, – в приподнятом состоянии духа констатировал А.А. Бобринский, – и о всем этом будет Манифест в субботу 11-го (декабря. – *К. С.*)»[4]. Согласно записной книжке О.Н. Трубецкой, как раз 8 декабря министр юстиции Н.В. Муравьев примерно то же и в таком же приподнятом настроении рассказывал своим знакомым[5]. И все же в действительности совещание прошло несколько иначе. За проект Святополк-Мирского выступили только Ермолов и Фриш. Сольский был за участие выборных, но не в составе Государственного совета. Витте и Коковцов – за присутствие на заседаниях высшего законосовещательного учреждения назначаемых представителей общественности. К точке зрения Сольского присоединился великий

---

[1] Записка П.Д. Святополк-Мирского 19.11.1904 // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–43.

[2] [*Святополк-Мирская Е.А.*] Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. С. 260.

[3] Там же. С. 261.

[4] *Бобринский А.А.* Дневник // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 892. Л. 147 об.; [*Бобринский А.А.*] Дневники А.А. Бобринского, 1910–1911 // Красный архив. 1928. № 1. С. 130.

[5] *Трубецкая О.Н.* Из пережитого. С. 292.

князь Владимир Александрович, что в итоге поспособствовало ее временному торжеству[1].

Следующие два дня Бобринский только и писал в дневнике о предстоявшем Манифесте[2]. «Всеобщее ожидание завтрашнего дня и Манифеста...Члены Государственного совета вроде кретина Толя и подобных ему повесили нос. Чиновники бесятся», – записал он 10 декабря[3]. А на следующий день: «Большое разочарование. Никакого Манифеста нет»[4]. 12 декабря вышел указ без какого-либо упоминания возможности участия выборных в законодательной работе, и

---

[1] [*Святополк-Мирская Е.А.*] Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. С. 262–263. Сам князь П.Д. Святополк-Мирский рассказывал о подготовке Указа так: «Мирский предложил государю ввести в Государственный совет выборных от общественных учреждений и говорил, что это необходимо для успокоения общественного настроения, но что из этого выйдет, не знаю – может быть, через 20 лет конституция. Просил организовать совещание. Государь сказал, что пробовал, но из совещаний ничего не выходит. Мирский объяснил это тем, что государь торопится на совещаниях высказать свое мнение.

Государь дал список: Рихтер, Воронцов-Дашков, Ермолов, Муравьев, Сольский, Фриш, Гессе. Мирский спросил о Победоносцеве. Государь – не стоит, он будет говорить все то же, что мы знаем. Мирский просил о Витте. Государь – он франмассон, но Мирский настоял. Вечером Мирский вспомнил о Коковцове и просил Гессе доложить государю и 3-го получил согласие. 3-го Мирский написал собственноручно всем приглашенным на 4-ое вечером. У него были: Витте, который возражал и говорил, что лучше конституция и Коковцов, который также был против. 4-го в поезде оказался Победоносцев, получивший записку государя “Приезжайте помочь разобраться в хаосе”.

4-го на совещании (был и Михаил Александрович) все возмущались общественным движением и настаивали на правительственном сообщении. Мирский подчинился, рассчитывая на Указ. Прения сосредоточились на 3-м пункте. Возражали Победоносцев, Витте и Коковцов. Витте вилял. Фриш и Сольский говорили за образование особого совещания из выборных (Сольский “от населения”) как первой инстанции и не боялись за самодержавие. Их мнение взяло верх, но выборные должны быть от местных общественных учреждений. Витте, ссылаясь, что вопрос компетенции Совета министров, а его делопроизводство при Комитете министров, предложил редакцию Указа поручить ему и Нольде.

7-го было второе совещание при участии великих князей Владимира, Алексея и Сергея. Принята редакция Мирского. Возражали вновь Сергей Александрович и Муравьев. Государь поручил Мирскому представить указ в переписанном виде, что и было представлено 8-го утром. 11-го был вызван Витте и вечером написал Мирскому – 3-й пункт исключен. 12-го Витте рассказывал Мирскому, что государь сомневался относительного 3-го пункта и хотел изменить редакцию, на что Витте сказал, что изменять не следует, и будто государь вычеркнул. Муравьев слышал от Сергея Александровича, что Витте побудил государя исключить 3 пункт. Мирский в тот же день подал в отставку» (Рассказ П.Д. Святополк-Мирского в изложении Д.Н. Шипова об издании Указа 12 декабря 1904 г. // ОР РГБ. Ф. 440. К. 3. Д. 13. Л. 1).

[2] *Бобринский А.А.* Дневник // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 892. Л. 148.

[3] Там же. Л. 148 об.

[4] Там же. Л. 149; [*Бобринский А.А.*] Три последних самодержца. С. 130.

несколько дней спустя, 16-го, А.А. Бобринский записал: «Вялое чувство. Какая-то общая неудовлетворенность»[1]. 13 декабря 1904 г., сразу же после опубликования Манифеста, Л.А. Тихомиров с горечью заметил: «Я боюсь, что Государь одинаково не может не уступить, не сопротивляться, а это, конечно, способно из ничего создать гибель»[2].

11 декабря император провел совещание с великим князем Сергеем Александровичем и С.Ю. Витте и в итоге пункт проекта указа, предусматривавший политическую реформу, вычеркнул[3]. Великие князья – Михаил Александрович и Александр Михайлович – ездили к Николаю II, уговаривали его восстановить пункт о выборных, однако безрезультатно[4]. На аудиенции у императора 13 декабря Святополк-Мирский фактически подал в отставку. Николай II не возражал, отметив лишь, что он не может принять ее прямо сейчас. Министр заметил: «Дай Бог, чтобы я ошибался, но я убежден, что через 6 месяцев вы будете раскаиваться, что уничтожили пункт о выборных... По-моему, немыслимо управлять страной без поддержки общественных сил. Другие держатся другого мнения. Их теперь и нужно призвать. Вот Витте говорит, что без этого можно обойтись». На это замечание император ответил: «Я бы его сейчас же назначил, если был бы уверен, что он не масон»[5].

Вместе с тем даже в отредактированном виде Указ 12 декабря 1904 г. подразумевал проведение цикла значимых преобразований: укрепление законности, расширение полномочий органов местного самоуправления, обеспечение независимости судебной системы, проведение социально ориентированной политики в рабочем вопросе, утверждение начал веротерпимости, отмена постановлений, дискриминировавших права различных национальных групп, смягчение цензурных ограничений[6]. По мысли С.Ю. Витте, они должны были бы хотя бы отчасти снизить градус общественного напряжения, породившего политический кризис. «Если бы правительство многие годы систематически не занималось подобными упражнениями, если бы правительственные люди не душили бы без разбора разума и сердца, – всё, хотя России и неопасное, – но им неудобное и несимпатич-

---

[1] *Бобринский А.А.* Дневник // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 892. Л. 151 об.

[2] (*Тихомиров Л.А.*) 25 лет назад: Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 2. С. 52.

[3] Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1930. № 6. С. 102.

[4] [*Святополк-Мирская Е.А.*] Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. С. 267.

[5] Там же. С. 266.

[6] ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 24. С. 1196–1198. См.: Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в. Т. 3. С. 253–255.

ное, – то правительство ныне имело бы, кроме большой обезумевшей толпы, кричащей нам “пошли вон” – и тихую, меньшую толпу, которая бы изрекала бы этот возглас не по отношению правительства, а к этой обезумевшей толпе», – писал Витте Победоносцеву 25 декабря 1904 г.[1] К непосредственной подготовке реформ приступили уже в конце декабря, в том числе и к реформе Сената с предоставлением ему большей самостоятельности. В связи с этим же С.Ю. Витте ставил вопрос о недопустимости высочайших повелений, которые не проходили бы обсуждение в Государственном совете[2].

Предсказание Святополк-Мирского сбывалось с сильным опережением. Не через полгода, а через два месяца император согласился на созыв законосовещательного представительства, а менее чем через год царь подписал Манифест 17 октября, провозглашавший созыв законодательной Думы. Россия стремительно, за считанные месяцы входила в революцию. От прежней стабильности не оставалось и следа. Происходила эскалация настроений и нарастание ожиданий. Волна радикализма подхватила и бюрократию. 8 ноября 1904 г. К.Ф. Головин писал Святополк-Мирскому: «Наиболее существенная опасность, как мне кажется, не в открытых манифестациях оппозиционного характера, ни даже в уличных беспорядках, – она в том полном отсутствии поддержки и сочувствия, какое правительство встречает повсюду, даже среди тех общественных классов, которые естественно призваны поддерживать существующий им порядок»[3]. Высшие сановники империи неожиданно для многих оказались оппозиционерами, требовавшими смены политического режима. Более того, они стали важнейшими участниками революции. Это была одна из многих «ахиллесовых пят» «старого режима», который надеялся забыть о политике, но которого политика настигла врасплох.

* * *

Ограниченность публичного пространства для политической активности в России рубежа веков вовсе не отменяла политику в принципе. Она загоняла ее в «подполье», придавала ей конспирологический характер даже среди представителей высшей бюрократии. В итоге слабо улавливаемый политический подтекст присутствовал даже при обсуждении законопроектов в чиновничьих коллегиях (на-

---

[1] Переписка С.Ю. Витте и К.П. Победоносцева // Красный архив. 1928. № 5. С. 107.

[2] Там же. С. 268.

[3] Письмо К.Ф. Головина П.Д. Святополк-Мирскому 08.11.1904 // ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 609. Л. 1 об.

пример, в Государственном совете). Политические проекты, альтернативные существовавшему, вынашивали порой самые одиозные (разумеется, для общественного мнения) сановники империи. К моменту же обострения политического кризиса 1904–1905 гг. убежденность в необходимости Реформы в России способствовала складыванию консенсуса в чиновничьей среде, представители которой в значительной своей части были не готовы отстаивать правящий режим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«С обществом, у которого нет костей, которое, по выражению [В.С.] Соловьева, представляет собой мокрое сено, ничего не поделаешь. Для него напрасны все преобразования прошлого царствования, которых весь смысл заключался в том, чтобы дать обществу возможность стать на свои ноги»[1]. В 1885 г. эти слова Б.Н. Чичерина могли показаться справедливыми. Однако политическая жизнь конца XIX в. разворачивалось на фоне общественной самоорганизации, поиска новых институциональных форм. Складывались союзы, протопартии и даже партийные объединения. Это был новый вызов для власти, который, судя по всему, не вполне ясно ею осознавался. Могло показаться, что бурная общественная жизнь рубежа веков – «морская пена» на поверхности «мирового океана». Она ничего не значит, когда народ остается верен многовековым устоям российской жизни. Впрочем, в пользу этого утверждения не было никаких убедительных аргументов.

И представители властных кругов, и общественность апеллировали к стихиям неведанной страны, которая в скором будущем должна была расставить все точки над i: то ли сокрушить крамолу, доказав безусловную преданность престолу, то ли отказаться подчиняться ненавистному правительству. Отсутствие ясных ответов давало почву для фантазий. Уже в период Первой революции, 11 июля 1905 г., чиновник Министерства иностранных дел А.А. Гирс писал бывшему министру внутренних дел князю П.Д. Святополк-Мирскому: «Борющиеся элементы – власть, общество и анархисты – все в одинаковой мере возлагают надежды на содействие темной силы, каковой представляется крестьянская масса, и всякий по-своему на нее указывает. А сила эта в свое время воспроизведет в разных пунктах нашей не-

---

[1] Письмо Б.Н. Чичерина А.В. Станкевичу, 1885 // ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 304. Л. 20 об. Б.Н. Чичерин не верил в перспективы русского общества и в дальнейшем. 7 марта 1899 г. он писал Д.А. Милютину: «Наверху – совершенно неспособные лица, правительство, состоящее из людей, преследующих только личные цели; равнодушное и раболепное общество... революционная молодежь и нищенствующее кликушество – что может выйти из таких элементов» (Письмо Б.Н. Чичерина Д.А. Милютину 07.03.1899 // ОР РГБ. Ф. 169. К. 77. Д. 54. Л. 4).

объятной и неустроенной России не одну, а десятки самых разных пугачевщин, чему примеры уже налицо»[1].

Высшая бюрократия весьма приблизительно представляла население страны, его хозяйственную жизнь. Не случайно, что наиболее влиятельным руководителем ведомств был министр внутренних дел. Докладывая тот или иной вопрос императору, он оперировал информацией, собранной всей местной администрацией, которая была подчинена лично ему, подотчетным ему корпусом жандармов и, наконец, материалами перлюстрации. Иными словами, он мог с уверенностью сказать, что именно в его руках была вся информация о жизни России «на местах», которой располагало правительство[2].

Однако мог ли он вполне доверять этим сведениям и мог ли он их верно интерпретировать? Как писал П.А. Валуев, сам имевший немалый административный опыт, «все правительственные инстанции уже ныне более заняты друг другом, чем сущностью предметов их ведомства. Высшие едва успевают наблюдать за внешней правильностью действий низших инстанций; низшие почти исключительно озабочены удовлетворением внешней взыскательности высших... Управление доведено по каждой отдельной части до высшей степени централизации; но взаимные связи этих частей малочисленны и шатки...»[3] Иными словами, российская централизация покоилась на шатких основаниях. Жесткая бюрократическая форма создавала видимость всеобщего порядка, скрывая при этом содержание социальных процессов, о которых можно было только догадываться.

Насколько чиновничество гордилось своим знанием делопроизводства, настолько оно комплексовало перед теми, кто претендовал на знание реалий местной жизни. Это объясняло и авторитет земства, и желание привлекать на государственные посты людей дела, как, например, С.Ю. Витте. Последний чувствовал свое преимущество перед петербургскими «канцеляристами» и не боялся смеяться над ними, подчеркивая их практическую беспомощность. В 1903 г. С.Ю. Витте поставил вопрос о порядке ревизии учреждений мелкого кредита. По его мнению, от этого процесса следовало устранить местную администрацию, не слишком компетентную в финансовых вопросах и способную своим неаккуратным поведением полностью дискредитировать кредитное учреждение. Согласно отстаиваемой им точки зрения, ревизией должны были заниматься специальные финансовые

---

[1] Письмо А.А. Гирса П.Д. Святополк-Мирскому 11.07.1905 // ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 605. Л. 13 об. – 14.

[2] Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX в. Документы и мемуары государственных деятелей. С. 219.

[3] *Валуев П.А.* Дума русского во второй половине 1855 года // Русская старина. 1893. Кн. 9. С. 510.

органы. Против этого восстали многие члены Государственного совета: например, барон А.А. Икскуль фон Гильденбандт или товарищ министра внутренних дел А.С. Стишинский. Последний с особым пафосом говорил о том, что проектируемая мера приведет к падению авторитета губернаторской власти, который должен пользоваться самыми широкими полномочиями на местах. После Стишинского слово взял Витте. Он поблагодарил Стишинского за то, что тот своей речью удержал министра финансов от необдуманного шага: «Хорошо, что я не высказался до того, как заговорил Александр Семенович [Стишинский]. Ведь я готов был уступить. А теперь уже ни в каком случае не уступлю. Я все-таки допускал, что у губернской власти существует какое-нибудь понятие о кредитном деле. А в таком случае, почему бы и не допустить эту власть до ревизии мелкого кредита? Но после речи Александра Семеновича мне стало ясно, что я ошибался. Ведь из этой речи видно, что Александр Семенович не только ничего абсолютно о кредитном деле не знает, совершенно его не понимает, но никогда и не думал о нем! А ведь Александр Семенович – человек высокого служебного положения, большого государственного опыта, товарищ министра внутренних дел, бывший товарищ государственного секретаря. И он ничего, так-таки ничего в кредитном деле не понимает. Чего же можно ожидать от губернаторов? Теперь, благодаря Александру Семеновичу, я совершенно убежден в том, что им ни в коем случае не может быть предоставлено право ревизии мелкого кредита. И от этого я уже не отступлюсь. Лучше возьму свой проект назад, как бы остро ни ощущалась на местах надобность в проектированной мере»[1].

Неуверенность в себе петербургского чиновничества объяснялась в том числе и отсутствием сети правительственных учреждений на местах. Административная вертикаль дальше губернского города практически не шла[2]. Уездный исправник выполнял полицейские

---

[1] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел. С. 127–128.

[2] В записке директора Государственного банка А.П. Никольского от 30 октября 1899 г., в частности, говорилось: «Как ни странно может это показаться с первого взгляда, но вне всяких сомнений тот факт, что в нашем местном быту органы общей правительственной администрации начинаются прямо с губернского управления. В уезде имеется множество разнородных правительственных, общественных и сословных учреждений, но органов общего управления нет, – нет в уезде ни одного правительственного учреждения, которое представляло бы что-нибудь похожее на объединяющий уездные власти центр, коим в губернской администрации в большей или меньшей степени является губернатор» (*Никольский А.П.* Записка «Схема объединения местных властей в земских губерниях» // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 193. Л. 2). В связи с этим князь В.П. Мещерский писал Александру III в апреле 1885 г.: «Кто не приедет из провинции, тот непременно жалуется на недостаток порядка в провинции, а недостаток

функции и делами управления не занимался. Предводитель дворянства и земские начальники, на которых были возложены административные дела, государственными служащими в полном смысле этого слова не являлись[1]. Земство же находилось в трудных отношениях с губернаторской властью. И положение самого губернатора было далеко не простым. В годы Великих реформ появился новый суд, органы местного самоуправления, новые финансовые учреждения. Все это существенным образом умаляло власть «начальника губернии», в то время как самого института губернаторской власти реформы не коснулись. В итоге на вопрос о сфере компетенции губернатора сложно было дать определенный ответ[2].

порядка происходит, по мнению всякого провинциала, от недостатка власти. И с каждым днем ощущение этого недостатка власти становится сильнее. Сильнее становится потребность в Самодержавии на месте, в провинции. Там его нет, там царствует полное разновластие. Губернатор доселе – ничего своею властью не может. Нет начальника в губернии, и еще менее есть начальник в уезде» (*Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. С. 147).

[1] А.П. Никольский по этому поводу писал: «Самым важным должностным лицом в уезде является предводитель дворянства – должность сословно-выборная, стоящая вне местной правительственной администрации, не только уездной, но и губернской. В самом деле: предводитель дворянства председательствует в административных заседаниях уездного съезда, в земском собрании, в присутствии по воинской повинности, в училищном совете и в разных других постоянных и временных административных коллегиях, через которые направляются все важнейшие дела уездной жизни. Между тем предводитель дворянства – отнюдь не правительственный чиновник, и по способу своего назначения и увольнения гораздо больше зависит от воззрений и оценки уездного сословно-дворянского общества, чем от воззрений и оценки правительственной власти.

Таким образом, в уездном управлении важнейшим деятелем с широкими правами и с большим влиянием на весь ход дела этого управления является не правительственное должностное лицо, а лицо, прямо правительству не подчиненное и в значительной степени по отношению к нему самостоятельное, по самому источнику своих полномочий обязанное считаться гораздо более с настроением, воззрениями и потребностями своих избирателей, чем с видами правительственной политики и с теми задачами, которые правительство намечает для своей деятельности в местном быту» (*Никольский А.П.* Записка «Схема объединения местных властей в земских губерниях» // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 193. Л. 2).

[2] Записка В.К. Плеве о необходимости расширения и усиления власти губернаторов 02.10.1902 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2351. Л. 3. См.: *Robbins R.G.* The tsar's viceroys: Russian provincial governors in the last years of the empire. Ithaca, 1987. P. 17–19. По словам С.Е. Крыжановского, «Как общий представитель высшей власти губернатор имел в принципе надзор за всеми административными учреждениями и должностными лицами гражданского ведомства и право производить во всех этих учреждениях, кроме контрольных палат и учреждений таможенных, “общую и внезапную ревизию”, но степень власти его в отношении этих учреждений была далеко не одинакова. С предложениями об устранении обнаруженных беспорядков он мог обращаться только к Казенной палате и Управлению государственными имуществами, а также к

Кроме того, губернатор не был надежным источником информации о положении дел в своем регионе. Ежегодные губернаторские отчеты соответствовали требуемой форме, но немногое сообщали о жизни губернии. Зачастую ее начальник, понимая, что его текст не читают[1], по словам Н.Н. Покровского, не утруждал себя подготовкой отчета. Каждый год он посылал в Петербург практически одни и те же фразы и цифры. Тот, кто стеснялся это сделать, старался узнать в столице, какой отчет желали получить министры, и по мере возможности пытался удовлетворить их пожелания[2].

Отсутствие полноценной власти на уровне уезда ни для кого не было секретом. Об этом был поставлен вопрос еще в самом начале царствования Николая I, в Комитете 6 декабре 1826 г. Неоднократно эта проблема поднималась в годы правления Александра III. Однако и тогда появлялись противники создания уездной администрации:

Акцизному управлению; по другим учреждениям он мог лишь поставлять на вид и доводить до сведения их высшего начальства. Как орган Министерства внутренних дел губернатор, в качестве высшего начальника общей полиции, становился до известной степени в зависимое положение от других ведомств, для коих полиция служила исполнительным агентом по приведению в действие их распоряжений; так, например, на губернаторе лежал надзор за своевременным поступлением казенных налогов и сборов, меры по взысканию недоимок и т. п. В результате такой неопределенности положения губернатор даже в пределах своего ведомства – Министерства внутренних дел – не объединял всей полноты власти, ибо часть полиции, а именно жандармская, была фактически изъята из его ведения и подчинена непосредственно центральному управлению. Губернатор не только не бывал достаточно осведомлен о действиях политической и железнодорожной полиции, но даже как бы сам оказывался под ее наблюдением и, случалось, принужден был вести с нею борьбу, из которой далеко не всегда выходил победителем» ([*Крыжановский С.Е.*] О характере государственного строя в России (из записок С.Е. Крыжановского 1926 г.) // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 20).

[1] *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 240, 504.

[2] В воспоминаниях Н.Н. Покровского, в частности, говорится: «В очень редких случаях эти отчеты являлись интересным изложением самостоятельных взглядов их авторов. Замечательно еще и то, что лучшие отчеты, по интересному их изложению, исходили далеко не всегда от лучших и наиболее опытных губернаторов. Обыкновенно новый губернатор считал нужным написать что-либо новое и интересное, надеясь привлечь к себе внимание Государя и высшего правительства. Но умудренный опытом начальник губернии хорошо знал, что многого от этого способа ждать не приходится, отметки же беспокоят министров и могут вызвать их неудовольствие против самого губернатора. Познав тщету отчетов, многие губернаторы по возможности сохраняли их изложение, а некоторые доходили до того, что ежегодно писали слово в слово одно и то же, изменяя только цифры и даты. Другие, стеснявшиеся доходить до такой простоты, обыкновенно раньше, чем представлять отчет, при своих посещениях Петербурга выясняли здесь в министерствах виды высшего правительства и вопросы, которые желательно для него поднять в отчете, и тогда уже об этом писали» (*Покровский Н.Н.* Воспоминания последнего министра иностранных дел Российской империи. М., 2015. С. 69–70).

например, граф Д.А. Толстой, полагавший, что подобное нововведение было несогласно с русской историей. Наконец, проект реформы местного управления был подготовлен правительством П.А. Столыпина уже в начале XX в. Но из этого ничего не вышло. Власть продолжала видеть своих подданных на весьма значительном расстоянии. Все это позволяло в столице регулярно повторять мысль, что в России нет власти, внушающей доверие обществу[1].

В этой ситуации трудно было предсказать, как будет работать тот или иной закон. Порой это становилось сюрпризом для законодателя. Так, например, случилось с новым Земским положением 1890 г. Оно должно было создать послушное дворянское земство, подчиненное губернаторской власти. В действительности же реформированные органы местного самоуправления оказались настроены более оппозиционно, чем это было прежде.

Администрации оставалось лишь удивляться тому, что происходит в стране. Так случилось и осенью 1891 г., когда многие губернии охватил голод. 19 октября А.А. Абаза рассказывал Половцову: «В Петербурге все министры поражены отчаянием по поводу обнаружившегося во многих губерниях голода... никто не имеет ясного убеждения о том, что делать, но что все предлагают самые дикие мероприятия»[2]. Одно из них в итоге состоялось, когда был запрещен вывоз зерна из России. Впрочем, это было не самое радикальное предложение со стороны высших сановников империи. По сведениям И.Н. Дурново, К.П. Победоносцев предлагал установить твердые цены на хлеб и реквизировать имевшиеся хлебные запасы[3]. И.А. Вышнеградский выступил с инициативой учредить налог на урожайные местности[4]. Эта «решительность» свидетельствовала об утрате управляемости ситуацией. Столкнувшись с серьезной проблемой, высшая бюрократия зачастую впадала в панику.

«Я глубоко убежден, что нынешнее бедствие сыграет роль Крымской войны и также явится лучшей критикой и лучшей оценкой нынешнего regime'а и направления теперешних реформ», – писал 1 сен-

---

[1] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 448–449.

[2] Там же. С. 409.

[3] В связи с этим А.А. Половцов вспомнил случай из царствования Николая I: «При Николае Павловиче, который был приверженец крутых мер, был в 1840 г. голод, и хлеб дошел до цены 45 руб. за четверть. Государю донесено было, что помещик Тамбовской губернии Шиловский имеет запасы и объявил, что станет продавать их, когда цена дойдет до 50 руб. Николай Павлович ограничился тем, что приказал обязать Шиловского подпиской, что ниже 50 руб. хлеба своего продавать не будет» (*Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 416).

[4] Там же. С. 416.

тября 1891 г. ученый и общественный деятель В.И. Вернадский своей супруге[1]. Слова были пророческие. Ведь вместе с дезорганизацией (пускай временной) власти происходила организация общества[2]. По подсчетам американского историка Т. Эммонса, большинство лидеров партии кадетов (52 %) родилось между 1865 и 1870 г.[3], соответственно, свою взрослую жизнь они начали в пору кампании помощи голодающим. Показательно, что во главе конституционно-демократической партии окажутся те, для кого борьба с голодом 1891–1892 гг. стала первым этапом общественной деятельности.

События 1891 г. были лишь предвестником будущего масштабного кризиса Первой революции. Лишенная ясных ориентиров администрация терялась при быстрой смене декораций. Тогда сказывались все ее родовые черты: отсутствие политической консолидации, популярные в чиновничьей среде оппозиционные настроения и одновременно с тем органическая неспособность к стратегическому мышлению. Все это само по себе становилось важнейшим фактором дестабилизации положения в стране. В январе 1905 г. министр земледелия А.С. Ермолов видел в этом одну из причин трагедии «Кровавого воскресенья»: «В том, что произошло, виновато правительство, виноваты мы, Ваши министры. Но что же мы могли сделать при настоящем строе нашей государственной организации, при котором в действительности правительства нет, а есть только отдельные министры, между которыми, как по клеточкам, поделено государственное управление. Каждый из нас знает свою часть, но что делают другие министры, иногда даже в области совершенно однородных дел, мы не знаем и не имеем никакой возможности узнать»[4].

Ермолов говорил императору то, что повторяли высокопоставленные сановники уже 50 лет. Однако за это время немногое измени-

---

[1] *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской, 1889–1892 / сост. Н.В. Филиппова; отв. ред. В.Б. Левшин. М., 1991. Кн. 2. С. 181.

[2] Согласно воспоминаниям И.И. Петрункевича, «всем было ясно, что только вмешательство общества в виде оказания помощи голодающим могло поправить дело, для чего необходима агитация при участии газет и собраний, хотя бы не публичных, для которых требовалось разрешение администрации, той самой администрации, которая смотрела на вмешательство общества как на вторжение в ее прерогативы» (*Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. Т. 21–22. М., 1993. С. 275–276).При этом согласно выводам американского исследователя Р. Роббинса действия правительства в условиях голода 1891–1892 гг. были сравнительно эффективны и слажены. Это был уникальный случай взаимодействия общественности и бюрократии (См.: *Robbins R.G.* Famine in Russia, 1891–1892: The imperial government responds to a crisis. N.Y., 1975).

[3] *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the first National Elections in Russia. Cambridge, 1983. P. 71.

[4] Записки А.С. Ермолова // Красный архив. 1925. Т. 8. С. 54.

лось. Некоторые бюрократы, верно диагностируя болезнь, не имели лекарств для ее лечения. Они предлагали начать перестройку государственного здания, продолжая жить в нем, что, конечно, немногих могло устроить. Чиновничество, вроде бы готовое к реформам, держалось за status quo, частью которого оно являлось. Весьма наблюдательному мемуаристу Н.Н. Покровскому символичной казалась сама фигура видного государственного деятеля Д.М. Сольского: «Большая, умная голова с высоким лбом и окладистой седой бородой возглавляла довольно грузное тело, едва державшееся на двух подагрических ногах и двух палках, на которые он опирался и без которых не мог ходить. Поистине, это было олицетворение приходившего к концу нашего государственного строя: наверху очень просвещенное, умудренное опытом и вместе равнодушное к жизни правящее общество, опирающееся на безразличное, огромное государственное тело, которое, в свою очередь, держалось на крайне ненадежных низах: подкосились ноги, и упало грузное тело и мудрая голова»[1].

Действительно, Сольский сам по себе – своего рода символ. Половцов его «хоронил» еще в начале 1890-х гг., считая недееспособным. Однако впереди у Сольского было еще много карьерных свершений. Он возглавил Департамент экономии Государственного совета, Комитет финансов, под его руководством шла подготовка конституционной реформы в 1905 г. Наконец, в 1905–1906 гг. Сольский являлся председателем Государственного совета, т. е. занимал высший государственный пост в Российской империи. Вместе с Сольским и вся российская бюрократия продемонстрировала удивительную живучесть.

Разговор о поздней Российской империи обычно сводится к вопросу: почему она пала в 1917 г.? Вопрос можно поставить по-иному: почему столь сложно организованное, внутренне противоречивое образование так долго существовало и даже динамично развивалось на протяжении XIX – начала XX в.? Почему бюрократия, опираясь на

---

[1] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. С. 51. В.Н. Коковцов вспоминал, что Д.М. Сольский был единственным членом Государственного совета (до назначения министром финансов Э.Д. Плеске), который не мог самостоятельно подняться по лестнице Мариинского дворца на второй этаж и был вынужден пользоваться лифтом (*Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. С. 31). По словам А.Н. Куломзина, «нигде Сольский ничем не отличался, кроме удивительного умения постоянно ставить свои паруса по ветру. Нельзя ему отказать в известной чиновничьей старательности и способности в быстроте, с которой он схватывал чужие мысли и складно их излагал... Что касается политических убеждений Сольского, то в этом отношении он, как и большинство наших государственных людей последнего пятидесятилетия, совершил весь кругооборот, которому подверглись все руководящие наши сферы» (*Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. С. 420–421).

столь шаткую основу, продолжительное время справлялась с задачами управления страной, несмотря на социальные, экономические, политические, национальные, международные конфликты? Причина удач, равно как и поражений, российского управленческого класса будет крыться в одних и тех же его качествах: корпоративном единстве, аполитичном профессионализме, административной фантазии, самоуверенности квалифицированного юриста. Чиновничество преимущественно жило в «зазеркалье», где тоже все не было вполне упорядочено, зато практически все было известно. По крайней мере, «зазеркалье» существовало согласно Своду законов Российской империи, а сама империя – не всегда. Она находилась в сложных отношениях с петербургским миром канцелярий и на рубеже веков все чаще стала напоминать о себе[1]. Столкнувшись с новой реальностью, российская бюрократия распалась на бюрократов, каждый из которых был представителем российского общества. Он читал либеральные газеты, разделял оппозиционные взгляды и порой даже мечтал о конституции. 1905 год стал временем неожиданных открытий. Так, все тот же Д.М. Сольский, старейший представитель российской высшей бюрократии, сановник, занимавший высший пост в империи, оказался сторонником конституции и ответственного перед Думой правительства. И в этом его поведение было тоже символичным.

В 1905–1906 гг. России суждено было измениться. В результате Первой революции появилась Государственная дума, а следовательно, выборы в представительное учреждение, объединенное правительство, легальные партии, свободная печать. Правда, как и прежде, новый порядок под давлением обстоятельств творила все та же бюрократия. Она это делала, опираясь на свой прежний опыт и отталки-

---

[1] Весьма показательно, как географически распределялись государственные расходы в Российской империи:

Регионы	За 1868–1876 гг.	За 1879–1892 гг.
Столичные губернии, в том числе:	50 %	52 %
Санкт-Петербургская	44 %	48 %
Московская	6 %	4 %
«Внутренние губернии» Европейской России	15 %	15 %
Окраины, в том числе	35 %	33 %
Кавказ	20 %	17 %
Окраины в Европейской России	11 %	11 %
Сибирь, Туркестан	4 %	5 %

Источник: Яснопольский Н.П. О географическом распределении государственных расходов России. Киев, 1897. С. 79.

См. также: *Антропов П.А.* Финансово-статистический атлас России. 1885–1895. СПб., 1898. Карты № 1, 3, 4, 5, 6.

ваясь от уже существовавших законов. Новый строй надстраивался над прежним, заимствуя все его противоречия и присовокупив к ним новые, прежде неизвестные.

* * *

Могло показаться, что Россия жила при незыблемом самодержавии, основанном на твердых началах законности, пользуясь всеми благами дарованных с высоты престола реформ. Таков был вывод большинства учебников по русскому государственному праву. При этом оставался вопрос, что понимать под «самодержавием», под «законом» и под «реформами». Однозначного ответа не было. Некоторые полагали, что самодержавие за последние два столетия утратило свою подлинную природу и нуждалось в обновлении; что в рамках существовавшей политической системы нельзя было определенно сказать, что такое закон; что и подлинная Реформа невозможна, т. к. предусматривает демонтаж правившего режима. Весьма распространенные ответы, популярные даже в чиновничьей среде, по умолчанию предполагали критическое отношение к существовавшему положению вещей. Главная же проблема заключалась в другом: политический язык конца XIX – начала XX в. состоял из двусмысленностей, которые скорее могли служить риторическими фигурами, а не правовыми понятиями. Благодаря этому в России не было четкой иерархии нормативных актов, ясно прописанной процедуры принятия законодательных решений.

Существовавший правовой порядок критиковали у самого подножия престола. Как-то Александр III спросил близкого ему человека О.Б. Рихтера: «Я чувствую, что дела в России идут не так, как следует; я знаю, что вы мне скажете правду; скажите, в чем дело?» «Государь, – отвечал Рихтер, – Вы правы; дело в том, что у нас есть страшное зло – отсутствие законности». «Но я всегда стою за соблюдение законов и никогда их не нарушаю», – возразил император. «Я говорю не о Вас, а об нашей администрации, которая слишком часто злоупотребляет властью, не считаясь с законами». – «Но как же вы себе представляете положение России»? Отвечая на этот вопрос, Рихтер прибег к метафоре: «Я... представляю себе теперешнюю Россию в виде колоссального котла, в котором происходит брожение; кругом котла ходят люди с молотками, и когда в стенах котла образуется малейшее отверстие, они тот час его заклепывают, но когда-нибудь газы вырвут такой кусок, что заклепать его будет невозможно, и мы все задохнемся...» Царь застонал...[1]

---

[1] *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. С. 166. Характерно, что в 1905 г. О.Б. Рихтер был безусловным сторонником учреждения Земского собора (*Бентковский А.К.* Дневник // Ф. 218. К. 558. Д. 1. Л. 39).

Без «предохранительного клапана» с неизбежностью сталкивались традиционалистский миф самодержавия и необратимые модернизационные процессы, захватывавшие в том числе и сферу управления страной. Сама мифология власти предполагала максимальную ее концентрацию в руках монарха. В то же самое время постоянная «технологизация» управления вела к дифференциации функций чиновников, их профессионализации. Они порой становились носителями уникальных знаний, навыков, опыта, предоставлявшим им, в сущности, монопольное право принимать (или, по крайней мере, готовить) решения общероссийской значимости. Управленческие вызовы рубежа веков выдвигали на авансцену государственной жизни технократов, которые при этом не могли претендовать даже на толику политической власти. При таких обстоятельствах государственная жизнь неминуемо деполитизировалась. Она обращалась в большую «канцелярию», работавшую в соответствии с чаще всего неписаными правилами рутинного делопроизводства. Такой устойчивый бюрократический порядок обладал характерными чертами: а) процедура принятия решений была хаотизирована; в ней не было очевидных «полюсов»; взаимодействие институций отчасти напоминало «броуновское движение»; б) в этой системе отношений не было места политическому проектированию, а следовательно, и политикам в традиционном понимании этого слова. Говоря словами М. Фуко, в данном случае можно констатировать наличие особой дисциплинарной власти, доминировавшей в «управленческой корпорации» и подавлявшей волю каждого из ее представителей. В историографии есть термин «мнимый конституционализм»[1]. Его используют применительно к политическим процессам в России в 1906–1917 гг. Этот термин спорен и вызывает немалые сомнения. Пожалуй, с бóльшим основанием можно говорить о «мнимом авторитаризме», имевшим место в России до 1905–1906 гг.

Политическая и правовая «стилизация» весьма характерна для России рубежа столетий. О «мнимостях» в политике писали государственные мужи и публицисты разных направлений. Например, в начале XX в. А.С. Изгоев писал о предыдущем царствовании так: «Реформы Александра II решительно поставили Россию на обычный европейский путь культурного развития, превращения в буржуазное правовое государство. Царствование Александра III в самом существенном не свело, да и не могло свести страну с этого пути. Но, продолжая строить железные дороги, развивать промышленность, перестраивать натуральное народное хозяйство на меновое, правящие слои этого царствования все свои интеллектуальные силы отдали на

[1] *Вебер М.* О России: Избранное. С. 41–42.

создание фикции, будто на самом деле Россия продолжает оставаться старинной национальной монархией чуть ли не допетровского времени. Уже буржуазное по существу государство хотело казаться славянофильским по форме»[1]. Это отмечали многие, даже высшие сановники империи. Например, государственный контролер Т.И. Филиппов говорил о «мельхиоровом»[2] патриотизме К.П. Победоносцева[3].

Более или менее налаженная работа высших законосовещательных учреждений империи создавала иллюзию упорядоченности законотворческого процесса. В действительности же правительственные коллегии не дополняли друг друга, а конкурировали между собой. Оказывалось, что государственный аппарат в России рубежа столетий представлял собой не цельный механизм, а совокупность не во всем согласованных деталей. Существовавшим зазором между ними с успехом пользовались как частные лица, так и группы интересов. К этому можно прибавить непрерывные столкновения министерств, чьи руководители были вправе думать лишь о собственных, ведомственных, интересах. В статье 1895 г. В.В. Розанов сравнил государственный механизм империи с опрокинутым паровозом, «у которого колеса еще вертятся, “машина идет”, а сам паровоз никуда уже не идет»[4].

Решения, принимаемые в рамках такой политической системы, – следствие не целенаправленной политики, а сложного, во многом непредсказуемого баланса сил. И.Л. Горемыкин утверждал, что общество в России – это «людская пыль». Перефразируя его можно утверждать, что правительство – это «бюрократическая пыль», связанная воедино благодаря общим алгоритмам поведения, характерным для чиновничества. Если политика Нового времени традиционно основывается на доверии и солидарности[5], то российская политика в значительной мере строилась на дефиците такого доверия: доверия ведомств друг к другу, доверия императора к чиновничеству, доверия бюрократии к обществу, а общества к бюрократии, доверия к той информации, которая была в распоряжении у правительства.

---

[1] *Изгоев А.С.* П.А. Столыпин: Очерк жизни и деятельности // *Изгоев А.С.* Рожденное в революционной смуте. М., 2017. С. 189–190.

[2] То есть фальшивом, не серебряном. Мельхиор – сплав меди и никеля, часто используется вместо серебра.

[3] *Фетисенко О.Л.* «Ревнители охранения обуреваемых святынь». О переписке К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова // Пророки византизма. СПб., 2012. С. 39.

[4] *Розанов В.В.* О подразумеваемом смысле нашей монархии. С. 14.

[5] См.: *Хоскинг Дж.* Доверие. История / пер. с англ. П.С. Бавина, Е.С. Володиной, Л.Ю. Пантиной, А.Ю. Петрова. М., 2016.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаза А.А. 4, 72, 93, 103, 111, 115, 118, 119, 127, 146, 155, 156, 190, 200, 202, 222, 263, 265, 270, 284, 286, 337
Абаза А.М. 166, 204, 214
Абаза Н.С. 241, 297
Агамбен Дж. 100
Адлерберг А.В. 96
Азеф Е.Ф. 318
Аксаков И.С. 29, 38, 39, 44, 74, 75, 118, 218
Аксаков Н.П. 44
Александр I 13, 54, 61, 136, 201
Александр II 4, 8, 32, 40, 50, 65, 72, 80, 90, 91, 97, 129, 140, 153, 160, 173, 180, 185, 204, 235, 276, 278, 342
Александр III 6–8, 14–17, 41, 42, 47, 55, 56, 59, 60, 62, 64–75, 77–80, 82–85, 88, 89, 91–93, 95–97, 99, 111, 114, 118, 119, 122–127, 132, 135, 137, 138, 141, 144, 146–149, 152–155, 158, 159, 161–163, 171–173, 178, 180–183, 185, 189–191, 200, 203, 204, 212, 219, 225–227, 234, 237, 239, 247, 260, 261, 264–269, 271–273, 275, 283–292, 294, 299, 301, 305, 334–336, 341, 342
Александр Михайлович, вел. кн. 329
Алексеев А.С. 14
Алексеева Т.А. 12
Алексеенко М.М. 130
Алексей Александрович, вел. кн. 92, 289, 328
Алмонд Г. 12
Ананьич Б.В. 42, 89, 295, 316
Анастасьев А.К. 293
Анашвили В.В. 21
Андреев Д.А. 43
Андреева Е.Н. 313
Анреп В.К. 130
Антонов М.В. 100
Антонович А.Я. 295
Антропов П.А. 340
Арбузов А.Д. 134
Ардашев П.Н. 207
Арнаутова Ю. 19
Арсеньев К.К. 301
Арсланов Р.А. 59
Арцимович В.А. 241
Ахлестышев П.Д. 302

Бабаева Е.Э. 11
Бавин П.С. 343
Бадалян Д.А. 29
Бальмонт К.Д. 282
Баранов Н.М. 42
Баранов Э.Т. 48, 146, 156, 202
Барк П.Л. 17, 291, 293
Барковец О.Н. 283
Барсуков Н.П. 323
Бартенев Ю.П. 99
Барыков Ф.Л. 235
Барятинский В.А. 84
Бахрушин А.А. 18
Бахрушин С.В. 74
Бахтин Н.И. 169
Бедекер Х.Э. 19
Безак Н.А. 220
Безобразов А.М. 166
Безобразов В.П. 88, 126, 141, 242, 287
Беккер С. 235
Бельгард А.В. 17, 312, 313
Белых А.А. 42, 93
Беляев Д.А. 105
Беляев М.М. 11, 280
Беляев С.Г. 85
Бенкендорф П.К. 85
Беннигсен (Bennigsen) Э.П. 51, 130
Бентковский А.К. 30, 229, 321, 341
Берендтс Э.Н. 240
Берк П. 25
Бехтеев С.С. 104
Бикбов А. 11
Бисмарк Г. 286
Бисмарк О. 88, 286
Блоин Ф. 9
Блок М. 10
Блудов Д.Н. 45
Блосфельдт Г.Э. 50, 51
Блюш Ф. 23, 42
Бобриков Н.И. 87, 205
Бобринский А.А. 5, 6, 17, 133, 212, 321, 327–329
Богданович А.В. 4, 17, 79, 134, 142, 197, 205, 213, 218, 219, 263, 321, 324
Богданович Е.В. 301, 321
Богдановичи 301, 321
Боголепов Н.П. 86, 89, 114
Богучарский В.Я. 17, 326
Боден Ж. 24
Бойцов М.А. 25, 100
Боришполец К.П. 12
Бородин А.П. 71
Боткин П.С. 224
Будберг А.А. 17, 76
Буксгевден А.И. 38
Булгаков С.Н. 58
Булыгин А.Г. 86, 89, 90, 215, 270, 298
Бунге Н.Х. 48, 66, 103, 119, 146, 147, 156, 189, 190, 199, 202, 203, 215, 216, 232, 237, 238, 261, 283, 284, 291, 293, 294

Бурдье П. 9, 11, 16, 21–23, 100
Быстров В.Ю. 21
Бэкон Ф. 55

Вайнгаст Б. 12
Валуев П.А. 7, 17, 38, 40, 45, 64, 79, 80, 90, 116, 128, 129, 151, 152, 182, 184, 202, 211, 226, 314, 333
Валь В.В. 293, 318, 320
Вандалковская М.Г. 40, 323
Ванновский П.С. 86, 87, 114, 117, 156, 163, 209, 210, 225–227, 293
Васильев А.А. 107
Васильчиков Б.А. 105, 321
Васильчиков Г.И. 105
Васильчиков И.В. 137
Васнецов В.М. 70
Ватаци Э.А. 134
Вебер М. 22, 24, 25, 101, 110, 229, 230, 245, 246, 342
Вебер Мар. 229
Велио И.О. 242
Величенко С. 106, 107, 113
Вельяминов Н.А. 17, 78, 83, 84, 119, 217
Вернадская Н.Е. 338
Вернадский В.И. 26, 338
Веселовский Б.Б. 121, 298
Веселовский К.Н. 230
Визгин В.П. 11
Вилан (Whelan) Х. 14
Витте М.И. 230
Витте (Witte) С.Ю. 17, 32, 57, 66, 70, 73, 76, 83, 86, 89, 94–100, 104, 118, 119, 121, 126, 127, 129, 130, 135, 137, 146, 156, 157, 164, 165, 185, 186, 188, 190, 202, 203, 206, 216, 217, 218, 219, 228, 229–231, 235, 236, 239, 242, 257, 276, 277, 279, 280, 290, 292–296, 299, 300, 302–305, 307, 308, 311, 312, 316–318, 321, 327–330, 333, 334
Вишняков А.А. 257
Владимир Александрович, вел. кн. 59, 66, 77, 87, 96, 103, 161, 163, 164, 289, 328
Владимиров В.В. 257
Воейков Д.И. 37, 75, 209, 221
Волков В.В. 9, 19
Волконский С.М. 96, 97
Володина Е.С. 343
Володина С.Б. 24
Воронцов-Дашков И.И. 41, 63, 65, 73, 80, 82, 84–86, 114, 119, 125, 154, 156, 262, 292, 303, 328
Воронцова-Дашкова (Шувалова) Е.А. 84
Воропонов Ф.Ф. 30
Всеволжский И.А. 6, 171, 209, 210
Вымятнина Ю.В. 19
Вычугжанин А.Л. 233
Вышнеградский И.А. 41, 114, 115, 118, 126, 146, 147, 156, 162, 216, 226, 227, 247, 260, 268, 284, 290, 291, 337
Вяземский Л.Д. 118, 297

Гайдамак В.П. 22
Гайденко П.П. 22
Ганелин Р.Ш. 85, 89, 295, 316
Ганецкий И.С. 152
Ганфман М.И. 49, 50
Гаркуша И.О. 119
Гедда М.Ф. 241
Гейден А.Ф. 134
Гейден П.А. 17, 301, 303, 313, 326
Гейден С.М. 326
Генрих IV 90
Генрих VIII 106
Гербель С.Н. 17, 320
Герд Н.А. 326
Герье В.И. 273
Гессен В.М. 28, 130
Гессен И.В. 17, 130, 317, 323, 325
Гильденштуббе А.И. 153
Гиляров-Платонов Н.П. 218
Гирс А.А. 130, 332, 333
Гирс Н.К. 78, 88, 114, 115, 117, 156, 157, 160, 161, 163, 284
Глебов П.В. 297
Глинка Г.В. 177
Голечкова О.Ю. 16, 17
Голицын В.М. 4, 5, 17, 85, 212, 214, 299
Голицын Д.П. 178
Головин К.Ф. 4, 17, 37, 67, 103, 104, 129, 221, 233, 234, 236, 240, 273, 290, 301, 320, 330
Головин Ф.А. 297, 298, 312, 325
Головнин А.В. 17, 78, 163, 261, 284
Голохвастов П.Д. 74, 75
Голохвастова О.А. 75
Голубцов С.П. 285
Гольцендорф Ф. 279
Гончаров С.С. 301
Горемыкин И.Л. 38, 66, 96, 205, 214, 227, 231, 257, 297, 302, 303, 318, 343
Градовский А.Д. 4, 14, 46
Грейг С.А. 147, 156
Грессер П.А. 225
Григорьев С.И. 37
Грингмут В.А. 41, 295
Громова Л.П. 296
Гросул В.Я. 116
Грузинская (Безобразова) Е.А. 167
Гурко В.И. 17, 38, 65, 71, 76, 86, 98, 104, 121, 127, 134, 135, 136, 142, 144, 150, 152, 153, 157, 162, 164, 168–171, 174–177, 207, 214, 218, 227, 229, 230, 274, 277, 280, 296, 297, 301–305, 308, 309, 310, 312–314, 318
Гурлянд И.Я. 76, 295, 309
Гурьев А.Д. 135
Гутнов Д.А. 108
Гуттенберг И. 54
Гучков А.И. 77

Давыдов Н.В. 239
Давыдов Ю.Н. 22
Дамешек Л.М. 203
Данилевский И.Н. 46
Дедюлин В.А. 134
Делез Ж. 11
Делянов И.Д. 6, 42, 74, 89, 93, 94, 114, 117, 126, 153, 157–159, 166, 178, 183, 204,

207, 209, 210, 237, 261, 284, 285, 290
Дементьев Е. 276
Демин В.А. 175
Демчинский Н.А. 97
Дергачева Л.Д. 282, 296
Дерюжинский Н.Ф. 151
Диллон Э. 72
Динерштейн Е.А. 294
Дмитриев А.П. 7, 218
Дмитриев Т.А. 101
Дмитриев Ф.М. 297, 298
Добровольский Д.А. 46
Доде А. 105
Долбилов М.Д. 13, 15
Долгоруков П.Д. 58, 78, 275, 313, 319, 324
Дондуков-Корсаков А.М. 156
Дорошевич В.М. 295
Доррер В.Ф. 297
Дубенцов Б.Б. 41, 112, 114, 120
Дурново И.Н. 42, 65, 66, 117, 119, 159, 172, 183, 189, 199, 212, 219, 220, 227, 235, 269, 270, 274, 290, 292, 293, 337
Дурново (Durnovo) П.Н. 13, 71, 121, 214, 219, 225
Дурново С.Н. 79
Дьяков А.В. 11, 23
Дьяконова И.А. 71
Дякин В.С. 46

Евреинов А.Н. 301
Евсевий Кесарийский 171
Екатерина II 61
Еллинек Г. 22
Епанчин Н.А. 78, 82, 341
Ермолов А.С. 17, 82, 103, 104, 117, 133, 135, 164, 188, 218–220, 231, 297, 301, 303, 327, 328, 338
Ерошкин Н.П. 14, 239
Есипович Я.Г. 239, 285
Ефимов А.Б. 77

Жеденев 134
Железников В.А. 123, 179
Жувенвиль Б. де 22, 23
Жукова Л.А. 235
Жуковский П.В. 84
Журавлев В.В. 109

Зайончковский П.А. 13, 15, 37, 40, 41, 72, 95, 107, 110–113, 117, 235, 272, 273, 274
Зайцева А. 9
Зарецкий Ю.П. 19
Захарова Л.Г. 41, 212, 235, 259
Зверев Н.А. 87, 324
Зенгер Г.Э. 225, 293
Зиновьев А.Д. 133
Зиновьев Н.А. 309
Золотарев В.А. 119

Иванов А.А. 48
Иванов А.Е. 85
Иванов В.В. 280
Иванов И.Б. 78
Ивановский А.В. 115, 116, 123, 124, 217, 297
Иванюков И.И. 279
Игнатьев А.П. 133
Игнатьев Н.П. 37, 39, 68, 71, 72, 74, 75, 79, 80, 99, 155, 165, 209, 210, 221, 234, 242, 243, 247, 256, 271–273, 275, 314
Изгоев А.С. 342, 343
Икскуль фон Гильденбандт Ю.А. 164, 167, 169, 172, 178, 334
Ильин Н.В. 119
Ипполитов А.В. 6, 171
Истон Д. 12
Итенберг Б.С. 5

Йени (Yaney) Дж. 15, 48, 230, 271

Каблуков Н.А. 279
Кавтарадзе А.Г. 78
Казаков Р.Б. 46
Казем-Бек М. 66
Казначеев А.Н. 271, 272
Каминка А.И. 50
Канищева Е. 9
Канищева Н.И. 325
Канторович Э. 100
Каплун В. 9
Капнист П.А. 297
Картавцев Е.Э. 135, 216,
Карцов А.С. 290
Катков М.Н. 6, 37, 44, 73, 74, 75, 80, 88, 96, 119, 126, 158, 159, 166, 179, 181–184, 189, 190, 200, 211, 213, 226, 242, 247, 259–261, 283–290, 293, 294
Каубе Ю. 24, 25, 230
Кауфман А.Е. 295
Кауфман П.М. 178
Каханов М.С. 61, 62, 72, 126, 156, 220, 234, 263
Кельзен Г. 100
Кизеветтер А.А. 323
Кильдюшов О.В. 21
Кильштейн А.Г. 241
Киреев А.А. 17, 28, 34, 35, 44, 72, 73, 79, 82, 85, 86, 88, 91, 94, 97, 103, 104, 118, 119, 133, 138, 142, 166, 177, 183, 184, 188, 190, 216, 286, 292–294, 305, 314, 315, 318, 321, 323
Кирьянов Ю.И. 48
Киселев П.Д. 140
Клейгельс Н.В. 320
Клейнмихель М.Э. 118
Клопов А.А. 96, 97
Кобеко Д.Ф. 275
Ковалевский В.И. 17, 103, 121, 146, 216, 218, 226, 227, 274, 276, 316
Ковалевский Е.П. 131
Ковалевский М.Е. 156
Ковалевский М.М. 95
Ковальская Е.Ю. 77
Кодан С.В. 52
Козеллек Р. 19
Козлихин И.Ю. 22
Коковцов В.Н. 164, 172, 178, 190, 246, 297, 327, 328, 339
Кокошкин Ф.Ф. 22, 58

Коллман Н.Ш. 22
Колоницкий Б.И. 20
Кольбер Ж.Б. 93, 227
Колышко И.И. 6, 17, 86, 119, 212, 214, 228, 270, 293
Кондоиди Г.В. 323
Кони А.Ф. 41, 313
Констан Б. 33
Константин Великий 171
Константин Константинович, вел. кн. 17, 166, 322, 324, 329
Константин Николаевич, вел. кн. 42, 72, 89, 126, 135, 151, 153, 154, 180
Корелин А.П. 115, 117, 313
Коринец Ю.Ю. 21, 114
Коркунов (Korkunov) Н.М. 14, 45, 46, 48, 49, 110, 136, 137, 171, 186
Корнилов А.А. 130
Королева Н.Г. 235
Коростовец И.Я. 4
Корф М.А. 46, 51, 54, 135, 137, 140, 147, 187, 188, 191, 198, 208
Корф С.А. 50
Костин К.В. 11
Кострикова Е.Г. 204
Котов А.Э. 44, 284
Кочаков Б.М. 144
Кочубей В.С. 133
Краевский А.А. 273
Кралечкин Д. 11
Красовский М.В. 298
Кревельд М. 21
Кривошеин А.В. 66, 114, 317
Кривошеин А.К. 117, 219, 293
Кривошеина Е.Г. 317
Кривский П.А. 5
Кристи Г.И. 296, 308
Кристи (Трубецкая) М.Н. 296
Кром М.М. 9, 24
Крыжановский (Kryzhanovskii) С.Е. 17, 121, 132, 167, 168, 214, 221–223, 257, 258, 315–317, 322, 326, 335, 336
Крылов В.М. 96
Крылов Н.А. 97
Крылов-Толстикович А.Н. 283
Кузнецов Ю. 21
Куликов С.В. 37, 46, 89, 94, 109, 112, 114, 120, 291
Куломзин А.А. 61, 193, 203
Куломзин А.Н. 17, 38, 61, 70, 75, 86, 90, 91, 104, 121, 129, 162, 170, 188, 192, 193, 195–200, 202–204, 210, 220, 224, 225, 241, 272, 300, 301, 336, 339
Куропаткин А.Н. 17, 86, 87, 93, 94, 97, 105, 119, 129, 130, 148, 166, 185, 203, 229, 292, 293, 300, 304, 305, 317
Кустарев А. 101
Кутлер Н.Н. 129, 130
Кутлер П.Н. 129
Кухтенков А.П. 23
Кушнарева И.В. 11, 24

Ладыженский А.А. 298
Лазарев А. 25
Лазаревский Н.И. 49, 170, 171
Ламздорф В.Н. 42, 71, 73, 74, 83, 84, 94, 114, 115, 118, 126, 157, 161, 163, 164, 189, 190, 203, 283
Ле Гофф Ж. 8, 10, 13
Лебедев С.К. 89
Левин М.Б. 6
Левина М.И. 22, 229
Левинсон К.А. 19, 23
Левшин В.Б. 338
Ленуар Р. 11
Леонов М.М. 301
Леонтьев К.Н. 36, 43, 44, 184, 287, 294, 343
Лерхе Г.Г. 131
Либрович С.Ф. 38, 129
Ливен (Lieven) Д. 13
Ливен А.П. 321
Лигин В.Н. 89
Лизунов П.В. 171
Ликург 258
Литвинов Я.В. 177
Лихоманов А.В. 132
Лобанов-Ростовский А.Б. 230
Лозина-Лозинский М.А. 53, 256
Лопухин А.А. 98, 228, 297, 318
Лопухин В.Б. 17, 108, 109, 113–115, 120–123, 127, 165, 167, 175, 176, 206, 309, 334, 337
Лорис-Меликов М.Т. 4, 6, 41, 42, 66, 72, 74, 80, 96, 103, 155, 172, 182, 221, 314, 316
Лувуа Ф.М. 93
Луи Филипп 33
Лукоянов И.В. 6, 65, 89, 119
Львов А.Н. 17, 220, 221
Львов Г.Е. 325
Львов Н.Н. 17, 307, 308
Лыщинский-Троекуров В.А. 167
Любимов Д.Н. 17, 38, 98, 105, 121, 150, 155, 178, 214, 215, 222, 277–279, 287, 297, 312, 314, 319, 322
Любимов Н.А. 17, 37, 42, 158, 159, 179, 211, 273, 284–287
Любощинский М.Н. 266, 298
Людовик IX Святой 122
Людовик XIV 7, 23, 42, 90, 93
Людовик XVI 271

Магун А.В. 19
Майков А.Н. 42
Макарова О.Е. 37
Макеев А. 21
Маккенни Р. 24
Маков Л.С. 211
Малахов Ю.А. 26
Малеванов Н.А. 96
Малышев К.И. 171
Мамонов А.В. 72
Манасеин Н.А. 62, 63, 156, 172, 183, 217, 226, 238, 259–261, 264, 268, 269, 270
Манов Ф. 23
Мансуров Б.П. 63, 143, 153, 163, 263
Мансуров Н.П. 143, 211
Мансуров П.Б. 17, 30, 38
Марасинова Е.Н. 19

Марей А.В. 19
Мария Федоровна, имп. 41, 51, 69, 76, 83, 84, 86, 87, 94
Марков М. 12
Марков П.А. 177
Маркс К. 20
Маркус Ф.М. 241
Мартенс Ф.Ф. 160, 161
Матешук А.В. 22
Матлин Д.К. 78
Медушевский А.Н. 22
Мейендорф А.Ф. 94
Меликов Л.И. 153
Мельвиль А.Ю. 12, 245
Мельгунов С.П. 17, 318
Менделеев Д.И. 108, 113, 143
Менделеев П.П. 17, 157, 191, 197, 199–201, 222, 297
Мережковский Д.С. 20
Мещанинов И.В. 17, 91, 94, 217, 220, 224, 226, 261
Мещерский В.П. 6, 17, 42, 62, 96, 97, 98, 99, 119, 124–126, 132, 135, 153, 183, 190, 212, 225, 227, 239, 260, 274, 279, 283, 284, 285, 290–295, 301, 315, 321, 334, 335
Миллер А.И. 19
Мильнер Б.З. 12
Милюков П.Н. 324, 325
Милютин Д.А. 4, 17, 57, 212, 284, 302, 332
Милютин Н.А. 232
Минцлов С.Р. 230, 279
Мироненко С.В. 43
Миронов Б.Н. 106, 115, 120, 207
Михаил Александрович, вел. кн. 328, 329
Михаил Михайлович, вел. кн. 71
Михаил Николаевич вел. кн. 40, 48, 72, 87, 91–93, 136, 137, 143, 147, 151–154, 159, 161, 162, 166, 172, 174, 178, 179, 237, 263–266, 269, 273, 288, 289, 291
Михаил Павлович, вел. кн. 171
Могилевский К.И. 316
Монтескье Ш.Л. 6
Мордвинов Н.Л. 38
Мордвинов Н.С. 233
Мориер Р. 64
Мосолов А.А. 85
Мосс (Mosse) В. 13, 14
Муравьев М.Н. 5
Муравьев Н.В. 17, 60, 85, 96, 97, 117, 121, 135, 136, 156, 162, 166, 172, 175, 178, 217, 300, 318, 327, 328
Мусин-Пушкин В.В. 303
Муханов А.А. 308

Набоков В.Д. 17, 167, 297
Набоков Д.Н. 125, 129, 152, 182, 212, 220, 261, 284, 288, 289, 297
Наполеон I Бонапарт 271
Нарышкин А.А. 17, 301, 323
Нарышкина А.Н. 97
Нахимов П.С. 122
Немешаев К.С. 134
Нессельроде К.В. 169, 170
Нестеренко А.Н. 12
Никитин Ф.П. 298
Николаев П.Н. 135, 215, 263
Николаи А.П. 140, 147, 149, 261, 262, 264, 268, 273, 284
Николай I 4, 8, 13, 45, 51, 75, 99, 106, 137, 140, 153, 208, 336, 337
Николай II 25, 30, 42, 43, 48, 59, 65, 66, 70, 71, 75–77, 81–83, 85, 86, 87, 89, 90, 92–94, 96, 97, 109, 116, 134, 139, 142, 162, 165, 183, 188, 189, 202–204, 228, 235, 296, 298, 299, 310, 313, 320, 326, 329
Николай Михайлович, вел. кн. 84, 85
Никольский А.П. 334, 335
Новгородцев П.И. 28, 29, 279
Новиков А.И. 294
Новикова (Киреева) О.А. 97
Новосельский С.С. 70
Нольде А.Э. 28
Нольде Б.Э. 130
Нольде Э.Ю. 195, 197, 270, 328
Норт Д. 12, 13

Оболенская (Апраксина) А.А. 84
Оболенские 301
Оболенский А.Д. 17, 32, 38, 118, 133, 274, 277, 297, 304, 311
Оболенский В.А. 130
Оболенский В.С. 84
Оболенский И.М. 298
Оболенский Н.Д. 85, 134
Обручев Н.Н. 118
Озеров И.Х. 276
Озерова Е.С. 84
Окунева И. 206
Олейников А.А. 19
Олсуфьев А.В. 17, 323
Оржевский П.В. 213, 225, 305
Орлов В.Н. 85, 316
Орлова Г.А. 10, 196
Орловский (Orlovsky) Д. 15, 113
Осипов И.Д. 57
Остен-Сакен Н.Д. 228
Остен-Сакен Ф.Р. 4, 17, 78, 305
Островский А.Н. 184,
Островский М.Н. 17, 64, 71, 72, 74, 75, 88, 91, 95, 103, 104, 114, 119, 127, 142, 153, 155, 156, 158, 159, 184, 209, 211, 213, 238, 259, 260, 261, 263, 264, 265, 268, 284, 288, 289, 290, 291
Офертас С.Ч. 11

Павел Александрович, вел. кн. 43
Павлов Д.Б. 26
Павлов Н.А. 321
Пазухин А.Д. 17, 37, 183, 213, 221, 226, 238, 258–260, 263, 266, 274, 284, 286, 298
Паламарчук А.А. 26
Пален К.И. 160, 161
Пантина Л.Ю. 343
Пасхалов К.Н. 26, 29, 30
Патрушева Н.Г. 313
Перегудова З.И. 43
Перетц Е.А. 17, 42, 72, 89, 93, 103, 114, 126, 144–146, 153, 162, 169, 171, 173, 180,

181, 211, 222, 242, 261, 262
Перлов А.М. 23
Перцев А.В. 114
Петерс К.К. 241
Петр I 33, 38, 54, 106, 238
Петренко Е.Л. 11
Петров А.Ю. 343
Петров Н.С. 63
Петров Ф.А. 108
Петровский С.А. 295
Петрункевич И.И. 274, 309, 338
Петрункевичи 297
Пильщиков И.А. 9
Пинскер Б.С. 235
Писарькова Л.Ф. 13, 56, 136
Пихно Д.И. 17, 137, 279, 293–295
Планкетт Р. 6
Платонов С.Ф. 98, 188, 231, 312
Платонова К.М. 40
Плеве (Plehve) В.К. 8, 16, 17, 30, 33, 34, 38, 54, 56, 66, 76, 85, 93, 97, 98, 104, 105, 121, 138, 142, 156, 167, 172, 174–176, 178, 185, 188, 202, 204, 205, 213–215, 219, 227–229, 231, 257, 260, 262, 263, 270, 276–279, 287, 291, 293–296, 303–319, 325, 335
Плеске Э.Д. 339
Плотников И.В. 135
Победоносцев К.П. 5, 6, 17, 28, 41–44, 48, 55, 59, 60, 63–68, 70, 72–75, 79, 80, 82, 88–92, 95, 96, 103, 114, 117, 122, 126, 127, 129, 138, 140, 147, 154–156, 158–163, 165, 166, 179, 181–186, 189, 190, 204, 213, 221, 226, 235, 237, 238, 239, 242, 247, 259, 261, 264, 265, 268, 271, 273, 274, 281, 284, 287–289, 292–294, 299, 300, 317, 321, 327, 328, 330, 337, 343
Погожев А.В. 314
Погожев В.П. 6, 171
Погребняк А.А. 100
Покровский Н.Н. 17, 94, 118, 145, 168, 171, 177, 191, 192, 196, 197, 199–201, 218, 236, 241, 336, 339
Половцов А.А. 16, 17, 39–43, 47–49, 51–53, 55, 56, 61, 63–66, 70–73, 76, 78, 80, 82, 87, 88, 90–93, 95, 103, 104, 114, 116, 118, 119, 122–127, 129, 135–137, 139, 145–150, 152, 154, 155, 156, 158–165, 169, 171–175, 178, 179, 181, 183–186, 195, 200, 202, 203, 206, 213, 216, 218, 219, 222, 226, 227, 234, 235, 237, 238, 241, 242, 247, 256, 261–264, 266–272, 274, 283–291, 301, 316, 337, 339
Половцов Л.В. 131
Полонская И. 25
Полунов А.Ю. 43, 95, 127
Полыковская В.П. 105
Пономарева Г.М. 313
Посников А.С. 279
Потресов А.Н. 130
Правилова Е.А. 243
Пребстинг Г.Ф. 241
Пресняков А.Е. 99
Проппер С.М. 295
Протасов-Бахметев Н.А. 114, 117
Прудникова Е.А. 23
Прудовский И.И. 22
Пупо Ф. 11
Пуришкевич В.М. 48
Путилов А.С. 17, 156, 157, 169, 209, 210, 231

Раев (Raeff) М. 13, 70, 110
Раевский Н.Н. 312
Раскин Д.И. 14, 192
Расков Д.Е. 12, 100
Раскова А. 12
Рашин А.Г. 281
Редигер А.Ф. 119, 123, 204
Рейтблат А.И. 282
Рейтерн (Reutern) М.Х. 47, 169, 189, 190, 199, 202, 210, 242
Рейтерн-Нолькен В.Г. 210
Рейфилд Д. 37
Ремнев А.В. 15, 16, 127, 165, 170, 202–204
Репин И.Е. 150, 215
Репников А.В. 29
Рибер А. 13
Ривьер М.К. 11
Риттих А.А. 305
Рихтер А.А. 135
Рихтер О.Б. 77, 82–84, 86, 328, 341
Роббинс (Robbins) Р. 335, 338
Робеспьер М. 271
Родионов Ю.Д. 298
Розанваллон П. 9
Розанов В.В. 54, 90, 218, 343
Розанов И.В. 11
Розенберг У. 9
Розенталь И.С. 43
Романов В.Ф. 46, 54, 55, 114, 305
Романов И.Ф. (Рцы) 7, 8, 55, 122, 218
Ромашенко Ф.А. 211
Роскина Н.А. 37
Ростовцев Я.Н. 280
Ротштейн Ф.А. 74
Роуни (Rowney) Д.К. 14, 106
Рубакин Н.А. 107–109, 140–142, 282
Ружицкая И.В. 51, 54
Рукавишников В.И. 167
Рукавишников И.В. 167
Руманов А.В. 17, 295
Румянцева М.Ф. 46
Рухлов С.В. 178

Саблер В.К. 221
Сабуров А.А. 239, 241, 307
Савельев А.А. 17
Савельев В.В. 298
Савина М.Г. 135
Сагинадзе Э.О. 295
Сает Л.Я. 119
Сазанов А.В. 157
Сазонов Е.С. 317
Самарин Ф.Д. 17, 30, 34, 35, 36, 301, 302, 305
Самарин Ю.Ф. 34
Самарина А.Н. 302
Самарская Е.А. 10
Святополк-Мирская Е.А. 17, 92, 293, 319–

321, 325–329
Святополк-Мирский П.Д. 38, 43, 67, 86, 92, 134, 189, 293, 298, 318, 319, 320–322, 325–330, 332, 333
Сдвижков Д.А. 19
Севастьянов Ф.Л. 13
Северская Г.М. 11
Селифонтов Н.Н. 162
Семевский М.И. 17, 211, 212, 220
Сенеляр М. 22
Сергеев И. 12
Сегеевский Н.Д. 87
Сергей Александрович, вел. кн. 30, 85–89, 126, 135, 172, 188, 189, 204, 313, 328, 329
Сергиевский Н.Д. 171
Серегина А.Ю. 100
Середонин С.М. 14
Симанский П.Н. 17, 79
Симонова М.С. 227, 277, 279
Сипягин Д.С. 66, 76, 85, 86, 94, 99, 100, 119, 204, 214, 219, 220, 222, 227, 235, 257, 276, 292, 298, 303, 305
Сипягины 97
Скальковский А.А. 221
Скальковский К.А. 8, 53, 55, 56, 117, 144, 145, 147, 179, 209, 211, 280, 284, 286, 294
Скиннер К. 19, 20, 21, 24
Скуратов Б.М. 11, 101, 206
Слиозберг Г.Б. 234
Смагина Е.В. 100
Собко Е.М. 15, 111, 114, 141, 144, 247
Соколов Н.П. 71
Соловьев В.С. 230, 332
Соловьев К.А. 9, 20, 27, 54, 57, 70, 94, 130, 131, 150, 157, 279, 299
Соловьев Ю.Б. 99, 235, 292
Соловьев Я.Ю. 74
Солон 169, 258
Сольский Д.М. 48, 52, 62, 63, 76, 103, 119, 125, 126, 135, 136, 142, 143, 145, 155, 157, 169, 182, 202, 236, 262, 263, 297, 327, 328, 339, 340
Сомов А.Н. 225
Сперанский М.М. 34, 48, 50, 51, 54, 55, 125, 147, 155, 176
Станкевич А.В. 67, 332
Старицкий Е.П. 62, 72, 142, 156, 237, 263, 265, 268
Старосельский В.А. 131
Стахович А.А. 17, 319
Стахович Мария А. 310
Стахович Михаил А. 304, 306, 307, 310
Степанов В.Л. 74, 142, 190, 202, 216, 293
Степанский А.Д. 71
Степун Ф.А. 229
Стишинский А.С. 38, 214, 334
Стогов Д.И. 301
Столыпин П.А. 70, 337, 343
Стояновский Н.И. 16, 156, 160, 237
Строганов С.Г. 96
Струве П.Б. 57, 59, 130, 307, 308, 319, 324, 325
Струков А.П. 303
Стюрлер А.Н. 152, 153
Суворин А.С. 17, 36, 37, 42, 118, 126, 185, 215, 216, 218, 219, 291, 294, 295, 316–319
Суслов Н.В. 21
Сыромятников С.Н. 34

Таганцев Н.С. 258, 270, 298, 301
Тарасенков О.Д. 23
Тарасенкова Л.Д. 23
Татищев С.С. 71
Твардовская В.А. 44, 183, 286
Тесля А.А. 39
Тимашев А.Е. 178, 211
Тимашев С.И. 17, 232–234
Тимофеева К.Г. 24
Тихомиров Л.А. 17, 27, 33, 44, 301, 317, 318, 323, 329
Толстая Л.И. 85
Толстой Д.А. 6, 17, 37, 42, 44, 61, 62, 63, 64, 79, 89, 95, 126, 141, 142, 149, 153, 154, 156, 157, 158, 159, 165, 172, 173, 181–183, 184, 190, 204, 211–214, 221, 225, 226, 234, 237, 238, 256, 258, 259, 260–262, 263, 264–266, 267, 269, 270, 272, 274, 283, 284, 286, 287, 291, 292, 293, 294, 298–300, 337
Толстой И.И. 17, 85, 92–94, 128, 207, 208, 209
Толстой Л.Н. 18, 229, 320, 321
Толстой С.Л. 320, 321
Толь С.А. 133, 328
Торке (Torke) Г. 13, 110
Травин В.И. 96
Трепов А.Ф. 178
Трепов Д.Ф. 83, 85, 134, 135, 297, 324
Трубецкая М.Н. 296
Трубецкая О.Н. 17, 297, 320, 323, 324, 327
Трубецкой Е.Н. 28, 320, 323
Трубецкой П.Н. 99, 275, 296, 303, 313, 322
Трубецкой С.Н. 320
Трубникова Н.В. 8–10
Туган-Барановский М.И. 297
Туманова (Tumanova) А.С. 29, 296
Тучков П.А. 135
Тхоржевский И.И. 17, 121, 186, 195–197, 216
Тхоржевский С.С. 121
Тыркова А.В. 17, 324, 325

Узланер Д. 12
Уоллис Дж. 12
Уортман Р.С. 9, 13, 25, 119
Урусов С.Д. 130, 219, 223

Фабрицкий С.С. 81
Фадеев Р.А. 295
Фарафонова Д.С. 100
Федоров Д.А. 7, 218
Федоров С.Е. 26
Федотов Г.П. 54
Феоктистов Е.М. 7, 17, 38, 39, 41, 43, 73, 75, 80, 86, 118, 119, 126, 158, 159, 179, 181–183, 210, 211, 213, 225, 242, 258–261, 270, 273, 284, 285, 287, 291–296

Фетисенко О.Л. 44, 184, 343
Филиппов Т.И. 44, 95, 117, 147, 158, 184, 287, 290, 292, 293, 294, 343
Филиппова Н.В. 158, 338
Философов Д.А. 134, 169, 178(А.Д.), ЭТО ОПЕЧАТКА, НУЖНО: Д.А. 303, 304
Филофей, митроп. 158
Фокин С.Л. 11
Фоллоуз Т. 14
Фредерикс В.Б. 43, 85, 91, 94, 135
Фрейд З. 20
Фридрих Вильгельм I 114
Фриш Э.В. 38, 48, 53, 197, 258, 262, 327, 328
Фуко М. 10, 11, 20–23, 26, 206, 342
Фукуяма Ф. 6

Хабермас Ю. 11, 280
Хайлова Н.Б. 5, 219
Харитонов П.А. 178, 303, 304
Хартман М. 246
Хархордин О.В. 23
Хвостов А.Н. 293
Хвостов В.М. 74
Хвостов Н.А. 98, 301
Хеллер Г. 246
Хешнелл Н. 26
Хилков М.И. 203, 224, 297
Хобсбаум Э. 107
Ходский Л.В. 280
Хомяков Д.А. 26, 30, 32, 99, 294
Хомяков Н.А. 28, 131, 298
Хоруженков А.А. 77
Хоскинг Дж. 343
Христофоров И.А. 56, 67
Хрусталев В.М. 43

Царук Л.Л. 26
Цимбаев Н.И. 30, 32

Челноков М.В. 17, 27, 105, 308, 310, 311, 317
Челнокова Е.К. 27, 308, 310
Черевин П.А. 82, 84, 85, 118, 172
Черникова Н.В. 6, 290, 291
Чернуха В.Г. 68, 184, 185
Чинизелли С. 167
Чиркова Е.А. 76
Чихачев Н.М. 70, 115, 117, 145, 163
Чичерин Б.Н. 5, 26, 57, 67, 69, 74, 302, 303, 332
Чубаров И.М. 24
Чупров А.И. 278, 324

Шампань П. 11
Шамшин Г.И. 168, 169
Шарапов С.Ф. 17, 31, 32, 44, 185
Шаховской Д.И. 18, 26, 58, 306, 322
Шаховской М.Н. 298
Шванебах П.Х. 280, 301
Швейниц Г.Л. 68, 246, 247, 286
Шелохаев В.В. 9, 38, 48, 59, 131
Шелохаев С.В. 27, 317
Шепелев Л.Е. 13, 129, 205, 206, 275
Шервашидзе Г.Д. 86
Шереметев В.А. 84
Шереметев П.С. 26, 33, 34, 298, 303
Шереметев С.Д. 18, 72, 84–86, 175, 231, 235, 321
Шереметева (Строганова) Е.Г. 84
Шершеневич Г.Ф. 52
Шестаков А.В. 11, 21,
Шестаков И.А. 17, 48, 52, 73, 88, 89, 95, 127, 155, 195, 211, 262, 263, 272, 281, 283, 287, 291
Шеффле А. 281
Шидловский С.И. 131
Шилов Д.Н. 15, 37, 94, 109
Шипов Д.Н. 18, 27, 29, 30, 36, 43, 105, 302, 305–308, 310–312, 317, 320, 328
Шипов И.П. 196
Ширле И. 19
Шмитт К. 21, 23, 24, 33, 100–102, 246
Шор Т.К. 313
Шохин Л.И. 72, 231, 321
Шпенглер О. 114
Штиглиц А.Л. 171
Штиглицы 171
Штюрмер Б.В. 76, 86, 133, 295, 298, 309, 310, 320, 321
Шувалов П.А. 52, 126, 182, 213
Шувалов П.П. 5
Шумахер А.Д. 241
Шурбелев А.П. 21

Щеглов В.Г. 14,
Щетинина Г.И. 159

Элиас Н. 23, 25
Эммонс (Emmons) Т. 338
Эрибон Д. 11
Эртель М. 97

Яковлев А. 23
Ямпольский М.Б. 21, 100
Янжул И.И. 17, 18, 278, 279, 314, 324
Яснопольский Н.П. 340

Bryce J. 279
Dicey A.V. 279
Judge E.H. 317
Kipp J.W. 47
Lincoln B.W. 47
Pearson T.S. 106
Pintner W.M. 106
Starr F.S. 106
Sternheimer S. 271
Verner A.W. 271
Weissman N.B. 106, 230

Научное издание

Соловьев Кирилл Андреевич

Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *Е. А. Кочанова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *Т. Г. Суворова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 0.0.2018.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 22.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)